

Администрация МО ГО "Сыктывкар"
Управление культуры администрации МО ГО
"Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести

Рассказы

Стихи

Очерки

Статьи

Сыктывкар
Коми книжное издательство
2008

84 (2Рос=Рус) 6

С 95

**Проект доктора филологических наук
Владимира Николаевича Демина**

**С 95 СЫКТЫВКАР: Литературный альманах / Составитель А.В. Канев. –
Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2008. – 320 с.**

ISBN 5-7555-0788-0

84 (2Рос=Рус) 6

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

Виктор Шевцов
Альберт Бернштейн
Галина Нечаева
Виктор Демидов
Андрей Канев
Алексей Иевлев
Митрофан Курочкин
Вениамин Полешиков
Александр Ульянов
Иван Белых
Андрей Попов

***Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта
Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар» и лично
главу администрации МО ГО «Сыктывкар» Романа Валерьевича
Зенищева.***

ISBN 5-7555-0788-0

© А.В. Канев, составление, 2008
© Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар», 2008
© Коми книжное издательство, 2008

Оглавление

ПИСАТЕЛЬСКОЕ СЛОВО, ДОСТУПНОЕ НАРОДУ	5
Надежда МИРОШНИЧНКО	7
УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО	7
Владимир СИЛКИН	8
Валентин ГРИНЕР	9
СИНДРОМ ОТМЕНЫ	9
Александр КЛЕЙН	22
ДВА БРАТА	22
Марина СТРУКОВА	22
МОЛИТВА ЧЕЧЕНКИ	22
Александр ЛОБАНОВ	24
ЛЕТО	24
Алексей ИЕВЛЕВ	33
Николай ЩУКИН	35
ЛЕБЕДИ	35
Юрий ИОНОВ	36
Алена ЕЛЬЦОВА	37
Анжелика ЕЛФИМОВА	38
ВСЁ ПЕРЕМЕЛЕТСЯ	38
Тамара ЛОМБИНА	39
И БЫЛ МНЕ СОН	39
Игорь ВАВИЛОВ	41
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	41
Владимир ЦИВУНИН	42
Подкрашены губки, подвязан платок,	42
Прекрасный, никому не нужный	42
Такая гроза громыхает –	42
Александр СУВОРОВ	43
ВЕЧЕРНЯЯ	43
Владимир ТИМИН	44
Александр УЛЬЯНОВ	45
КРУГ ЗА КРУГОМ	45
Валерий ВЬЮХИН	58
Владимир ПОДЛУЗСКИЙ	59
Нина ОБРЕЗКОВА	61
Андрей КАНЕВ	62
БЕЖЕНЦЫ	62
Анатолий ИЛЛАРИОНОВ	68
Алексей ИЕВЛЕВ	69
ЗОЛОТО РЫЖИХ БАРОНОВ	69
Сергей ЖУРАВЛЁВ	70
Я видел в зеркале	70
Мглу разрывал сухотный хрип	70
Ползла поземкою огня	70
Но храм познания вины	70
Я видел: в зеркале судьбы	70

Слово унынья... Зачем	71
Слово унынья... Зачем	71
Слово унынья... Зачем	71
Год за годом, презирая прах	71
В перехлестах панцирных заплат	71
Но подкожной завистью болит	71
Татьяна БАРЫШЕВА	71
И Я ПРОЩАЮ ТЕБЯ...	71
Андрей ПОПОВ	72
Анатолий ВОТЯКОВ	73
Михаил ГЕРЦМАН	74
СЧАСТЬЕ С ОТТЕНКОМ ОТЧАЯНЬЯ	74
Евгений ГОРЧАКОВ	75
Виктор ДЕМИДОВ	77
Олег РОЧЕВ	78
Дмитрий БЕЗГОДОВ	79
Андрей ПОПОВ	81
ЕЩЁ ОДНО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	81
Андрей КАНЕВ	82
Мария КУЗЬМИНА	84
ОДНАЖДЫ ПРИХОДИТ ОСЕНЬ	84
Евгений СУВОРОВ	88
Алексей ИЕВЛЕВ	89
ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ КОМБИНАТА «ВОРКУТАУГОЛЬ»	89
(очерк)	89
Наталья ЗОНОВА	90
Людмила ЧЕБЫКИНА	91
МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ	91
(рассказ)	91
Людмила ХАНАЕВА	92
Татьяна АСАФЬЕВА	93
Иван БЕЛЫХ	93
ВКУСНЫЙ ЯЧМЕННЫЙ КАРАВАЙ	93
(рассказ)	93
Маргарита ПРИЛУЦКАЯ	94
Лев МАХЛАЕВ	96
ТАЙМЫРСКАЯ АРКТИКА	96
(отрывок из документальной повести)	96
Нина НИКОЛАЕВА	106
Николай ЮШКИН	107
Екатерина ФИЛИПЧЕНКО	108
Игорь ХУДОЛЕЙ	108
Раиса КУКЛИНА	110
О ФРАГМЕНТАХ ПЬЕСЫ П.Г. ДОРОНИНА О КУРАТОВЕ	110
Николай ГЕРАСИМОВ	112
Митрофан КУРОЧКИН	112
Тамара КУРОЧКИНА	113
Ирина ВЕЛИЧКО	114
КАТИТСЯ ЛЕТО	114
(повесть в диалогах)	114
Алексей КАРПОВ	131

Алексей ВУРДОВ	131
СРЕДА ОБИТАНИЯ.....	131
ЛОСИХА С ЛОСЁНКОМ И МЕДВЕДЬ	131
(рассказ)	131
Алёна СКУЛЬСКАЯ.....	134
Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ	135
Александр ПАРНАЧЕВ.....	137
ВЫСТРЕЛ ЭКСТРА КЛАССА.....	137
(рассказ)	137
Валентин ОХАПКИН	138
Виктор ДЕМИДОВ	140
<i>К 120-летию со дня рождения Виктора Савина.....</i>	140
КОЛЮЧИЕ ЗВЁЗДЫ АДАКА.....	140
(повесть).....	140
Владимир ОЛОФИНСКИЙ.....	146
Николай СУРКОВ.....	147
ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА	147
Николай ДОРОНИН	149
БЕЗ ОТЦА.....	149
(рассказ)	149
Анатолий ПОПОВ	151
"ОСВОБОЖДЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ..."	151
ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА №... НА ЗАКЛЮЧЁННОГО САВИНА В.А.	151
Елена КЕПЛИН	154
Владимир УСТЮГОВ	155
Максим САМАРИН.....	155
Анастасия ТАТАРИНОВА.....	156
Ольга СКРЯБИНА	156
Татьяна РИВЧАК	156
Нина ПУНДИКОВА	156
Наталья СТАРЦЕВА.....	157
СБЕРЕЧЬ.....	157
(рассказ)	157

ПИСАТЕЛЬСКОЕ СЛОВО, ДОСТУПНОЕ НАРОДУ

Нынешний выпуск литературного альманаха «Сыктывкар», совпадает с важными политическими событиями в нашей стране, с выборами Президента России. Хочется отметить, что ежегодно это литературно-художественное издание выходит в свет с 1994 года, с 2000 под названием «Сыктывкар». На его страницах нашли отражение своего творчества многие авторы, как столицы республики, так и её районов и городов. Сыктывкар всегда славился своими талантливыми людьми... Не последнее место в культурной жизни города занимало и занимает литературное творчество, которое реалистично отражало и отражает нашу сегодняшнюю жизнь.

Потребность в появлении литературного сборника, который стал бы трибуной для пишущих талантливых поэтов и писателей разного возраста в нашем многонациональном городе, республике диктовалась требованием самой жизни.

В 1994 году город Сыктывкар отмечал 620-летие коми («Стефановской») письменности и в связи с этим в свет выходит первый литературно-художественный сборник, посвященный этому

юбилею - «Звезда забытого завета». Сборник стихов «Звезда забытого завета» настолько быстро разошелся среди любителей поэзии, что в том же 1994 году возникла потребность в издании еще одного сборника. В том же 1994 г. выходит новый сборник, но уже рассказов - «Авария», в котором впервые был напечатан рассказ В. Журавлева-Печерского «Выхожу на связь» - рукопись на которой остановилась рука писателя. Впоследствии рассказ доработал и подготовил к изданию сын писателя С. Журавлев.

Оба издания «Звезда забытого завета» и «Авария» были выпущены при финансовой помощи администрации города Сыктывкара и редакции газеты «Вечерний Сыктывкар».

В связи с тем, что сборники вызвали большой интерес, как у читателей, так и у начинающих и маститых поэтов, писателей, журналистов, руководителей администрации города и Управления культуры, с 1995 года администрация города и управление культуры стали учредителями последующих ежегодных изданий.

С 1994 года бессменным редактором-составителем и вдохновителем выхода в свет городских литературных альманахов стал писатель Андрей Валерьевич Канев. Но его усилия были бы бесполезны, если бы он не находил понимание и финансовую поддержку своего проекта у главы администрации МО ГО «Сыктывкар» Р.В. Зеницева и начальника управления культуры МО ГО «Сыктывкар» Г.П. Нечаевой.

Каждый сборник, который составлялся с любовью редакционной коллегией, членами которой являются литераторы М.И. Курочкин и А.А. Иевлев, И.И. Белых и А.В. Ульянов, А.Е. Бернштейн и В.А. Шевцов, А.А. Попов, В.М. Полещиков и В. И. Демидов, имел свое название: "Звезда забытого завета" (1994), "Авария" (1994), "На изломе" (1995), "Берега" (1996), "Открытая дверь" (1997), "Выбор" (1999). С 2000 года с легкой руки доктора филологических наук, профессора В.Н. Демина, сборники стали называться: литературный альманах "Сыктывкар" (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007). В настоящее время подготовлен и запущен в печать очередной альманах "Сыктывкар" (2009).

В городских альманахах впервые увидели свет пьесы драматургов Л.Б. Терентьевой, С.В. Журавлева, И.Н. Величко и других. В нем печатали свои стихи такие известные в республике и за ее пределами поэты как С. Попов, О. Чупров, А. Алшутков, А. Ванеев, А. Клейн, В. Тимин, В. Вьюхин, В. Кушманов, А. Иевлев, Г. Спичак, А. Расторгуев, А. Суворов, В. Демидов, В. Кушнир, Н. Тюрнин, А. Попов, А. Калимов, прозаики В. Напалков, А. Ульянов, И. Белых, В. Блинов, Т. Ломбина, Е. Габова, В. Сумароков и другие. С каждым выпуском увеличивается количество авторов, желающих показать свое творчество на страницах ежегодного альманаха. В последние годы он стал настоящей трибуной для молодых, пробующих себя в литературе.

И с каждым выпуском альманах приобретал все более весомое значение для развития литературного процесса в г. Сыктывкаре и Республике Коми. О чем говорят многочисленные отклики о нем в республиканских печатных средствах массовой информации. В этих книгах впервые вышли в свет произведения около двухсот авторов, как молодых, так и известных в республике.

Литературный альманах «Сыктывкар» зарекомендовал себя как интересное неординарное издание. На его страницах нашли «свою нишу» такие литературные объединения как «ЛИСТ» (СВПК № 1 им. А.И. Куратова) и «У комелька» (Эжва), а теперь и литературное объединение Сыктывкарского государственного университета.

В нем печаталась публицистика, критика, литературоведение и краеведение таких известных в республике ученых, как доктора филологических наук В. Демин, Л. Гурленова, А. Власов, доктор геолого-минералогических наук Н. Юшкин, кандидат педагогических наук Л. Гаврилина, кандидат искусствоведения А. Клейн, кандидат филологических наук М. Плеханова, кандидат исторических наук Н. Сурков, кандидат геолого-минералогических наук А. Иевлев, литературоведы Р. Куклина и О. Заявадинова, историки литературы В. Полещиков, А. Попов, М. Курочкин.

Непосредственное участие в составлении литературного альманаха «Сыктывкар» в 2007 году принял Союз писателей Республики Коми, произведения профессиональных писателей, стали неким ориентиром для молодых авторов. Недаром книга начинается с подборки стихов талантливого поэта Надежды Мирошниченко и прозы, живущего ныне в Новой Зеландии, Валентина Гринера.

Все литераторы, публикующие свои произведения в альманахе «Сыктывкар», разные по своим художественным устремлениям и вкусам. Но их вместе объединяет наша действительность, сходные социальные условия существования и сегодня, можно с полной уверенностью сказать, что альманах востребован читательской аудиторией, необходим писателям как «старого», так и нового поколений.

Галина НЕЧАЕВА,
заместитель главы администрации
МО ГО «Сыктывкар», начальник
управления культуры МО ГО «Сыктывкар»

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Валентину Распутину

Уроки французского! Темный заснеженный вечер.
И русская девушка в дальнем сибирском краю
Голодного мальчика учит изысканной речи,
Французской фонетике вместе со словом «люблю».

Он так одинок, этот мальчик, и так простодушен.
И очень талантлив, но очень, к тому же, строптив.
И как она хочет согреть его чистую душу,
Ее чистоты и доверия не замутив.

Учителке страшен далекий раскат канонады,
Москва затемненная и в похоронках село.
Но русский язык защищать тогда было не надо.
Все русскими были, и это к победе вело.

А юная девушка, странная, словно из книжки,
С своим «силь ву пле» и совсем простодушным «мерси»
Спустившейся с неба тому представлялась мальчишке.
Таких он не видел еще до сих пор на Руси.

Уроки французского – памяти сладкая дрема,
Где мирное небо, и солнце - ковригой большой.
Где три мушкетера, где радостно и невесомо.
А эта учителька – фея с прекрасной душой.

* * *

Анатолию Федулову

А нам бы с тобой по морям, по волнам,
По горным дорогам и снежным вершинам,
И по разбазаренным всем именам
Отправиться вместе светло и повинно.

На каждом шагу нас встречает любовь,
В цветущих садах ворожа соловьино,
Шумит голова и волнуется кровь,
И реки струятся, и плачут равнины.

Но вдруг, уколотившись сережкой ольхи,
Мы плачем навзрыд от того, дорогие,
Что это про нас те, чужие, стихи,
В которых про нас написали другие.

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

Ледяное пространство меня обуяло тоскою.
Этот Финский залив пробирается за горизонт.
Ледяное пространство! Да что это, право, такое:
То ли жизнь, то ли смерть, то ли явь, то ли бред, то ли сон?

Никогда не видала я дали безбрежней и строже.

На моря не ступала зимою в поре января.
Ледяное пространство, как зверь с голубиною кожей,
И пугает, и дразнит, и манит куда-то меня.

А ступи на порог, так уже никогда не вернешься.
Как в капканах, застынешь в колючих его гребешках.
Ледяное пространство, о как ты хрустально смеешься!
Мне бы молнии в руки да огненный жар в сапожках.

Я пошла бы тогда по зеркальным твоим коридорам,
По сверкающим бальным опальным твоим сквознякам.
Этот Финский залив, я мечтала всегда о котором,
Он приблизил меня к уходящим за время векам.

Владимир СИЛКИН

РУССКОЕ ПОЛЕ

Кто-то сглазил тебя, обездолил,
И царевич твой сбился с пути.
Хлеборобное русское поле,
Как же вышло, что ты не в чести?

Только лешие бродят по свету,
Только ведьмы по сёлам живут.
Поле-полюшко, долго же нету
Человечьего голоса тут.

Кучут сонные совы в низинах,
Над стернёю кричит вороньё,
И клюёт у прогнивших овинов
Золотистое жито твоё.

Одичавшая наша рыжуха!
Крикнет Ванька и сгинет напасть.
Слышь-ка, ржёт до отчаянья глухо,
Сивка-Бурка, домой торопясь.

ОСЕННИЕ ВЕТРЫ

В полях российских ветры не унять:
Скулят себе, в ночи по-волчьи воют.
И трудно заунывное понять
Их ветренное пенье вековое.

О чём они, слетевшие с небес,
Зачем они под сень забытых кладбищ,
Какой у них житейский интерес
В местах исконных деревенских пастбищ?

В глухой ночи уставшие скулить,
Летят они в заброшенные кущи,
Как странники, в печали и в пыли,
Несут свои измученные души.

Я слышу их глухие голоса,
Я вижу их натруженные спины...
Приходит утро, и блестит роса,
И перещёлк стихает соловьиный.

Изменчив мир, приемлющий рассвет.
Какое солнце поливает пашни!
И ветра нет. На свете ветра нет,
А есть лишь вздохи тягостные наши.

ОСЕНЬ В РЯЖСКЕ

Спелые ветры поют
И затихают во гневе.
Белые тучи – на юг,
Черные тучи – на север.

Милая, я не клянусь
В благополучном исходе.
Это же дикая грусть,
Это бывает в природе.

Только сейчас не спеши
С неба обрушиться снегом.
Близость родимой души,
Невыразимая нега.

Дай мне продлить этот миг,
Преподнесённый судьбою.
В думах тревожных твоих
Я же чего-то да стою.

Если же всё-таки нет,
То и на этом спасибо.
Льётся оранжевый свет
Неповторимо красиво.

Но улетучатся с ним
Тени промозглого сада.
Боже! О чём говорим?!
Больше об этом не надо!

Слушай, как ветры поют
И затихают во гневе.
Это же птицы – на юг,
Это же тучи – на север.

Валентин ГРИНЕР

СИНДРОМ ОТМЕНЫ

(повесть)

Сейчас я открою глаза и поднимусь. Подняться надо быстро, без раскачки, и бежать в ванную. Мятная паста отобьёт металлический привкус во рту, холодная вода на время уймёт боль в висках и затылке. Этого времени достаточно, чтобы одеться и сойти вниз. Там, внизу, спасение. Пять минут - и я почувствую себя здоровым, способным двигаться... Впрочем, куда двигаться? Зачем? Впереди пустота. У меня ничего нет. Нет прошлого, нет настоящего, нет будущего. Всё было. Теперь ничего нет. Жизнь кончена... Я - труп...

Я - Виктор Ладченко: мастер, прораб, главный инженер и начальник управления, главный инженер и генеральный директор комбината, наконец - руководитель отраслевого главка. Гигантские стройки Заполярья. Слава, почёт, в конце каждой пятилетки - орден. Четыре пятилетки - четыре ордена... Разговоры на всех уровнях о моей талантливости. Дифирамбы в газетах, даже в толстых журналах... Служебные командировки в Штаты и Канаду... На подписи в самой высокой инстанции Указ о моём назначении заместителем министра... Переезд в Москву (квартиру на юго-западе можно

сегодня, в центре - придётся немного подождать, пожить в гостинице. Подождём: Аля с Игорем поживут покамест на Севере...)

Сколько же времени ушло на дорогу от зелёного строительного мастера с новеньким дипломом до неподписанного Указа?.. Всего-навсего четыре пятилетки. Двадцать лет!.. Доски, гвозди, бетон, трубы, машины, бульдозеры, металлоконструкции, согласования, совещания, пленумы, летучки, планёрки, селекторы, морозы, снег, грязь, служебные интриги, командировки, поощрения, наказания, люди... Очень много людей: рабочие, бригадиры, прорабы, начальники участков, управлений, трестов, штабные инженеры, плановики, заказчики, подрядчики, проектировщики, министерские чиновники всех возрастов, рангов, степеней наглости... Симпатии, антипатии, женщины, семейные скандалы, любовь, ненависть...

Что и кто ещё?

Двадцать лет!..

А какой-то немощной бабule - божьему одуванчику - понадобилось несколько минут, чтобы на всём этом поставить крест. Такой тяжёлый крест, что нести его невозможно, будь у меня не одна человеческая, а сто тысяч лошадиных сил... Миллион!.. Целая электростанция! Крест неподъемный... Бабуля сказала: «За такие вещи, товарищи члены Комитета, надо не только исключать из партии и снимать с работы. Отдавать под суд надо, невзирая на лица и должности... Это же только подумать: руководитель высокого ранга организует подпольную, извините за выражение, бордель, развратничает, пьянствует, а затем устраивает пожар, чтобы замести следы... А вы собираетесь ограничиться партийным выговором и оставить его на прежней должности?! Это же натуральное кощунство!.. Вот когда я работала в Ленинграде с Сергеем Мироновичем Кировым...»

Когда ты работала, старенькая, тогда лаптем щи хлебали и мечтали о мировой революции. Теперь ты не работаешь, а только судишь работающих именем Высокого Комитета. И неужели ты заслужила право быть таким судьей потому только, что на заре великих мечтаний работала рядом с Кировым, который, говорят, тоже не отличался высокой нравственностью в отношении чужих жён?! Да, не отрицаю и каюсь - грешил. Но никаких пожаров не устраивал. А кто же, бабушка, сегодня в России не пьёт и не спит с любовницами? И какие дела без этого можно решить, хоть на уровне замыганного чиновника, хоть и на уровне Совета Министров?! Придёт на моё место другой или двадцатый, а что от этого изменится?..

Боже, какая пугающая невесомость во всём теле... Нижний буфет открывается в восемь. Интересно, сколько сейчас? Но как протянуть руку к тумбочке и разлепить глаза? Если протянуть и посмотреть на часы, если только пошевелиться - надо сразу бежать в ванную и лить на затылок холодную воду, иначе невесомость переместится в черепную коробку и я поплыву куда-то... Поплыву или стану проваливаться в бездну. И всё же: который час? А если окажется, что до восьми ещё далеко? А если только ещё шесть? Или, хуже того, четыре? Куда девать себя и время, пока откроется внизу? Видимо, в таких состояниях люди стреляются, лезут в петлю или выбрасываются с десятого этажа. Может быть, осталось в бутылке несколько глотков? Если бы осталось... Который день подряд приношу в номер бутылку «на утро». Я знаю, какой необходимой она будет утром, и всё же выпиваю её до утра. Просыпаюсь среди ночи и приканчиваю. Это уже стереотип. Вначале наливаю полстакана и говорю себе: вот оптимальная доза, которая приведёт в соответствие организм и позволит снова уснуть, отключиться. Но проходят какие-то минуты, и я начинаю понимать: половины стакана недостаточно, «не пробило». Наливаю ещё столько же - и пью залпом. Коньяк противен большими дозами, желудок не хочет его принимать, сопротивляется, стремится выдать обратно, но я насилую его и «тушу пожар» водой из горлышка гостиничного графина. Ничего не поделаешь: лекарство никогда не бывает вкусным. Но пить надо, если болен... Я болен... Это ясно... И как долго может продолжаться лечение? И чем оно кончится?..

Нет, Ладченко, всё будет нормально! Вторые полстакана, проглоченные с таким трудом, уже производят действие: становится хорошо, легко, прекрасно, как бывает, должно быть, сердечнику, когда после укола начинает постепенно уходить боль, а вместе с нею исчезают навязчивые мысли о неизбежной смерти. Вовремя подоспела «скорая». Один укольчик возвращает к жизни, к желанию думать о настоящем и будущем. Для меня вторые полстакана из бутылки «на утро» - это укол, расстояние между жизнью и смертью. Всё! Боль отступила! Я уже не покойник. Теперь можно посмотреть в зеркало и убедиться в полном своём благополучии...

Я поднимаюсь, подхожу к трюмо и застываю перед своим отображением, как перед выдающимся произведением искусства. Расчёсываю пятерней спутанные волосы, оголяю лоб, под которым спрятаны немалые знания, жизненный опыт, важные мысли. По воле какой-то заслуженной старухи у меня чуть не отобрали партийный билет. Лишили должности. Но никто в мире не способен лишить меня того, что спрятано в черепной коробке. И внешне голова моя смотрится вполне и вполне: седые виски, напряжённые челюсти, волевой подбородок, упругая шея. Я повожу шеей и чувствую силу. Напрягаю мышцы рук, торса, подбираю живот - гладиатор! Не каждый сорокапятилетний мужчина, долго и трудно озабоченный высокой должностью, способен сохранить такой физический комфорт...

Вторые полстакана расширили сосуды, сделали тело жизнеспособным, разворошили сознание. Теперь можно думать, принимать решения... Но почему я до сих пор ничего не решил? По какому праву третью неделю живу в этой знаменитой гостинице? Собственно говоря, кто я теперь, чтобы оставаться здесь? Двадцатилетней давности мальчишка, которому Высокий Комитет разрешил занимать должности не старше прораба.

Правда, даже в этом положении Юров предлагает трест в Сибири. Идёт он на это, понятно, из соображений пользы дела, а не из чувства старой дружбы. Я знаю этот сибирский трест, бывал на коллегиях министерства, слышал: за последние пять лет там сменилось три управляющих и столько же главных инженеров. Конечно, никакой технической политики, сплошной сумбур, наскоком его не возьмешь, потребуется время: месяцы, может быть, годы. Идти на такое гиблое место в моём положении равносильно самоубийству. Старые связи вряд ли можно использовать. Да и вряд ли они по-прежнему отнесутся ко мне. Опальный Ладченко! А ну как наверху узнают о нарушении постановления Высокого Комитета?! Не все ж такие храбрецы, как Юров... А почему всё-таки он не боится? Искренность дружеских чувств - отрицаю. Не тот случай. Значит, Генка заручился согласием министра, более того, выполняет поручение министра, которому жаль меня терять. Министр умный мужик. Он не та заслуженная бабуля, для которой главное покарать, не думая о пользе дела. Для министра главное - дело, а не какая-то морально-бытовая неустойчивость Ладченко с точки зрения ханжей. Поэтому министр поручил Юрову предложить мне сибирский трест. При этом наверняка сказал Геннадию Петровичу, что упоминать моё имя в официальных отчётах наверх вовсе не обязательно. Можно до поры держать меня «подснежником». Пройдёт время, всё забудется, сгладится, утрясётся. За это время я выпячу трест (а я его выпячу, министр уверен) и когда всплывёт моя фамилия, победителей не станут судить; во всяком случае, не станут судить строго. А товарищ Юров делает вид, что сам берёт на себя такую ответственность. Нет, Гена, хотя ты и старый институтский друг, но давно разучился быть другом рискованным. Московское положение обязывает быть осмотрительным...

Чёрт возьми, опять начинает давить затылок, слабеют мышцы рук и ног, смотреть в зеркало и восторгаться своей внешностью уже не хочется. Надо ещё раз расширить сосуды, сразу ложиться в постель, уснуть, а утром принимать решение; приедет или станет звонить Юров и требовать моего согласия... Сибирский трест... О, Богородица, до чего же мала бутылка: раз-два плеснул в стакан - и уже доньшко... За раз допить или за два?... Пожалуй, за два... Нет, лучше за раз... Снова, но не так, как вначале, захорошело... Время - половина четвёртого... Спать, спать... И больше никаких бутылок «на утро»... Хорошо, что эта кончилась... Так можно дойти до полного маразма, получить инфаркт или инсульт... Сердце уже несколько дней побаливает, даже левое плечо временами немеет...

Сейчас я открою глаза и резко поднимусь. Нет, вначале необходимо узнать время. Почему я не оставил включённым репродуктор? Впрочем, хорошо, что не оставил, иначе он мог разбудить в шесть... Надо открыть один глаз и посмотреть на стол, на бутылку: вдруг там осталось что-нибудь?.. Не осталось, это я помню хорошо... Три или пять часов назад я проснулся от страшной «колотухи», кое-как нащупал выключатель у прикроватной лампы и ринулся к столу. Счастье, что бутылка «на утро» оказалась без внутренней пробки, и надо было снять с горлышка только «бескозырку». Я сдирал её и думал о том, чтобы не оторвался хвостик; металл был почему-то жёсткий, хвостик короткий, силы в пальцах никакой...

Я выпил первые полстакана и зашагал по комнате, дожидаясь реакции организма. Но реакции не последовало: тело продолжало дрожать. Тогда я налил ещё две трети стакана. Через несколько минут стало чуть легче, напряжение спало, но не так, как прежде... В последние дни я замечаю, что количество выпитого за день входит в явное противоречие с защитными силами организма. Особенно днём: чем больше пью, тем больше трезвею. Это страшно - пить и трезветь! А кто-то говорил, что алкоголику для опьянения достаточно одной рюмки. Значит, я не алкоголик. Значит, во мне происходят какие-то необъяснимые процессы... И вот ещё беда: чем больше пью, трезвея, тем тревожнее становится внутри, натягивается какая-то опасная струна, готовая в любое мгновение порваться...

В дверь стучат. У меня сжимается сердце. Кто бы это? Неужели Юров? Не хочется, чтобы он видел меня в таком состоянии. Хотя Генка и старый друг, с которым у нас случалось всякое, но сейчас представлять перед ним в растерзанном виде - ни к чему. И говорить с ним всё равно нет сил... Абсолютная пустота. Дорога на эшафот была бы, наверное, лучшим выходом из моего положения...

Снова стук, более настойчивый.

- Войдите, там не заперто... - Голос срывается. Господи, уже добрых полчаса разговариваю с самим собой и не знаю, что язык припаялся к нёбу, а вместо обычного голоса из гортани с трудом вываливается сухая гречневая каша. Я не запираю дверь на ключ. Брат у меня нечего, после отобранного, а оставаться в номере закрытым не хочется. Стыдно признаться, но в памяти почему-то застрял прошлогодний рассказ соседа по вагонному купе; он с горечью поведал о своём друге, который приехал в командировку, крепко выпил с людьми из министерства, а ночью умер в

гостиничном номере, будучи закрытым изнутри. Известно об этом стало через двое суток, когда администраторша что-то заподозрила и велела взломать дверь. Я не трус, не хватаюсь за жизнь зубами, но все же лучше, если в подобном случае обнаружат сразу...

- Простите за беспокойство, товарищ Ладченко, - говорит горничная, просунув голову в приоткрытую дверь, - вы несколько дней не оставляете ключ у дежурной, а я должна сменить постельное бельё. Вышли все сроки. Пожалуйста, будьте добры, потрудитесь сегодня оставить...

Какая вежливая горничная; совсем молоденькая - и такая вежливая. И фамилию мою знает. Видимо, докладывала администраторше, что я уношу с собой ключ, а та заглянула в карточку и велела быть со мной повежливее: всё же начальник главка. Это я записал в гостевой карточке, когда поселялся. Теперь никогда не напишу. Никогда! Но здесь, в гостинице, я ещё числюсь на высокой должности. Только здесь! Больше нигде! Какой ужас!..

- Хорошо. Оставлю. Хотя вряд ли стоит менять бельё. Вероятно, я завтра уеду. (Завтра?! Уеду?! Девочка, это я только что придумал). Скажите, пожалуйста, который теперь час?

- Без пяти девять... Но ведь у вас на руке часы...

- Да, да... К сожалению, они остановились... Вышел завод... Батарейка кончилась... Надо заменить... Спасибо...

Какое счастье! Я даже проспал лишнего. Встать! Быстро встать!.. Голова идёт кругом, валится потолок, сердце болтается под самым горлом. Как оно попало в этот район, когда ему надо биться слева?! Горничная уже прикрыла дверь. Я сижу на кровати, силось вытрясти из глаз синих мотыльков, но они всё летят и летят: на колени, на пол - на всё, куда я обращаю взор. Вот он остановился на письменном столе, мой взор, на совершенно опустошённой бутылке с пятью звёздочками. Сейчас бы мне не только пятизвёздочный коньяк, но любая бормотуха показала напитоком богов. Я думаю только об этой подлой жидкости, как о спасительном уколе, и почти бессознательно бреду в ванную. Пол под ногами - корабельная палуба в десятибалльный шторм... Так плохо не было ещё никогда...

Лифт занят. Большая красная кнопка - налитый кровью глаз разъяренного быка. Я - тореадор без шпаги. Где кабина: вверху или внизу? Во рту азиатская сушь. По спине, между лопатками, медленно стекает струйка холодного пота, лицо горит. Я достаю платок - мятый, давно не свежий, и вытираю липкую влагу со лба, щёк, подбородка... Ага, противовес пошёл вниз, значит, кабина движется вверх. Мне это видно в дверную щель. Если бы кабина остановилась здесь, на восьмом этаже... Нет, прошла мимо. Там её непременно займут праздные люди, которым некуда торопиться, для которых пять минут - абсолютное ничто, но не расстояние между жизнью и смертью.

В черепной коробке - шторм по законам моря: через какие-то короткие промежутки волна набегаёт и нещадно бьёт в отвесные берега. Хотя бы выдержали мои черепные берега, не сломались, пока я съеду вниз...

Лифт. Лифт! Снова прополз мимо... Проклятый восьмой этаж!.. Не дожидаться... Надо идти пешком... Потихоньку... Почему потихоньку?! Когда человеку тяжело под непосильным грузом, он ускоряет движение к цели... К цели!.. Всего четырнадцать маршей... Вниз... По инерции... Без усилий...

Колени почти не гнутся, глаза засыпаны песком - не промыть, не проморгать. Рубаха промокла насквозь и прилипла к телу... Противно. Но возвратиться в номер и надеть свежую рубаху может заставить разве что смертный приговор. Других сил, способных повернуть в сторону от цели хотя бы на один шаг - не существует...

Вот она, цель! Седоусый маленький швейцар сидит, как обычно, в кресле, читает газету. Когда я прохожу мимо, он и ухом не ведёт, поглощённый страницей зарубежной информации. Сколько же дней я не заглядывал в газеты? Кажется, ни разу за время проживания в Москве. Может, где-то творятся события судьбоносного значения. Может, установился мир на Ближнем Востоке... Космонавты полетели на Венеру... Найдена затонувшая Атлантида... Американский президент резко поменял курс в сторону разрядки... Ничего я не знаю... Не хочу знать, потому что - не могу. Я знаю только: если сейчас же в организм не попадёт необходимая доза алкоголя, меня уже никогда не будут интересовать никакие события...

В зале почти пусто. За одним столиком сидят подполковник с майором, за другим - парень с девушкой, за третьим - два длинноволосых представителя Кавказа лениво пьют шампанское...

Официанты расположились в углу, возле столика администратора. Среди них - Толик. Хорошо, что он сегодня работает. Толик - обыкновенный плут московской закваски, но с положительным качеством: понимает состояние клиента с полувзгляда и мигом приходит на помощь. Вот он увидел меня, двинулся навстречу, указал столик у окна, рядом с военными.

- Доброе утро, товарищ начальник, - вежливо здоровается Толик по праву знакомого. - Как спали? - В его вопросе не то панибратство, не то глубоко спрятанная насмешка. Видимо, имеет для этого основания. Вчера, кажется, я болтал за столом лишнего. Опытные официанты улавливают это безошибочно и берут постоянного клиента на крючок - нравственно-материальный. Противно, но обратной дороги нет. Надо бы соблюдать дистанцию между солидным мужчиной и сопляком,

официантом и начальником главка, пусть даже бывшим. Надо бы! Но только не сейчас, когда этот Толик врач «скорой помощи»...

- Спал плохо, Толя. Вчера немного перестарался. Требуется срочный ремонт здоровья...

- Это в наших силах. Записываю.

- Сто коньяку и чашечку кофе...

- Всё?!

Официант уже изучил мои потребительские способности и знает наверняка, что сто граммов меня «не пробьют», потому медлит с уходом. Сам я понимаю это ещё лучше, и тут же сдаюсь:

- Давай, пожалуй, двести...

Толик поворачивается на высоких каблуках, плывёт через зал к буфету. Не дай Бог, если окажется, что буфетчица принимает товар, говорит по телефону с подружкой или просто отлучилась по надобности. Утром здесь очень мало посетителей, персонал трудится в четверть силы...

Подполковник с майором держат на весу рюмки с коньяком, но не торопятся, варвары, улыбаются, о чём-то тихо говорят друг другу. Для них выпивка явно сопутствующий продукт, для меня - основной! На столике кавказцев стоят фужеры с шампанским, рядом - непечатая бутылка марочного вина. Эти тоже тянут время, бездельники. Подойти бы, взять со стола фужер, залпом выпить и сказать, что возвращу целую бутылку, когда придёт Толик... Но почему он так долго появляется?! Неужели хитрит, набивает сумму чаевых? Или на самом деле дожидается буфетчицу?..

Снова «прибой». Сейчас он разнесёт мою черепную коробку... Может, подсесть к военным и тихонько попросить, чтобы налили в долг? Пожалуй, надо так сделать... больше нет сил... Я машинально поднимаюсь, иду... слава Богу... мимо военных... Иду туда, где уже целую вечность пропадает Толик. За такое поведение он не получит ни гроша чаевых... Ну вот, вынырнул! Будто стоял за перегородкой и ждал моего появления, экзекутор... Надо это появление как-то объяснить. Я энергично скидываю руку, глупо, наверное, сучусь, извинительно и благодарно мямлю:

- Толенька (один вид графинчика с коричневой жидкостью заставляет ласкательно называть полузнакомаго парня), сегодня я очень тороплюсь... у меня деловое свидание...

Он понимает моё враньё и, притворно удивляясь, скидывает брови:

- Разве я долго?!

- Нет-нет, всё нормально... всё хорошо...

Он знает, что всё плохо, что хорошо будет несколько минут спустя. Но надо собрать остатки сил и потерпеть, не хвататься за графинчик, как за спасательный круг, чтобы натренированный глаз официанта не уловил моего нетерпения. Вот он снял с подноса и поставил на стол чашечку с кофе, блюдечко с сахаром, в последнюю очередь - коньяк...А где же рюмка?.. Где рюмка?! Это же натуральный садизм!.. Сейчас он уйдёт на пять минут искать рюмку. За такие дела надо гнать с работы...Что, пить из горла графина?.. Я, пожалуй, готов...Но Толик достаёт из верхнего карманчика мельхиоровую рюмку с золочёным ободком, мгновенно протирает её стерильной салфеткой и ставит передо мной с торжественным видом.

- Та самая, из которой вчера пили на брудершафт, - говорит Толик с вежливой улыбочкой. Он мучительно долго цедит в рюмку коньяк, будто я просил его соблюдать все правила ресторанного этикета. Затем желает здоровья и уходит в угол зала к своим коллегам. Там он наверняка отпустит несколько пошлых реплик в мой адрес. Меня бросает в жар. Внезапно возникшая мельхиоровая рюмка, каких здесь вообще не подают, и вроде бы безобидное напоминание официанта о питье на брудершафт усиливает сердцебиение...

Но к чёрту воспоминания. Надо быстрее выпить. Вот так! Один, два, три, десять... двадцать... пятьдесят... Слегка царापнуло у солнечного сплетения. Уже чуть-чуть легче. Но еще не легко. Необходимо развить успех. И хотя рука с графинчиком еще слабовата и заметно подрагивает, мурашки из кончиков пальцев начинают хорониться в свои потаённые гнёздышки. Вот так, подлые! Сейчас добью вас окончательно! Из мельхиора! На брудершафт! Какое счастье, что не пришлось пуститься в унижительную крайность - просить в долг у военный или представителей Кавказа. Возможно, они бы поняли моё состояние, а может, - нет. Вполне могли принять за интеллигентного попрошайку. Ведь я не понял, когда лет десять назад узнал о скоропостижной смерти прораба Дроздова.

Это был отличный строитель и горький пьяница, умевший скрывать свою страсть. В тот год, помнится, на майские праздники пришлось четыре дня. Дроздов, естественно, пил по-чёрному и на этой почве крепко поругался с женой - учительницей психологии. Утром третьего мая он собрался на работу, надеясь, видимо, по пути «поправить здоровье». И вдруг обнаружил себя под замком. После первого урока жена позвонила домой, но телефон не ответил. После второго, тоже не ответил. Она не могла представить, что Алексей Васильевич дойдёт до крайности, сломает дверь или прыгнет с пятого этажа.

Когда телефон промолчал после третьего урока, учительница психологии забеспокоилась всерьёз и попросила завуча отпустить её домой по неотложному делу. Дело оказалось действительно неотложным: войдя в квартиру, она нашла своего мужа мёртвым. Экспертиза установила, что прораб

Дроздов умер от инфаркта вследствие жестокого спазма сосудов. «А если бы он выпил сто грамм, всё могло обойтись благополучно, - сочувственно сказал эксперт, вручая Дроздовой акт о причине смерти мужа: - Да, да - это отмечено даже в специальной литературе. Сосудики надо расширять. Сосудики - дело тонкое...»

Итак, судьба прораба Дроздова мне уже не грозит. Не грозит сегодня. Сейчас. А завтра? А послезавтра?.. Надо взять еще «соточку», закрепить успех и выходить из «пике». Решено: последние сто... Может, лучше полтора? Для страховки. Для полного выздоровления... Кажется, Толик уже уловил моё желание. Да, уловил. Вот он оторвался от коллег, направляется к моему столу.

- Ч то, товарищ начальник, счёт? - спрашивает он несколько развязно, наверняка зная, что счёт ещё не нужен.

- Ты так думаешь? - Я говорю ему «ты» и чувствую, как дистанция между нами катастрофически сокращается, и это не шокирует меня. Ни двадцатилетняя разница в возрасте, ни общественное положение, ни прочие нравственные ценности уже не имеют значения. Вероятно, я не возмущусь, если этот сопляк мне тоже «тыкнет».

- Дело хозяйское, - говорит Толик, поведя плечами. И тут же сражает меня наповал: - Может, не стоит в дорогу? Кажется, вам вечером - на взлёт. Вы же договаривались встретиться в Домодедове с Ларисой. В семнадцать часов... Она женщина обязательная...

В моём мозгу начинается лихорадочная работа. Ретро. Цветное сновидение. Прокручиваются события, начисто выпавшие из памяти. Вчерашний вечер... Этот зал... Столик в углу... Лариса - официантка, свободная от смены... У меня замирает сердце...

- Если обещал, значит, исполню... Счёт, Толик!

Я быстро расплатился, поднялся в номер и позвонил Актрисе. Она оказалась дома, очень обрадовалась.

- Бог всё-таки есть! - воскликнула Актриса. - Он услышал мою молитву и ниспослал тебя. Я чувствовала, что ты где-то рядом. Смертельно хочу видеть. - Она до шёпота понизила голос и произнесла как в фильме, который сделал её кинозвездой: - Приезжай, мой милый...

И я поехал. Живёт она на Кутузовском, одна в просторной квартире, некогда принадлежавшей её первому мужу, тоже знаменитому Народному артисту. Они разошлись давно. Муж ревновал её не только к миллионам поклонников обоего пола, но к самой славе, даже к театру, в котором она работала.

Затем было очередное «скоропостижное» замужество и такой же быстрый развод. Третьим мужем стал поэт. По-моему, третьесортный, но с характером и претензиями на мировую славу. Хотя я не специалист в поэзии и мои оценки вполне могут оказаться дилетантскими. Я видел его только однажды в Доме кино, куда Актриса пригласила меня в качестве своего давнего приятеля, который оказывал ей шефскую поддержку во время гастролей на Крайний Север. Такова была официальная версия моего присутствия в компании московской богемы, не очень мне понятной и приятной. Ни компания, ни всё происходившее в тот вечер меня не интересовало, просто хотелось посмотреть нового избранника Актрисы. Теперь мне было известно, что поэт тоже получил отставку...

По пути я заскочил в «Гастроном», запаковал портфель выпивкой и снедью, поскольку из прошлого опыта знал, что у Актрисы обычно нечем накормить мышь; в лучшем случае - может оказаться в холодильнике одинокий «зуболомный» бифштекс из театрального буфета. Я пробыл в магазине около получаса, а когда возвратился в машину и застал таксиста в растрёпанных чувствах, начал глупо оправдываться, будто нашкодивший пацан. «Твои извинения к плану не подошьешь. Плану наличность требуется, - поучительно изрёк парень. - Ты вон с утра поддал, и ещё собираешься, а у меня работа...» Таксист был молодой, красноречивый, наглый. И это вывело меня из равновесия. Мы коротко ругнулись, после чего я отвернулся, прикрыл глаза и стал думать о женщине, которая когда-то взволновала меня до потери рассудка...

Она выросла в семье знаменитого Народного артиста тетра и кино, который в довоенные и первые послевоенные годы был в обойме немногих звёзд, чьи имена не сходили с газетных полос и упоминались во всех официальных докладах, как образцы служения народу и пролетарской революции. Судьба дочери была предрешена. Слава Богу, девочка оказалась талантливее своего отца, и еще до окончания театрального училища снялась у знаменитого режиссёра в фильме, который стал классикой советского кинематографа и вознёс на вершину славы исполнительницу главной роли. Картина была на кончике языка у знатоков искусства кино и у тех, кто в этом искусстве ничего не смыслил, а просто хотел оставаться в потоке всеобщего восторга. Вопрос был один: «Вы уже, конечно, видели?...» - «Естественно. И ещё пойдё. Она потрясающая актриса...»

Через два года после триумфа красочные афиши с портретом потрясающей Актрисы появились на заснеженных улицах нашего заполярного города. Её запредельная улыбка, поблескивающие, с косинкой, глаза буквально плавил снег. Проезжая утром на работу, я видел это прекрасное лицо, как минимум, в десяти местах. Афиша обещала северянам только один творческий вечер. Едва я вошёл в кабинет, на панели селектора «загорелся» мой заместитель - Вахтанг Ильич

Лукашвили: «Доброе утро, шеф, вы уже в курсе?..» - «Да. Но ведь только один вечер...» - «Разве для настоящего мужчины этого мало?!» - «Надо, Вахтанг Ильич, взять билеты...» После многозначительного молчания, Лукашвили ответил: «Постараемся взять живём...»

Был конец года, меня закрутили заботы предстоящей сдачи объектов и я думать забыл о творческом вечере кинозвезды. К тому же в тот день допоздна затянулось бюро горкома. А когда я выходил из кабинета первого секретаря, дежурный милиционер в приёмной передал мне записку с номером телефона, по которому просил срочно позвонить Вахтанг Ильич. Это был хорошо знакомый телефон стройобъекта №88. Я решил ехать без звонка, потому что, глянув в окно, увидел у горкомовского подъезда свою машину. Это означало, что Дима был в курсе дела и дожидался меня, чтобы отвезти на место.

Машина въехала на хозяйственный двор городской гостиницы. В этот двор выходили ворота гаража, где изредка ночевала моя «Волга». Шофёр открыл ворота и мы вкатились вовнутрь. Здесь было чисто, светло, уютно. Дима нажал кнопку под верстаком и часть гаражной стены беззвучно прилегла на пол, образовав полутораметровый ширины проём в соседнее помещение. Я вошёл туда, после чего проём так же беззвучно закрылся...

В просторном холле, отделанном ореховым шпоном и обставленном низкой импортной мебелью, горел «интимный» свет и приглушённо звучала светомузыка. При моём появлении, в дальнем углу вспыхнул мягкий направленный луч. Софит высветил Актрису, а рядом с нею - Лукашвили. Актриса сидела в глубоком кресле, подобрав под себя ноги, отчего казалась совсем девочкой.

«А вот и главный строитель Севера и его окрестностей, - торжественно объявил мой заместитель. - Он не только замечательный руководитель, но и прекрасный мужчина нашего города. - Вахтанг взял меня за локоть и подвёл к Актрисе. - Я уверен, что вы не пожалеете об этом знакомстве...»

Не меняя позы, она протянула мне красивую смуглую руку, внимательно заглянула в глаза и проговорила: «Здравствуйте, сказочник...» - «Не понял...» - Она обвела взглядом помещение и пояснила: «Соорудить такую «землянку» мог только человек с фантазией Андерсена, - голос у неё был низкий, струящийся ручейком. - Не могла себе представить, что здесь, на краю земли, среди вечных снегов можно встретить такую феерию».

Разливая в рюмки коньяк, Вахтанг Ильич заметил: «Это только присказка, сказка впереди. Давайте, друзья, отметим наше прекрасное, я бы сказал, неповторимое знакомство, какие в жизни человека встречается не более одного раза...» После каждой очередной рюмки (она пила наравне с нами) Актриса становилась всё более домашней и всё более красивой. До этой фантастической встречи я никогда не ощущал такой потрясающей искренности и естественности в отношениях с женщиной. Да, в моей жизни это было только однажды, и только в ночь, проведённую с Актрисой на стройобъекте №88. Может быть, вершиной блаженства было мальчишеское сознание покорённой высоты, доступной миллионам очень красивых и знатных мужчин - только с экрана...

Пока мы спаивали Актрису, которая без малейшего нажима поддавалась этому, и пока говорили о фильме, принесшем ей славу, Вахтанг Ильич несколько раз удалялся в соседнее помещение, за дверь, обтянутую медвежьей шкурой. «Что там? - спросила Актриса, указывая на дверь взглядом, полным любопытства» - «Там сказка» - «Как интересно! Обещаете показать?!» - Она просительно склонила голову. «Обещаю...»

И тут из-за двери в очередной - и в последний - раз вынырнула фигура Вахтанга Ильича, похожая на привидение. «Немного солнца подано...» - сообщила фигура, растворяясь в полумраке холла. Чуть погодя, я взял Актрису за руку и повёл в сказку. Там, за дверью, садилось солнце и его прощальные лучи купались в бирюзовой воде. «Что это? Я сплю? - прошептала Актриса, плотнее прижимаясь ко мне - «Нет, не спите. Это, по словам Вахтанга Ильича, кусочек солнца и кусочек моря, компенсирующие тяготы полярной зимы. Температура воздуха - тридцать пять градусов, воды - двадцать восемь. Имеете возможность убедиться...»

И мы «убеждались» несчётное число раз, меняя бирюзу воды на тёплый бархат прибрежного песочка. После очередного полёта в бездну Актриса, лёжа с прикрытыми глазами на моей руке, неожиданно спросила: «Мой милый, а как выглядит эта сказка снаружи?» - «Снаружи?.. Обыкновенный хозяйственный сарай, вроде бы принадлежащий детскому садику...»

Я думал, это сообщение приведёт её в восторг и она расхохочется. Но Актриса по-прежнему долго лежала так, не шевелясь, и казалась спящей, потом тихо попросила: «Принеси, пожалуйста, рюмку коньяку и дольку апельсина...» Я осторожно высвободил свою руку, поднялся и пошёл в холл. А когда возвратился «на море», с рюмкой и старательно очищенным апельсином, Актриса, полностью одетая, сидела на берегу и неподвижно смотрела на бирюзовую воду. Потом я много раз вспоминал себя, голого короля, стоящего перед знаменитой женщиной, с рюмкой и апельсином в руках. То, что несколько минут назад казалось таким раскованным, естественным и доступным, теперь было унижительным, постыдным, закрытым на все замки. Ни тогда, ни при наших встречах в Москве, я не решался спросить о её неожиданном «выбрыке» той, первой, незабываемой ночью...

Встречались мы довольно часто. Но я уже не любил её, скорее - жалел. Из ненасытных любовников мы превратились в хороших друзей. Слава её меркла. Теперь ей было не двадцать пять, а мне не тридцать четыре. Актриса раздалась в бёдрах, обабела, огрубела, от прежней привлекательности остались, пожалуй, только глаза, те же, с косинкой, в которых былой блеск появлялся только после внушительной дозы спиртного. Пила она много и часто. Жизнь не ладилась. Недавняя звезда трижды меняла театры и трижды меняла мужей, но это ничего не меняло в её судьбе. Теперь меня влекла к ней не физическая страсть любовника, а сила устоявшейся привычки и очень добрых отношений - без выкрутасов и вранья...

Знакомый подъезд. Знакомая кабина лифта с нестареющими настенными афоризмами. Знакомая дверь. Знакомая женщина подставляет знакомые губы, пахнущие табачным дымом и вином; знакомые глаза, уже зажжённые искусственным блеском...

- Здравствуй, Актриса...

Вялые поцелуи. Поцелуи без страсти. Поцелуи приличия.

- Здравствуй, милый, (не то! не то!). Прости, но ты неважно выглядишь. Много работал? Устал? Или плохо вёл себя?..

- Плохо вёл себя...

-Я чувствовала, что ты в Москве... и где-то с кем-то хулиганишь. Смотри, теперь с этим строго... Конечно, не завтракал... Проходи в гостиную... Я сейчас сварю кофе...

От гостиной, некогда отделанной и обставленной с блеском, осталось жалкое подобие: дорогие обои во многих местах замусолены и надорваны; огромный низкий стол на гнутых ножках - в сплошных царапинах; поручни модных кресел расшатаны; широченная «берлога», прежде манившая голубиной своего мохнатого покрытия, теперь вызывает чувство не то брезгливости, не то жалости; в тон «берлоге» - палас во всю комнату, поразивший меня своей огромностью в самый первый приход, выглядит несвежим, как и всё остальное: пятна, видимо, винные, многочисленные прожоги от горячего пепла...

И только огромное фото, занимающее простенок между зеркалом и окном, напоминало о былом величии дома и его хозяйки. Это было то самое фото, которое я увидел на афишах заснеженного города и так неожиданно связал себя с этой, думалось тогда, неприступной крепостью. Но крепость сдалась легко, можно сказать, без боя. Безоговорочная капитуляция была для меня не только престижной, но и загадочной...

Я слышал, как на кухне щёлкнули замки моего портфеля, загремели тарелки.

- Ты в своём репертуаре, - крикнула Актриса. - Гребешь - что ни попало... Ох, уж эти провинциалы - грабители столичных магазинов. Даже при генеральских погонах не могут отказать себе в купеческих замашках...

- Я уже не генерал...

- Что, получил маршальскую звезду? - Движения на кухне стихли. - Подписано Постановление?

- Подписано...

В один из своих приездов я ночевал у Актрисы и глупо похвастался, что в правительстве ждёт подписи проект Постановления о моём назначении заместителем министра. Тогда она почему-то не обрадовалась, не поздравила, кажется, даже огорчилась.

Актриса возникла в дверном проёме и застыла, как натюрморт в раме: цветастый передник, в одной руке кусок колбасы, в другой нож, на лице ироническая улыбка.

- Значит, скоро переедешь в Москву, - сказала она, вздохнув. - И это будет означать полное забвение...

- Забвение чего?

- Не чего, а кого? - она повысила голос: - Меня забудешь, милый... Появятся другие, молодые, красивые... Соорудишь в пригороде новую «сказку»... У министров министерские возможности. Москва - не твой снежный городок, где на одном конце «пшикнешь», на другом говорят «обделался». Здесь у тебя будет полная свобода... Ух! - Она театрально топнула ногой и ушла на кухню.

А меня вдруг разобрал смех: давящий, истеричный, слёзный смех опустошённого, безнадежно больного человека. Этот человек долго терпел боль, а теперь боль выплеснулась таким неожиданным образом.

- Над чем смеёшься?! - Актриса входила в комнату с подносом, уставленным закусками и бутылками. Затем глянула на меня своим пронзительным, с косинкой, взглядом, поставила поднос на стол, присела на поручень кресла и принялась вытирать салфеткой моё лицо; нежно обняла, поцеловала в щёку, спросила: - Что с тобой, милый? Давно пьешь?

- Давно. Две недели...

- Без антрактов?

- Без.

- Значит, ты уже две недели в Москве?

- Да.

- А когда домой?

- Не знаю...

Актриса задумалась.

- Вот что, мой милый, тебе надо немного выпить и хорошо отоспаться, - безапелляционно заявила она. - Иначе даже при твоей закалённости можно поймать «белочку».

- Какую белочку?

- Белые мышки начнут кусать твои белые ножки...

- Всё верно... немного выпить... самую малость... и хорошо отоспаться. - Я стал разливать коньяк. Рука дрожала, и не было сил унять эту подлую дрожь.

- Мне чуть-чуть, - попросила Актриса. - У меня вечером спектакль.

Но я с остервенением набухал ей большую пузатую рюмку.

- Спектакль, говоришь? Вечером?.. При таком госте... Позвони дублёрше, скажись больной...

Она отрицательно покачала головой:

- Нет, Витя, театр - это святое. Даже ради тебя не могу... К тому же дублёрша... Ладно, давай не будем об этом...

Я залпом выпил, а она сделала несколько мелких глотков и отставила рюмку: явно боролась с собой. Посидели молча. Съели по конфете. Я снова взялся за бутылку. Актриса прикрыла свою рюмку ладонью. Затем принялась смаковать коньяк, держа сосуд обеими руками, как пойманную птицу.

- Кстати, я всё забываю спросить: как там наша заполярная «сказка»? Много лиц женского пола купались в ней... после меня?

- «Сказка» сгорела.

- Как «сгорела»?

- Самым натуральным образом. Без кавычек... Синим пламенем... Причём - вместе с автором...

Она снова пересела на поручень моего кресла, медленно сползла на колени, прижалась всем телом.

- Но ты же здесь. Живой, - прошептала она, и мелко расцеловала моё лицо, как нежная мать расцеловывает плачущего от боли ребёнка.

- Нет. Это уже не я. Это мои останки.

- Что произошло, Витя?

- Произошло то, что и должно было когда-то произойти. Полное крушение поезда. Ни одного уцелевшего вагона...

- Ведь ты был всегда передовой. Гремел...

- Вот и загремел...

Актриса пересела в своё кресло и стала превращаться в ту мудрую женщину, перед которой на исходе первой памятной ночи на Севере я предстал голым королём.

- Тебя сняли с работы?

- «Сняли» - не то слово. Вышибли с треском. Хотели исключить из партии, но пощадили, ограничились строгачом. В течение трёх лет я не имею права занимать должности старше прораба. Здорово, да?! Так что теперь ты, в лучшем случае, любовница прораба.

Актриса откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза.

- Запомни, Ладченко, я никогда не была твоей любовницей, - сказала она. - Я всегда была твоим другом. - Помолчав, добавила: - Я не знаю истинной причины твоего падения, но знаю причину своего.

- Прости, я считал неудобным спрашивать тебя об этом.

Она встала и принялась ходить по комнате, скрестив на груди руки, затем повалилась в «берлогу», вытянулась на ней и, глядя в потолок, стала тихо говорить:

- Не надо, милый. Ты был слишком благополучен, чтобы интересоваться чужими судьбами. Десять лет назад легко покорила молоденькую актрису, которая купалась в лучах славы. Ты добавил своих лучей... искусственных, правда, но всё же приятных. Это было вполне естественно для умного мужчины, к тому же - начальника твоего ранга. Знаешь, тогда я почти по-настоящему полюбила тебя. Мне, как всякой нормальной женщине, всегда нравились умные и волевые мужики. Ты показался мне именно таким... Боже, как давно это было...

Я прилёг рядом, погладил её гладкие воронёные волосы. Действительно, я очень мало знал о жизни Актрисы, о её неудачах последних лет. Она права. Я не интересовался её делами, как часто преуспевающий человек не интересуется судьбой своего неудачливого одноклассника. И неужели надо потерять всё, чтобы задуматься о происходящем в жизни? Не в той жизни, которую мы придумали и культивируем, а в другой, глубинной, изначальной, даденной человеку вместе с первым дыханием. Ведь эта женщина была мне небезразлична, я с удовольствием встречался с нею, ел, пил,

спал, видел, что в ней что-то сломалось, но никогда не интересовался причинами этого слома... Да что Актриса! В последние годы я ничего толком не знал о своей жене, о сыне, живя с ними под одной крышей. Приносил деньги, звонил на базу, если Аля изредка просила достать какую-то модную вещь или редкую книгу. Но обращалась она всё реже и реже, отдалялась всё дальше и дальше, пока не удалилась совсем. А я даже не ощутил её духовного ухода. Что же происходит с людьми? Хотя бы со мною?

- Что с нами происходит? - спросил я вслух, увлекая к себе расслабленное тело Актрисы. - У меня такое ощущение, что мы, как говорят горняки, дошли до скальных пород, дальше идти некуда. Нужно или останавливаться, или начинать взрывные работы...

Актриса резко поднялась, подошла к столу, торопливо плеснула в рюмку коньяку, залпом выпила, подняла над собой руки, сжатые в кулаки, и ожесточённо выпалила:

- Взрыв нужен, милый! Огромной силы взрыв! Я осознала это ещё студенткой, когда увидела, что за роль в десятиминутном фильме надо платить своим телом, если, конечно, рядом нет знаменитого папы при хорошей должности. Кому нужны таланты?! Кому нужны гении?! Кому нужна правда жизни и правда искусства?! Всё это давно заплёвано, растоптано сапогами власть имущих... Прав тот, у кого больше прав. Группировки, кланы, коррупция, казнокрадство, безумная страсть наживы. Люди, вернее, нелюди, получают сотни тысяч, миллионы за неснятые фильмы, за не поставленные спектакли, за насилие над подчинёнными, безропотными людьми, превращёнными патрициями в плебеев. Если бы зрители могли представить себе закулисную жизнь и жизнь за кадром, они обходили бы наше болото десятой дорогой...

И она стала читать стихи о том, что минуту назад было высказано в страстной прозе. Но стихи потрясали значительно сильнее. По щекам Актрисы катились слёзы. Она стояла посреди комнаты, как посреди сцены, а я - единственный слушатель - не знал: то ли аплодировать ей, то ли плакать вместе с нею. Хотелось плакать. И когда она закончила, я спросил: кто написал эти страшные стихи, и когда?

- Это стихи Сергея. Это роковые стихи. Он написал их давно, ещё до нашего знакомства. Серёжа настоящий поэт и честный человек. И потому несчастный. Я верю: придёт время, когда эти стихи станут классикой. Это будет, вероятно, очень нескоро. Но это будет...

- Ты его любила?

- Еще как любила! Разве можно не любить человека, пишущего такие стихи?! Он гений...

- Так почему же вы разошлись?

- Он ушёл. Чтобы не портить мою карьеру... Но я уже её испортила ...его стихами...

Странно, да?..

- Такими стихами можно испортить.

- Такими плохими или такими хорошими? - насторожилась она.

- Такими, мягко говоря, необычными.

- А я, дурочка, не удержалась и обнародовала эту «крамолу».

- Что напечатала?!

- Наивный человек, кто же это напечатает, кроме машинистки, и то - не каждой. Просто в узком театральном кругу, среди людей, казалось, вполне надёжных, я устроила поэтическую вечеринку, читала Серёжину тетрадь «Неопубликованное». Три дня спустя меня пригласили в организацию, именуемую «Куда надо», и провели «профилактическую беседу». Срамили, как нашководившую девчонку: как это вам, народной артистке, не стыдно вести антисоветскую пропаганду, действовать на руку врагам родины? Боже, как я перепугалась; стала выкручиваться, врать, что читала опубликованные стихи мужа из его сборников. И тогда мне прокрутили плёнку с моим голосом. А для полноты картины сообщили, что плёнка была конфискована на границе. «Представляете, - говорил низколобый человек, расставляя акценты на каждом слове, - что могло быть, если бы наши сотрудники не проявили бдительность и вашим именем стали спекулировать «вражьи голоса»? Вас бы лишили всех наград и званий, могли уволить из театра. Согласитесь: люди с двойным дном не могут топтать подмостки советской сцены и своим искусством воздействовать на сознание нашего зрителя. Стихи вашего мужа - злобный поклёп на партию и правительство... Кстати, вчера мы приглашали его на беседу. Он признал своё авторство, но не признал себя виновным в том, что позорит честь члена Союза писателей. О его поведении, да и о вашем, мы вынуждены поставить в известность Союз писателей и руководство театра»...

С того всё началось. Вечером у нас состоялся сумбурный разговор с Сергеем. На следующий день он оставил записку, в которой писал, что не имеет права губить мой талант, и потому уходит. А ещё через два дня меня выставили перед общим собранием театра, не перед труппой, а перед всеми: рабочими сцены, костюмерами, пожарными, уборщицами, и заставляли каяться в смертных грехах. Тогда стало понятно, кто записал меня на плёнку и отнёс её «куда надо». Эти люди недвусмысленно намекали, что «таким» не место в прославленной Академической среде. Я была раздавлена. Жить не хотелось. После собрания поехала в Дом актёра с единственным желанием: спрятаться в тёмном уголке и выпить.

Но спрятаться не дали. Тут же подсел молодой режиссёр - сын известного киножурналиста - и сообщил, что владеет потрясающим сценарием, но не может найти достойную актрису на главную роль. Из его прозрачных намёков я поняла, что уже половина актёрской Москвы знает о случившемся и о моём положении в театре. «Но не берите в голову эту чушь, - манерно вещал сопливый режиссёр, забавляясь коктейлем. - Сами понимаете, я долго не решался обратиться к вам... Ведь я ещё не снял ни одного фильма... И ваше согласие было бы для меня счастьем...»

Сценарий, конечно же, оказался при нём, и был нахально положен в мою сумку. Затем режиссёр отвёз меня домой, дал три дня на обдумывание, оставил свой студийный телефон. Чёрт с ним, думала я, может, это и есть спасительная соломинка. Всю ночь не спала: прикрою глаза - и штатные театральные ораторы плюют мне в лицо. Я вскакиваю и бегу в ванную отмываться. Чтобы отвлечься от этого кошмара, принялась читать сценарий. Это была работа очень знаменитого драматурга, но тоже опального, которого власти скоро сплавят в Париж. Чем дальше вчитывалась, тем всё больше отказывалась понимать, как он мог доверить такую работу мальчишке, у которого ничего нет за душой, кроме влиятельного папаша. Каждый абзац, каждая реплика героини убеждали, что это только моя роль, и я уже видела себя на экране. Мне захотелось позвонить сейчас же, немедленно, согласиться безоговорочно. Но я выдержала три дня.

На «Мосфильме» моего звонка ждали, велели немедленно приезжать. Сразу же успешно прошла кинопроба. И немедленно последовало наглое предложение «попробовать» меня. Это было, пожалуй, ещё более тяжёлым потрясением, чем всё остальное. Я съездила подонку по роже и бросилась, как блаженная, бежать. И бежала, не останавливаясь, до Киевского вокзала. А прохожие узнавали меня и, видимо, считали, что идут съёмки нового фильма. Это был страшный фильм, от которого я долго не могла отдышаться...

В дверь позвонили. Актриса направилась в коридор, неплотно прикрыв дверь в гостиную. Щёлкнула собачка английского замка, послышались звонкие голоса нескольких женщин. Но хозяйка, видимо, жестом приструнила гостей, они перешли на шёпот, затем, после недолгого совещания с препирательствами, компания проследовала на кухню, где началось какое-то действие. Актриса на минутку заглянула ко мне.

- Извини, - сказала она виновато. - Я скоро. - И тщательно притянула дверь.

Я катастрофически быстро трезвел, тело напрягалось, сердце учащало стук. Принял ещё коньячную дозу. Стало легче. Кажется, даже задремал, вернее, забылся и не слышал, когда в гостиную возвратилась Актриса. Она присела рядом и настойчиво сказала:

- Мой милый, тебе необходимо капитально выспаться. Переходи на тахту и спи двое суток. Беспробудно. Это поможет смягчить синдром отмены. Сделай так во спасение своего органа...

- А кто это был?.. Если, конечно, не секрет...

- Были актриски из моего театра. Они прилепились ко мне, как родственные души. Считают старшей сестрой, во всём советуются, ждут помощи. Но чем я могу помочь, особенно в своём нынешнем положении? Опальная знаменитость. Это, представь, несравненно хуже, чем быть опальной неизвестностью. Ты это очень скоро поймешь...

- Судя по голосам, совсем молоденькие.

- Соплюхи. В прошлом году закончили студию. Способные девчонки, но не вышли мордашками. И в этом их беда. Роль ещё не получали и, думаю, не скоро получат. А сцену любят до потери пульса. Вчера позвонили, напросились в гости... Я же не знала, что объявится старинный герой-любовник...

- Что же ты их не пригласила?

- Приглашала, не пошли. Стесняются. Периферия. Они ещё умеют стесняться. Приволокли бутылку портвейна, распили на кухне и быстренько умотали, не захотели мешать нам...

- Значит, твои талантливые соплюхи тоже попивают?

- Господи, да они с рождения видели у себя дома этот угар. Родители, соседи - сплошная пьянь... Маразм какой-то! - Актриса устало опустилась в кресло, охватила голову руками. - Да, мой милый, надо действительно быть гением, чтобы развести миллионы, а в наказание за это преступление быть отлитым в бронзу, «...превратиться в пароходы, в строчки и другие крупные дела...» Мы с тобой тоже маленькие жертвы этого крупнейшего преступления века... Хочешь, из той же «крамольной» тетради Сергея—моего совершенно непьющего праведника, моей белой вороны, моего гения?! (Актриса заметно опьянела: видимо, добавила с девчонками на кухне). Это покрепче есенинской «Москвы кабацкой». - И она стала рисовать жутковатую поэтическую картину пьяной России. Лицо Актрисы, её глаза, весь её облик выражали страдание, возмущение, крайнюю степень обречённости и тревоги. Она закончила читать и сидела неподвижно, запрокинув голову. По её смуглым щекам катились слёзы... - Страшно? - спросила она, наконец.

- Пожалуй... Откровенно говоря, я считал это явление признаком возросшего благосостояния советского человека, но не вырождением нации, как это считает твой Сергей.

- Настоящие поэты, Витя, - барометры эпохи, они видят дальше других, чувствуют тоньше. Потому всегда в опале у властелинов времени. Властелины не терпят, когда кто-то видит дальше. Не гнобить их надо, настоящих, а ставить памятники, как дельфинам, спасающим корабли, как сенбернарам, достающим людей из-под лавинных завалов... Ты спишь?

- Нет. Думаю, - пробормотал я, пытаюсь ободриться. Но ни думать, ни даже шевелиться я уже не мог: беспомощность на грани паралича вдруг сковала тело.

- По-моему, тебе трудно думать, - вздохнула Актриса. Она вышла из гостиной, а через минуту возвратилась с кучей постельного белья, застлала «берлогу», спросила: - Сможешь раздеться?

- Постараюсь...

Но раздеться я не смог и повалился на диван в одежде.

- Эх ты, Давид Строитель... - Обронила Актриса, укрывая меня мягким пледом...

Я открыл глаза и увидел за окном уличный фонарь, который достаточно хорошо освещал часть гостиной. Пошевелил руками, ногами - они действовали. Но голова после похмельного пробуждения была, как все эти дни, пугающе пустой. Я стал казнить себя за то, что приехал к Актрисе и предстал в таком непотребном виде. Да и вообще: зачем я припёрся со своей бедой к женщине, у которой собственных проблем - выше разумных пределов?! Для чего было посвящать её в свои дела? Может, всё ещё устроится: уеду на БАМ или на Ямал, да хоть к чёрту на рога. Начну работать так, как умею, и поднимусь. Обязательно поднимусь! Меня простят. Партия умеет прощать своих заблудших овец. Надо только найти силы собраться, преодолеть этот проклятый синдром... И всё начать с нуля... Ведь мне всего сорок пять - возраст расцвета личности...

Стенные часы ударили восемь раз. Я резко поднялся, но тут же снова упал на тахту: невыносимо затоснило и голова пошла кругом, из глаз посыпались синие мотыльки, появилось напряжение и дрожь в теле. Подумалось: надо немного выпить. Но только немного. Вновь поднялся, уже не резко, без рывка; посидел, подождал, пока голова и тело придут в необходимое равновесие. Затем зажёл свет и увидел, что на столе ничего нет, кроме фужера с белой жидкостью и клочка бумаги. Слава Богу! Молодец Актриса, всё понимает и сочувствует!

Я схватил фужер, сделал большой глоток и пришёл в отчаяние: это была обычная вода из крана. Меня бросило в жар. Впервые испытал прилив лютой ненависти к женщине. Клочок бумаги оказался запиской. Сверху на записке лежали две небольшие таблетки. «Мой милый, не сердись. Я поняла, что тебе надо срочно остановиться. Если проснёшься в моё отсутствие, проглоть обе таблетки и запей водой. Минут через десять-пятнадцать станет легче, снова захочется спать. Спи! Я приеду к одиннадцати. Мы всё спокойно обсудим и решим. Обнимаю и целую твою большую голову».

Я с трудом встал и потащился на кухню, в надежде найти там какую-нибудь выпивку. Обследовал в углу огромную батарею бутылок, но все они оказались сухими. Проверил шкафчики, антресоли, кладовку, сервант в соседней комнате, тумбочки в спальне Актрисы, хозяйственные полки в ванной и даже в туалете - глухо. «Какой позор, Ладченко. До чего ты докатился?!» - стучало в висках, но чувства истинного стыда, как ни странно, я не испытывал.

Возвратился в гостиную, взял таблетки, чтобы выбросить в форточку, но неожиданно отправил их в рот, запил водой из фужера, упал в кресло и стал ждать. Действительно, Актриса, умничка, была права: минут через пятнадцать дрожь стала утихать, сердце заработало ритмичнее, дыхание приходило в норму, а главное - поправилось настроение, как после достаточной дозы спиртного. Значит, есть возможность выйти из пике без нового вливания «керосина»! Две маленькие таблетки привели организм в относительную норму... А если принять три!.. пять!.. десять штук в день?! Это же чудо! И, вероятно, огромный дефицит... иначе бы многие предпочли выходить из запоя таким образом...

Однако оставаться в квартире Актрисы мне не хотелось. Потому, наверное, не хотелось, что даже сама мысль о возвращении женщины и предстоящей ночи казалась чудовищным испытанием, вполне вероятно - неизбежным позором... Я пошёл в ванную, освежил лицо и, глянув на себя в зеркало, ещё больше убедился: надо срочно сбежать. Оставить записку и уматывать.

На обратной стороне того же обрывка бумаги я попытался писать, но пальцы не слушались, рука дёргалась, как у паралитика. Господи, неужели за две недели человек может разучиться писать? Усилием воли я заставил себя нацарапать: «Прости, завтра позвоню». Затем торопливо, воровски, с колотящимся сердцем, вышел на лестничную площадку, захлопнул дверь, стал спускаться, как слепой, придерживаясь за поручни и ощупывая каждую ступеньку...

Широченный Кутузовский проспект был полон людей и машин, светились витрины, с деревьев летел сухой лист. У бровки тротуара я стал ловить такси, но они, переполненные, проносились мимо. Наконец совсем рядом тормознула машина. Я шарахнулся в сторону, хотя прекрасно понимал, что меня не зацепит. Но чувство страха перед движущимся транспортом в последние дни работало чётко. (Потом этот страх будет преследовать меня многие месяцы, как и

страх любой высоты). Из машины вышли пассажиры, таксист зажёт зелёный фонарь. Я занял место на заднем сиденье, назвал гостиницу. Машина влилась в поток, меня стало подташнивать. Спать, как обещала Актриса, ничуть не хотелось: видимо, таблетки действовали ещё не в полную силу. Подумалось: а вдруг полного действия не наступит? И я тут же спросил таксиста:

- Послушай, друг, как у тебя насчёт горючего?

- До гостиницы хватит, - сказал он, явно уловив мой намёк. - Час назад залил полный бак. А что?

- Да я не о том...

- Насчёт «того» - никак...

- А может, найдётся?..

- Где же искать, когда... сами видите, - он ткнул пальцем в зелёный циферблат часов на панели: было без четверти девять - Винные отделы два часа как закрыты.

- Может, в личном отделе отыщется пузырьрёк? (Я знал, что некоторые таксисты в поздние часы приторговывают водкой).

- Товарищ, а вы случайно не с Петровки 38?

- Случайно нет. Могу показать документы...(Ужасно, но я готов был предъявить любой документ, вплоть до удостоверения личности начальника главка).

- Не надо. Мне хватает заработка. А небо в мелкую клетку как-то не манит...

На этом разговор оборвался. Я даже мысленно похвалил таксиста за добропорядочность, и подумал: хорошо, что не оказалось у него водки. Значит, судьбе угодно, чтобы впервые за много дней я оказался без бутылки «на утро»: перестрадал синдромным кошмаром, отпоил организм крепким чаем, квасом, газировкой. (А вдруг постигнет судьба прораба Дроздова?! Как-то не очень хочется так дешёво разменивать свою жизнь...). Правда, есть шанс: зайти в ресторан и взять у Толика бутылку. Но делать это я не стану. Кроме всего прочего, там может оказаться Лариса, с которой сутки назад пил на брудершафт из мельхиоровых рюмок, а сегодня собирался увезти её на Север и устроить администратором в лучшем ресторане, и вообще... Какой кошмар!..

В гостиничном вестибюле было много людей, в основном, иностранцев, если, конечно, за иностранцев можно всерьёз принимать болгар, румын, поляков. У ресторанный двери, с традиционной вывеской «мест нет», толпились жаждущие заполучить столик или вертушку у стойки бара. Пожалуй, впервые за две недели я без колебаний проследовал мимо этой двери к лифту, и поднялся на свой этаж. Дежурная, которую я до сих пор ни разу не видел, потребовала гостевую карточку. Это была пенсионного возраста интеллигентка: на её фирменном халате красовалось три ряда наградных колодок. Сдерживая раздражение, я вежливо ответил, что карточка находится в номере.

- А надо носить с собой, - наставительно отрезала дежурная. - Карточка затем и выдаётся, чтобы всегда была при себе. Вот здесь, в верхнем карманчике пиджака. Вы наш гость. Мало ли что может случиться с нашим гостем в столице...

- Например?

- Примеров сотни. Человек попал под машину, или потерял документы, или угодил в скандальную историю. Где искать концы? У нас! - Дежурная пристально посмотрела мне в глаза, многозначительно добавила: - У нас имеются все необходимые данные на каждого жильца. Пойдёмте... - Она проводила меня в номер, убедилась в наличии карточки и только после этого протянула вчетверо сложенный лист бумаги, хранившийся в её просторном кармане. - Вот вам оставили послание. - У двери она задержалась. - Вообще, товарищ Ладченко, надо вести себя должным образом...

- А именно? - Я уже с трудом сдерживал нервы, потому что в черепной коробке начиналось волнение по законам моря.

- Из вашего номера каждое утро выносят пустые бутылки. Увы, не боржомные и не кефирные. Разве вы, руководитель высокого ранга, не знаете, что распитие спиртных напитков запрещено гостиничными правилами?! И вообще: как вы работаете, если круглосуточно пьёте? Ведь вас послали в командировку работать, а не пьянствовать...

- Всё-то вы знаете.

- Не всё. А только в пределах, необходимых для гостиничной дежурной. Затем здесь сидим...

- Но вы впервые меня видите.

- Зато мои коллеги видят вас давно. О вашем, мягко говоря, неудовлетворительном поведении уже знают в руководстве гостиницы. Как бы вы не нажили себе неприятностей по службе. Советую, как старший товарищ, как коммунист с сорокалетним стажем... Вы ведь тоже, наверное, не первый год в партии... Спокойной ночи...

Последняя тирада дежурной раздавила меня окончательно. Вспомнилась заслуженная бабуля, которая работала когда-то, может быть, дежурной секретаршей или машинисткой в ленинградской канцелярии Кирова, а теперь решила мою судьбу в полном, как говорится, объёме... Я сел в кресло,

одеревеневшими пальцами развернул листок и прочитал: «Витя, пора завязывать. Надо серьёзно поговорить. Заеду завтра к концу дня. Постарайся быть в форме. Юров».

Так вот откуда дежурная бабулька получила дополнительную информацию, помимо информации своих коллег, передавших меня по «дефектной ведомости». Всё правильно, Ладченко. Всё идёт по сценарию, где в финале тебя выбрасывают из гостиницы, а, скорее всего - увозят в вытрезвитель. И если сойти сейчас в ресторан и выпить, или, тем более, принести бутылку «на утро», финал может состояться досрочно, ещё сегодня. Может, эту инициативную орденоску специально подсадили на сегодняшнюю ночь, чтобы добить меня окончательно?! Всё может быть. Нет, бабушка, я не доставлю тебе такого удовольствия. С меня достаточно. Я ещё живой. Я ещё боец, хотя и остался без шпаги...

В ту же ночь Виктор Ладченко улетел на Крайний Север. А подпольные юмористы придумали и выпустили гулять на просторы родины чудесной притчу, почти шекспировскую: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Центральном Комитете».

Александр КЛЕЙН

ДВА БРАТА

(авторизированный перевод из Гейне)

Тьмой окутан на вершине
Замок высится в ночи,
Но, как молния, в долине
Блещут гулкие мечи.

Ненависти не скрывая
Позабыв родство и страх,
Это братья спор решают
В поединке на мечах.

Очи *Лауры* графини,
Кровь в сердцах смогли зажечь;
Кто милее ей отныне
Пусть решает острый меч.

Уступить никто не хочет,
Гул ударов всё сильней;
Бойтесь гор коварной ночи,
Беспощадности мечей!

Горе братьям полным злобы,
Алой кровью дол залив,
Пали в дикой схватке оба,
Враз друг друга поразив.

Поколенья спят в могилах,
Век идёт за веком вслед;
Опустев, с горы уныло
Смотрит замок сотни лет.

Но внизу «в долине чёрной»
Бродят призраки в ночи;
Братья там чуть грянет полночь,
Вновь берутся за мечи.

Марина СТРУКОВА

МОЛИТВА ЧЕЧЕНКИ

Чеченка седая сегодня, как прежде,
Взывает к аллаху в привычной надежде:
Великий творец, не суди меня строго,
Прошу для себя и народа немного,
Ты не пожелал даровать нам победы,
Но всё же уменьши напасти и беды:
Пусть русская власть восстановит больницу,
Чтоб я и другие могли подлечиться,
Больница сегодня в порядке едва ли –
Заложников там мои внуки держали,
Все стены прострелены, выбиты стёкла,
Пожалуй, и краска от крови отмокла.
Ещё я прошу, милосердное небо,
Пусть русская власть даст и пищи и хлеба,
Свой хлебушек нам не возрастить и подавно –
Мой сын заминировал поле исправно.
Пусть русские школу построят нам дружно,
Пусть русский учитель приедет – так нужно,
А прежнего муж расстрелял, это точно.
Аллах всемогущий, всё в мире непрочно,
Но всё-таки нужно чеченцам учиться,
Кто знает, вдруг правнукам путь за границу.
Пусть внуки, и сын мой, и муж мой вернуться,
Уйдут от суда, от расстрела спасутся,
Ведь русская власть обещает прощенье,
А я приготовлю для них угощенье.

* * *

Мы ногами вышибли дверь твою,
А в углу – икона на полке.
Скоро, скоро будешь в своём раю,
Ты – последний русский в посёлке.

Мы из шкафа вышвырнули тряпье –
Ничего не нашли – обидно...
Говорят, что есть у тебя ружьё,
Да стрелять не умеешь, видно.

Это наша земля, на ней конопля,
Виноградники, нефть и волки.
А тебе на выбор – кинжал? Петля?
Ты – последний русский в посёлке.

Для тебя нам жалко глотка воды –
Лучше вылить на землю воду.
Хлеба жаль, и воздуха, и звезды,
А куда уж делить свободу?

Не ищи закона и правоты,
Так в стогу не найдёшь иголки.
А вождам всё равно как подохнешь ты,
Ты – последний русский в посёлке.

* * *

Свой далёкий дом посреди долины
Не припомнит снайперша с Украины.
Целый день, прищурясь, глядит в прицел –
Продолжает русских солдат отстрел.

У неё расчётливый ум холодный.
От сомнений, грусти, любви свободный,
Форма и трофейный бронезилет,

Чернобровой снайперше двадцать лет.

Почему стреляют в славян славяне?
Ваххабиты – те клялись на Коране,
А наёмники долларами клялись?
Украина, за подлых своих молись.

Кровь одна у нас и одни истоки,
Почему предатели так жестоки?
Перед тёмной силой в тяжёлый час
Наши соплеменники - против нас!

Не уйти сквозь грозненские руины
Чернобровой снайперше с Украины.
Труп висит растерзанный – не узнать...
А в костёле сумрачном плачет мать.

Александр ЛОБАНОВ

ЛЕТО (рассказ)

На остановке нас было двое: я и небольшого роста мужчина. Лица его я не рассмотрел, так как уже стемнело. Заметил только усы, пышные такие и огромные, что при мало внушительных размерах самого обладателя усов выглядело почти забавно. Мы ожидали каждый свой, а может один и тот же троллейбус и делали вид, что абсолютно друг другу безразличны. Уличные фонари в этом месте почему-то не горели. Когда мимо остановки проносилась машина, мужчина отворачивался, и мне никак не удавалось его разглядеть. Интуитивно почувствовав мою заинтересованность к своей персоне, он передвинулся подальше. Мне ничего не оставалось, как смириться и оставить своё любопытство без удовлетворения.

Троллейбуса всё ещё не было. Закралась мысль, а будет ли он вообще. Машины проезжали всё реже. Стало тихо и, в общем-то, мрачновато. Небо затянуло рваной мешковиной, сквозь прорехи в которой иногда мелькали мелкие блеклые звёзды. К остановке подошла парочка. Он, очевидно муж, имел на голове форменную армейскую фуражку, на плечах, как на вешалке, болталась не застёгнутая шинель. На ногах – хромачи. Его качало. Супруга заботливо придерживала хозяина под руку и всё время с тревогой озиралась то на меня, то на усатого. Когда мимо прошуршала легковушка, я заметил блеснувшие на плече две звёздочки, расположенные вдоль погона. Прапорщик, ясно. Из гостей, по всей вероятности.

Прапорщик вначале раскачивался молча, сосредоточив внимание на урне, прилепившейся к столбу рядом с будкой остановки. Потом стал шарить у себя по карманам и что-то недовольно бубнить под нос. Не найдя, что искал, служивый, наконец, оторвался от урны и повёл головой в нашу сторону, сперва на меня, потом на усатого. Я, видимо ему не понравился, и он неожиданно легко, как будто на нём не висла жена, шагнул к усатому.

- Э, мужик, - рявкнул прапорщик с неприкрытым хамством, - слышь? Дай закурить!

Усатый мужчина спокойно ответил:

- Не дам.

- Что-о-о? Ты чё там вякнул? Закурить дай, я сказал!

- Не дам, - всё также выдержанно, без тени раздражения последовало в ответ.

- Это что значит, не дам? Это как? Это почему?

- А потому что «мужик», – пояснили прапорщику по-прежнему вежливым, но уже с нотками неприязни тоном.

Прапор умолк на минуту, в течение которой усиленно размышлял над услышанным. Переважив информацию, он вдруг понял, что ему вероломно отказано в жизненно необходимом. Какая наглость! Ему, красе и гордости вооружённых сил! Таща на себе всё с той же лёгкостью супругу, оскорблённый до глубины души армеец пошёл на обидчика, как мамонт на козявку:

- А по сяме давно не получал, бычара?!

Мужчина слегка попятился и напрягся. Хозяйка «мамонта» негромко запричитала:

- Коленька, не надо! Я прошу тебя, ну, не надо...

Коленька её не слышал. Мне стало жаль женщину, да и стыдно за армию сделалось. Я подошёл к прапорщику и хлопнул по плечу:

- Товарищ прапорщик, - придав голосу внушительности, моя гортань по старой привычке затрубила в пространство чётко отработанным командирским ритмом. – Ну-ка немедленно приведите себя в порядок! И смиренно, когда с вами разговаривает подполковник! Как фамилия?

Никакой я не был подполковник, всего лишь капитан, да и тот уже запаса, но эффект, мною задуманный, произошёл мгновенно. Прапорщик резко вытянулся, развернулся лицом ко мне на каблучках, при этом невероятно ловко успев застегнуться на все пуговицы. Страхнув с плеча жену, он приложил руку к козырьку:

- Прапорщик Сушко, товарищ подполковник!

- Доложить, по какому случаю устраиваете дебош на улице! – Я старался сдержаться, чтоб не рассмеяться. – На каком основании вы, прапорщик, интернируете местное население? Вам это Владимир Иванович велел? Я завтра специально подниму сей вопрос на утреннем совещании.

При этих последних моих словах прапорщик вытянулся ещё сильнее и совершенно перестал качаться. Я знал, что в Кишинёве расквартирован российский десантный полк, командовал которым брат генерала Лебеда, и по всей вероятности товарищ в военной форме из его личного состава. И, как говорится, попал в десятку.

- Товарищ подполковник, вы бы видели, как это бычье распоясалось в последнее время. Обнаглело до невозможности. С ними по иному нельзя.

- Отставить, прапорщик! Хамить прекращайте. Если не хотите неприятностей, шагом марш отсюда!

- Коленька, пойдём, нам же недалеко. Прогуляемся. Вы нас, товарищ подполковник, простите, пожалуйста. – Женщина говорила с мягким западенским акцентом. – Он у меня смирный обычно. Только вот на днях деток наших избили какие-то местные негодяи. За то, что не могут на молдавском разговаривать. Мы сами с Украины, откуда молдавский-то. Так, понимать понимаем, а чтобы свободно говорить, то нет. Вот Коленька мой и рассердился. Нехорошо здесь последнее время стало.

Она снова взяла мужа под руку.

- Разрешите идти, товарищи подполковник? – прапорщик сник и снова стал раскачиваться. – И вообще надо рвать отсюда когти. Только вот куда?

Они отошли от остановки и вскоре растворились во мгле. Редкие машины на секунду высвечивали фарами абрис их слившихся воедино фигур, которые с каждым разом становился всё меньше и меньше, пока не исчезли. А мне как-то сделалось не по себе. Этот прапорщик-десантник мог, если бы захотел, свалить одним ударом. Но вытянулся в струнку, потому что почувствовал своего, русского офицера, отдал, как положено, честь. Усатый же, как стоял бирюком в отдалении, так и остался. Ни благодарности, ни хоть слова какого-нибудь в ответ. Даже злость взяла. Я подошёл:

- Простите, а вы пожалели сигарету или как?

- А вы действительно подполковник или как?

- Да нет, как вы уже догадались. Я всего лишь капитан, да и то вот, на пенсии.

- А я майор.

- Ну, так как, товарищ майор, на счёт закурить?

- Товарищ? Хм... Да нет, уважаемый, я теперь господин майор.

- Понимаю... На «мужика» обиделись. И как вы думаете, этот прапорщик сильно не прав? Вы же слышали, что его жена сказала?

- С чего вы взяли, что обиделся? Просто хотел поставить хама на место. Я, конечно, сочувствую им, но в чём я-то виноват? В том, что молдаванин? Попадись мне в руки те шовинисты, я бы их привлёк, как положено, по закону. А насчёт закурить... Не курю, знаете ли. Впрочем, вам спасибо. Чем бы закончилось, неизвестно, а так...

В это время подкатил троллейбус. Мы вошли, и мне удалось впервые рассмотреть своего собеседника. Коротко стриженные волосы его были наполовину седыми. На лбу и щеках врезались глубокие морщины. А вот усы совершенно чёрные. Исполинской фигуру, конечно, не назовёшь, но кисти рук у него отличались внушительностью. Эти руки знали и чёрную работу, и боксёрскую грушу. Округлённые, сплюсненные костяшки с набитыми мозолями свидетельствовали о том, что их обладатель знаком с рукопашным боем. Полицейский, догадался я, опер. Потому так спокойно и вёл себя в назревающем конфликте с пьяным прапорщиком-десантником. Наверное, им обоим меня сам Бог послал.

Майор прошёл вперёд и сел на свободное место. Я продвинулся на заднюю площадку. Троллейбус выехал на центральную улицу, залитую светом, что исходил из многочисленных витрин, рекламных стендов, фонарей. Красивый город, глаз радуется. А на душе уже чувствовалась тревожность. Города, прежде всего, красивы своими людьми. Молдавия, милая, что же с тобой происходит? Припомнилось, как пару дней тому ходил за покупками в центральный универмаг.

Обратился к продавщице. Отвернулась. Подошёл к другой, заговорил. Та тоже - спиной ко мне. На русском мы не желаем, видите ли...

На остановке около центрального рынка в троллейбус набилось много пассажиров. Я успел заметить, как мой знакомый встал, уступив место женщине с ребёнком. Когда проехали центр города, и основная масса вышла, господина майора я уже не видел. Призадумалось. Говорят, что всё на этом свете происходит не просто так. Каждое событие влечёт за собой другое. Что же мне сулила эта встреча? На какой дороге пересекутся и пересекутся ли наши пути?

Троллейбус подъехал к конечной. Вечерняя прохлада здесь, на окраине города, была пропитана запахами большого паркового массива, огибавшего микрорайон подковой с трёх сторон, отчего воздух был свеж, и дышалось необыкновенно легко. Мне захотелось пройтись по парку. Найдя укромную аллею, я углубился в массив и вскоре оказался в совершенном одиночестве среди зарослей сирени, бузины, терновника, над которыми возвышались свои кроны платаны, берёзки, осины и тополя. Из имевшихся фонарей, горели два-три, так что аллея изобиловала полумраком, сгущавшимся местами настолько, что разобрать что-либо в метре от себя было затруднительно. Мне попала скамейка. Пощупав, не грязная ли, я присел и полностью отдался удовольствию общения с природой.

Тишина завораживала. Стараясь ни о чём не думать, я впитывал эту тишину в себя и чувствовал, какой целительной благодатью наполняется тело, как выравнивается ритм моего сердцебиения, как успокаивается перегруженный тревожными мыслями разум. На душе делалось удивительно спокойно и хорошо. Слух при этом начал обостряться, и вскоре стали слышны различные шорохи, издаваемые невидимыми существами, населявшими окружившие меня заросли. Может, это были мыши или птицы, а может, деревья так между собой переговаривались. Я сидел и как будто растворялся в этом малознакомом пространстве, становясь его частицей. Господи, да много ли надо человеку для счастья? Вот, как мне сейчас...

Когда раздался топот чих-то ног, я даже вздрогнул. Мне был хорошо знаком этот звук. Так гремят подметки сапог, когда идёт строй солдат. Не долго думая, я нырнул в кусты и сразу почувствовал, как зачастило сердце. Шаги приближались. Я их стал ощущать подошвами. Мне даже показалось, что в такт им дрожат листья, под сенью которых я спрятался. Отчего-то сделалось страшновато, как будто там, за поворотом, которым выгибалась аллея перед моей скамейкой, идёт сама смерть. Я всматривался в темноту до рези в глазах. Вот они, наконец. Это действительно шли люди в военной форме с автоматами за плечами. Их было не меньше батальона. Шли молча, в ногу, повзводно. Знаки различий, нашивки либо другие какие приметы шагнувшего мимо меня войска разглядеть не удалось. Различимы были только мелькавшие на фоне блеклых лучей горевшего метрах в пятидесяти фонаря стволы с характерными для «калашников» мушками. Кто это, куда идут, откуда они вообще взялись? Почему в темноте? И почему не выслали вперёд какую-нибудь разведку, раз уж такая скрытность? Я боялся шевельнуться. Казалось, что будь я обнаружен, то незамедлительно меня уничтожат, растопчут, разбросают останки по зарослям червям и плесени на съедение.

Когда батальон протопал в темноту, я выждал ещё несколько минут и вышел из укрытия. Оставаться долее в этом неприметном месте не было никакого желания. К тому же меня никак не хотело покинуть чувство тревоги. О чём в это мгновение шептались деревья, я уже не слышал. Они, наверное, также затаились в ожидании чего-то неизбежного и, что вполне возможно, трагического. Так обычно земля и населяющие её существа напрягаются перед войной...

Друзья, у которых я остановился, собирались в дальнюю дорогу. Им по линии какой-то благотворительной организации предоставили возможность выехать на постоянное жительство в Америку. Эмиграция лиц не молдавской национальности в то время приобрела массовый характер. И было из-за чего. Чиновники Кишинёва принялись всячески этому способствовать. Снимали с руководящих постов и других более-менее значимых должностей русских, украинцев, евреев, всех, кто не говорит на румынском. Начался этаким русскоязычный геноцид. Обычным явлением сделались физические расправы с «иногородцами». Доставалось даже и самим молдаванам, которые путались в родной терминологии. По улицам города рыскали целые банды распоясавшихся молодчиков и выборочно устраивали «экзамены» по румынскому языку. На ту пору официального понятия молдавская речь уже не существовало. Как правило, эти «храбрецы» нападали на одиноких прохожих, детей и подростков. И люди испуганно бросали насиженные места, разъезжались по свету. Молдавия уверенно переходила на капиталистический образ жизни и готовилась к войне со всем инакомыслящим.

Родители моих друзей были по национальности евреи. Америка предоставляла сынам Израилевым свой зелёный коридор тогда с охотцей, как будто только того и ждала. Сейчас-то конечно не так. Сегодня, когда страсти поулеглись, и наступило политическое затишье, дядюшка Сэм стал привередлив и негостеприимен, поскольку какая ему с этого выгода? А в девяностых годах прошлого столетия резон был.

В долгих беседах с хозяином семейства, а он являлся профессором кишинёвской консерватории, талантливый и умнейший человек, к слову сказать, я уяснил себе одну истину:

русский – это вечный скиталец и страдалец, судьба которого, равно как и предназначение в этом мире, распространять по планете свою непонятную энергетику, благодаря коей планета до сих пор не рухнула в космическую пустоту. Многие народы понимают это, называют русских богоносителями, и при том, завидуя, зачастую ненавидят и уничтожают.

- Понимаете, Саша, мой зять, я Вам доверительно скажу, до невозможности тупорылый хохол. Не знаю, куда Фанечка смотрела? Какие партии были! Нет, выбрала себе этого. Любовь, говорит... Какая к лешему любовь, когда он вилку не правильно держит за столом?

Я ухмыльнулся. Действительно, Игнат, мой товарищ и по большому счёту друг, корнями исходил из мало кому известного глухого села на Западной Украине. В молдавской столице, куда он залетел случайно с какой-то выставкой, прижился потому, что был талантливый художник. Светлана, его супруга, которую отец почему-то ласково называл Фанечкой, тоже владела живописным ремеслом, и талант у неё был, может, ещё и больший. Я, когда разглядывал их полотна, зарисовки, бесчисленные наброски, не переставал восхищаться. Произведения моих друзей имели душу, характер, живость. Так вот, Игнатовы достоинства дальше картинных рамок не выступали. Кто его не знал, сказал бы при встрече – махровая деревенщина. Когда тесть начал оформлять документы на выезд, Игнат вдруг стал в позу: ни в какую Америку не поеду! И до того своим привередничаньем достал родственника по жениной линии, что тот вошёл в депрессию и выговаривал мне наболевшее так, будто я проповедник из синагоги.

- Вы подумайте только, Сашенька, этому мурлу на халяву отваливает целую Америку, а оно вот что вытворяет... Как меня быдло человеческое истомило! Живёт паразит на всём готовеньком, как у Бога за пазухой, и считает, что так оно и должно. Много ли он своими малюнками заработал? Да ни шиша. Вы бы, Сашенька, женились на моей Фанечке, а? Вместе бы и поехали. А этого придурка я прогнано. Фанечка, я заметил, с Вас глаз не сводит.

Нет, Светка была симпатичной, ничего не скажешь. Но в совместном своём брачном сожительстве с Игнатом сделалась такой же дурёхой. Иногда она мне даже казалась вообще дикой козой. Отец был прав. Я и сам замечал, что она стала ко мне как-то липнуть, причём, совершенно не обращая внимания Игната. А тому - как с гуся вода. Даже больше, он сам подходил и доверительно шептал на ухо, что Света хочет поговорить, но наедине, чтобы папа не слышал. И уж наедине Светка начинала нести какую-то ахиною не понятно о чём. Я из наивности поначалу не мог въехать, но однажды во время очередного такого randevu она со злостью меня ущипнула. И, пока я приходил в себя, неожиданно впилась в мои губы своими. Причём сделала это настолько неумело, что во мне возникло подозрение, будто они с Игнатом вообще не целуются. И как с этим быть? Ну, не хотелось мне её ни сколечко. И надо было не обидеть, и в то же время кончать шашни, поскольку Игнат был мне как никак другом, да и сам я женат и жену свою не просто люблю, а обожаю. Я тактично подсказал Светке, что она свихнулась, и для наглядности покрутил пальцем у виска. Потом посоветовал ей выбросить глупости из головы и мотать в свою Америку. А Игната, когда тот снова пытался вызвать к жене на «доверительную беседу», послал к чертям. Он не обиделся и по обыкновению уселся за очередной дешёвый пейзажик с озером и лодкой, какие наловчился клепать за полчаса и продавать на улице, где постоянно торчали собратья по цеху и торговали аналогичным ширпотребом.

- Очень, очень жаль, Сашенька, что Вы по паспорту русский, - я хотел было добавить, что не только по паспорту, что папа мой орловский чистой воды, мама украинка, так что... Но промолчал. – Жаль. Туда выехать Вам никак невозможно. Если бы жена была еврейка...

- Эх, Аркадий Борисович, не травите душу. Фанечка – замечательная девочка, но семью разбивать нехорошо. Да и у меня сын растёт. А Игнат переберется, ещё благодарить Вас будет.

- Нужна мне его благодарность, как Дюку Ришелье ковбойская шляпа! Его благодарность, что форшмак без селёдки. А мы бы с Вами в Америке развернулись. Ну, не хотите, как хотите...

- Хотите мало, Аркадий Борисович. Надо ещё кое-что уметь и иметь. Я с Игнатом поговорю...

В тот же вечер ко мне подошёл Светкин семилетний сын. Посмотрел волчком и произнёс:

- Дядя Саша, Вы – сволочь!

«Может быть», - рассудил я про себя, снял ремень и надавал пацану по заднице, да так, что мало не показалось. Будет следующий раз думать, прежде чем разевать свой недоразвитый ротик на взрослых.

Весна в тот год была затяжная. Уже заканчивался апрель, а всё ещё ночами траву убеляло заморозками. Май, готовый вот-вот вступить в права, терпеть подобное безобразие далее не собирался. Он ворвался в нашу суматошную обыденность мощными тёплыми потоками, ливнями, грозами. На День Победы повсюду распустилась сирень. И, как цепная реакция, по земле понеслось цветение всего, что имело корни, стебли и ветки. Не знаю, есть ли ещё где-то на Земле места, красивее, чем Молдавия в мае.

Игнат прислал из Америки письмо. Они поселились где-то под Бостоном. Устроились оба художниками оформителями. Их талант сразу был замечен. Светлану впоследствии взяли в солидную

фирму по изготовлению индивидуальной одежды для богатых. Её модели имели грандиозный успех у тамошней элиты. Они обзавелись деньгами, знакомствами, связями. Игнат превратился в истинного американца. Заматерел, купил себе несколько автомобилей. Им устроили первую персональные выставку. Короче, ребята зажили припеваючи. Не то, что я...

Регион, где мне выделили квартиру по распределению после выхода на пенсию, стал называться Приднестровьем. И пошло-поехало... Молдавия стремилась в Румынию, Приднестровье всячески этому противилось. Западные разведки развили по этому поводу бурную деятельность, и результаты не замедлили сказаться. Вначале было противостояние чисто политическое. Потом оба днестровских берега принялись бряцать оружием. Страсти накалялись с каждым днём. Участились различного рода провокации. Разжигалась национальная рознь. Люди впервые после многих лет в дружбе и братстве познали, что такое безработица, нищета. Виновных в происходящем умопомрачении находили с лёгкостью. Мне часто доводилось, например, слышать:

- Кацапы понаехали, загадили нам тут всё своими заводами. Свины!

Что далеко ходить, сосед по площадке, как-то напившись, гонял жену и дочь с матерщинкой и кулаками. Те, убоявшись побоев, позвонили в мою квартиру. Я их впустил. Тут в дверь стал ломиться разбушевавшийся папаша и муж. Я открыл.

- Где моя законная? Га? Ты кто такой, чтоб тут свои порядки наводить? Га? Да я тебя... Ты, кацап немытый! А ну,пусти...

Я как раз перед этим принял ванну, побрился. Стою, благоухаю. Сосед же был расхлёстан, в каком-то грязном рванье, в уголках губ скопилась пена, из носа свисала капля. Перегаром и гнилыми дёснами разило, как из навозной кучи. Мерзость, фу! Машет руками у меня под носом и продолжает оскорблять. Я – грязный кацап, свинья, а он, выходит, интеллигент в седьмом колене. Сохранять невозмутимость меня хватило на пять минут, не больше. Когда похабные высказывания коснулись моих мамы и папы, я тихо ответил:

- Ты бы закрыл рот, дурачок.

В сравнении с тем, что изрыгал его этот самый рот, моё высказывание можно было бы счесть комплиментом. Но на соседа оно подействовало, как красная тряпка на корридного быка. Я оглянулся. Его жена и дочь с ужасом наблюдали за нашей перепалкой сквозь неприкрытую дверь и дрожали. Сосед, как сорвавшийся с привязи разъярённый сторожевой кобель, разбрызгивая по сторонам слюну и безбожно матерясь, бросился драться. Что оставалось делать? Я был повыше ростом, а руки мои намного длиннее, чем его. Схватив его левой за грудки, я некоторое время бесстрастно наблюдал, как соседские кулаки выписывают виражи у моего лица, не достигая цели. Затем правой отпустил увесистую оплеуху. Получилось звонко и эффектно. Оторопь, овладевшая соседом на минуту, сопровождалась полной тишиной. Однако одного урока оказалось недостаточно, и виражи возобновились с утроенной яростью. Пришлось проделать процедуру, только более старательно, с утроенным в ответ усилием. На этом конфликт закончился.

После он уже не кидался на семейство. Ограничивался пьяной руганью, на которую никто не обращал внимания. Меня же зауважал и грязным кацапом, даже будучи в изрядном подпитии, не обзывал. А когда я поинтересовался, кто же он сам, то было, чему посмеяться. Оказывается, мама у него самая, что ни на есть, россиянка из Смоленской глубинки. Отец украинец наполовину, по матери. И кто из нас больше кацап? Его супруга, молдаванка, солидная и приятная в общении женщина, мне впоследствии объяснила причину неприязни мужа: я отказывался с ним пить. А пил сосед, чуть ли не каждый день. Вот тебе и вся политика!

Наступило лето. Городок наш располагался на берегу Днестра. С реки веяло свежестью, сбивавшей летний зной. По вечерам вообще было замечательно. В прибрежных зарослях водились соловьи. Мириады лягушек, расплывшихся в заболоченной пойме, устраивали громогласные концерты. Из полей ветер приносил запахи полыни, чабреца. Замечательно жилось бы, кабы не людское безумие, обернувшееся вскорости братоубийственным противостоянием не определившихся с политическим курсом государственных систем.

Я тщетно метался в поисках работы. Военной пенсии катастрофически не хватало. Подрабатывал по случаю. Тем не менее, из нужды моя семья не вылезала. И вот однажды в почтовом ящике я обнаружил повестку. Меня приглашал на беседу некий лейтенант гвардии Шаптефрась. Явился по указанному адресу. Это был штаб батальона, формировавшегося как отдельное гвардейское подразделение вновь образованной Приднестровской республики. Лейтенант служил в батальоне помощником начальника штаба. Меня они разыскали через военкомат. Гвардии как воздух требовались кадровые офицеры. Что ж, это было по сути единственное, что я умел делать по настоящему. Перебросившись со мной несколькими словами, Шаптефрась повёл к комбату.

Подполковник, командовавший батальоном, имел бравый вид, ходил постоянно при наградах, которые заслужил, будучи на военной службе ещё при Советском Союзе. Коренастый крепыш, широкий в плечах, с простым светлым лицом. От него исходило некое обаяние, воздействовавшее даже на меня, мужчину. Какой же успех комбат имел у слабого пола, подумалось мне, не трудно догадаться. Его голубые глаза проникали собеседнику в душу и располагали к откровенности. Мне

даже в голову в тот момент не могло прийти, что у этого симпатичного сорока пяти лет блондина имелся такой крутой нрав, что батальон бледнел, когда он выходил перед строем и начинал разносить личный состав по гаечкам и винтикам. Это и был незабвенный наш Титаренко Павел Степанович.

Много воды с тех пор утекло. Я ни разу не пожалел, что служил под его началом. Хотя доставалось мне от комбата, особенно на первых порах, предостаточно. Но с началом войны я убедился в его личной храбрости, непримиримости и бескомпромиссности по отношению к врагу, талантливости и прозорливости как военачальника. Рядом с ним я сам ощущал себя чего-то значащим в этой жизни. А это немаловажно для мужчины, кем бы он ни был.

Изучив меня визуально, Титаренко задал несколько малозначащих вопросов. Видимо хотел проверить мою словоохотливость. Я отвечал односложно, так что диалога у нас не получалось. Он даже заскучал.

- Ты, наверно, стихов никогда не писал.

- Никак нет, товарищ подполковник. Всё больше конспекты по марксистско-ленинской.

- Ну, этой напасти никто из нас не избежал. А я, брат, баловался по молодости. Вот, к примеру... Восемь шавок, с ними дог, что у нас в итоге?

- Тридцать шесть собачьих ног ходят по дороге, - закончил я с детства знакомую побасенку. - А я всё мучался догадками, кто же это написал? Так Вы народный поэт, Павел Степанович?

- Ну, слава Богу, я уж подумал, что с чувством юмора у нас проблема. Ладненько... А знаешь ли ты, балагур, что нам предстоит в недалёком будущем?

- Как не знать? Этим уже в воздухе пахнет.

- То-то, брат. Вижу, готов. Не спрашиваю, по каким соображениям. Думаю, что деваться тебе некуда. Жена не против?

- Жена у меня – военная жена. Переживает, конечно, но слова не сказала.

- А моя меня испилила совсем. Куда тебя несёт, кричит, больше всех надо? Мало повоевал, не навоевался? Я ведь в Афгане, брат, пять лет... Всякого повидал. Захаровна моя аж поседела наполовину, когда у койки моей в Термезском госпитале дежурила. Кабы не она...

- А куда вас тогда?

- А вот, - комбат расстегнул куртку и оттянул тельняшку. Там, на груди, прямо над сердцем имелся давно зарубцевавшийся шрам от пулевого ранения. - Хирурги говорили, в рубашке родился. Так-то, брат. Ты, наверно, подумал, комбат трепло? Да, может и трепло. Мне по статусу положено. А вот, когда другие треплются, не терплю, понял? Таких – в шею! В моём батальоне будет по моему.

Я промолчал. Мне, если честно, не понравилось последнее. Проходили уже. Я сказал!.. Исполнять и не думать!.. Не делать умное лицо!... Комбат моментально почувствовал перемену в моём настроении:

- Да ты не боись, Сашко! По моему, значит как надо. Ты щэ побачишь, шо за зброд к нам сується. Гроши всим потрибни, а робыты не кожэн сподобывся. Вийна на носу, мэни роботягы сподручнише. Вийна – цэ праця попэрэд усёго. Инакшэ нэ выжиты.

В это время в дверь постучали. Титаренко застегнул пуговицу, про которую забыл, когда вычитывал для меня свой незамысловатый монолог.

- Разрешите, товарищ подполковник, - вошёл, когда комбат разрешил, лейтенант Шаптефрась. – Там подошёл человек на счёт трудоустройства.

- Ну, вот и ещё один гвардеец прибыл. Подвымыся, шо за птах, давай його сюды. А ты, - подполковник обернулся ко мне, - иди в канцелярию до Ирины. Она тебе всё оформит, удостоверение выпишет. Карточки принёс? Ну и добрэ. Вопросы е?

- Никак нет. Разрешите идти?

К такой жаре я не привык. Тридцать пять в тени. За день изжаришься так, что под вечер ноги не ходят. Форма, какую нам выдали, не дышала совсем. Я испросил разрешения у комбата носить свою старую, оставшуюся с армии. Брюки, рубашка с короткими рукавами, лёгкие чешские туфли, когда-то закупленные военторгом специально для вооружённых сил. Титаренко не воспротивился. Совсем другое дело. И привычнее, и вид солидный. Я принял под командование роту. Впрочем, ротой моё подразделение назвать язык не поворачивался. Всего-то тридцать человек. Скорее взвод. Но, как говаривал Степаныч, в гвардии один боец троих стоять должен. Вот и считай, что рота.

Служба в основном не отличалась от армейской. Те же занятия, планы, конспекты. Разнился возраст солдат. Если в прошлом командовать приходилось мальчишками восемнадцати-двадцати лет, то здесь были мужики, уже пожившие и повидавшие. Такими управлять труднее. У каждого сложился характер, многие были семейными. Когда я на разводе ставил перед ротой задачи на день, то частенько улавливал на лицах подчинённых ухмылочки, порой ядовитые. Иногда подмывало пожаловаться комбату на норовистость того или иного. Но я по опыту прошлой службы знал, что этого люди не прощают. Приходилось изобретать свои психологически методики, тщательно готовиться самому, например, к занятиям или предстоящим стрельбам. Я налегал на практику. Включал в планы боевой подготовки марш-броски с полной выкладкой, рытьё окопов, овладение

боевой техникой. Мои гвардейцы, например, освоили вождение «бэтра», работу с радиостанцией. Каждый мог оказать себе и товарищу первую медицинскую помощь.

С физподготовкой, правда, было сложнее. Народ уваливал, как мог. Кто принесёт справку от врача о каком-нибудь страшном радикулите. Особенно перед запланированным кроссом. Кто семейные обстоятельства организует, вплоть до внезапной кончины родственников. Один умудрился таким образом тещу живую похоронить. С этим явлением бороться было наиболее трудно. Титаренко только посмеивался, когда я приносил ему очередной рапорт с подобной ерундистикой. Рапорта он рвал в клочья, а мне вставлял по самое не хочу за развал дисциплины. В конце концов, мне самому надоело такое положение дел. У меня был хороший товарищ, врач местной больницы. Он рассказал, что справку у них получить – раз плюнуть. Городок небольшой. Все друг другу приходится какой-нибудь родней. Я тут же загорелся идеей привлечь доктора в помощники. Мы договорились, естественно на взаимовыгодных условиях, что, когда ко мне явится очередной «больной», я приведу его на углублённое обследование.

Случай представился на следующий же день. Мы разоблачили первого симулянта. Потом второго, третьего. Бойцы стали роптать. Возмущение творящейся «несправедливостью» стало возрастать и, наконец, достигло пиковой отметки. Сговорившись, трое моих гвардейцев явились к комбату с жалобой на мой произвол. Мне потом рассказывала Ирина, писарь нашего штаба. Титаренко внимательно выслушал обиженных бойцов, с каждого взял соответствующую объяснительную. Разговорил их, как это он умел, выспросил всё обо мне, якобы сочувствуя. Бойцы наговорили кучу всего и, довольные, уже видимо предвкушали моё позорное изгнание из батальона. Однако, комбат, вдруг резко изменившись в лице, поднялся из-за стола, закрыл на ключ дверь и извлёк из ящика резиновую милицейскую дубинку. Эта дубинка впоследствии обростёт множеством легенд, пересказ которых занял бы не один десяток страниц печатного текста. Ирина только и успела расслышать через дверь:

- Я вам зараз покажу, бисово отродье, як радикулит ликуваты!

Дальше в командирском кабинете началось нечто невообразимое. Ругань, крики, глухие удары и грохот переворачиваемых стульев. Затем дверь распахнулась. Гвардейцы, забыв про свои многочисленные недуги, высказывали, как ошпаренные, прикрываясь руками, а след неслось:

- Гэть из гвардии, сучьё поганое! У ясли, у дытячий садочок! Там з вамы нянькатыся будуть. А в мэнэ працоваты трэба. Я швыдко усих выликую. Только посмей мне хоть кто-нибудь больничный приволочь! Рога поотшибаю, пасти порву, редиски! Верблюжатники, мать вашу в гвардию и пенелопу! Ирка! Всех уволить к чертям собачьим! Сегодня же приказ мне на стол...

Когда изрядно потрёпанные вояки прибежали ко мне, я долго не мог сообразить, в чём дело. Они тараторили хором, перебивая один другого, и ничего не возможно было разобрать. Наконец я разглядел почти у каждого синяки и начал догадываться. Так, надо ковать железо, пока горячо. Грохнув кулаком по столу, я вдруг самому себе на удивление заорал так, что с веток растущей под окнами орешины в испуге сорвались переживавшие там жару галки и с гвалтом ринулись прочь.

- Молчать всем! Ты, - я ткнул пальцем в ближе всех стоящего, - доложить по порядку. Заткнуться остальным, я сказал.

Не ожидавшие от меня подобного великолепия гвардейцы сразу стихли. Они тогда наверно решили, что и я их буду метелить. Боец честно рассказал всё, как было.

- Ну и что же вы от меня хотите? Я, знаете ли, братцы, тоже бездельников не люблю. Мне боевое подразделение нужно, а не похоронная команда.

- Командир, да поняли мы всё. Вы с комбатом поговорите, чтоб оставил на службе, не выгонял. А мы со своей стороны не подведём.

- И кроссы бегать будете?

- Да сказали же... Всё будем делать, как велите.

- А если жизнь отдать понадобится? Раз уж вы от физподготовки уваливаете, то, что от вас в бою ожидать? На войне и секунды решают многое. Справка от пули не спасёт. Родину защищать умеючи надо...

Меня понесло. Годы политподготовки даром не проходят. Я произносил целую речь и, видя, как парней начинает от неё тошнить, получал удовлетворение. Пусть помучаются. Не всё же мне.

Выговорившись, я их отпустил и пообещал подумать, что с ними делать дальше. Сам же поднялся к комбату.

- Ну шо, просили не выгонять? – Подполковник находился в приподнятом настроении. – Куда они денутся? Теперь будут как шёлковые. А ты молодец, капитан, правильно придумал проверочку у доктора устроить. Не хрена тут симуляцию распространять. Так держать.

- Есть, так держать, Пал Степаныч. Кстати, прошу утвердить план завтрашних полевых занятий.

- Ну-ну, давай. С чего думаешь начать?

- Со сбора по тревоге часиков в пять утра. Затем с полной выкладкой на старое стрельбище. Там будем рыть окопы в полный рост и, если разрешите выдать мне патроны, то и постреляем по мишеням.

- Знаешь, Сашко, с патронами-то... Ну да ладно. Стреляйте. Только смотри там, охранение выставь, как положено, и всё такое. Курс стрельб ещё не подзабыл?

- Куда там! И хотел бы, так ведь в кровь всосалось.

- Ну, и добрѣ. Давай план, подпишу. А знаешь, шо? Позови-ка ты мне Шаптифрася. Задумка появилась. Дужѣ мэни сподобалась твоя инициатива. А сгоняем мы на стрельбище весь батальон. Пусть миномѣтчики тоже потренируются.

- Товарищ полковник, что за фамилия Шаптефрась? Спросить у лейтенанта что-то стесняюсь, а любопытство гложет. Вы не знаете?

- Чего ж не знаю? Шоб я, да нѣ знав своих молдованив? По нашему «семибрат» будет. Шапте – семь, фрась – брат. Толковый хлопчик, старательный. Ты в нього жинку нѣ бачив? О-о-о... Така красуня! Миж намы кажучи, ох, з якою охоткою я б йий шось зробив бы... Кхе-кхе...

Комбат хитровато подмигнул, а я аж рот разинул. Ну, комбат... Ну, даѣт...

О том, что будет сбор в пять утра, гвардия прознала ещё с вечера. Секретность, мать её... А может и сам Титаренко велел оповестить заранее. Чтоб не было позора, когда половину людей не собрали бы. У многих же свои огороды имеются, дачи. Днѣм война, а вечером - по участкам картошку окучивать, помидоры поливать и тому подобное. Вряд ли дома кого застанешь. Так что, видимо это правильно.

Ровно в пять ноль-ноль моя рота и батарея миномѣтчиков капитана Лебедева в полном составе стартовали от штаба. Нам предстояло пробежать навьюченными, словно мулы, около двадцати километров. Не по пересечѣнной, правда, местности, по асфальту. Я об этом не подумал, надо было бы разработать маршрут позаковыристей. Но что сделано, то сделано. Я и Лебедев бежали со своими гвардейцами, комбат же укатил на своём командирском «пикапчике». Ну, правильно, не царское это дело...

Хоть солнце уже и взошло, было прохладненько. С вечера по упревшим улицам прошѣлся ливень, о чём свидетельствовали лужи на асфальте. Однако земля успела просохнуть. Погода, как по заказу. Первые пять километров преодолели бодренько, некоторые даже отшучивались. Потом наступило всеобщее молчание, только подмѣтки грохотали под усиленное сопение гвардейских носов. Вот, когда курильщики пожалели о вредном своём пристрастии! Многие хрюкали и хрюкали, пытаясь прокашлять забитые серой мокротой гортани, задыхались и умоляли бросить их или пристрелить. Я слышал, как матерился Лебедев, подталкивая отстающих. Да-а-а... Ну и войско. Пенсионеры. А ведь и полпути не проследовали. Этак, треть состава не дойдѣт. Надо было что-то предпринять.

Я снял с плеча автомат, передѣрнул затвор и закричал, как мог, громче:

- Рота, к бою! Противник справа численным перевесом! – и выпустил над головами оторопевших бойцов длинную трассирующую очередь. – Уходить из-под обстрела ускоренным передвижением! Марш! Марш! Бего-о-о-м!

И ещё очередь. Эффект превзошѣл ожидания. Рота сорвалась в галоп. А я следом - короткими трассерами по облакам. Сзади также раздалась стрельба. Это Рома Лебедев по моему примеру гнал своих батарейцев. Ну, достанется нам от комбата за патроны...

Как бы там ни было, до стрельбища добрались без потерь. Последних пару километров уже не бежали. Люди выдохлись и плелись, кто как мог. Которые покрепче, забрали у ослабших оружие и часть поклажи. Одного или двух вообще волокли под руки. Но, к своему удовольствию, злобы какой-нибудь или отчаяния на лицах я не заметил ни у кого. Когда мы ввалились на стрельбище, бойца попадали. Но не тут-то было! Нас встречал соскучившийся комбат.

- Это ещё что такое, - заорал он во всю мощь груди. – А ну встать, твою гвардию через пенелопу! Стройся! Командиры подразделений, - это адресовалось мне и Лебедеву, - доложить о наличии людей и готовности к выполнению боевой задачи! И не дай Бог, хоть один матюк услышу...

Титаренко выразительно постукивал по ладони резиновой дубинкой.

- Рота, становись! Равняйся, смирно! Равнение на середину, - я молодецки крутнулся на каблуках и пошѣл к подполковнику строевым шагом, держа руку под козырёк. Краем глаза отметил, что с другого фланга также лихо чеканит шаг и Роман.

- Вы, полководцы хреновы, - Титаренко в полголоса начал нас отчитывать. – Что там за стрельбу устроили? Всѣ небо расчертили. Я уж хотел ехать с разборками.

- Тактика, товарищ подполковник, - Лебедев, смеясь, коротко доложил об особенностях марш-броска и, видя, как Степаныч расплылся в улыбке, добавил, кивая в мою сторону, - это Сашкина идея. Блестящая, надо сказать.

- А я вообще думал, что никто не добежит. Все ж у вас больные. Ну, молодцы! Ладно, расслабляться не будем. Давайте по плану, что там у вас дальше.

А дальше мои и Лебедева крестьяне вгрызались в шикарный молдавский чернозём. Вот где опыт и терпение огородников послужили во благо. Людям с землёй возиться было намного приятней, чем бегать, как лоси. Окопы они вырыли за каких-то полчаса. Оборудовали как надо. Брустверы обязательно и спереди и сзади, чтобы осколками от мин не посекло. А спереди ещё и сектора для стрельбы. Несколько гвардейцев спешно закрепляли в ста метрах зелёные мишени на щитах, прочно врытых ещё в советские времена.

Солнце к тому времени уже припекало. Небосвод постепенно стало затягивать сизовой пеленой испарений, исходящих от влажной растительности полей и садов. Щурясь от яркого света, комбат ходил вдоль окопов и отпускал замечания. Он вообще был любитель поучить. Но его наставления отличались конструктивностью, всё, что он говорил, имело практическую ценность. А некоторые советы даже, я бы сказал, несли на себе печати народной мудрости, чего не встретишь у молодых и неопытных.

Понаблюдав, таким образом, за «полевой страдой», Титаренко позвал нас к себе. Когда мы с Романом подбежали, он поднял указательный палец:

- Имею замечательную мысль, господа ахвицеры. Шо краше всего стимулирует людюну, знаете?

Мы оба подобострастно смотрели ему в рот и делали удивлённые глаза. Меня подмывало, конечно, сумничать, вернуть соображения о работах Фрейда, Дейла Карнеги, где расписано по пунктам, как заинтересовать человека в достижении какой-либо цели. Даже язык чесался. Но я также заметил, как Роман, словно прочитав мои мысли, незаметно мне качнул головой, мол, не стоит. Пусть комбат блеснёт, и ему, и нам приятно будет.

- Самое эффективное средство – это соцсоревнование. Понятна моя мысль?

Мы с радостью закивали. Титаренко даже разочаровался такой быстрой ответной реакцией.

- Шо вы киваете? Гляди, яки грамотни выискались! Лебедев, ось ты мэни скажи, шо такэ соцсоревнование? Як ты його уявляєшь тут, на полигони? Га?

- Я уявляю его себе, - Роман замялся, думая, как бы половчее прикинуться дурачком, - наверное, кто быстрее окопы обратно засыплет и по новому отроет: мотострелки или миномётчики.

- Шутка-юмор-сарказм? – Титаренко зачем-то сжал кулаки. Может оттого, что я не мог, как ни старался, убрать смешинку, которая судорогой вцепилась мне в губы. К тому же это «шутка-юмор-сарказм», как правило, предшествовало яростным, но беззлобным словесным перепалкам, от которых комбат тащился, будто от наркотика. И это, в общем, забавляло.

- Э-э-э... Бессовестные морды! Ты, блин, генерал Лебедь, зараз в мэне сам почнёшь закопуваты и видкопуваты, а бийци нэхай подываться, якый в них капитан хоробрый. Ишь ты, янычар выискался! На батьку коняку натравляты?

«Коняку натравляты»... Это что-то новенькое. Очередной перл Титаренки послужил последней каплей. Я не выдержал и прыснул. За мной Роман. А спустя минуту начал ржать и сам «батька».

- Короче, объявляйте своим, что через полчаса начинаем соревнование по стрельбе. На лучший результат подразделения и на лучшего стрелка. Сперва в роте и батарее, а потом уж те между собой выяснят, кто самый меткий в батальоне. Зрозумило, панове? Ну и добрэ... А зараз пивгодыны пэрэкур. Всё. Выполнять.

При слове «перекур», гвардейцы, не сговариваясь, но в один голос закричали «ура». Взмокшие, осунувшиеся, взлохмаченные, достав и крупными глотками опустошая свои солдатские фляжки, они излучали прямо-таки счастье в пространство. М-да... Преодоление себя и есть счастье, что ли? Сколько раз приходилось это проделывать! Я что ли счастливый человек? Наверное, да...

Домой возвращались автобусами. Титаренко распорядился. На моё предложение проделать обратный путь пёхом под строевую песню, комбат саркастически отозвался, что не против, но только для одного человека: для меня.

- Не-е-е, я, конечно, понимаю, боеготовность, выносливость и прочее. Но не до такой же степени, Сашко! Зачем людей гробить? Если ты семижильный, то давай, за автобусом пристраивайся. Мы будем не быстро ехать. Громкоговоритель дать? Ну, шоб спивалось лёгчэ. Я лично тебе «Смуглянку» заказываю, или «Марусю». Ты не забывай, что перед тобой не пацаны.

- А война, Павел Степанович, не разбирает, где кто. Она с одинаковым аппетитом сожрёт и молодого и старого.

- Всё! Не хрена тут... Я сказал. Успокойся, Вильгельм Тель, вольный стрелок...

Что ж он такой ядовитый? Мать чем его в младенчестве вскармливала, интересно? Настоем полыни? «Вольный стрелок»... Ну, получилось так. Я же не нарочно. Сам ведь велел стрелять вместе с ротой. Я и в армии отлично все нормативы по стрельбе выполнял. По результатам осмотра мишеней мои показатели были лучшими. Я пытался потом отказаться от дальнейшей перестрелки. Но комбат пошёл на принцип, наверное, заранее предвкушая свои издевательства над выскочкой, то есть надо мной. А халтурить с автоматом я не смел. Тоже из принципа. Ну, и повыбивал все десятки.

- А я тебя снайпером поставлю, - не унимался Степаныч, видя, что я готов провалиться. – Должен же лучший стрелок батальона приносить пользу. Будешь для меня чирики стрелять у Захаровны, а то она жадная по отношению ко мне стала последнее время, даже на поллитру не выпросишь.

- Га-га-га! – гоготали бойцы, подбадривая комбата на дальнейшее издевательство. Их, естественно терзала зависть. Многие в моей роте могли бы претендовать на победу, я лично смотрел каждую мишень. И они старались. О, это была целая баталия! Один по очкам отстал совсем на немного и от обиды убежал куда-то в кусты и вернулся лишь тогда, когда прозвучала команда «по машинам». Я украдкой за ним наблюдал. Бедняга плакал, наверное. Веки припухли и глаза красные. Как дети, ей Богу...

Но в основной своей массе гвардейцы поглядывал в мою сторону с восхищением. Мне это льстило, и я готов был терпеть любые подковырки комбата. Тем более, что в его устах, как мне потом разъяснил Рома Лебедев, это наилучшая похвала.

Время подходило к обеду. В автобусе царил оживление. Люди, перебивая друг друга делились впечатлениями, которых было столько... Действительно, сегодняшние учения получились необычными. Мне и самому не терпелось потрепаться, но, наверно, я возгордился. И было из-за чего. Сегодня, считай, я с блеском выдержал экзамен. Потому, что теперь знал твёрдо: с этими людьми уже можно идти в бой.

- Саш, а пойдём потом погуляем у Днестра? – жена, улыбаясь, наблюдала, как я живо уплетаю законный свой ужин. – Погода такая чудесная.

- М-м-м... Угу... - промычал я в знак согласия.

- Да не торопись ты. Добавку будешь?

- М-м-м... Угу...

Она засмеялась и побежала на кухню.

У реки действительно было замечательно. С другого берега доносилась громкая музыка. Кто-то гонял кассету с молдавскими мелодиями. Звук над водой разбегался далеко. Стемнело уже давно. По обоим берегам горели уличные фонари, отражаясь в реке, которая дробила отражение на мириады бликов и играла ими. Дышалось удивительно легко. Совершенно не чувствовалось усталости. Даже наоборот! Я то и дело подхватывал свою ненаглядную на руки и кружил, кружил. Она при этом довольно вскрикивала и прижималась всё теснее. Человек, которого не было роднее на свете. Милая, как я тебя люблю, если бы ты только знала! Не помню, сказал ли я это вслух или подумал, но жена услышала и стала целовать мои щёки, глаза. Потом надолго слились наши губы. Я схватил её за руку, и мы побежали по набережной. Туда, где она заканчивалась, и начинались густые заросли ракутника, хмеля и ещё каких-то кустарниковых...

- Сашка, ты всё-таки сумасшедший! А если бы кто увидел?

Смеясь и отряхиваясь, мы выбрались на набережную снова и, обнявшись, потихоньку брели по асфальтовой дорожке. На меня накатило нечто вроде умиротворённости и ощущения полного счастья. Я предложил присесть где-нибудь и просто полюбоваться природой. Мы так и сделали.

В мире полыхала красота. И мы были действительно счастливы. И луна радовалась нашему счастью, и звёзды, за которыми по речной поверхности гонялись голодные рыбы, оставляя расходящиеся круги. Из наших зарослей неслись безумные соловьиные трели, откуда-то оттуда прибавляли ритму лягушки. Летучие мыши быстрыми тенями мелькали то справа, то слева, то прямо над головой. Жена положила мне на плечо голову.

- Как хорошо...

Мы ещё долго так сидели, слушая вселенную и собственные сердца, что бились в унисон. И казалось, это продолжаться будет, по крайней мере, вечность...

Неожиданно на том берегу послышалось гудение мотора. Я вздрогнул, так как узнал этот звук. «Бэтр»! Зрение у меня было в те годы превосходным. Я без труда разглядел промчавшуюся на большой скорости боевую машину. Потом другую, третью... Целая колонна. С потушенными фарами. Живо припомнился другой вечер. В Кишинёве. Грохот армейских сапог, разрушенная тишина и предчувствие войны.

Жена взяла меня за руку. Ей стало вдруг страшно, как и мне тогда.

Это было последнее мирное лето Приднестровья. Я тогда не знал, что в дверях моей квартиры уже целый час торчит записка, оставленная посыльным, в которой лаконично сообщалось, что по приказу командира батальона объявлен срочный сбор...

Алексей ИЕВЛЕВ

* * *

Назову Вас высоко – на «Вы».
Вы достойны. И знаете сами –
Невозможно ничто между нами,
Что бы стало предметом молвы.

Ночь опять одинока. Одна
На глазах миллионов прохожих.
Тает снег, ни на что не похожий.
Ни на что не похожа весна.

Почему эта слякоть всегда
Обещает мне только разлуку?
Ах, как мы не подходим друг другу!
Да...
Но кто же подходит тогда?

* * *

Ты читала стихи Верлена
В переводе.
А я молчал.
Был изыскан овал колена.
Был прекрасен лица овал.
Безделушками из нефрита
На лице блестели глаза.
Ты была открыто
Закрыта
Для всего,
Что бы я ни сказал...
Но прекрасные руки плена
Я не очень-то отвергал:
Может, дело в стихах Верлена,
Или в том, что я в них искал...

* * *

Как быстро тлеет сигарета
В твоих руках...
А раньше ты была – планета!
И был мой страх
Остаться в этой звездной ночи
Наедине
С угасшим звуком многоточий
Шагов во тьме.

И я остался... Страх растаял.
И пусть ждала
Воспоминаний волчья стая -
Не догнала.

И только красные уголья
Горят во тьме...
Как шуба черная соболья,
Ночь льнёт ко мне...

Ушедшее пусть канет в Лету,
Как в омут нож.
Брось в пепельницу сигарету,
Когда уйдешь...

ЛЕБЕДИ

В синей тундре благодатной
 Там, где дали необъятны,
 Где вода озёр синей
 Царство гордых лебедей,
 В этом сказочном раздолье
 Лебединые гнездовья
 У озёрных тихих вод
 Можно видеть каждый год.
 Вот застыл на водной глади
 Не прогулки вольной ради,
 Лебедь, шею изогнув
 И к воде приблизив клюв,
 Там, в глуби добыча бьётся.
 Лебедь к берегу плывёт,
 Где его подруга ждёт.
 Он лебёдушке добычу
 Носит гордо и привычно:
 Снова их весна идёт
 Средь таинственных забот.
 На крыло поднять потомство
 Даже парюю непросто.
 Будет много трудных дней
 В жизни славных лебедей.
 Но не всем и это счастье –
 Выводить птенцов с участием
 И с заботою отца.
 Быть им вместе до конца...
 На другом краю озёрном,
 Там, где берег не обзорный,
 Возле скромного гнезда
 Где лебёдушка жила.
 Плачет тихая подруга –
 Нет, как нет родного друга –
 Застрелил его злодей
 При полёте лебедей.
 И лебёдушка страдает.
 Как же быть, она не знает:
 Только там, где есть отцы,
 Появляются птенцы...
 И она кричит надрывно
 Грустным голосом призывным:
 Ведь одной не в силах ей
 Вывести своих детей...
 Плач, услышав лебединый,
 Хитрый лебедь путь не длинный
 Над водою пролетел,
 У гнезда несчастной сел.
 Думал скоро воротиться,
 Но, бывает, что и птица
 Может (как и прочих ряд)
 Чувство меры потерять.
 Небо ярко голубело.
 Вмиг неделя пролетела...
 Вдруг он слышит в вихре дней
 Зов лебёдушки своей.
 Отрезвев от мысли скверной,
 Он летит к подруге верной,

Осознав, что лишь она
Для семьи ему нужна...
Выдержавши, птичий слог,
Передам их диалог:
- Где ж летаешь ты, гуляка?
Вспомни, что ты пел до брака?!
Вдруг о верности забыл.
С кем ты время проводил?
- Виноват, прости родная.
Как случилось, сам не знаю...
Только твёрдо понял я –
Ты одна любовь моя!
И лебёдушка простила –
Ведь любовь – большая сила...
Но, он ради грустных глаз
Покидал гнездо не раз...
Всем известно:
Средь людей
Много «чутких лебедей».

(перевод с коми Алексея Карпова)

Юрий ИОНОВ

* * *

Когда вся жизнь сошла на край,
Все перевернуто на свете,
Кто скажет: дескать, крепость, рай
Мой дом, моя семья и дети?...
Где прежде вправду был уют,
Гнездо людей и дел хороших –
И предают, и продают,
И убивают не за грошик.
Вы приглядитесь не шутя:
Вокруг, а не в телепрограмме
Бросает мать свое дитя,
А дети убивают маму.
Случайно ль в веке скоростей,
Игрушек чудных и ученых
Заводят люди не детей,
А кошек или собачонок!
Печальный парадокс для вас?
И для меня, конечно, тоже.
Но согласитесь: пес Джульбарс
Иль кот – чистюля осторожный –
Нас никогда не предадут
И не проявятся как хамы
И будут в доме с нами, тут,
Вплоть до последнего дыханья –
Хоть нашего, хоть своего...
Эпоха так гнусна земная –
Детей для друга моего
Собаки-кошки заменяют.

* * *

Валентину Суховскому

Поэты встарь растили сыновей –
Поштучные, обласканные властью.
Но словно вслед промчался суховей,

Застлало небо русское ненастье.
Без малого уж двести лет назад
С царями раздружились вдруг поэты,
Взамен шутов им все крича в глаза,
В ответ узнав наветы и клеветы.
Царь всех поэтов – Пушкин – пал на снег,
Облившись кровью из смертельной раны.
А царь... Остались словно бы во сне –
Сироты под опекою тирана.
Впредь – тем больней – от пули палача
Иль от чахотки падали поэты,
Иной тиран род вырубал с плеча
(Сироты-дети вслед терпели это).
И над тетрадкой вечною тихи,
Детей не заводили поэтессы.
«Мои грехи – поэмы да стихи», -
Писала та, что боле всех известна.
И я рожаю книги, как детей,
Не вырастив плодов любовной жатвы;
Лишь ты, дружище, в этой смуте всей
Осмелился плодиться-размножаться.
«К чему сыны, когда бессмертен стих?»
Вслед за другими говорил-писал я.
Ты ж их растишь, читателей своих,
Страну от вымирания спасая!..

* * *

Гербы претенциозны и глупы,
У разных стран друг друга повторяя,
Со сменой эр последний смысл теряя,
Служа для оглупления толпы.
Ну разве передать любым гербом
России нашей суть, и путь, и славу
Как православно-избранной державы,
И чтобы он «просился» в каждый дом?!
Ну, был Святой Георгий на коне,
Он поражал копьём зверюгу-гидру
(Какими были и Батый, и Гитлер);
Орел двуглавый долго был в стране.
Лишь раз был герб с прицелом на века:
Достойный, по-простому благородный, –
Земля носила – с трудовым народом –
Серп-молот и колосья по бокам.
Но кто трудом миллиарды приобрел?!
Такому надо хищно глотки рвать нам;
А взял он власть – вернулся в герб обратно
Двуглавый монархический орел.
А что – орел? Красив как птица он;
Но только ведь в гербах орлов держали
И подлые, продажные державы,
Каким к лицу – шакал, хамелеон.
...Сам век подскажет самый славный кадр:
Когда орлы летят, как куры во щи,
Не больше ль скажут о державной мощи
Победы стяг, Гагарина скафандр!

Алена ЕЛЬЦОВА

* * *

Ночь, она всегда тесней и строже...

Будет утро –
Станет проще взгляд.
Но слова невысказанной дрожи
Никогда уже
Не прозвучат.

Ночь уйдёт.
Ты побежишь за нею.
Только не догонишь нипочём.
Так и унесёт она с собою
Сердца твоего печальный ком.

* * *

Звук моих шагов тебя коснётся...
Только, это – жёлтых листьев шорох,
На ветру взвывающийся ворох –
Ничего в руках
Не остаётся...

Но от них -
и по ночам светлее,
И тепло их на душу ложится,
В сердце потихоньку серебрится,
О разлуке нашей не жалея.

И когда осенний мрак начнётся,
И тоска моя листвою в небе
Обратится в мотыльковый пепел...

Звук моих шагов тебя коснётся.

* * *

Осени дыхание бесплотное
Призраком в душе твоей свернётся.
Тронешь дверь – уйдёшь в листву –
Холодную,
Как и мне оставишь сны –
Холодные
Белыми дождями у колодца.

Ветер нежно тронет мои волосы,
И пройдёт, печальный, стороною...
Я тебя запомню –
Только голосом,
В самом сердце –
Только тихим голосом,
В позднем парке с позднею листвою.

(перевод с коми Владимира Цивунина)

Анжелика ЕЛФИМОВА

ВСЁ ПЕРЕМЕЛЕТСЯ...

* * *

Сядем милый...
Свет не нужен,
Если руки рады встрече.
Даже печь бормочет глуше,
Не тревожа тихий вечер.

Нет на свете горше доли,
Чем в разлуке быть годами...
Я не знала, что всего лишь
Выходил ты
За дровами...

* * *

В жизни твоей будет разное:
Будут безумно прекрасными
С неба снежинки летящие,
Сердце веснушки разящие,

Желтые чары болотные,
Радость и грусть приворотные,
Крах, когда поздно надеяться,
Но это все перемелется...

* * *

Канула неделя.
Кажется - семь лет.
Ягоды не рдели,
Дали пустоцвет.

Выклевали гроздья
Вороны семь раз.
В семь дождей и гроз я
Не убереглась.

На семь дней короче
Жизни колея.
Ты грустил не очень,
Но седая я...

(Перевод с коми Алексея Иевлева)

Тамара ЛОМБИНА

И БЫЛ МНЕ СОН...

(рассказ)

Аксинья проснулась на остывающей печи, продолжая улыбаться. Она перетекла сознанием из сна в розовую дымку раннего рассвета и опять в сон. В нем было так же розово и уютно, как в ее чистой избе в утреннем освещении. Боже мой, какие молодые и хмельные чувства, перепутав ее иссохшее и больное тело с чьим-то молодым и сильным, залетели в предутренние мгновенья в ее сиротливый дом! Давно она жила одна в этой все еще большой и крепкой избе. Да что там в избе, во всей деревне их осталось несколько товарок. В молодости они никогда не дружили между собой. Да и молодость у них у каждой была в разное время: у Аксиньи как раз накануне войны, а все ее нынешние подружки успели в невесты после войны. Пospеть-то успели, да их женихов на себе женила война.

Одна только Дарья вышла замуж за безногого инвалида, которого сама же и привезла из города на подводе с пустыми бидонами. Он сидел у чайной, когда она подъехала, чтобы купить лампасек к чаю. Грязными руками безногий солдат скручивал самокрутку. Он хотел было прикурить, но в этот момент увидел Дарью и застыл с открытым ртом, глядя на нее с таким жарким и нескрываемым восторгом и восхищением, что она, и без того разгарчивая, запылала до слез. Ей почему-то страшно было проходить мимо него. Казалось, если он вдруг протянет руку и ...схватит ее, то ей не решиться оттолкнуть его от себя, как бродячего пса. Дарья долго колдовала вокруг подводы, зачем-то передвигала пустые бидоны, но потом решительным шагом направилась к крыльцу чайной, косолапя от смущения по уходящей из-под ног земле в разношенных кирзовых сапогах. Когда она поравнялась с калеккой, тот вовсе даже и не поднял рук, а вдруг беспомощно и доверчиво, как-то по-собачьи, прижался лохматой головой к ее ноге и застыл от собственной смелости. Самого его, давно ничейного, охватило странное ощущение: вот оно, его счастье, вот он, его дом и его хозяин.

Дарья хотела было оттолкнуть его немытую голову от себя, но вместо того зачем-то схватила его на руки невесть откуда взявшейся силой и понесла к подводе.

Почему Аксинья вспомнила именно сейчас об этом? Ведь сон был вроде бы не о том. И все-таки о том...

Этот единственный послевоенный жених не обрадовал родителей невесты. Ох, как же выла мать Дарьи, когда та привезла зятя. Но ни слова не сказала своей красавице-дочке, помогла его внести в избу, сама его вымыла в корыте, а вечером пригласила баб, спроворили всем миром стол. Вот тогда Аксинья и достала свое свадебное платье, которое она сшила, но которое так и осталось ненадеванным, и отдала его невесте. Только за столом все рассмотрели умытого жениха Василия и красоту Дарьи-невесты. А он и на самом деле был красивым парнем, этот приемш. Он был пьян без вина от неожиданного счастья, сидел и улыбался своими белоснежными зубами.

Какие они оба были красивые и чистые. Из-под стола не видно было пустых штанин. Кудрявый синеглазый жених, которого бил озноб счастья, сидел торжественно и прямо. Невеста нервно перебирала косу и постоянно поправляла на груди оборочки на розовом крепдешинном платье Аксиньи. Она, словно во сне, брала рюмку с красным вином из калины, ставила на стол, забыв пригубить, и лишь иногда, справившись со смущением, взглядывала в синий огонь глаз Василия. Щеки ее, и без того пылающие, вспыхивали так, что Дарья почему-то испуганно прижимала руки к ним, чтобы чуточку пригасить пламя. А бабы пили вино, подшучивали над женихом и невестой, желали им кучу детей, чем доводили Дарью почти до обморочного смущения. Бабы-страдалицы умильно смотрели на эту пару и пели, и плакали об их судьбе-судьбинушке и о своих печалях-горестях неизбывных. Ах, каким огромным было счастье этих молодых и каким долгим: день, вечер, ноооочь и рассвет.

«Вот оно,— подумала Аксинья,— к чему это я приплела Дарьюшку, ах да... мне самой приснился сон».

Аксинья улыбнулась, а потом стала серьезной, словно открылось ей что-то большое и главное, словно она вдруг проснулась окончательно, стряхнув и сон, и чужие воспоминанья о чужой, невесть зачем ее посетившей памяти.

Недолгим было счастье Дарьи и Василия не потому, что не удалась совместная жизнь, а потому, что догнала Василия ненасытная женихолюбивая сладострастная старуха-война. После рождения второго ребенка Дарья стала молодой вдовой. Осколок, о котором не подозревал даже сам Василий, осиротил их дом.

Аксинья затрясла головой, стараясь стряхнуть одолевающие ее воспоминания о нынешней задушевной подруге. Она точно так же хотела забыть и собственный розовый сон, который был так радостно хорош, что было за ним что-то пугающее. То, что она уже прочитала сердцем, но не хотела понять умом.

Аксинья привычно согрела воды, накормила кур, заговорила с коровой Зорькой, нежно обмыла ей теплой водой вымя. Зорька была такой ласковой и родной, что, если бы это не показалось смешным и нелепым ее товаркам, Аксинья держала бы ее в собственной избе. Она еще теленком привязчиво ходила за хозяйкой, стараясь лизнуть руку, ногу.

– Ну че молчишь? Сказала бы что-нибудь?– спросила Аксинья свою кормилицу.

Зорька замычала и повернула голову, чтобы увидеть хозяйку.

– Ишь, захлопала своими кареоками,— нежно проговорила Аксинья, погладив Зорьку по крутому боку. Уж такая досталась умница, что порой хозяйку оторопь брала. Некоторые бабы все как-то хитрялись, чтобы корова хвостом не помешала, не натрусила бы сору какого, а эта приспособливалась так, что при своей неповоротливости ни разу не причинила Аксинье неудобства.

– Как спалось?– опять уходя от воспоминаний о собственном сне, спросила Аксинья.

Кося огромным глазом, опять промычала Зорька и переступила своими крупными ногами так, чтобы Аксинье стало удобнее.

– Му-удре-еха ты моя,— передразнила корову Аксинья. А любимица ее, словно почуяв тревогу хозяйки, вздрагивала кожей и все косилась да тяжело вздыхала. Аксинья усмехнулась, поняв, что они по очереди вздыхают.

Потом Аксинья принесла молоко в дом, процедила, еще теплое налила в кружку, да так и застыла над ней, окунувшись в свой утренний сон. В этом сне она сидела перед окном, за которым стояла береза, но в то же время она была этой березой. Она чувствовала теплую нежность солнца, матово теплела берестой и трепетала листьями.

А возможно, она была молодостью в девичьем обличии, в обличии невесты. Эта Аксинья-Неаксинья чувствовала все, что должна была бы чувствовать она сама на собственной свадьбе, когда бы не забрала Петра война, что чувствовала Дарья, что переживала всякая невеста, стоящая над бездной для того, чтобы упасть туда и утонуть, но при этом всякая с надеждой взлететь. И Аксинья, та, во сне, полетела. Она летала странно, словно в танце, не касаясь земли ногами, в удивительном платье из зари и бирюзового неба парила над землей в сладостной истоме. А вокруг нее столько

красивых юношеских лиц, видимо, это все, кто когда-либо глянул на нее с нежностью, по которым вздыхала она...

Как волновали ее их взгляды! Какое новое, незнакомое чувство вызывали в ней их трепетные руки! Она не ведала доселе ничего похожего. А цветы под ее ногами, которых она едва касалась босою ногой, наполняли ее такой нежностью, что воздух становился этой нежностью, запахи трав и цветов были этой нежностью. Но не было рядом с нею того, к которому ей так хотелось потянуться навстречу с отчаянной решимостью Дарьи. Как переливался этот удивительный вечер в ночь, которая на белом облаке опустилась к Аксинье в туманно-сиреновом платье. А разве это не она, Аксинья, была ею, ночью? Да это тоже была она. Где-то высоко-высоко послышался колокольный перезвон. Какой призывной была музыка эта, какой отчетливой, чистой, она вела ее к заветному пределу. Он ждал ее там, где музыка была всем, где жизнь была музыкой.

Аксинья с радостью, все быстрее и быстрее летела туда, откуда слышна была эта музыка, где она не видела, а, скорее угадывала манящий ее свет.

Дарья вывела Аксинью из раздумий-воспоминаний.

– Чегой-то ты замерла, как мышка, стучу к тебе, стучу,– она в недоумении остановилась перед Аксиньей, которая перебирала свой смертный узел.

– Да вот, приданое пересматриваю,– с виноватой улыбкой ответила ей Аксинья.

– А чего его пересматривать?– испуганно и нарочито строго проговорила Дарья.– Чего это ты удумала?..

– Ты присядь,– с успокоительной нежностью проговорила Аксинья,– не кипятись... Сон мне был... пора мне... Да ты не пугайся и не плачь.– Аксинья сняла белый платок с головы и, как больному ребенку, стала терпеливо объяснять.– Ты не переживай, пересезжай в мою избу, она крепче и теплее, свою продай, чтобы чуток откормиться, чтобы не голодала тут без меня, а Зорьку береги, люби ее, да разговаривай с ней. Знаешь, какая она у меня болтушка...

– Не хочу я тебя слушать, малахольная,– слабо оттолкнула Дарья руку подруги.– Твоя Зорька без тебя и дня не проживет, а я...– И еще больше залилась слезами.

Но Аксинья уже отрешилась от боли подруги.

– Знак мне был, пора мне к моему жениху, позвал он меня. Ни разу не звал, сколько я его видела, да только сегодня позвал, а я уже и хочу... Видать, уже поспела душа...– Она опомнилась, вспомнила про Дарью и с еще большей нежностью добавила,– да ведь мы с тобой давно уж собрались,– похлопала она по смертному узелку,– а кому-то надо пойти первой. Я ведь постарше, а тебе уж и не так страшно будет, мы с Василием твоим тебя там и встретим, товарочка ты моя любезная.

Они обнялись и заплакали, а где-то у самого горизонта затеплилась на светлом небе звезда-свеча.

Игорь ВАВИЛОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Чего тебе? Опять про Сахалин?
На острове ужасная погодка,
К Зеландии летит крылатый клин,
Бегут дедов солдаты первогодки,
Колодники спускаются в паром,
Пубран мак, “банзай” доносит эхо,
Идет ставрида мощным косяком,
Базарят чайки, сочиняет Чехов.

Корейцы скромный ужин гоношат,
“СУ-27” идет на перехват.

* * *

Рабочий городской район
Лесозавод, устроен просто:
Две школы, баня, стадион,
Погост, (а как же без погоста),
Детсадик, лавки: «пром» и «прод»,
Библиотека, клуб, больница,

Здесь время прекращает ход,
Меж двухэтажек тормозится.
Кивнув, мне руку подает,
Презревши летоисчисленье.
Плюет, скривив фиксатый рот,
Чуть цыкнув, в сторону взросленья.

* * *

Этническая музыка играет,
Когда садится солнце в этом крае.
С приходом тьмы – ни шагу за порог,
Заклепками блестит тяжелый рок.
С утра пораньше начинается эстрада,
Любимый край! Другого и не надо!
Частушкам места нет и шансонье,
Здесь хорошо и все почти по мне.

Владимир ЦИВУНИН

* * *

Подкрашены губки, подвязан платок,
И глазки опущены ниц –
И всё, и уже ты запутан в силок
У страсти бедовых границ.

И голос уже выдаёт свою дрожь,
И глухо роняешь слова.
И... кутаешь взглядом, но – не подойдёшь.
Не то улетит голова.

* * *

Прекрасный, никому не нужный
Встаёт за окнами рассвет.
И, кашляя, поэт недужный
В постель идёт, небогрет.

Лежит. Ворочается грустно.
Почти заснув. Опять лежит.
И строчки пробегают устно.
И острый свет в глаза глядит.

* * *

Такая гроза громыхает –
Компьютер не смеешь включить.
Зато – как трава подрастает,
И листья – торопятся жить!

Люблю эти щедрые грозы
В обнимку с весёлой жарой,
И рад, что хватает мне прозы
В отсутствии музы шестой.

Мой мир раздвигает границы –
До горних высот и глубин,
И некуда мне торопиться,
Как будто я в мире один.

И мне эти капли и брызги
Выплясывают одному,

Как счастья смешные огрызки –
И все я, конечно, приму.

Спокойствие, успокоенье –
Чем реже они, тем ценней.
Как памяти лёгкой скольжение
По радостной жизни моей.

Александр СУВОРОВ

ВЕЧЕРНЯЯ

По алтарю гуляет свет закатный,
Воздел священник руки к небесам.
Как сладко пахнет ладан благодатный!
Как будто гладит Бог по волосам.

И тает воском сердце в отчей ласке,
И вспыхнул свет свечи, что приугас,
Не в золоте святой иконной краски,
А в тайной глубине Христовых глаз.

* * *

В лесах судьбы ненастье,
В душе тоска и шум.
Стреляет в лёг злосчастье,
Не целясь, наобум.

Летит душа открыто
На дальний свет любви.
Одно крыло пробито,
Другое – всё в крови.

Проволгла вся одежда.
Безлюдные места.
Последняя надежда
На Господа Христа.

ПТИЦА СНА

Летит в безоблачном покое
Таинственная птица сна.
Под одеялом ночи – двое.
Им снится лунная весна.

Им снятся праздничные лица
На шумной свадьбе, а во мгле
Летит таинственная птица,
И тихо на ночной земле.

Крадётся грусть – роса на лапах,
Печаль тропит в траве следы,
В саду – тоски холодный запах
И запах будущей беды.

Никто не знает, что случится:
Разлука, хворь или война...
Летит таинственная птица

Бездонного ночного сна.

И двое дышат безмятежно –
Уже одна, родная кровь.
И что-то напевает нежно,
Склонясь над ними, их любовь.

Владимир ТИМИН

* * *

Звезда моя, звезда земная,
Зачем ты так строга ко мне,
Ведь время мчит, напоминая,
Что не вернуть ушедших дней?

А ты как будто не устанешь,
Как будто бесконечна жизнь.
Пройдут года: какой ты станешь,
Звезда моя, земная высь?

Мы вспомним всё, что было с нами,
Усталость мы не пустим в дом.
Звезда моя, какими снами
Мы пожалеем о былом?

* * *

Если вширь дорога вечна,
Значит, вглубь такой же путь.
Даже в клетку бесконечно
Проникать нам, точно в суть.

Если рай кому-то светит,
Значит, ад кого-то ждёт.
Только странно, что на свете
Время вовсе не идёт.

Нет в пространстве циферблатов.
Не нужны часы ему.
Нет рассветов и закатов,
Дней, столетий... Ни к чему!

Ни минувших, ни грядущих
Нет мгновений. Всё – теперь.
Может, время для идущих –
К Богу потайная дверь?

(Перевод с коми Александра Суворова)

Жить учил я отца – лез из кожи,
Повторял за уроком урок.
От греха самомнения, Боже,
Почему Ты не предостерег?

Словно знал что-то больше отца я...
Словно ведал начала начал...
Но молчанием лишь отвечая,
Тайны жизни мне он раскрывал.

(Перевод с коми Андрея Попова)

КРУГ ЗА КРУГОМ

(рассказ)

*Человеческая жизнь - круг за кругом,
бывают круги светлыми, а иногда – черны, как уголь.
(народная поговорка)*

Миша пил уже неделю. Безудержно, непрерывно и зло, не зная меры, так, будто доживает на этом свете последние деньки. Словно заарканенной нечистой силой, которая, одурманив разум, превратила его в безропотную скотину и настойчиво тянула: иди, иди за мной и никого не бойся, а то все горькое зелье другие выпьют, ничего тебе не достанется.

..Беспросветная темень ждала Мишу, когда он, едва разлепив глаза, проснулся. В одуревшей, оглушенной от тишины голове вспыхнула жуткая мысль - умер. Или... не умер? Нутро полыхает огнем, башка трещит и вот-вот лопнет, как перезревший капустный кочан, тело ноет, будто от всей души погуляла по нему оглобля. А может, все это снится? Он прикрыл глаза, потом снова отворил веки и обшарил пространство вокруг себя. Оказалось, что спит на полу, в штанах, обутым в резиновые сапоги без подушки и одеяла. Стало быть - не сон. Стало быть – правда. Хорошо еще, что валялся одетым. Ну и дела! В кромешную тьму обреченно ушла мысль: «Эх, Миша, Мишаня, так скоро и последние мозги пропьешь». От невыносимой жалости к себе, он беззвучно заплакал ...

...Много воды утекло со школьной поры, но и по сей день, эти годы живут в памяти. В канун майских праздников они, выпускники- одноклассники, решили отдохнуть. Собрались на окраине села в Васькином доме. Пели-плясали до усталости. Эхо на всю округу разлеталось. Ну и пили, как взрослые. Все шло в ход: и белое и красное. Некоторые до рвоты повеселились. Шутка ли? Молодой организм к этому делу не привыкший. Расползались с посиделок среди ночи, как осоловелые мухи....

В сторону дома побрели втроем. Лучший друг Миши Александр и его двоюродный брат Васька. А темень вокруг стоит непроглядная, дождь льет не переставая. Идут-шатаются, поскользываются в грязи и у каждого в голове одна мысль - как бы побыстрее домой добраться, да под теплое одеяло залечь и чтобы мать с отцом ничего не заметили.

Аккурат возле мостика через небольшой весенний ручей, пересекавший село, Миша плотно, обеими ногами, застрял в грязи. Застрял, будто прилип, прямо посередине дороги. Тщетно пытаясь вырваться из тягучего плена, он позвал на помощь.

- Ты чего там разорался? – отозвались из темноты братья.

- В грязи застрял, давайте вытаскивайте, - не то смеялся, не то плакал Миша.

Василий и Александр вернулись, взяли его под мышки и кое-как вытащили. Плюясь и ворча, дальше пошли уже вместе.

Плетутся по дороге, а у Миши ноги заоченели, зуб на зуб не попадает. Вот чудеса! Чем дальше идут, тем сильнее его трясет, ноги насквозь сырые. Что же это? Наклонился, взгляделся, а он в носках.

Снова пришлось разворачивать товарищей. Ох, и посмеялись же они тогда. Ни дождь проливной, ни темень, ничего не остановило сельских парней.

- Все из-за водки проклятой, – кричал пьяный Миша, когда месил руками грязь. Слава богу, нашлась обувка!

...Вспоминая прошлое, Миша снова устыдился за свою вчерашнюю попойку: «Выходит, мало меня отец с матерью били раз дальше пить продолжаю... Вот черт! Ни конца ни края этой пьянке не видать. Сколько раз домой на бровях приползал, не сосчитать. В последнее время, пожалуй, каждый день. Пусть что ли уж бог поскорее к себе заберет, чем такое веселье....».

Ни огонька вокруг: часы не тикают, радио молчит и от этого вдвойне горше делается на душе. Кажется, что мгла тяжелым камнем придавила его к полу, замутила разум, загнала и прижала в узком углу, из которого один путь – в могилу.

Задремавший на время рассудок, встрепенулся. Где-то высоко, в самой темноте, Мише послышался храп. «Эх, гнилая я башка! Да это ж мать на печке...». Она всегда так своеобразно спала: всхрапнет пару раз, потом замолчит на несколько мгновений, потом снова шумно втягивает в себя воздух. И так всю ночь, не просыпаясь.

От мысли, что валяется не где-то на чужом грязном полу, а дома, у Миши отлегло от сердца. Что бы совсем успокоиться, он снова прислушался. Деревянная полоть закрипела, мама повернулась на другой бок и скоро из-под потолка, где сушился лук, вновь раздалось привычное храпенье.

Хоть и перевалило ей за 70, но для своих лет была она еще крепенькая вполне бодрая. Весь день хозяйничала по дому, а вечером залезала на печку и моментально засыпала. И сердцем не очерствела, ведь сколько боли принес он ей своими пьянками. Муж ее, Иван, умер скорострительно во время сенокоса. Сердце прихватило, упал прямо возле стога. Мишу этой весной как раз в армию забрали. Служить пришлось далеко от родных мест, в Ташкентской области. Он приехал домой перед самым выносом. Едва успел. Опоздал бы на час – другой и похоронили бы без него

...Доброе сердце у мамы, чего там говорить. Бывало, начнет ругаться на чем свет стоит из-за пьянки этой чертовой, даже сухонькой своей ручкой оплеуху отвесит, а через несколько минут оттает и к горячему чаю зовет: «Иди, мол, Мишаня, грешная душа, выпей чайку сладенького, нутро прочисти, кислой капустки съешь, грибочков соленьких попробуй, а то зеленый змей все сожрет: и печень, и кишки, и сердце, и почки. Умрешь раньше меня, потом мне перед людьми стыдно будет. Опозоришь на все село.». А если в заначке для растирки спиртик имеется, то в чай Мише нальет с полмизинца. Мало, конечно, но больному человеку и эти капли, как живая вода. Глотнешь такого чайку, смотришь, а жизнь-то и налаживается. Душа поет...

Миша ненадолго прикрыл глаза, но сон больше не шел. Да и как тут уснуть, когда ноют все мышцы, а ты обутом и одетым лежишь на твердом полу. Мысли, что витали в голове, вдруг стали вращаться вместе с домом. Голова закружилась настолько сильно, что пришлось двумя руками шарить по полу в поисках опоры. Мишу прошибла испарина: «Вот ведь как оно бывает, когда бухаешь, то ничего не страшно, успевай только шире рот разевать, а на следующий день аж кишки выворачивает – ложись и помирай».

Миша пару раз несильно ударил себя по коленям: «Вроде живой. Что же делать-то теперь? Надо бы как-то встать да в комнату свою зайти, а то мать проснется, пойдет на двор и споткнется об меня спящего, не дай бог ногу подвернет или сломает... Все, черт возьми, может быть. Да и в своей кровати под одеялом похмелье переживать легче. Опять же мать бурчать не будет и над душой стоять, может в полупьяную голову какая-нибудь умная мысль вдруг придет».

Башка и вправду шумела, как паровой котел и, казалось, вот-вот расколется. Горячая испарина сменялась ознобом. «Так мы себе болезни и наживаем, а потом хоть ноги протягивай...», - ругая себя, Миша начал осторожно подниматься с пола. Встал на колени, потом на ноги, сделал шаг, отдышался, прислушался. В темноте по-прежнему раздавалось только мамино храпенье. «Вот и хорошо, спи, сердешная. Попил я твоей кровушки, - беззвучно виноватился он, покачиваясь на ватных ногах. - А что сделаешь, если такая у нас с тобой жизнь сложилась - под одной крышей свой век коротать, одной жизнью жить. Вдвоем-то оно все равно веселей и легче. Хоть и всякое в жизни бывает...». Стараясь не греметь сапогами, он осторожно сделал еще один шаг. Снова прислушался к тишине, потихоньку зашел в комнату, но до кровати дойти не смог – обессиленный опустился на стул, что стоял возле круглого стола. «Голова седа, а все еще кого-то бояться приходится», - шепотом выдохнул из себя и, унохав собственный перегар, едва сдержал рвотный позыв.

В своем доме и на своей земле Миша, конечно, никого не боялся. Никуда, как другие, не уехал в поисках лучшей доли из родного села, жил скромной жизнью в отчем краю. Всегда почтительный к матери, в последнее время он остро осознавал свою вину перед ней. Уже несколько лет сидел без работы и, можно сказать, жил на материнскую пенсию. Кто знает, как сложилась бы жизнь, если уехал бы куда-нибудь учиться. Окреп и возмужал бы вдали от дома и к этим годам стал бы, наверное, уважаемым человеком. А теперь он кто? Захудалая деревенщина: ни жены ни детей, ни хозяйства, ни работы, Одно слово - голытьба. «Пролетарий - зимогор» - так раньше говорила о своем, сбжавшем в дальние края муже, бабушка Фекла. Гневно же она его костерила, будто сама когда-то жила в достатке, но только вот с мужем не повезло - гол перекатная и бездельник достался. Потом, позже, Миша узнал, что не таким уж и беспутным человеком был его дед. Войну прошел, до заместителя командира полка дослужился, вся грудь в орденах-медалях... Но жизнь по разному кривляется, не всегда она, как веретено ровнехонькая. После войны дед домой возвращаться не захотел...

Сидит Миша за круглым столом, вокруг темень замогильная, тяжелые думы терзают его душу. Многодневный запой сам по себе человека наизнанку выворачивает, а тут еще мрак кромешный давит, хоть в гроб ложись. Горько и до слез себя жалко: «Зачем рождался-то на белый свет? Кому я нужен, какой из меня толк?». Откуда-то из глубины души на тягостном выдохе звучал ответ: «Не знаю, ничего не знаю».

Миша в сердцах ударил по столу руками: «Почему мы так живем-то плохо? Богу что ли это угодно...»

Дремотно Мише за столом и тошно. Лишь непроглядная темень за окном слушает его монолог: «Пусть подольше не рассветает, темнота мне теперь на руку. Мать ничего не заметит. Проснется, опять ворчать начнет, кровопийцей обзывать и алкашом... Другими словами она меня в последнее время и не называет. Сейчас рассветет и начнется, прямо с печки, едва глаза открыв... Да и пусть ругается, рот ей не зашьешь, мать есть мать. Кому как не ей отчитывать меня непутевого? Сестры далеко, обе уехали в город, редко теперь в родном селе показываются. И правильно делает, что ругает. Ну, понимаю ведь, что виноват, а по-другому жить не получается, хоть тресни. Все время

кидает меня куда-то, как плот от берега к берегу по реке жизни. А и пускай кидает, значит, судьба такая и горевать нечего. Сегодня выпил, завтра похмелился и опять хорошо и снова пьян. И так день за днем. Весна зиму сменит, короткое лето мелькнет, глядишь – снова осенний дождик накрапывает. Бежит жизнь круг за кругом... Ну и тяжело же... Сердце скачет, вот-вот из горла выскочит. Видать, добрался и до него зеленый змий, раз приказывает: прибавь-ка оборотов, прибавь...

Лечь бы в кровать, спрятаться с головой под прохладное одеяло и успокоиться, отогнать тяжелые мысли, но где там. Похмелье набирает силу. Кажется, что сердце под рубашкой отчитывает последние секунды жизни. Колотится так, будто хочет сказать: «Если через секунду не подлечишься, то на тот свет попадешь...».

«Если Бог на самом деле есть, вдруг он поможет?» – в панике шепчет Миша, но верить, конечно, не верит. Кому он нужен осенней ночью? Кто протянет ему руку помощи и разгонит кровь? Никто, никто, никто..... Мама вот спит на печи, а кроме нее в доме никого нет. Миша дремлет за столом и как в дурмане разговаривает сам с собой. А может и не он разговаривает, а зеленый змий специально морочит ему голову. «Зеленый змий», – так мама говорит. Только вот ничем пожилой человек не в состоянии помочь единственному сыну. Не маленький он уже ребенок, а взрослый мужик с головой, руками и ногами. Когда-то ведь и среднюю школу окончил и учился хорошо. По сравнению с одноклассниками математика и физика ему легко давались, мог бы и дальше учиться. А сейчас шатается пьяный по селу в латаных штанах и грязной рубашке, ищет по дворам какую-нибудь работу за бутылку, что бы потом опять нажраться. Тьфу...

Миша поднял тяжелую голову и ощупал пиджак. Левый карман с огромной дырой, конечно, был пуст. Все времени не находилось дырку эту заштопать. «С зеленым змеем заканчивать пора, – передразнил мать. – А ведь можно и сейчас дырку-то зашить. Иголка с нитка только и нужны и еще желание».

С этими мыслями Миша потрогал правый карман и обнаружил что-то очень похожее на гладкий камень. Трясущимися руками вытащил бутылку с дешевым спиртом. Вот так диво! Вот радость-то! Услышал бог его просьбы! Значит, жизнь-то не такая уж и плохая штука, как казалась только что. Значит, оживет его сердце, загорятся глаза, забегает в жилах кровь, наполнятся силой руки и ноги. Значит, все еще впереди, не угасло житье-бытье и есть надежда, что станет оно чище и светлее....

Все еще, не веря, в то, что после вчерашней попойки у него могла остаться записка, Миша как-то разом сомлел и нежно, как красивую женщину, поглаживал бутылку, боясь спугнуть, свалившееся вдруг счастье. Когда и при каких обстоятельствах ЭТО оказалось в его кармане, Миша, хоть убей, не помнил. Может быть, сам оставил его на утро, может, это Степан расплатился за работу, лешак его знает. Вчерашний день смутно, отдельными, бессвязными обрывками всплывал в памяти. Когда долго пьешь – не до мелочей, имени своего не всегда вспомнишь...

Он точно помнил, что пошел к Степану колоть дрова. Попросил человек, обещал накормить-напоить. Может, это Степан и сунул пузырек в карман Мише, когда тот вставал из-за стола. Миша попытался вспомнить, чем закончился вчерашний день, а это как раз и не вспоминалось – провал в памяти. Утро было красивое и солнечное, а потом – темный осенний вечер. «Также вот, как гнилая веревка оборвется когда-нибудь и моя жизнь, – горько подумалось Мише, но сейчас он не хотел думать о смерти. – Не время еще умирать, надо дальше жить».

Пальцы уже не ласкали бутылочку, а крепко ее сжимали, будто боялись, что эта прозрачная живительная влага, вдруг вырвется из кулака и исчезнет в ночи.

Вчера Миша колот дрова. А что делать? На жизнь-то как-то надо зарабатывать. В селе работы никакой. Был когда-то совхоз, но развалился. Только стены от скотных дворов без окон и дверей остались, крыши и те растащили... Сельпо закрыли лет десять назад. Соседний леспромхоз, что славился на всю округу, тоже приказал долго жить. Сколько мужиков теперь, так же как и он, сидят без работы и спиваются. Посмотришь вокруг – застыла жизнь в селе. По-трезвому глядеть на такую жизнь нервов не хватит, а выпьешь немного, сердце слегка оттаивает и жизнь другой кажется, чуть светлее что ли. Правда, потом все равно до слез горько на душе становится, что довели народ до такой жизни, но это потом...

«А что я тут, елки зеленые, сижу, слезы лью, скоро ведь рассветет, – встрепенулся Миша. – Надо кровь разогнать, коль такое добро со вчерашнего дня осталось». Стараясь не шуметь, он стащил с ног резиновые сапоги, пару секунд посидел на стуле, потом поднялся и воровато, на цыпочках прошел в другую половину дома к печке. Набрал полный ковш воды, нащупал стакан и снова вернулся к столу. Прислушался. Мать продолжала похрапывать на теплой печи. Вот и ладно, пусть спит....

От нечаянной находки, Мише захорошело. Тьма перестала быть враждебной, и теперь вызывала какие-то даже братские чувства. Он налил спирта в стакан и, разбавив водой, жадно опрокинул в себя. Ох, и крепким оказалось пойло! Мишу перекосило и некоторое время он со слезами на глазах, силился подавить тошноту. Но бог помог ему и в этот раз. Немного посопротивлявшись, организм успокоился и тотчас, приятное тепло разлилось по всему телу. И так хорошо стало на душе,

будто в темноте сам Всевышний незаметно пришел к тяжело больному сельскому мужику и в один момент исцелил человека.

Миша ожил: разум прояснился, глаза загорелись, перестало частить сердце - полегчало. Миша вдруг вспомнил про Василия – односельчанина, работавшего в лесопункте трактористом.

Стояла шикарная сенокосная пора. Мать как раз в это время в лесопункте купила дрова, которые надо было вывезти с нижнего склада. Сестра Анна тогда у них в отпуске гостила. Дрова сельчанину важны не меньше, чем сено. Надо брать если подвернулась возможность. Втроем они уговорили Филиппа, сельского шофера, привезти чурки до дома. Миша с сестрой поехали к реке, грузить дрова, а мать осталась дома на хозяйстве.

День стоял жаркий, ни облачка на небе. На нижнем складе пыхтел трактор, что помогал сталкивать с лесовозов хлысты, которые потом распиливали и готовили для связки в плоты. Тарахтение трактора вскоре затихло. Разгрузив очередной «МАЗ», раздетый по пояс, давний Мишин приятель Васька вышел из разогретой железной машины и подошел к ним поздороваться.

- Честь труду, рабочим людям, - сощурился на солнце Васька - статный, усыпанный веснушками мужик. – И не лень вам в такую жару с дровами возиться?

- Приходится, - пожмая руку, ответил Миша. – Зима-то длинная, много дров съедает.

Миша снял насквозь промокшую рубашку и выжал. Сестра тоже оставила работу, решив передохнуть.

- У меня тоже в кабине с самого утра припекает. Умру, видать, сегодня прямо на берегу, - тряхнул рыжей головой Васька. – Ох, и тяжело, черт возьми, башка трещит.

- А чего так?

Васька приблизил свое лицо к Мише и, понизив голос, чтобы не услышала Анна, быстро сказал:

- Вчера посидели, но перебрали, нам ведь все время мало. Глотки-то ненасытные. А сегодня работать надо, в такую-то жару. Трактор вот даже перегревается. Я уже три раза в реку нырял, но не помогает, так тяжело. Хоть в омут с головой. Анна стояла недалеко и, глядя на них, с укоризной улыбалась, всем своим видом как бы показывая: вот я не пью, у меня и проблем никаких нет, нигде ничего не болит! Вслух, правда, ничего не сказала. Молча перевязала платок и отошла от мужиков в сторонку.

- Нечем мне тебя поправить, Васька.

Бедолага почесал волосатую грудь и жалобно попросил:

- Может, ты у матери что-нибудь раздобудешь. Совсем ведь мне - край, боюсь, сердце остановится. Я вам дрова помогу закидать, а ты на второй ходке приехал бы и привез что-нибудь.

Бывало с Мишей и такое не раз, как теперь с Васькой. Знакомое дело. Сколько раз похмельные страхи терзали так, что падал на колени и просил у бога защиты: помоги, не дай загнуться бедному коми человеку. Ваське долго уговаривать не пришлось. Обнадежил Миша земляка как мог:

- Давай тогда сейчас быстренько закидаем.

У Васьки даже глаза засветились. С медвежьей хваткой вцепился мужик в работу, и меньше чем за полчаса машину они загрузили.

После разгрузки дров, Миша побежал в дом и упросил мать дать ему какого-нибудь спиртного. Она выделила почти половину бутылки сорокоградусной и два куска хлеба. В огороде Миша сорвал пару пучков лука, сполоснул в воде, и они снова поехали на берег.

Вася, как медведь-шатун слонялся по берегу из стороны в сторону, а увидев бутылку, едва не заплакал. Принялся благодарить:

- Молодец, я тебе тоже когда-нибудь помогу. Крепко обнял приятеля. «Как мало человеку надо» – подумал Миша, а болезный тракторист уже достал пыльный стакан из кармана брюк, будто заранее знал, что Мишина мать непременно не откажет.

- Ты не меня, а мать благодари, - высвободился из объятий Миша.

- Спасибо ей за то, что не пожалела, а тебе – за то, что привез. Плескани-ка, друг, что б завтра меня хоронить не пришлось. И протянул свой мутный стакан.

Миша откупорил бутылку и налил.

- Много не надо, первая может не пойти, - придержал горлышко бутылки Вася.

Стыдливо отвернувшись от Мишиной сестры, он выпил, но тут же, не успев дойти до желудка, все содержимое вышло назад.

- Видите, дорогие, что творится, - сквозь слезы сказал Васька.- Кишки выворачивает, а все равно надо пить, вот ведь оно как.

- Да ты и не пей, если так полощет, – сказала сестра Анна.

- Да без нее жизнь-то совсем скучная, с ума сойдешь, - махнул рукой и снова протянул Мише стакан. – Давай еще плесни, теперь должна пойти.

Вторая попытка действительно закончилась удачно. А третий подход окончательно оживил Василия, будто и не умирал он минуту назад. Жадно съел хлеб с луком и с широкой улыбкой, рванув с земли самую тяжелую чурку, гаркнул:

- Ну что, парни удалые, поработаем!

Миша с сестрой лишь посмеивались над чудесным превращением Васьки.

«Кишки вылезают, а все равно надо пить» – эти слова Васьки хорошо запомнились Мише, очень верно он подметил. Они и к Мише подходили, как нельзя точнее. Не ко времени помянул он Ваську, нет уже его в живых. Два года назад помер. Тоже из-за пьянки. Когда лесопункт развалился, много народу свои беды и обиды в стакане топили. Вот и Васька. Насколько уж здоровый мужик был, а погас за год. Дома за столом уснул. Жена стала будить, а он уже холодный. Могилу копать Мишу тоже приглашали. Как раз накануне Иванова дня похоронили, пятьдесят едва исполнилось...

...Мишины мысли пришли в относительный порядок и обрели ясность. «А не добавить ли еще живой воды? Можно и добавить. Целый стакан и тогда вообще хорошо будет. И на день еще останется. Вмажу и можно будет выспаться еще нормально пока мать не встала. А проснется, тогда волей неволей придется из-под одеяла вылезать, помочь пожилому человеку дрова занести, за водой сходить. Вокруг матери надо покрутиться, чтоб не сильно за вчерашнее ругалась...».

Миша опять плеснул из заветной бутылочки с коротким горлышком и разбавил. Получился полный стакан, который он сразу опрокинул в себя. «Пьется тяжело, а после хорошо становится» - не без удовлетворения отметил про себя. На «старые дрожжи» эта ударная доза моментально шибанула по голове и ногам. Самое время ложиться пока мать не учуяла его ночной пирушки. Миша осторожно встал, но пошатнулся и с грохотом опрокинул стул. В ночной тиши шум был таким, как если бы рухнул шкаф. У Миши зашлось сердце, но мама не проснулась. Он нагнулся, поставил табурет на место, ковш с водой решил оставить на столе, а недопитый пузырек, крепко закрутив крышку, спрятал под подушку... Хотя и хорошо ему сейчас, но знал, то что осталось, скоро совсем не будет лишним. Миша разделся, лег на мягкую перину и тут же провалился в омут сна.

...По заросшей просеке они вместе с матерью идут за грибами. Мама немного впереди, а он отстал. Тропинка под ногами еле видна. До грибного места еще далеко, но грибы вдруг стали попадаться. Сначала один в траве спрятался, дальше - другой голову поднял, не успеешь нагнуться, а тут третий на тебя смотрит. И все сплошь красноголовики: крепкие, чистые, красивые. Ножки скрипят, когда их срезаешь. И такой Мишу охватил азарт, когда оглянулся, а этих грибов оказывается - прорва вокруг. «Зачем нам дальше в тайгу идти, когда и здесь грибов полно, - подумал Миша и закричал: - «Мама!». Сначала она откликнулась совсем рядом: «Ау, Миша, я здесь». Но скоро голос стал теряться вдалеке за деревьями, а потом и вовсе стих. Как ни аukaл Миша, но мать не откликалась. В какой-то миг Мише показалось, будто тайга зловеще прошептала ему: не отдам ее, не зови. Ох, и жутко же ему стало. Закричав, что есть сил «Мама», он проснулся в холодном поту. Открыл глаза, а возле кровати мать стоит. Рассвело.

- Ты чего кричишь-то дурным горлом, здесь я. Последние мозги пропил?

- она погрозила ему сухонькой рукой.

Миша облегченно вздохнул. Захотелось обнять мать и расцеловать от радости за то, что увиденное им мгновение назад оказалось сном. Вот она, стоит рядом с ним живая, ворчит как обычно. А во сне чего только в голову не лезло: что леший ее утащил или медведь задрал, или сердце прихватило, и затихла она, привалившись к дереву. Разные мысли были.

Лежит Миша на мягкой постели и ругань материнскую почти с удовольствием слушает. Есть за что на него сердиться. Самое главное, что кошмар закончился так счастливо. Слава богу, если он где-то есть, и так ему помогает. Коми тайга и вправду ведь человека способна забрать со всеми потрохами. Вон за два дома отсюда с Иваном Гуляевым как случилось.

Они с матерью вдвоем жили. Отец Ивана вернулся с войны без ноги весь израненный и прожил потом недолго. А мама, тетка Катерина, замуж после его смерти больше не выходила. Трех детей в голодные годы подняла в одиночку. Брат с сестрой, когда выросли, в город уехали да там и осели. Так Иван с матерью и остались в доме, который поднимал отец. Он скотником работал в совхозе, а мать его на пенсию вышла, и дома за хозяйством смотрела.

Когда ее не стало, без пригляда Иван быстро спился. Из родительского дома устроил проходной двор, вся местная пьянь у него околачивалась, но однажды пришел этому конец. Кто-то раз в хмельном угаре уронил он на пол сигарету и спалил дом дотла. Сам едва успел выскочить из огня, руки ноги слегка обжег.

После пожара долго скитался по людям. То у одних поживет, то у других остановится. Потом с помощью сельчан небольшой домик поставил. Снова как человек зажил, немного выпивал, конечно, но не как раньше. Научила, видать, чему-то жизнь.

Два года назад, осенью, пошел Иван в лес за солеными грибами. Мишина мать видела его тем ранним утром. В сером длинном плаще, в каргуде, за спиной пестерь, а в руках небольшое лукошко. За чаем потом рассказывала, что хоть и знала куда идет, все же спросила человека:

- Куда, Иван, в такую рань собрался?

- В лес схожу соленых грибов посмотрю.

Пожелала ему, что бы побольше грибов насобирал, а Иван уже будто и не слышал ее слов, бодро и сосредоточенно шагая в сторону виднеющейся из-за реки тайги.

Миша закрыл глаза и представил как Иван, спешит до темноты обернуться домой. Дорога на грузевые места не близкая, километров 15 в оба конца, не считая, что еще и в лесу помотаться нужно.

Предчувствовало ли тогда сердце коми мужика, что последний раз идет он этой осенью в лес, который станет ему могилой? Конечно, нет. Не дано человеку знать, когда настанет его смертный час. Знал бы, само собой, не пошел. То, что осталось от Ивана грибники нашли следующей осенью. Узнали по длинному плащу, что лежал возле коряги. Пестерь с лукошком обнаружили немного позже вдалеке от останков. Что там с человеком стряслось, кто знает? Может, сердце прихватило, может с лешим встретился, а может с двуногими медведями из соседней колонии сбежавшими, пересекся на лесной тропе. А деревья своих секретов не выдают.

Похоронили Ивана на сельском погосте, поставили крест. Его маленький заколоченный домик испуганно смотрит теперь в ту сторону, откуда не вернулся хозяин. Может статься, что и Мишин дом будет таким же когда-то? Как знать. Сколько раз думал об этом Миша. И после пропажи Ивана и во время похорон. Эти тяжкие думы частенько приходили в голову, особенно в похмельном состоянии. В жизни всякое случается. Ивану, видно, судьба была в тайге умереть...

Миша вздохнул и попробовал отогнать от себя тяжелые думы, ни на секунду не забывая о припрятанной заначке: «Ладно, с божьей помощью как-нибудь выкарабкаюсь».

Совсем рассвело, мать растопила печку и словно на зло, мешала ему спать. Выходила то в чулан, то в сени, громко хлопала дверьми, зачем-то залезала на печь, скрипела там сухими полатями, гремела посудой. А Миша старался не подавать признаков жизни. Прикрывал глаза, изображая спящего, когда мать навевывалась к его кровати и прислушивалась, дышит ли ее горемычный сынок.

Когда мама вышла на двор, Миша воровато глянул в окно. Утро в полном разгаре – часов восемь. Время года неумолимо приближается к зиме. Скоро начнутся заморозки, а там и до снега недалеко. Унылая пора.

Миша лежал в теплой кровати, а душа его торопливой ласточкой порхала по дому. Вчерашний день упорно вспоминался до того места, когда после колки дров они сидели со Степаном за столом. Откуда в кармане появилась эта бутылка, оставалось загадкой. Может быть сам в лавку заворачивал если за работу ему Степан заплатил... А если нет? Вот черт. Все смешалось в голове. Со Степана-то много не возьмешь. Накормил – напоил за работу и «до свиданья»... Как выходил от Степана он еще помнил, а дальше – обрыв. Миша подустал напрягать память и прикрыл глаза.

Через некоторое время откуда-то из глубин сознания в смутных очертаниях проявилось женское лицо. Светловолосая женщина в повязанном вокруг шеи платке с большими цветами. Кто такая? Миша почесал голову и снова открыл глаза. И тут осенило – ему встретилась Валентина. Мать про нее говорила недавно, что она после развода из города приехала с дочкой, живет в родительском доме, в сельской больнице работает. Она моложе его на пару лет, в молодости по ней Мишино сердце очень не ровно стучало. Значит, домой вернулась... Значит, возле лавки он с ней и встретился.. От стыдоба. Тьфу. Сколько лет не виделись, а тут он нарисовался в хлам пьяный, в штопаных штанах и резиновых сапогах, не бритый, запущенный... Наверно, денег у нее и выклянчил. А у кого еще? Она его узнала, конечно, и из жалости дала, как бедному. Чего теперь про него подумает? О, Господи!

Впрочем, терзался Миша недолго. От этой вчерашней встречи на душе стало легко и радостно, будто свет в окошке появился, даже петь захотелось. Но помнил Миша, что скоро пройдет эта радость и опять станет невыносимо мутно. Он ведь не просыхал почти неделю. Трудно выходить из такого штопора, можно и совсем не выйти, если передышку не сделать. Трудно, но надо. Опять же мать пускай чуть-чуть на сына порадует.

Все понимает Миша, не круглый дурак. Кроме себя ругать некого. Сам виноват, что смирился с такой жизнью, прилепился к материной юбке и без забот живет на ее пенсию. Взрослый мужик. Позор... Горько смотреть на то, как умирает село, и мать до слез жалко. Не пропил он еще последние мозги и сердцем не очерствел. Стучит оно в груди, но снова настойчиво требует выпивки. Сказать бы себе: «Миша-золотой, хватит уже лакать. Отдышись, вокруг себя взгляни, от жизни не отставай». Но не может. Сильнее его воли зеленая змеюка, выжигает нутро и шепчет: «Добавь еще».

Разговаривая сам с собой, Миша сел в кровати, отвинтил крышечку и сделал пару колючих жадных глотков. Приняв на грудь, закупорил горлышко и сунул почти допитый пузырек обратно под подушку. Через некоторое время алкоголь вновь рассосался по всему телу. Миша закрыл глаза и отключился. Мать все еще была на улице. ...

...В селе Мишину маму называли по-разному. Одни – Катя, хоть ей уже за семьдесят перевалило. Другие – Павловной. Но большинство именовали – Птичкой.

В молодости она в колхозе работала, и надумал как-то их председатель организовать небольшой птичник. Вызвал Катю к себе и, шмыгнув носом, известил:

- С сегодняшнего дня, красавица, будешь за цыплят отвечать. Что б ни один не пропал. Поняла?
- Не дура, - дерзко ответила девушка.
- Ну и хорошо если так. Иди к бригадиру, и начинайте. С ним я уже переговорил.

Пять или шесть лет занималась она этой работой. Большой прибыли затея председателя колхозу не приносила, но яйца куриные и школьники и детсадовцы в эту пору ели регулярно. А потом в одночасье какой-то болезнью скосило птицу. Одна за другой все передохли.

- Ну и Бог с ними, - сквозь зубы сказал председатель. Расстроился, понятное дело, что так неожиданно развалилось его птичье хозяйство. Но огорчился недолго, деятельным был человеком. Решил сделать свинарник.
- Курица – не свинья, с нее много не возьмешь и яйца у нее жидкие...Теперь мяском будем баловаться.

И в самом деле, скоро в колхоз привезли поросят. На следующий год сбоку от старой мельницы, возле небольшой речки, подняли новый сарай. Тут же, конечно, и крысы к свинарнику подтянулись. Работавшие там бабы, рассказывали ужасы, про несметные полчища серых, непуганых тварей. Катя же после своих куриц пошла в коровник. До самой пенсии проработала дояркой, однако прозвище Птичка прилепилось с тех пор к ней на всю жизнь. А свиней в колхозе еще лет десять держали. Свыше ста голов каждый год забивали. Как знать, останься тогда мать свинаркой работать, может быть, и прозвали бы ее не Птичкой, а Хрюшкой какой-нибудь. Кто их сельчан знает...

...Хоть и не держат они скотины, но в деревенском доме работы всегда хватает. Мать всегда засветло вставала. Вчера спросила у него, когда домой придти собирается, а он как от назойливой мухи отмахнулся:

- Да приду, куда не денусь. Вечером когда-нибудь...

После очередной вчерашней попойки голова у Миши гудела, и ему поскорей хотелось улизнуть из дома:

- Сегодня опять до упаду пропьянствуешь. И когда меня бог услышит, что бы ты пить перестал. Господи, Господи, помоги, – она обреченно махнула рукой.
- Да хватит тебе... Всегда еще на своих двоих приходил. Там одна тракторная тележка всего. За день переколем. Степан тоже помогать будет. Вдвоем веселее...
- Иди, иди, лакай дальше. Все никак напиток не можешь, - не успокаивалась мать.
- Я ведь не пьянствовать пошел, а работать, что ты мне душу-то травмишь с утра пораньше, - совсем занемог от материнской ругани Миша и, уходя, громко хлопнул дверью.

На крыльце полной грудью вдохнул свежей утренней прохлады. Осень заканчивалась. Ночью уже подмораживало, а днем, когда всходило солнце, все вокруг озарялось его светом – в этом году природа никак не хотела расставаться с летом. День обещал быть безветренным и ясным.

На воздухе ему стало немного легче. Бешеное сердцебиение чуть-чуть унялось, но Миша осознавал, что через полчаса, дошлепав на другую сторону села, поправиться у Степана ему все равно придется.

Хорошо хоть дорога нормальная - ни пыли ни грязи. А раньше такое творилось, не приведи Господи. В межсезонье без сапог не выйдешь. Одно время даже трактора по ней не ездили. Лет пятнадцать назад, еще при советской власти, взялись таки за ее ремонт и сделали. Теперь хоть в туфлях, хоть ботиночках можно ходить.

От прежней власти только эта дорога и осталась, как память. А нынче что? Вот каким боком к людям неожиданно жизнь повернулась - кругом разруха, работы нет. Сколько лет он на шее у матери сидит. Стыдно. Но с другой стороны посмотреть - другие ведь как-то крутятся, находят выход, налаживают свою жизнь: дрова заготавливают на продажу, лес велят, на вахты ездят или на заработки. А он бродит – пьет, ни работы ни жены, ни хозяйства ни детей... Тьфу, черт.

Мишу даже передернуло, от этих невеселых дум. Значит, не совсем еще он пропащий человек, раз стыдно за такую жизнь. Еще не вечер, что бы в гроб ложиться. Он еще на ноги встанет. Сейчас у Степана подлечится, поработает, а потом время покажет, что надо делать. Может, как-то с работой повезет, ему ведь в конце ноября еще только сорок шесть исполнится ...

Степа уже возился возле кучи дров. Миша открыл калитку и издали крикнул:

- Здорово, работодатель, батрак пришел, дрова колоть.
- Здоров-здоров, - протянул ему руку Вася. – Или не здоров?
- Нет, конечно, - хлопнул носом Миша. – Голова трещит после вчерашнего. Поправь, ради Христа, как медведь работать буду.

Для пушей убедительности Миша еще раз втянул в себя воздух и утер нос рукавом.

- Сейчас принесу. Подожди здесь, а то баба моя увидит, опять я виноват буду.

Через мгновение, словно бутылка стояла где-то рядом в сенях, Степан вышел из дому, налил полстакана, и подал вместе с черным куском хлеба Мише:

- Закуси, что б не опьянеть.
- Ага, сейчас, - жадно выпил горькую жидкость и закусил.
- Ну, полегчало? – улыбнулся Степан. Знал, черт, как эта болезнь лечится.
- Теперь можно и землю перевернуть, была бы ручка.
- Вот тебе ручка, - Степан протянул колун. – Давай. Больше пока причащаться не дам. Понял?
- Так точно. Понял - не дурак, - Миша взял в руки тяжелый колун и принялся за работу.

Как заведенный Миша махал почти до обеда. Степан тоже пару раз пытался подключиться, но жена его все время дергала, то в подпол картошку занести, то в дровянике что-то подбить, то навоз разбросать. Львиная доля работы досталась Мише. Наколоть прилично. Почти половину. Трудился сноровисто без спешки, но рубашка все равно промокла, хоть выжимай.

- Хватит уже, давай заходи, чаю попьем, - крикнул с крыльца Степан.
- Сейчас, иду, иду, - Миша отложил в сторону колун и вытер рукавом мокрое лицо. – Отдышусь немного.

Но прохладиться долго не стал. Чтобы не задерживать хозяев, зашел в дом вслед за Васей. Перекусывали долго, говорили то об одном, то о другом. Мишу вкусно накормили мясным супом, солеными грибами с картошкой, лучком и постным маслом. Степан пару раз плеснул ему сорокоградусной. потом налил крепкого чая. После чая и вина Мишу опять бросило в жар.

- Пойду на воздух, подышу, - поблагодарил за угощение супругов и вышел из-за стола.
- Я тоже скоро приду, - махнул рукой Степан.

Миша вышел на крыльцо и сел на широкую скамейку. И так ему вдруг хорошо сделалось, что хоть птицей в осеннее небо взлетай. И сытый и голова не болит. Так-то бы оно так, ну а завтра что будет? Завтра, послезавтра, через год? Загадывать слишком далеко в последнее время Миша боялся. Сегодня жив-здоров худо-бедно и ладно. А что там завтра – кто его знает. Снова, быть может, люди побатрачить попросят, какую-нибудь черную работенку подкинут. За кормежку и стакан водки, а то и заплатят чуток. И так до конца жизни....

Что бы дальше не накручивать себя мрачными картинками, Миша спустился с крыльца и поскорее взялся за ненавистные чурки. Они и вправду были ему ненавистны, потому что понимал, что не для колки чужих дров, копания чужих огородов, заготовки чужого сена родился он на свет. Такие работы от голода, конечно, умереть не дадут.... А если мамы не станет. Тьфу, тьфу, тьфу. Дай Бог ей до ста лет жить...

Гулко хлопает тяжелый колун в Мишиных руках, снова по раскрасневшемуся лицу льется пот, а Мише будто бы все равно - смахнет с лица соленые капли и дальше машет. До вечера запланировал закончить. Для себя решил, что если успеет, значит, не всю еще силенку проклятый зеленый змеюка съел. Дрова колоть это пустяк по сравнению с работой грузчика. Когда по Эжве еще теплоходы ходили, он немного в сельском магазине успел поработать. Сколько всяких продуктов, ящиков с водкой и вином, мешков с сахаром, прошло через его руки и спину. С баржи закидать на машину, с машины сгрузить в лавку или на склад. Но самое тяжелое - это мешки с мукой. Муку привозили раз в году, но возни с ней было! Грузчиков найти надо, о цене с ними договориться, потом бегом баржу разгружать. Мешки рвались, порой. Зато и денег за такую работу давали немало. Как-то прикинул Миша, посчитал выручку в один из таких заездов, и получилось, что на два костюма хватило бы. Тогда, понятно, другие деньги были, не такие, как сейчас. За пять рублей можно было бутылку коньяку купить, а красное винище, вообще, копейки стоило... Паленый спирт, как сейчас, тогда не глушили...

Ближе к вечеру, работавший без передышки Миша, устал. Сюрприз приготовила последняя чурка, из сучковатого дерева, с которой пришлось напоследок повозиться. Но раскололась все же, поддалась. Только тогда Миша бросил на землю на рукавицы и сел передохнуть. Тут же из дому выглянул Степан:

- Заходи, трудяга.

Миша немного посидел, поднялся с земли, отряхнул одежду от соринок и зашел в ярко освещенный дом...

Угощали его щедро. Наливал хозяин. Мише поставил большую стопку, себе – с ноготок.

- Мне завтра с утра за руль, много нельзя, - объяснил Степан. – А ты, Миша, давай, расслабься. Целый день ведь колотил...
- Да сильно-то не устал, не столетний же дед, - заскромничал Миша и, отломив кусочек черного хлеба, одним махом опрокинул в себя стопку. – От, крепка, зараза.
- Я тебе попозже заплачу, когда долги отдадут, не обидишься?
- Нет, конечно, когда сможешь тогда и отдашь, - умиротворенно ответил Миша

Если бы даже сказал Степан в эту минуту, что платит за сегодняшнюю работу вот этим угощением, то Миша махнул бы рукой и согласился. Знал отлично, что Степану деньги с неба не падают, на всю округу только один его старенький трактор и остался. Один день работает – два на ремонте стоит. Всю жизнь мужик проработал в совхозе, троих детей вырастил-выучил, пахал и сеял, сено заготавливал, лес возил. Теперь крутится, как может на своей развалюхе.

- Ты на меня не смотри, ешь и пей, - Степан снова наполнил Мишину стопку.
- Ну, за сегодняшние дрова. Пусть хорошо дом греют, и баню топят, - Миша активно работает ложкой, с очередной стопкой в руке. – Теперь только сложить осталось.
- Пей, пей, а я наелся, благослови Христос.

Мише два раза повторять не надо. Опрокинул сорокоградусную, занюхал кусочком черного хлеба, отхлебнул мясного супа. Ох, как же тепло и стало в груди, как благодно на душе, хоть пой. Потом еще и еще наливал Степан, может, пять, может шесть раз....

...Жизнь промелькнула, а помнится все, как вчера. Да и как забудешь первую любовь. Хотя какая там в детстве может быть любовь. А вот что-то тянуло Мишу к этой круглолицей, светловолосой с веснушками на носу девушке. А она, плутовка, делала вид, что не замечает парня, заигрывала с другими. Окончив школу, уехала в город учиться в медучилище, после которого по распределению попала в Ижемский район. Там, видать, и замуж вышла. Но не получилось что-то в семейном житье. Мать ее тоже всю жизнь в больнице проработала. Фельдшерницей Ниной ее в селе называли. Умерла года два назад... А отец Вали давно уже лежал в могиле. По пьяному делу погиб на рыбалке. Из лодки опрокинулся и запутался в собственной сети на речной старице, рядом с селом... Сиротой в родные края вернулась Валя вместе с маленькой дочкой. Не сладкая тоже у нее жизнь-то получилась. У Миши хоть мать жива, и то счастье, пусть и пожилая совсем. Есть кому его пожалеть, а Валя сейчас совсем одна.... Вот ведь как жизнь поворачивается. Сегодня все светло и ясно, а завтра – зимней ночи чернее...

На улице совсем рассвело. Мать все еще не заходила. Миша приложился к горлышку, проглотил остатки, и в этот момент в сенях хлопнула дверь. Он быстро спрятал пустую емкость обратно под подушку, накрылся одеялом и прикрыл глаза. Мать обязательно должна была зайти к нему, и проверить, не проснулся ли.

С грохотом отворилась вторая дверь, в комнату вместо матери с криком влетела соседка, тетка Настя:

- Миша, Миша! О, Господи! Мать твоя возле колодца на боку лежит, хрипит. Выйди, ради Христа, выйди!

Она стояла в дверном проеме, хлопала себя по бокам и причитала:

- Выйди, давай, помоги матери, что-то случилось со старой.

Миша сначала ничего толком не понял. Происходящее казалось сном и не хотело укладываться в его пьяной голове. С трудом, но все же дошло, что соседка, говорит про его мать ...

Он резко поднялся с кровати, залез штаны и, натягивая рубашку, переспросил.

- Что случилось-то, ты чего кричишь?

- Что, что! Мать, говорю, твоя возле колодца упала. Видать болезнь прихватила. Лежит на боку, еле дышит, хрипит.

«Что-то плохое стряслось», - обожгла мысль, и жизнь на мгновение остановилась. Миша от мороженым пнем стоял против тетки Насти и застывшим взглядом смотрел на соседку, не слыша ее слов. А та о чем-то тараторила, размахивала руками, обращаясь к Мише. «Значит, все на самом деле правда. Что-то с матерью нехорошее...», - опять испуганно вспыхнуло в голове, перехватило в горле, перевернуло сердце и потом вытолкнуло его в прихожую. На крыльце Миша обул сапоги и побежал к колодцу. Тетка Настя, кряхтя и охая, попевала следом. Мама в резиновых сапогах, короткой болоньевой куртке надетой поверх цветастого платья навзничь, с закрытыми глазами лежала в нескольких шагах от колодца в холодной росе. Синий платок сбился и выступившие седые пряди трепал холодный утренний ветер. Трава возле правой руки была помята. После падения она, видимо, еще некоторое время оставалась в сознании и пыталась подняться или же просила у бога унять острую боль. Рядом лежало колодезное ведро и сухая черпалка, которую когда-то делал Миша. Ловкая она получилась и легкая...

От вида распростертой на земле матери, Мишу затрясло. Похмелье мигом отошло на второй план. Он упал на колени и стал, пытаясь привести в чувство, тереть ее щеки. Мать не реагировала и продолжала хрипеть. Рядом, утирая слезы кончиками платка, причитала тетка Настя:

- Вот ведь, жизнь-то какая. Вчера еще по двору бегала, а сегодня вот что творится. Фельдшера надо быстрее позвать, в больницу, Миша, бежать надо...

Миша поднялся с колен, не зная, что предпринять. Ум отказывался подчиняться. Первое, что пришло в голову – холодные осенние утренники, а значит:

- Давай, как-нибудь ее домой занесем, - повернулся к Насте Миша, - не будет же она тут, на холодной земле лежать.

- А сможем вдвоем-то?

- Надо постараться, кого сейчас найдешь.

С большим трудом они занесли ее в дом и положили на кровать. Тетка Настя прошептала:

- Пока врач не придет, трогать ее не будем. Кто знает, что с ней стало. Пусть покуда так в одежде и лежит, сапоги только снять надо.

Миша так и сделал. Аккуратно стащил надетые на вязаные носки сапоги, и поставил их под кровать. Мама, не открывая глаз, глубоко вздохнула и продолжала хрипеть в беспомощности.

- Давай, я в больницу побегу, а ты, Настя, возле мамы пока посиди. Попить попросит или еще что, - едва смог выдавить из пересохшего горла нужные слова Миша. К глазам подступили слезы.

- Как не посидеть, конечно, - по-матерински ласково сказала Настя, сидя на лавке возле окна.

- Я быстро, может, помогут чем, придут-посмотрят.
- О, Господи, Господи, - прошептала торопливо Настя и перекрестилась.

...Как обычно Катя вскипятила чай. Согрев нутро, задумала сварить в печи мясной суп. Печь разгорелась быстро. Поленья, что заготовила еще со вчерашнего вечера, просохли и скоро затрещали. Глядя на огонь, хорошо вспоминать о прошлых днях.... Она повозилась возле печи, спустилась в подпол и подняла полведерка картошки. С Божьей помощью в этом году картошка хорошая уродилась, в дождях не мокла. Мелкая почти не попадалась.

Катерина села возле окна и тонко почистила картошку. Стала мыть, а воды в ведре – на самом доньшке. Волей-неволей пришлось выходить на двор. Сына старалась не беспокоить - пусть проспится после вчерашнего. Поздно ночью, видать, пришел с грохотом. Слышала, что упал. Так на полу и спал, наверное, до утра. При мысли о сыне сразу же заболела голова, а по сердцу будто ножом полоснули. Теперь весь день оно будет болеть... А Миша проснется, так у него одна проблема - глотку прополоскать чем-нибудь покрепче...

Катя, вздохнув, засобиравалась на улицу. Холодным и ветреным было это осеннее утро. Ночью, похоже, подмораживало, и предрассветный иней превратился в ледяную росу. Высокая трава вдоль луковой грядки шаркала о сапоги и холодила ноги. Она поставила ведро на край колодца, взяла черпалку обеими руками, но неожиданно земля стала раскачиваться. И колодец, и стоявшие рядом березы, и белые оконные рамы окон дома, перевернулись с ног на голову. В глазах потемнело, белый свет померк, а вместе с ним ушли силы. Она пару раз успела вдохнуть свежего воздуха и медленно осела на землю. Какое-то время она удивленно смотрела в бездонное, огромное небо: «Что же это, Господи, помоги мне, если можешь, спустись ...».

Давно не крашенная, облезло-зеленая двухэтажная больница стояла в самом конце села, возле небольшого ручья. Лечились в ней жители близлежащих сел и соседнего поселка. Своя больница – она своя и есть, не надо по каждой мелочи в райцентр мотаться. На больничном крыльце, перед тем как войти, Миша остановился отдышаться. Расстегнул фуфайку, поправил рубашку, снял шапку и взял ее в левую руку. Сердце едва не выскакивало из горла. Немного передохнув, зашел внутрь. Мысли о том, что сейчас он может встретить Валю, несильно беспокоили его в этот момент.

Больницу Миша последний раз посещал еще в детстве. Школьником, еще в пятом или шестом классе ему здесь прививку делали под лопатку. С той поры это заведение он обходил стороной. Слава богу, на здоровье никогда не жаловался.

Сразушибанул в нос запах лекарств. Несмотря на раннее время, людей собралось довольно много. Высматривая врача, Миша на счастье повстречал знакомую санитарку Зину.

- Где фельдшера-то найти?
- Вон в этом кабинете. А что случилось?
- Мама заболела, - негромко сказал он и пару раз постучал в нужную дверь и зашел в кабинет. Сидевшая за столом женщина в белом халате, не поднимая, головы резко сказала:
- Подождите немного, не видите, прием идет!
- Да я вижу, – Миша стусевался.

Врач что-то записывала в книжку, а сидящая рядом пожилая женщина быстро рассказывала о том, где у нее болит...

Вдруг врач подняла голову, и Мишино сердце рухнуло...Это была Валя. Голубоглазая, светловолосая, круглолицая. Сейчас она казалась Мише такой красивой и такой молодой, словно вчера окончила школу, хоть с той поры прошло уже много лет.

Валя изумленно посмотрела на посетителя, а он стоял, мям в руках шапку и не знал, что делать: выйти или чуть-чуть подождать в кабинете. По его испуганному лицу Валя, похоже, поняла, что не спраста он пришел сюда в эту пору.

- Что случилось? – посмотрела Мише в глаза и сказала посетительнице: - Это лекарство пейте, как прописала, а через пару дней ко мне на прием зайдите.
- Зайду, что ж делать, - встала со стула пожилая женщина и вразвалку вышла.
- Мама заболела, - после того как дверь закрылась, сказал Миша. – Серьезно, видать. Утром пошла за водой и упала возле колодца. Не знаю, как дальше...
- Сейчас она где?
- В дом занесли. Приди, если сможешь, посмотри, что с ней случилось, - просительно жалобно сказал Миша.
- Подожди меня на крыльце. Сейчас лекарства соберу, потом и к матери ходим, - Валя встала из-за стола, принялась доставать какие-то медикаменты из белого стеклянного шкафа и складывать их в сумку на длинном ремне.

Покинув больничные стены, Миша отер рукавом фуфайки выступивший на лице пот: «Вот ведь как оно получилось-то. Это Бог, наверное, меня за грехи наказывает...». От этих раздумий его отвлекло прикосновение Валентины:

- Не терзайся, пошли посмотрим.
- Валя стояла за его спиной.

- Пойдем, пойдем, - словно очнувшись ото сна, он торопливо нахлобучил шапку-ушанку.
Вместе спустились со скрипучего крыльца и отправились по дороге в сторону Мишиного дома.
- Валя шла короткими шагами, но довольно споро. Миша едва поспевал за ней, попутно перебирая в голове вчерашние события. Жадно хватая прохладный воздух, Миша догнал женщину и они поравнялись.
- Ты, значит, вчера меня узнала? – неуклюже спросил Миша
- Пристал возле лавки, начал ныть: дай да дай. На, говорю.
- Чтобы отвязался побыстрее?
- Мише показалось, что он надоедает ей своими расспросами, но она не сердилась, а, напротив, с улыбкой ответила:
- Зачем отвязался? Хоть ты и сильно пьяный был, думаю, когда-нибудь мне в хозяйстве пригодисься.
- А почему нет? Конечно, помогу: дрова поколю, навоз разбросаю, землю вспашу. Только позови, хоть завтра.
- Вот я тебя и прихватила, - опять улыбнулась она, согревая его сердце. – Завтра не надо, а весной позову. Работы дома выше головы.
- Я расплачусь.
- Говорю же: весной поможешь. Тогда и расплатишься.
- Незаметно, за разговорами они подошли к Мишиному дому. Зайдя в комнату, Валя быстро сняла верхнюю одежду и бесшумно присела рядом с кроватью матери. Тетка Настя топталась рядом и жалостливо вздыхала:
- Вот, бедняжка, все хрипит и хрипит. Ох, боже ты мой!
- Валя будто и не слушала ее причитаний. Она сосредоточенно делала свою работу: слушала пульс, измерила давление, приподняв веки, посмотрела зрачки, потом обернулась к Мише:
- Мне бы руки помыть, укол надо маме сделать.
- Сейчас я тебе полотенце дам, - он подошел к шифоньеру, достал полотенце с красными цветами и протянул Вале.
- Спасибо!
- После двух уколов, лицо матери как будто стало оживать, щеки слегка порозовели. Она простионала, но глаз так и не открыла.
- Что с ней, Валя? Что? – выглядывая из-за спины, спросил Миша.
- Валя уже поняла, какая тяжелая хворь сразила возле колодца Мишину мать, но язык не поворачивался ответить прямо. Помедлив, все же сказала:
- Мне кажется, ее парализовало. Надо врача вызвать из райцентра.
- Как парализовало?!
- Как да как... тебе ведь уже не десять лет. Взрослый человек, все понимаешь. По-нашему – инсульт у нее, в голове какая-то вена лопнула.
- Вот это да. Никогда на голову не жаловалась, а дальше-то как быть?
- Пусть пока так лежит. Не шевелите сильно, уколы придется делать. Бог знает, что дальше...
- А выздороветь сможет? – мельтешил перед Валею Миша.
- Да разве я все знаю, - с досадой ответила Валя, и принялась укладывать сумку. – Некоторые на ноги становятся, другие – так и не встают до конца...
- И много умирают?
- В последнее время очень многие, даже молодежь. Смотри, какой сосуд лопнет. Большой или маленький. Поэтому за мамой глаз да глаз теперь нужен....
- Холодно и безысходно стало Мише после этих слов. Будто все земные скорби сдавили его грудь, схватили за горло и омрачили разум. В сенях, когда они остались вдвоем, Валя сказала:
- Я вечером загляну еще. Завтра капельницу поставим. Врач из района, может быть, сможет приехать. Что теперь поделаешь, надо надеяться и терпеть...
- Спасибо, что пришла, - Миша с трудом подобрал эти простые слова и, сдерживая слезы, обнял Валу.
- Каким-то естественным, по-дружески чистым получилось это объятие. Никогда он не обнимал Валу и на секунду даже испугался за свою вольность. Валя не оттолкнула его. Не сказав больше ни слова, повесила на плечо больничную сумку и вышла из дому....
- ...Умерла Катя через две недели, в последний день ноября на границе между осенью и зимой. Ночами уже прилично подмораживало, темное небо порошило землю мелкой белой крупой. Черные возвышенности за селом стали светлее и как, будто слегка ниже....
- В сознание мать так и не приходила. Прямо перед смертью показалось, что она на мгновение очнулась. Было раннее утро. Миша истопил печку и принес картошки для супа. Черты материнского лица заметно заострились, а мелкие морщины на лбу словно увеличились в числе. Все это время Миша кормил ее из ложечки только бульоном и сладким чаем.

В то утро мать как-то забеспокоилась и громко начала стонать. Миша вздрогнул и чуть не выронил нож – так неожиданно громки, в тиши домашних стен прозвучали эти стоны. Он наспех вытер руки и подбежал к кровати. Мама открыла глаза, попыталась что-то сказать, но получилось какое-то мычание. Мишино сердце учащенно забилось. Промелькнула мысль: «Полегчало, выздоравливает. Но вышло совсем иначе. Он взял мамину руку в свою и почувствовал ее мертвенную холодность, пульс не прощупывался. Неожиданно мама, словно собираясь в дальнюю дорогу, слегка сжала Мишины пальцы. Потом закрыла глаза и, глубоко вздохнув, затихла.

Каменным истуканом он застыл возле кровати. Не помогли маме ни Валины уколы, ни капельница, ни районный врач, ни Бог, сколько ни просил он его все это время.

... Накануне похорон всю ночь падал сырой снег, а днем немного потеплело. До прихода людей Миша раскидал снег возле крыльца, подмел мостки, поколол дрова, натаскал воды, готовившим поминальный обед бабам. Приехавшие из города сестры Анна и Надя, крутились в доме вместе с женщинами, которые помогали обмывать и одевать маму в последний путь. Соседка – тетка Настя принесла целый бидон шанег.

На улице, улучив момент, старшая сестра Анна, с глазу на глаз спросила Мишу:

- Как теперь жить-то один будешь? Ни работы, ни денег...
- Проживу как-нибудь, с божьей помощью, - воткнув лопату в мягкий снег, ответил брат.
- Пропадешь совсем. Сопьешься тут с сабутьельниками...
- Слова сестры больно отозвались в его душе.
- Не рви ты мне сердце, Анна. Сегодня хоть, в день похорон, не надо об этом, - глядя куда-то в сторону, раздраженно сказал он. – Почему пропаду? Может, и не пропаду?
- Не сердись на меня. Мы ведь тебе добра желаем, - поправила Анна черный платок на голове и сменила тон. – Денег немного на первое время мы тебе оставим. Картошка есть. А на сорок дней приедем. Держись уж как-нибудь...
- Продержусь, как не продержаться, – тоже оттаял Миша. К горлу подступил ком. Повернулся к сестре, и приобнял ее за плечи.
- Дом береги и себя, - хлюпнула носом сестра и вытерла глаза рукавом. - Сейчас всякие люди есть. Весной посади все. Картошка будет - с голоду не помрешь...
- Что поделает раз так все случилось. Надо как-то жить, - он очистил лопату от снега и прислонил к стене. Дальше поговорить не успели. Вышла сестра Надя и с крыльца крикнула:
- Куда запропастились? Давайте, заходите, с мамой посидим, пока люди не пришли. Снег успеется почистить...
- Сейчас зайдем.

Похоронили Катю рядом с мужем под раскидистой елью. Провожали все, кто ее знал и смог прийти. Много народу собралось. Человек тридцать до кладбища ходили. После похорон собрались дома помянуть. Поминки прошли пристойно, без пьянки. Человека провожать в последний путь – радости мало. Миша тоже не налегал на спиртное, то ли устал, то ли перед сестрами стеснялся напиваться. Пару стопок выпил, и все больше помогал сестрам за гостями ухаживать: то чай ставил, то суп подогревал, то тарелки ложки мыл, то наливал...

Начало смеркаться. Так и закончился этот грустный день. Даже самые пьющие гости ушли из дому...

Девятого дня сестры ждать не стали - уехали в город. Миша остался один в пустом доме.

... На девятый день он сходил на кладбище. Один. Никого с собой не позвал. А звать-то и некого было. Сестры далеко, а другой близкой родни не осталось. Перед кладбищем зашел в лавку, купил печенье, конфет и буханку хлеба. Дома вскипятил самовар, поставил в мамин угол стакан чая с печеньем и конфетами на помин, летающей где-то в этих стенах, ее души...

От дороги до самой могилы шел долго – много снега напало, замело все кругом. Хорошо, что валенки надел с галошами. Постоял возле маминой могилы. Очистил снег, положил поминальную еду, налил чай. Ни вина, ни водки с собой не брал. Если понадобится, так дома помянет. Бутылка стоит еще с похорон за печкой. Прошло не более получаса, когда он вышел с кладбища на дорогу. На краю села неожиданно повстречал Валю с маленькой девочкой.

- Откуда в такую рань? – издали спросила Валя, а девочка, похожая на нее, как две капли воды, улыбалась.
- На могилу к матери ходил. Девять дней сегодня...
- Господи, вот как время-то идет. Будто вчера все было, - удивилась она.
- Да-а, идет. Нас не спрашивает...
- Как живешь, сестры-то уже уехали?
- Они через два дня после похорон уехали. А я, нормально живу, потихонечку.
- Не работаешь? – продолжала расспрашивать Валя.
- Где же у нас в селе работу найдешь. Кто попросит, тому и помогаю, чем могу.
- А к нам в больницу разнорабочим пойдешь?
- А с какого числа?

- Не торопись, с весны ставку дадут, наш главврач так сказал.
- А меня возьмут? – недоверчиво спросил Миша.
- Если захочешь, я за тебя словечко замолвлю.
- Конечно, пойду. Я черной работы не боюсь.
- С выпивкой только не балуйся, - подковырнула его Валя
- Постараюсь, - отвел глаза Миша.
- Я скажу, когда надо будет, - они засобирались идти. – До свиданья!
- Всего хорошего, - махнул рукой Миша и еще долго смотрел вслед удаляющейся паре. - Опять она мне помочь хочет...

...Невыносимо длинной и скучной была эта зима для Миши, маявшегося в одиночестве и без работы. Если бы не ежедневные хлопоты по дому, давно бы скис. Все, чем раньше занималась мать, теперь легло на его плечи. Дни, размеренно и не спеша, шли своим чередом, похожие один на другой. Конечно, Миша помогал матери и раньше. После пьянок хоть и раскалывалась башка, возьмет, бывало, дров наколет и в дом занесет, до крыльца все полы вымоет, дорожки вытрясет, воду натаскает и в дом и для бани. Летом суп из щавеля сварит, траву возле дома покосит. Посмотришь со стороны – красота и порядок у Птички Кати. На все Мишиных рук хватало, везде успевал: изгородь поправить, полы в бане новые постелить, сарай для дров отремонтировать....

Сейчас, оставшись один, Миша пытался загрузить себя домашней работой, что бы время шло быстрее... Деньги, которые оставляли сестры, когда приезжали на сороковины, кончились. На всю зиму их растянуть не получилось, пришлось перебиваться картошкой с капустой. Грибы тоже помогли и соленые и сушеные. Очень их много мама насобирала в прошлом году.

Несколько раз, кто с чем, наведывались к Мише собутыльники. Но с ними Миша долго не засиживался. Если приносили с собой, выпивал пару стопок, помянуть мать и говорил себе и гостям - хватит. Денег в долг никому не давал. Не было денег. Так, мало-помалу, скоротал Миша зиму в своей берлоге. Переделав ежедневные домашние дела, вечерами смотрел телевизор или читал. Хоть, длинные эти вечера камнем давили на сердце, постепенно стал привыкать к своему одинокому житью-бытью. В такие минуты вспоминал свои самые светлые минуты – детство, рыбалку, сенокосы с мамой, Валю, школьные годы....

Худо-бедно зима, казавшаяся бесконечной, стала поворачивать к весне. Дни стали длиннее, прибавилось в них тепла и света. Снег таял, солнце нагревало проталины возле леса, во дворе около дома....

Сегодня была суббота – банный день. С утра Миша натаскал ведер десять воды. Одному – в самый раз хватит, и постирать еще останется. Сложил дрова возле банной печи, а когда затопил баню, и хлопоты закончились, снова зашел в дом. Вскипятил воду и стал бриться. Из круглого зеркала на него смотрел широколицый мужик средних лет. На висках уже проступала седина. Миша улыбнулся своему отражению и сказал: «Чай, не молодею. А вот побреюсь сейчас и как жених буду».

После бритья снова посмотрел на себя, но уже в большое зеркало, что висело на стене, и обрадовано подумал: «Нормально, не зря еще штаны таскаю. Ох, сейчас видела бы меня Валя...».

Миша вышел во двор. Снег почти растаял. Теплый ветерок нежно погладил его по лицу. Он подошел к березам, которые посадил еще в детстве возле изгороди. С той поры деревья сильно выросли. Раньше как-то и не замечал их, пройдет мимо и хоть бы что. «Больше тридцати лет уже им, можно и еще посадить рябину или черемуху, - подумалось, когда трогал окрепшие стволы. – Вон, возле школы целый парк листвой шумит. Учитель биологии посадил. Потом его среди этих деревьев и похоронили... Не стало человека, но память о нем живет в их зеленых кронах, что год от года радуют людей своим шелестом.

Миша, размышляя о чем-то, бродил по двору, ступая резиновыми сапогами по весенней хляби, разлетающейся в разные стороны. Потом зашел в сарай, взял лопату и пошел в сторону разрушенного коровника к Никитиной просеке. Дойдя до места долго искал место, что бы зайти в лес... Заросла просека изрядно, но все-таки была еще различима. Он не стал заходить далеко в лес, и принялся искать рябину...

Когда-то ходили они с мамой сюда за грибами. Она и рассказала, почему ее Никитиной прозвали. Жил когда-то в селе парень по имени Никита. Слегка чудаковатым слыл. У их семьи сенокосные угодья очень далеко от дома лежали. В тайге, да еще за небольшой речкой. Вот и удумал Никита прямо от своего дома до того места прямую просеку прорубить. Такую, что бы совсем ровная была, что бы на телеге можно было бы по ней ездить. Сказано-сделано. Сколько он этим занимался, никто не знает, но почти четыре километра парень прорубил. Получилось так, что не только для себя Никита старался, но и для всех сельчан доброе дело сделал. С тех пор все эту просеку его именем и зовут....

Миша выкопал молоденькую рябину. Хотел присмотреть еще какое-нибудь деревце, но передумал бродить по тающему лесу, и вышел обратно на дорогу. Спешить ему некуда, можно и завтра сходить на поиски...

...Прежде чем посадить деревце, Миша обстоятельно выбрал и приготовил место. Когда дело было сделано, Миша поднял голову и обомлел – возле изгороди стояли Валя с дочкой. Обе улыбались.

- Честь труду, рабочим людям.
- Вот рябину посадил. С Никитиной просеки принес, пусть растет.
- Помнишь, в школе в парке Чевского как мы деревья сажали. Какие красивые выросли – загляденье.
- Конечно, помню. И у меня вырастут, - притоптал мягкую землю у основания деревца Миша.
- Весной весь мир оживает, - приобняла дочку Валя.
- Даже и не знаю, как твою кровиночку-то зовут?
- Настей, Анастасией. Во второй класс ходит. Поздно ее родила...
- На, возьми, конфетку.

Девочка не испугалась и не насупилась, взяла конфету и поблагодарила.

- Когда на помощь звать будешь, Валя? – спросил Миша, памятуя о давнем обещании.
- Скоро картошку сажать позову. Одной несподручно, а моя помощница мала еще, - погладила девочку по голове и спросила. - А ты по мелочи, кроме картошки, что-нибудь будешь еще сажать?
- Мама с этим всегда возилась, а у меня денег на семена нет...
- А я тебе принесу.
- Ну, тогда, значит, договорились, - улыбнулся, словно весеннее солнышко, Миша и на сердце так хорошо стало, что в пору песни орать.
- Договорились, - Валя отошла от изгороди и с озорным прищуром взглянула на Мишу...

... Миша не пил почти полгода. Сам не понял, как смог удержаться. А сегодня проснулся, и слюна потекла. Как будто подзуживал кто-то: давай, мол, налей и хлопни. Ох, и хорошо станет на душе, ни от кого прятаться не надо, никого не надо бояться, сам себе хозяин.

Все утро, как голодный пес, Миша мотался из угла в угол, выглядывал в окна. Потом налил полную кружку крепкого чая, положил сахар и долго, прихлебывая, пил. Допив чай, оделся, достал с полатей рукавицы и вышел в чулан. Чего только не накопилось в нем за много лет! И барахла полно и разного нужного скарба: коса, грабли, лопата, пила, жернов, деревянная кровать и даже настоящий самовар. Миша нашел отцовский топор, взял точило, вышел на крыльцо и наточил его до блеска с обеих сторон.

Яркое весеннее солнце висело в голубом небе и слепило глаза. Он закрыл дверь, и с топором в руках вышел со двора. Безбрежный лес ждал идущего к нему человека.

Миша размашисто шагал к просеке и думал про себя: «Может и у меня, как того у Никиты, что-то получится в этой жизни? Когда-нибудь...»...

Валерий ВЬЮХИН

ВЗГЛЯДЫ

Отвернусь от упорного взгляда,
Как от близкого, злого огня.
Мне и то уж большая награда,
Если так не глядят на меня.

Если глупых не ставят вопросов,
Допекая опять и опять.
Я еще не на столько философ,
Чтоб спокойно на них отвечать.

Чтоб терпеть откровенную ересь,
От стыда отвернувшись к стене.
Но ожгут, хладнокровно примерясь,
Взглядом, словно кнутом, по спине.

Словно швы на лице распоролись,
Смотрят гневно сухие зрачки.
Как зашить эту узкую прорезь,
О глаза не поранив руки?

ВЕК

Еще язвил угрюмо Чехов,
Творил яснополянский граф.
Россия, в век двадцатый въехав,
Катилась к пропасти стремглав.

Ее подстерегали войны
И беззаконья торжество.
Узоры жизни многослойны,
Но, как у нас, ни у кого.

Век начинался с Порт-Артура,
А завершается Чечней,
И между этим – диктатура,
Разруха, космос и застой.

Век заключенных и солдаток,
Век новостроек и руин...
Я захватил его остаток,
Не худшую из половин.

КЛЕСТЫ

Альберту Ванееву

Совсем не уходят поэты
С прекрасной и доброй земли,
Врастают в стихи и в куплеты,
И в мир, что стихом возвели.

Свой мир в поэтической раме
Поставил и ты на мольберт,
Оправил, как вязью, стихами,
Дал имя – Ванеев Альберт.

В том имени нежность и сила,
По росту – косая сажень.
Как глыбу, тебя накатила
На берег лесная Мезень.

Ты с нами прощаясь, прощая,
Глядишь с неземной высоты.
Ты слышишь, в лесах Коми края
Твои замолчали клесты.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

ТРИЖДЫ ПРИЧАСТНЫЕ

Окольцована светом и мистикой
Деревенская страдная ширь.
Ни на йоту не верю статистикам,
Верю тем, кто здесь жил и грешил.

Кто поныне тут трижды причастные
К вековой любви и греху.
По каким-то канонам несчастные,

По каким-то – сияют сверху.

Не убогость глядит старушонками
На проселке, заросшем травой.
Разучились мы видеть хорошее
Над своею больной головой.

Поделили судьбину на грошики,
Напридумали кривду из слов.
Убивают нас цифрами пошлыми
Не признавшие нашу любовь.

Все вовек, омраченное мыслями,
Опадает с уставших вершин.
Окольцована светом и мистикой
Деревенская чудная ширь.

ЖЁЛТЫЙ ОХОТНИК

Памяти Николая Бердяева

Боюсь за Обь и Енисей,
Переживаю за Амур.
Осенним цветом карусель
Вращает русский караул.

Заимка жёлтая да падь,
Желтее золота пуды.
В Сибири б Русь не закопать,
В карьерах тех из-под руды.

Смещение глаз, смещение рас,
Церквей и пагод в службу дрожь.
И красный выплывший карась
На серебряных не похож.

Плевать на то – какая масть
Пришла с шафрановых болот.
От азий нам бы не отпасть
В один прекрасный поворот.

И когда-то русский князь,
Я слышу крики лебедей.
И раздувается карась
От посеребрённых людей.

Боюсь за Обь и Енисей,
Переживаю за Амур.
Как лебедей там и гусей
Охотник жёлтый обманул?

СОФРИНО

Заутренний поезд приветствует Софрино,
Пахнет пирог у хозяйки и воск.
Повыше любого, хоть царского, сокола,
Храм златозвёздный встречает обоз.

Зевает и крестится лавка церковная,
Люд у вокзала с рожденья в раю.
Помолимся тихо, как будто паломники,
Перед загадочным въездом в Москву.

Дорога моргает раскосыми верстами,
Синее с жёлтым – одна благодать.
И как-то спокойней при встрече с погостами,
Лишь бы нам дали еще полетать.

А годы орехами сладко расколоты,
Но не насытилось сердце красой.
По синему куполу звёзды и золота,
Главная наша небесная соль.

Нина ОБРЕЗКОВА

* * *

За этим словом
гонялась-гонялась...
А оно
белой бабочкой
село
на твое плечо...
Поразилась...
...Теперь не знаю,
кто мне больше нужен –
Ты
или
к тебе приведшее слово...

* * *

К ровесникам уж
поминать
хожу...
Дрожит рука с цветами.
Видно, жизнь дана взаймы –
расплачиваемся друзьями...

* * *

Перевези меня, лодочка, на тот берег.
Слышишь – зовёт-кличет знакомый голос.
Слышишь – плачет-кличет знакомый голос –
перевези меня, лодочка, на тот берег.

Перевезла меня лодочка на тот берег.
Ищу, зову-кличу знакомый голос.
Ищу, плачу-кличу знакомый голос –
только эхо на другом берегу.

* * *

Время начало растягиваться,
Долго ль не оборвется.
Вокруг –
знакомые лица.
Ни одного
знакомого человека.

БЕЖЕНЦЫ

(рассказ)

- Оторвать бы тебе башку, - возмущался Римша, сидя на верхней полке в купе вагона, свесив дурно пахнущие «копыта» с давно нестриженными ногтями, - водку он потерял, закуску он потерял...

Был конец мая девяносто шестого. Сводный отряд милиции патрульно-постовой службы из Сыктывкара возвращался домой после полуторамесячной командировки в Чечню из Коби. В вагоне парились три десятка милиционеров, тут же везли оружие, боеприпасы, «буржуйки», форму, плотницкие и другие инструменты, средства связи, а также другую необходимую на войне «рюю». За спиной у этих ребят были спецоперации по зачисткам населённых пунктов от бандитов, охране объектов образования и соцкультбыта, проверки автотранспорта на дорогах, выходы в засады в горы, разминирования вокруг пункта временной дислокации, несколько перестрелок с ведущими пока ещё партизанскую войну боевиками. Поезд плавно тронулся от платформы в Моздоке. Стал набирать скорость.

С первым перестуком колёс из переднего по ходу движения конца вагона послышался гитарный трёхаккордный перебор, и полилась хрипловатая песня, это пел рыжий, весь в веснушках младший сержант Серёга Богомолов:

Синеокая моя, светло-русая,
Понял я лишь на войне, что мы русские.
Как увидел, казачков хаты брошены,
И поля-то у станиц другими скошены.
Племьём чёрного крыла злого ворона
Нить времён в той стороне нынче порвана.
Казачки дурным царьком были преданы,
А земляца воевалася дедами...

Кроме прапорщика Володьки Римши в купе ещё ехали трое: старлей Илюха Моторин, старшина Аркаша Павлюченко и провинившийся по разумению Римши прапорщик Петруха Синельников. В вагоне стоял привычный поездной гомон, пассажиры готовились поесть, как следует, отметить окончание командировки и завалиться спать часиков эдак на двенадцать. Только в купе, где старшим был Моторин, царило напряжение. Старлей спросил:

- Ты, что, действительно, весь рюкзак с провизией похерил?

Возмущению Илюхи не было предела. Он не понимал, как же так можно безответственно просрать общаковые продукты. Молчаливый по жизни Синельников, только головой мотнул и полез на свою верхнюю полку. Залёг там, как в дозоре мышью, ткнувшись несвойственным молчунам его породы курносый носом в испсанную царапинами пластиковую стену, почему-то подумалось ему: «Вот беда-то, вагон из такого материала внутри сделан, что выгорит вместе с пассажирами за три минуты...»

Не дождавшись ответа, Моторин плюхнулся на своё место у окна и несильно двинул Римшу по раскачивающимся ногам:

- И ты тут ещё вонищу развёл, убери свои топалки!

Римша подтянул ноги на полку:

- А что я-то? Вон у нас герой нашего времени, - и ткнул не совсем чистым пальцем в сторону отвернувшегося к стене сослуживца.

Тот упорно продолжал молчать.

Наблюдавший до этого за товарищами и не принимавший участия в одностороннем диалоге старшина, скорбно покачал стриженной под ноль головой и почти трагично произнёс:

- Петруха, ну хрен с ними с продуктами-то, но ведь в рюкзаке ещё и водка на всю дорогу была, пять бутылок...

- Вот-вот, - влез со своим комментарием ситуации неугомонный Римша, - по пузырьку на каждые сутки пути...

Дослушав его реплику до конца, Павлюченко продолжил:

- Пожрать-то на любой станции купим, а вот нормальной водки не палёнки где найдёшь, а, Петруха?

Синельников молчал, как рыба об лёд и всё тут.

- Вот за это тебе точно нужно башку оторвать, - распалился теперь уже и Аркаша, - обрёл нас на сухое возвращение домой, ты просто мазохист какой-то...

- Во-во, - вставил словечко Римша, - молчаливый извращенец, как говорится, в тихом омуте бесы водятся.

Услышав последнюю реплику Володьки, Илюха словно подпрыгнул на месте:

- Но мы то тут при чём? Хоть бы перед самым отправлением нам сказал, что мы без жрачки и поила остались...

- О себе не думаешь, хоть бы о сослуживцах побеспокоился! – подлил масла в огонь Римша. – Где хоть рюкзак забыл?

Синельников тяжело и глухо вздохнул на своей полке, но так и не обернулся, так ничего не ответил ругавшим его боевым друзьям.

В купе воцарилось напряжённое молчание. Хорошо было слышно, как, неумело подражая Владимиру Высоцкому, из своего конца вагона горланил Серёга Богомолов:

Десять лет терзали русских по станицам,
А царьку такое было не в срамище.
Пусть загадят его холмик, чёрны вороны,
И молвой не помянут во все стороны.
Нынче ратные полки в горы брошены,
А поля-то всё равно другими скошены.
А поля вокруг станиц другими сажены,
На погостах все кресты позагажены...
Понял я лишь на войне, что мы русские,
Синеокая моя, светло-русая...

Мужики были явно обижены на «кинувшего» их товарища. Во всём вагоне уже потихонечку от командира отряда и сопровождающего полковника из министерства попивали за возвращение домой, закусывая распотрошенными «сухпаями». И только они героически преодолевали голод и желание накостылять прапору Синельникову по первое число. За окном пробегал неказистый пейзаж грязных кавказских полустанков.

- Так, ладно, - принял решение «бригадир» купе старлей Моторин, - Аркаша, сходи к проводникам, посмотри по расписанию, скоро ли ближайшая станция, где можно будет купить поесть.

Павлюченко одновременно и комично, и браво приложил ладошку лодочкой к правой брови, как это обычно делают супергерои в американских боевиках:

- Есть, мой генераль...

И удалился в конец вагона.

- А ты, Вовчик, слезай с полки и пошуруй в наших вещмешках, может, заваялось, что из съестного, обедать будем.

Слезая, Римша спросил:

- И в Петрухином рюкзаке тоже смотреть?

Илья только рукой махнул:

- В его не надо, пошёл он, ваще, к такой-то матери...

Вскоре вернулся старшина, доложил:

- Весь вагон потихоньку бухает, командармы в штабном купе тоже. Ближайшая остановка на двадцать минут, где торгуют продуктами, будет через четыре часа.

- Вот блин, - оторвался от досмотра ручной клади Римша, - с голодухи опухнем.

- За то потом пива купим, - резюмировал Павлюченко и полез в свою сумку, - где-то у меня пару банок тушёнки затерялось...

Пока все были заняты делом, Синельников только скорбно вздыхал на своей полке изгнанника. Общими усилиями собрали на стол. Вскоре на нём красовались две банки тушёнки свиной и говяжьей, сухари, грамм двести карамелек и две луковицы.

- Не густо, - подвёл итог Моторин.

- Ничего вот теперь с голодухи не опухнем, - озорно улыбнулся Римша и извлёк откуда-то из своих многочисленных карманов на камуфляже темно-коричневый стограммовый пузырёк, - спирт, брателлы...

- Оба-на, - загорелись глаза у Илюхи.

- Откуда взял? – спросил не меньше друга удивлённый и обрадованный находкой Павлюченко.

Римша солидно откашлялся и профессорским голосом, как он себе этот самый голос представлял, заговорил:

- Цените, милиционеры, не закроил, делюсь, пользуйтесь моей добротой пока живой, чистый медицинский спирт, фанфурик почти канолевый, непочатый. Для себя, можно сказать, берёт, на чёрный день, который начался бы с похмельного синдрома...

- Откуда взял, - повторил вопрос Аркаша.

- Помните, - поднял к потолку свой не совсем чистый палец «профессор кислых щей» Римша, - у меня какая-то аллергическая сыпь была в начале командировки? Начмед военной комендатуры мне выдал спирт её протирать. Так сыпь сама прошла, а спирт сохранился...

На радостях Павлюченко заколотил в спальную полку над головой:

- Эй, балаболка молчаливая, спускайся, кушать подано.

Все, улыбаясь, посмотрели в спину Синельникову. Тот поворочался в своём немудрёном укрытии и в первый раз со времени, как тронулся поезд, произнес нечто членораздельное:

- Я не хочу, спасибо...

- Ну, хозяин – барин, - произнёс Моторин, - не хочет не надо, нам больше достанется...

Римша, разливай!

Вскоре развели минералкой спирт по кружкам, вскрыли «тушняк», покровсали луковицы на пахучие кругляки. С привычным металлическим звоном сдвинули эмалированные фронтные кружки. Моторин произнёс, сообразно торжественности момента, речь:

- Ну, мужики, за победу!

- За неё родимую...

- Чтоб нашим врагам тепло и сухо было в могилах... - согласились со старлеем и остальные.

Выпили с тягучим выдохом, потянулись «складнечками» к банкам с тушёным мясом. Из соседнего купе заглянул к ним летёха Бориска Пархоменко, оценил обстановку, заговорщически заулыбался:

- Вы чо кружками на весь вагон стучите, вообще уже стыд потеряли, или как?

- Или как... - не долго соображая, отреагировал языкастый Римша.

Пархоменко покинул своё купе и переместился к ним:

- У вас, что ещё что-то осталось, ведь Петруха ваш, я видел, всю провизию отдал...

- Кому отдал? – и Римша, и Моторин, и Аркашка внимательно уставились на гостя.

- Так вы что сами не в курсе, какой у вас товарищ Синельников Тимур и его команда? – невозмутимо спросил в свою очередь летёха.

- Ты давай воду не мути, - шарахнул его ладонью по коленке Моторин, - говори толком, что видел?

- Видел, как он отдал ваш рюкзак с продуктами и водкой беженцам на вокзале, там семья такая на чемоданах сидела. Он стоял, стоял, глядел, глядел, и всё казаку и отдал...

Моторин, Римша и Павлюченко посмотрели в спину Синельникову, который, заснув, мирно сопел на второй полке. Моторин незло произнёс:

- Вот ведь пионер хренов...

- Да, - развёл руками Аркадий, - что тут скажешь.

- Башку б ему оторвать меценату, - резюмировал Володька.

- А то пошли к нам, - пригласил Пархоменко, - у нас тут всего валом, и водяры тоже, да ещё мы тут лишний ящик сухая у старшины прибрахлили на всех хватит...

- А пошли, - согласился Илюха.

Они сгребли со стола немудрёный «хавчик», Петруху будить не стали, переместились в соседнее купе.

А Синельникову в этот трогательный войскового братства момент снился запылённый, залитый солнцем Моздокский вокзал. Выметенный перрон, посреди которого на нескольких битых временем кургузых чемоданах и разноцветных узлах сидела казачка лет тридцати пяти с осунувшимся и заплаканным лицом, прижимая к себе трёх разновозрастных вихрастых пацанов, младшему из которых было три года. Рядом с ними прохаживался в кажущемся бутафорским в этой ситуации казацком костюме мужик лет сорока и курил сигарету без фильтра. Форма на нём была в некоторых местах истёрта до дыр, плечи и голова опущены. Смотреть на такого же вихрастого, как и его сыновья, отца семейства было не просто жалко, а жалко до ломоты в сердце русского человека. Текли по усам казака толи сопли, толи слёзы. Куда он ехал, зачем, кому и где он нужен со своими детьми и заботами? Ему и самому-то было неизвестно...

Прапорщик милиции Синельников стоял, стоял, смотрел, смотрел на этих беженцев на своей собственной российской земле и вдруг осознал себя, прямо изнутри почувствовал, что он и есть власть, что он и есть это самое российское государство, которое этот человек в казачьей форме преданно защищал на границах. Он, Синельников и обязан оказать этой семье брошенной войной в круговерть произвола и неизвестности посильную помощь. Вот он и шагнул к казаку, вот он и отдал ему рюкзак с водкой и провизией. А тот принял этот рюкзак, слава тебе Господи, не взыграло ретивое терского казачества, принял... Сопел Синельников, неминуемо приближаясь к мирному дому с каждым перестуком колёс, и блаженно улыбался во сне.

ТРИ «ТРЕХСОТЫХ» У «СКАЛЫ»
(отрывок из романа «Смерть ночного волка»)

В половине десятого вечера к Павелецкому в кабинет забежал запыхавшийся оперативный дежурный по Грозненскому району:

- Товарищ полковник, «Скала» сообщила, что в «шервудском» лесу идёт активная перестрелка. Кто ведёт бой, они со своей «кукушки» не видят.

Павелецкий поднялся из-за стола:

- Группу немедленного реагирования на выезд, моего водителя на выезд.

Минуты через три бронированный «уазик» шефа и автобус с десятью сотрудниками группы немедленного реагирования мчался по направлению к сто сороковому КПП к станции Петропавловской. Когда сотрудники оперативной группы подлетели на всех парах к контрольно-пропускному пункту архангельского СОМ, одновременно сюда же подкатили ещё две машины: «уазик» подполковника Евтихеева и неизвестная «Нива». Перестрелка в «шервудском» лесу стихла.

Евтихеев, выпрыгнув чуть ли не на ходу из машины, сразу побежал докладывать полковнику:

- Здравия желаю, Сергей Иванович, как только получил сообщение с нашей «кукушки», сразу с мобильной группой выехали на место происшествия. У бандитов отбили «фээсбэшников», они ехали из Грозного в Червлёную. Видимо, за машиной охотились целенаправленно. Все трое «трёхсотые», двое тяжело, один легко в ногу.

- А кто в «Ниве» за рулём? – спросил Павелецкий.

- Мой сотрудник.

- В какую сторону ушли боевики?

- В лесополосу в сторону Грозного...

- Может организовать преследование? – На минуту задумался полковник, потом сам себе ответил. – Пожалуй, поздно...

Николай Александрович с ним согласился:

- Вы правы, поздно, да и темно. Бойцов потеряем, «чехи» в своём лесу, как рыба в воде...

- Они, пожалуй, на это и рассчитывают, что мы кинемся в погоню, поди, засаду уже организовали, - задумчиво произнес Сергей Иванович и приказал. – Раненных занести на КПП, оказать первую медицинскую помощь, сейчас разберёмся, что дальше делать.

«Фээсбэшников» со стонами и руганью стали вынимать из прострелённой в нескольких местах «Нивы». Сотрудники занесли их в помещение КПП, стали рвать одежду, обрабатывать водкой раны и бинтовать. Павелецкий набрал номер на своём мобильном телефоне. Вскоре в трубке раздалось:

- Слушаю, оперативный дежурный временной оперативной группировки, капитан Фёдоров...

Ханкала, как говорится, была на проводе. Полковник представился:

- Это «ноль-первый» с Грозненско-сельской оперативной группы, срочно соедините меня с «первым».

- С «первым» не могу, он на выезде.

- Тогда со «вторым» (начальником штаба).

Голос оперативного дежурного был сух, чувствовалось, что его обладатель человек по жизни достаточно несговорчивый.

- У вас точно срочное дело? Он проводит вечернюю поверку с личным составом управления.

- Срочнее не бывает, дело жизни и смерти, капитан.

- Ну что ж, смотрите сами...

И в трубке повисла тишина. Вскоре раздался голос оперативного дежурного:

- «Ноль-первый», «второй» сказал, ждите, он вам сам перезвонит на мобильный телефон.

Как поняли меня.

Павелецкий сплюнул себе под ноги:

- Вас понял, - и отключился.

Сразу после разговора с оперативным дежурным Ханкалы полковник вошёл на территорию контрольно-пропускного пункта. В блиндаже под «кукушкой» на первом этаже двухъярусных кроватей отдыхающей смены лежали перевязанные раненные. Им вкололи промидол, и ребята рассказывали своим спасителям, как на них напали. Войдя в блиндаж, Павелецкий вполголоса спросил Евтихеева:

- Как раненные?

- Очень плохи, особенно подполковник.

- Что будем делать с ними?

- Их необходимо везти в Грозный в госпиталь «Северный».

- Ночь, опасно, - в задумчивости почесал щеку Павелецкий, - хотя со мной десять бойцов «гэнэера» (группы немедленного реагирования), да ваших пять...

- Согласен, что опасно. Но для них опасней оставаться с нами, истекут кровью к утру. Ничего не сможем сделать, - покачал головой командир архангельского сводного отряда.

- Я тоже думаю, что их надо везти в госпиталь. Сейчас попытался выйти с этим вопросом в Ханкалу на генерала, чтобы разрешил везти ночью, его нет, он на выезде. На месте только начальник штаба. А он сам знаешь, какой придурок, какая вожжа под задницу попадёт, то и прикажет.

Авантюристичный Евтихеев, чуть не погоревший на ханкалинской проверке, предложил:

- А, может, втихаря отвезём и всё?

- Ты хочешь, чтобы с меня завтра погоны сняли? – спросил в свою очередь Павелецкий. – Снимут. Лучше спросить разрешения. А вдруг что. Наши же нас и положат, если самостоятельно пойдём на прорыв, на Грозный.

- Пострелять, может, и не постреляют на КПП на въезде в город там русские стоят, а вот на подъезде к «Северному»...

Одна дорога вела и в Грозненский аэропорт, и в госпиталь внутренних войск «Северный», на подъезде к нему контрольно-пропускной пункт охраняли местные архаровцы. В этот момент в кармане Павелецкого затрезвонила механическая лезгинка. Он поднёс к уху трубу мобильного:

- «Ноль-первый», слушаю.

- Это «второй», что вы хотели, - раздался недовольный голос ханкалинского начальника штаба.

- Докладываю, нахожусь на «Скале», со мной три «трёхсотых», двое тяжёлых, разрешите выезд и дайте зелёный коридор до госпиталя «Северный»...

В процессе телефонного разговора Павелецкий и Евтихеев вышли из блиндажа во двор КПП.

- Доложите, что произошло, откуда «трёхсотые», кто они?

- «Трёхсотые» не наши, офицеры федеральных войск, дополнительно разрешите, доложу завтра при личной встрече, на подъезде к станции Петропавловской их автомашина подверглась нападению боевиков. «Скала» их отбил. Сейчас они находятся на сто сороковом КПП, им оказана первая медицинская помощь. Двое очень тяжёлых, разрешите выезд и дайте зелёный коридор до госпиталя «Северный»...

Начальник штаба повысил голос:

- Что они там делали так поздно, все передвижения без оперативной необходимости запрещены!

Павелецкого стало раздражать непонимание ханкалинского полковника, желваки на его щеках ходили ходуном:

- Товарищ «второй», я не могу доложить, что они тут делали так поздно, но мне ведь тоже пришлось выехать на боестолкновение, не смотря на запрет, это и есть оперативная необходимость. Повторяю, со мной три «трёхсотых», двое тяжёлых, разрешите выезд и дайте зелёный коридор до госпиталя «Северный»...

В трубке потекло непродолжительное молчание. Затем начальник штаба жёстко произнёс:

- Я запрещаю вам выезд с ранеными, препроводите их на ПВД «Скалы», там пусть ждут до утра. Утром получите в сопровождение броню («бэтээр»), или за ними прилетит вертолёт. Всё.

- Но, товарищ «второй», - попытался возразить Павелецкий, - они до утра не выживут, истекут кровью...

Но ханкалинский абонент был непреклонен:

- Выполняйте приказание, и завтра ко мне на подробный доклад с подготовленным спецсообщением к девяти утра...

В трубке раздалась короткая гудка. Сергей Иванович был зол, ноздри его раздувались, как у дракона, потревоженного копьём Добрыни Никитича. Только что дым с огнём из них не валили.

На памяти у сотрудников и Павелецкого был такой случай с одним из начальников северных УВД, его фамилию, имя и отчество история не сохранила, осталось в памяти людской только прозвище – Петь-Петь.

Этот господин в две тысячи третьем году так же, как и нынче Павелецкий, возглавлял оперативную группу, тогда она называлась временный отдел внутренних дел, милицейских подразделений в Грозненском районе Чечни. На дворе стояло лето. Начальник временного отдела на своём бронированном «уазике» возвращался в час дня с совещания, которое проходило в Ханкале. За его машиной следовала «буханка» с шестью милиционерами охраны.

А буквально минут за двадцать не доезжая до «шервудского» леса, подорвалась на установленном фугасе, и была обстреляна боевиками колонна солдат внутренних войск, состоящая из небронированных «уазика» и двух «Уралов» с кунгами для личного состава. Досталось «федералам» очень больно. Из сорока военных десять погибли сразу на месте, включая и командира. Остальные были кто легко, кто тяжело ранены. Первым в колонне шёл «уазик», он, изрешеченный пулями по правому борту, приткнулся у обочины. Шедший в центре «Урал», принявший на себя основную

тяжесть взрыва, лежал на боку в десяти метрах у дороги. Третий «Урал» пострадал менее всего. Бойцы из третьей машины, сначала принявшие бой с бандитами, теперь бегали вокруг разбитой техники и пытались оказывать первую медицинскую помощь раненым.

Картина была ужасающая. Везде на земле рядом с машинами лежали убитые и истекающие кровью раненные. Подкатив со стороны Ханкалы, Петь-Петь выкатил в проём двери остановившегося «уазика» своё безразмерное пузо:

- Что тут произошло?

К нему подбежал растрёпанный, весь перемазанный кровью и грязью, в запылённом камуфляже боец:

- Нас подорвали и обстреляли... - и хотел, было снова бежать оказывать помощь раненым, но Петь-Петь зарычал на него:

- Боец, вернись и доложить по форме!

Солдатик подавил в себе раздражение и гнев и вернулся:

- Товарищ подполковник, колонна войсковой части номер сорок шесть восемнадцать в составе трёх автомашин двигалась по маршруту Старые Атаги – Гудермес, старший колонны командир роты капитан Пастушков. Колонна подверглась нападению боевиков, капитан Пастушков погиб. Больше офицеров с нами нет. Я прапорщик Горанов принял на себя командование. После короткого боестолкновения боевики отступили в лес. Доложил прапорщик Горанов.

Со стороны автотехники слышались стоны и ругань раненных. Петь-Петь свесил правую ногу из машины:

- Каковы ваши потери?

- Пока не могу доложить, подсчитать не успел.

Петь-Петь, наконец-то, вывалился из «уазика» на грешную чеченскую землю. На шее у него болтался фотоаппарат-«мыльница». Подполковник заорал:

- Так какого хрена ты тут делаешь целый прапорщик?! Не по форме одет, вымазался где-то как шахтёр. Куда-нибудь докладывал об обстреле?

- Так точно, доложили начальнику штаба нашей части.

- Что он сказал!? – продолжал орать Петь-Петь. – И что тебя мотает, как пьяного сантехника!?

- Он сказал, что помощь скоро будет.

- Ладно, иди, занимайся, - сбавил голос Петь-Петь.

Охрана высыпала из «буханки», внимательно оглядывая окрестности, чтобы, не дай Бог, на подполковника не напала пролетающая неподалёку птичка. Начальник временного отдела бросил водителю через плечо:

- Иди со мной, пофоткаешь, если что, понял?

- Так точно...

Развернувшаяся картина мини Куликова поля Петь-Петя не впечатлила. Он сурово переступал через раненные ноги и руки солдат внутренних войск, почти безучастно склонился над погибшим капитаном, и вдруг глаза его загорелись неподдельным интересом. Он сорвал с бычьей шеи фотоаппарат и протянул его своему водителю:

- На, сфотографируй на память. Для истории...

И подполковник наклонился к трупам командира роты, принимая эффектную позу, словно ставя ногу на тушу носорога где-нибудь на сафари в экваториальной Африке.

- Вы против солнца не становитесь, - попросил водитель, нацеливая на шефа око объектива.

- Хорошо, - и Петь-Петь поменял позицию.

Так, естественно, для истории он фотографировался с другими ранеными и убитыми. В это время в небе над местом трагедии почти дюжины русских матерей закружил вертолёт. Летун на милицейской волне вышел по рации в эфир на копошащихся внизу:

- Я борт над вами, я борт над вами, ответьте, приём, приём...

Рация в «уазике» Петь-Петя надрывалась:

- Я борт над вами, прибыл за «двухсотыми» и «трёхсотыми», обеспечьте оцеплением и охраной место моей посадки, приём, приём...

Петь-Петь с интересом поднял на вертолёт свою кругломордую головёнку, помаhal рукой и снова продолжил фотографироваться на фоне раненных и убитых.

А рация надрывалась:

- Я борт над вами, ответьте, приём... Если вы не обеспечите оцепление района посадки, я вынужден буду уйти, у меня недостаточно горючего кружить над вами...

А Петь-Петь продолжал фотографироваться.

- Я борт над вами, вы не выполнили требование инструкции, я ухожу на базу, вами не были выполнены требования инструкции, на вас будет составлен подробный рапорт, приём...

И вертолёт, сделав эффектный пируэт в воздухе, удалился в сторону Ханкалы. Петь-Петь насладившись фотосессией в полном объёме, обернулся к преданному водителю:

- Всё, хорош, нафотились, поехали на базу.

Он махнул рукой охране:

- По машинам!

И уже было втиснул свою тушу во чрево бронированного «уазика», как будто что-то вспомнил, обернулся, позвал:

- Эй, прапорщик Горанов, ко мне!

К нему подбежал запыхавшийся боец:

- Слушаю вас, товарищ подполковник.

- Ты тут, это, смотри мне, жди помощи, всех перевяжи как надо, трупы сложи направо, а раненных налево, чтобы не перепутались. И смотри мне, форму одежды приведи в порядок. Понял?

- Так точно, - ответил привыкший к дурости некоторых командиров прапорщик и побежал дальше пытаться спасти своих товарищей.

А Петь-Петь взгромоздился в «уазик» и укатил в сторону Толстой-Юрта, даже не задумываясь о том, что после его отъезда, во время не попавшие в спасительный вертолет двенадцать раненных бойцов, скончались от потери крови. Всем зачтётся по делам их.

- Значит так, - разгневанно сказал Павелецкий подполковнику Евтихееву, - пойдём в «Северный» без разрешения, пятью машинами. Ты на своём «уазике» впереди, затем машина «фэйсов», следующая моя, потом автобус с «гэнээр» и раненными, замыкает колонну твоя «буханка» с твоей мобильной группой. Вопросы?

- Нет вопросов.

Павелецкий заглянул в блиндаж и рявкнул:

- Грузить раненных, готовиться на выезд!

Евтихеев потирал руки в предвкушении адреналина в свою тресковую архангельскую кровушку:

- Вот это я понимаю, вот это по-нашему.

- И пусть потом погоны снимают, - вдруг совершенно по-хулигански подмигнул ему полковник.

Перед выездом, когда колонна уже стояла на пару, Павелецкий набрал номер телефона начальника милиции общественной безопасности Грозненского отдела внутренних дел полковника Вахи Вагапова. Человека старой советской формации, начавшего служить в чеченской милиции ещё в конце семидесятых.

- Ваха, здравствуй, это Павелецкий.

На том конце мобильной связи радостно произнесли:

- А-а, салам малейкум, дорогой, так поздно звонишь, какая беда постучалась в твои ворота?

Павелецкий улыбнулся:

- Беда, Ваха, нужна твоя помощь. Я в Петропавловке, у меня на руках трое раненных фээсбэшников, истекают кровью, времени, рассказывать детали, нет. Везти мне их в госпиталь сейчас Ханкала не разрешила, но до утра они не дотянут, истекут кровью. Я принял решение их везти. Мне нужна твоя помощь. Прозвони по всем КПП по пути моего следования, чтобы нас не задерживали, а дали зелёный коридор. Я иду колонной в пять машин, два «уазика», «Нива», автобус и «буханка». Помоги.

- Сделаем, дорогой, езжай. Я только не смогу решить вопрос на въезде на трассу к аэропорту и госпиталю, сам знаешь, там стоят «кадыровцы», а с ними может договориться только сам Кадыров.

- Спасибо тебе...

И колонна тронулась в нелёгкий путь. Все КПП прошли без задержек. Как и предупреждал Вагапов, сложности возникли на КПП перед «Северным». После безрезультатных двадцатиминутных переговоров, многочисленных звонков и согласований, ведь колонна ненавистных федералов шла без боевого распоряжения с подписями, номером и печатями, Павелецкий громко, чтобы слышали и охранники контрольно-пропускного пункта, приказал своей группе немедленного реагирования:

- Открывайте шлагбаум самостоятельно, если окажут сопротивление, приказываю стрелять на поражение!

Вскоре раненные лежали уже на операционных столах. Никто из них не погиб. На следующий день «первый» сначала попенял Павелецкому за непослушание начальнику штаба, а затем похвалил за спасённые жизни, победителей, как говорится, не судят, да и каждому воздастся по делам его...

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

* * *

Рябиновый воздух в осеннем саду,
Холодное лето в осеннем пруду.
Летит листопад. Замирает душа.
Что золото жизни?
Что времени ржа?

А лето уходит на тысячу лет,
Роня последний, неласковый свет.
И черные птицы заплачут,
А белые птицы растают...
Но что это, что это значит -
Кто знает?

* * *

Легкий морозец осени ранней,
Первого снега чистые мысли.
Что я скажу кареглазой Светлане,
Если слова – это мертвые листья,
Если стихи – это просто причуда,
Если любовь – это просто забава.
Мне говорят: «Ты свалился откуда?»
Что же ответить? Не знаю я право.
Легкий морозец осени ранней,
Чист чистовик. И молчанье дороже.
И у души иссякает дыханье.
Мертвые листья они не тревожат.

* * *

Когда тревожно звезды гаснут,
Лес прячет желтую зарю,
Напрасно было все, напрасно -
Себе я тихо говорю.

И как последняя отрада,
Гармошка плачет за стеной.
Луны осенняя прохлада
Роняет отблеск неземной.

Все это ранее случалось,
Когда душа летела в тьму.
Но жизнь такую не казалась,
Почти ненужной никому.

Алексей ИЕВЛЕВ

ЗОЛОТО РЫЖИХ БАРОНОВ

Московское издательство «Маркетинг-Люкс» выпустило в свет книгу Бориса Тарбаева «Золото рыжих баронов». Сам автор определил ее жанр как «иронический детектив», хотя погонь, стрельбы и единоборства преступного мира со стражами порядка на ее страницах не найти. Правда, есть одна дохлая обезьяна, бароны необычного окраса без генеалогического древа и много-много тумана...

Впрочем, происхождение тумана как раз понятно. Б. Тарбаев – человек в геологическом и писательском мире республики очень известный. Профессиональный геолог-поисковик, прошедший множество полевых сезонов в краях недоступных и овеванных легендами о мнимых и действительных, страшных и комических событиях. Профессиональный писатель, сумевший на черно-белых страницах своих многочисленных публикаций передать полноцветную палитру такого многогранного и необъятного понятия как «геолог». Геологи – это люди, страстно желающие верить мифам, но по роду

своей профессии часто сталкивающиеся именно с крушением многих надежд и устоявшихся, неизблемых, казалось бы, представлений. Правда, не без греха: запустить байку и всячески способствовать ее живучести – это милое дело для них, серьезных и, порой, не очень-то веселых романтиков.

...У черта на рогах, куда ведут заброшенные грунтовая и железная дороги, в месте, ничем примечательным на карте не обозначенном, посреди ровного, заросшего лесом пространства когда-то высилась странная гора, от которой, впрочем, остался только неглубокий карьер. Во времена ГУЛАГа здесь добывали какую-то руду, но зачем и куда ее вывезли – об этом архивы молчат, а свидетели бурного прошлого, все как один, отправились на аудиенцию в небесную канцелярию. Какой-то совершенно опустившийся тип, обладающий, впрочем, достаточной физической силой, чтобы махать киркой, роется на дне карьера. В отвалах иногда обнаруживаются кристаллы горного хрусталя необычного сапфирового цвета, но искателя они совершенно не интересуют...

При чем здесь золото, спросите вы? Да не при чем... Хотя его активно ищут и компетентные, но совершенно беспомощные органы, и какие-то совсем не страшные уголовники, и любители стащить все, что плохо лежит.

Впрочем, это не важно, что нет золота. Его потому и ищут во все времена, что дефицит этого металла всегда явно ощущается, а ценность очевидна. Но книга не об этом...

О чем она, вы поймете, только прочитав ее... Мне кажется, она все-таки о желании людей верить в достижимость «легкого» чуда. Не такого, за которое надо быть сначала распятым на позорном кресте, а чтобы «по щучьему велению, по моему хотению».

Сергей ЖУРАВЛЁВ

* * *

Я видел в зеркале
огонь, кирпичную стену.
Казалось мне, что за спиной
весь мир идет ко дну.

Мглу разрывал сухотный хрип
и чей-то кашель-стон.
Зеркальным оком из глубин
глядел холеный... "он".

Ползла поземкою огня
шипящая смола,
ловила за ноги меня
удавка - кабала.

Но храм познания вины
построил мой народ,
к нему со всех сторон страны
начался крестный ход.

И задрожал горящий змий,
и скрылся в безднах волн,
когда над всеями Руси
начался перезвон.

Я видел: в зеркале судьбы
крошились кирпичи,
а с неба падали слова -
познания ключи.

РУССКИЙ ПУТЬ

Слово печали - зерно в теплых ладонях веры.
Слово уныния - камень на жерновах времен.
Слово печали - росток, связующий землю и небо.

Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой?

Камень, обросший мхом, нового не предвещает.
Древние письма прячут и правду, и ложь:
влево пойдешь - беда, вправо - коня потеряешь,
если вернешься назад - спокойствия не обретешь.

Слово печали - рассвет над перекрестком былинным.
Слово уныния - гнет, в прах низводящий закон.
Слово печали - путь, найденный в книге старинной.
Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой!

Конь удилами звенит - излишне норовист... Молод.
Сказочный, мудрый волк гложет под камнем кость.
Я говорю: «Вперед!» - и напрягаю повод.
Я говорю: «Вперед!», - а тихо шепчу: «Авось!»

Слово печали - свет над бездорожьем мгlistым.
Слово уныния - грех, хранимый низинной тьмой.
Слово печали - завет поиска вечных истин.
Слово унынья... Зачем
уныние брать с собой.

ЧЕРЕПАХА

(сонет)

Год за годом, презирая прах
слишком торопливых пирамид,
осторожно ползает впотьмах
костью защищенный индивид.

В перехлестах панцирных заплат
шахматная правильность хранит,
добровольно залезая в пат,
письмена погибших Атлантид.

Но подкожной завистью болит
с ломанной ухмылкой на губах
память в воспаленных черепах,

что однажды вспыхнул в небесах
сотнями горящих черепах
неземного странствия болид.

Татьяна БАРЫШЕВА

И Я ПРОЩАЮ ТЕБЯ...

(рассказ)

Почти проливной дождь, холодно. И все-таки как хорошо, что я поехала в лес. В гуще деревьев совсем не мочит. Грибов не видать. Только алеют еще в зеленой траве кисти намокшей брусники. Никакой суеты, можно спокойно поразмышлять.

Последние годы одна навязчивая мысль: необходимо встретиться с тобой. Поговорить, покаяться, выслушать. Сколько мы не виделись? Около четырех десятилетий. Раньше я не вспоминала о тебе. Вычеркнула из своей жизни с чувством своей правоты: обидел – уехала с маленькой дочерью.

Навсегда! Сильная женщина! А может это не сила, а испуг, слабость? Теперь понимаю – надо было разобраться, поговорить. Простить, «притереться» друг к другу. Умение и желание прощать... Молодые мы максималисты: хорошо – плохо и никаких оттенков!

У тебя своя правда. У меня – своя. Не права я была не права...

Там у тебя до сих пор нет внуков. А здесь – трое. Ты видел только их фотографии, присланные мною тебе пару лет назад. Снизошла!

Когда я уехала, ты долгое время настойчиво писал мне письма. Я их не читала, боялась читать – отрезала так отрезала!. Конверты с письмами, ярко вспыхнув, растворялись в огне топки титана ванной комнаты. Сгорали твои мысли, чувства, твоя боль...

Ты так и не понял причины моего отъезда. Я не дала тебе даже возможности повиниться. Гордыня! Этот первородный грех человечества сидел во мне так крепко и так слился со всеми моими мыслями и поступками, что я считала его «своей правдой». Один Бог ведает, где правда. А мы, возгордившиеся букашки - человеки, возмнили себя пастухами, забыв, что мы всего лишь неразумные овцы, расшалившиеся настолько, что стерли грань между шалостью и пороком.

Все это время без тебя я пытаюсь взлететь с одним крылом, а то, отрезанное, болит и кровоточит.

Через несколько лет твоя дочь, возможно, станет бабушкой, а ты – прадедом. Как я хочу увидеть тебя! Увидеть, пока мы еще живы и способны к покаянию. На том свете этого сделать будет уже невозможно. Только бы успеть!

«Возлюби ближнего своего, как самого себя» и «прости врага своего»... Ибо враг твой, это твой ближний, которого ты не сумел понять и простить из-за расправившей тебя гордыни – твоей субъективной «правды». Людям очень трудно общаться друг с другом и, чем ближе их общение, тем чаще они становятся врагами. От любви до ненависти...

Все глупости, ошибки и дурные поступки из-за несовершенства нашего. Мало в нас, людях любви. Ибо, чтобы возлюбить ближнего своего надо вначале полюбить себя, то есть довести свои мысли и поступки до такого совершенства, чтобы смочь начать уважать себя, воспитать в себе хотя бы зачатки веры, рассудительности, воздержания, терпения, прощения, благочестия, братолюбия. И тогда сами по себе отпадут даже мысли о непрощении или о нелюбви к своему ближнему.

В салоне машины тепло, уютно. Я разлеглась на задних сидениях. Голова лежит на подушечке, добротной сшитой моей дочерью. Мягко. Глаза закрыты. Стекла салона от тепла запотели и «заплакали». Снаружи – бесконечный дождь. В багажнике – немного грибов и брусники.

Твои внуки, слегка уставшие и немного промокшие, надышавшиеся лесным сосновым воздухом, пошаливают на средних сидениях. Впереди, рядом со своим мужем воркует твоя взрослая первая дочь...

А ты не видишь и не слышишь ни дочери, ни внуков. Ты далеко. Прости меня, если сможешь, и я прощаю тебя и очень хочу увидеть. Только бы успеть...

Андрей ПОПОВ

* * *

О чем поет гиперборей?
Об упоительных туманах,
О кораблях и капитанах,
О страсти северных морей.

А что найдешь в душе моей? –
Каких-то русских тараканов,
Друзей, растерянных и пьяных,
В снегу, без денег и вещей.

Я погляжу в чужой туман
И со своей сравню погодой –
От чепухи такого рода
Душа разбита, как стакан.

Как будто бы гиперборей
Разбил стакан с душой моей.

* * *

Глубинка жалеет бомжей,
Здесь их алкогольные мощи
Не станут искать мавзолеей,
Не выйдут на Красную площадь,

Не смогут заплакать в Кремле
От острой похмельной обиды,
А просто лежат на земле,
Не портя державные виды.

Дают им в ладони рубли,
Одежду дают им и хлеба
От провинциальной любви
И провинциального неба,

Не шейхи дают, не раджи,
Не гости из гордой столицы,
А люди почти как бомжи,
Самим от любви бы не спиться.

* * *

Упрямый сын мой постигает век,
Век энергичный и самолюбивый.
И я гадаю, что за человек
Мой сын, что постигает век пытливо.

И я гадаю, что это за век,
Который так старательно я прожил,
В котором человека человек –
И даже близкого – понять не может.

И я гадаю, что за человек –
Я сам, что не умею толком слушать
Ни сына, ни самолюбивый век...
Лишь огрызаюсь, пряча свою душу.

Анатолий ВОТЯКОВ

* * *

Пес одинокий бредет в поношенной шубе,
Ветер холодный поземкою улицы студит,

Лужи хрустят, словно корочка свежего хлеба,
Щеки кусает нам первый морозец несмело,
Белый - пребелый снег с грязного серого неба
Ровно ложится на землю -
и посветлело.

Скоро повиснут на крышах снежные глыбы.
Тихо старушки грустят
– Дожить до весны бы...
Зябко деревья дрожат на ветру, поседали дома.
...Наступает зима.

* * *

На улице гвалт и собак перелай,
Там свадьба собачья гуляет.
А во дворе, чуть не руша сарай,
Пес рвется с цепи, завывая.

Бродячего пса посадили на цепь.
Я помню его беспризорным.
Теперь он пожизненно должен сидеть,
Страдая душой непокорной.

Собачья похлебка сытна и вкусна,
И кормят всегда регулярно.
Но за неприступным забором весна,
Собаки гуляют попарно.

На цепь не сажайте бродячего пса,
В неволе он будет несчастен,
Ни кость не заменит, и ни колбаса
Хозяйская, жизни собачьей.

* * *

Как много камней разбросал я - пора собирать
Забытую мной на дорогах булыжную рать.
Легко домоседам, их камень у дома лежит,
А в жизни моей был весьма неустроенным быт.

Случалось, в лесу ночевал и в холодных горах,
И жил в позабытых в тасжном краю городах.
И хватит ли времени снова пройти этот путь,
Найти те места, где я был ,и камня вернуть...

За годы в далеких краях изменился ландшафт.
И нет никого, кто подскажет, где камни лежат.
Иные камни, наверное, в землю вросли,
Другие -под слоем столетней дорожной пыли.

Мечтаю собрать свои камни, пусть даже не все.
Отправлюсь на поиски их я по ранней весне.
Как мудрый японец ,желаю сложить сад камней.
Его созерцая, наверно я стану мудрей.

Михаил ГЕРЦМАН

СЧАСТЬЕ С ОТТЕНКОМ ОТЧАЯНИЯ

(заметки неспециалиста)

Первое впечатление от его стихов – аромат свежести. А еще удивление: надо же, настоящая поэзия! И это в наше время, когда публикуются километры стихов, где поэзии меньше, чем кофеина в растворимом кофе – и цвет тот же, и запах похожий, а все равно эрзац; строчки в «столбик» или «ле-сенку» не всегда поэзия.

В поэтическом сборнике Евгения Горчакова наслаждаешься настоящим кофе, после которого сильнее бьется сердце и долго держится горьковатый привкус во рту. Еще бы, «напиток» этого поэта приготовлен из натуральных зерен реальной жизни. Зерен (если продолжать аналогию), перемолотых собственным сердцем и личным духовным опытом.

Автору чуть больше тридцати, и он говорит на языке своего поколения. Это узнаваемая лексика нынешних молодых с их знанием языков, интернетовской терминологией, буддийской философией, острым неприятием лжи и неслыханным объемом информации, которую они по-своему называют «инфой». Это те, кто уже сегодня, сейчас с нами – и будут после нас.

Они жестки в оценках, но честны. «Унесенные потоком времени // И гонимые ветром изменчивым, // Мы не помним ни рода, ни племени, // Поколение изувеченное». Это не приговор и не самооговор, но пытлиное желание поэта прозреть будущее своего поколения, «пристрастившегося к деньгам, как к наркотику», «считающего любовь экзотикой».

Его туго скрученная поэтическая «инфа» порой способна поставить в тупик:

Любовь не бывает невзаимной,
Не бывает вариативной и седативной,
Не может даже быть сенситивной,
Она просто может быть.

Но не спешите листать словарь. Автор признается, что это – «конец романа», и щемящее чувство потери здесь до предела обнажено. А чувства в поэзии всегда важнее слов.

О чем же сборник – о любви? Конечно! Но больше – о переливающихся, как перламутр, состояниях души (он и называется «Поэзия состояния»). Душа поэта мечется, страдает, мучительно стремится «хотя бы виртуально» воссоединиться с другой душой («Ты вечно где-то, // Где-то с той стороны турникета...»), душа терзается сомнениями и неистово пытается преодолеть одиночество.

Одиночество влюбленного – так, на первый взгляд, можно было бы обозначить лейтмотив сборника. Если бы не одно «но» – любую вибрацию своего сердца поэт не только фиксирует, но и пытается понять, осмыслить, классифицировать:

Ты почти совершенство –
Тонкий штрих на изысканно белой бумаге.
Глубина моего отраженья
в твоих глазах –
Отблеск правды в искусственном мраке.

Даже нежность и восторг подвергаются его пристальному анализу: «На нас надвигаются судьбы, // Чтобы промчаться мимо, // И знаешь, в этом отрезке // Мы неповторимы» За смятением чувств угадывается нетерпение постигнуть этот неудобный мир, найти в нем свое место, вписаться в него. Так, взгляды в глаза любимой, поэт вдруг обрывает себя: «Если вечно смотреть на субтитры, // Есть опасность отстать от сюжета».

Он поверяет трепетную гармонию любви алгеброй интеллекта, и от стихотворения к стихотворению его мятущаяся душа рождает удивительный образ одиночества как оборотной стороны влюбленности.

Нет, поэт не боится одиночества, хотя отнюдь и не наслаждается им (и уж тем более не смакует его). Он беспощадно сканирует это состояние. Вот стихотворение «Клаустрофобия»: «Стол. Телевизор. Четыре стены. // Заперт снаружи, закрыт изнутри». Четкий, почти маршевый ритм подчеркивает неотвратимость, тюремную «квадратность» одиночества. А в стихотворении «И потухло солнце» в первых же строчках читаем: «Печаль деструктивна... // Одиночество вновь расправляет за мной свои черные крылья». Сразу вспоминается пушкинское «Печаль моя светла, печаль моя полна тобою». Что ж, времена светлой печали, по-видимому, миновали. Теперь это чувство становится (страшно сказать!) деструктивным. Но вместе с тем, само стихотворение звучит неожиданно одухотворенно, светло, оптимистично – а такое состояние души, согласитесь, и вправду конструктивнее печали. Не в этой ли живой полифонии состояний и прячется феномен привлекательности поэзии Горчакова?

Странная штука! Несмотря на одиночество, сомнения, тревоги и прочие «деструктивные» состояния, автор все равно ощущает себя счастливым – знак молодости! Радостью бытия (часто подспудной), упрямым стремлением к свету (пусть он и в конце туннеля) пронизан весь его сборник. Просветленно звучат даже строки с тремя восклицательными знаками, строки-крик: «Где мое счастье с оттенком отчаянья? // Если б ты знала, как я скучаю!!!» А ведь таким, наверно, и должно быть счастье – с оттенком отчаянья, с колотящимся сердцем, с горьковатым привкусом кофе.

Честно говоря, я открыл этот сборник, чтобы «пожиться» как композитору – хорошие стихи всегда в дефиците. Но... Где же угнаться за автором! Сей выпускник Поморского университета владеет немецким и английским (в сборнике есть и пара стихотворений по-английски), запросто оперирует понятиями вроде «амбивалентности» и «эквививальности», со знанием дела произносит мантры... И потом, песни на его стихи уже написаны и даже пропеты, поскольку автор – рок-музыкант, входивший в архангелогородскую группу «Режим совпадения» (название, сдаётся, им и придумано). Чем я мог «пожиться», если стихи Е. Горчакова оказались вполне самостоятельными, коим музыка (по крайней мере, моя) не нужна? Хотя... Кто может знать наперед?

Истина в том, что в мире есть только одна новость, всегда остающаяся свежей – талант.

Похоже, это тот самый случай.

Евгений ГОРЧАКОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОЛНЦА

Весна в наступлении
Посмотри, каким вдруг всё стало!

Как состарилось белое покрывало!
Зазвенелось, как и запелось!
Избавляемся как от мела!
Расплылось как в счастливой улыбке!
Натянулось, как струны у скрипки!
Позади зима, впереди – вечность!
Какая безграничная бесконечность!

ТЫ ВЫШЛА НАВСТРЕЧУ

Сургуч уходящего солнца.
Ты вышла навстречу ветру.
Я верю, что в этом отрезке
Ты великолепна.

Бледнеют забытые звёзды.
Молчат изумлённые птицы.
Лишь трогает молча ветер
Твои ресницы.

И бремя прошедших столетий
Не скажется на настроении.
Мы вышли в открытое море,
Чтобы не плыть по течению.

Мир в ритме безумного вальса
Беснуется над головою.
Как страшно и великолепно
Быть наедине с собою!

На нас надвигаются судьбы,
Чтоб просто промчатся мимо,
И знаешь, в этом отрезке
Мы неповторимы.

Весна наступает внезапно,
Лучом разрезая морозы.
Мы стали значительно старше,
А может быть, чуть моложе...

Сургуч уходящего солнца.

ТЕНЬ ОТО СНА

Нежные руки тянутся к свету.
Тёплые звуки прошедшего лета.
Мы видимся только во сне.
Я часто пробую выкинуть сон,
Но слипаются веки, и звонит телефон.
И голос знакомый скажет:
«Привет! Как дела?»

Из чёрной тайны заброшенных улиц,
Где я тебя ждал, ты снова вернулась –
Занять своё место во сне.
Ты просишь меня рассказать про день,
Как часто на день мой падает тень.
Ты требуешь правды:
Длинна ли тень ото сна?

Зачем тебе правда, - в ней так много боли?!
Одобрён сценарий, расписаны роли.

Увидимся в следующем сне,
А мне предстоит прогрызать свой путь,
Как бы я ни хотел поскорее свернуть.
Я снова скомкал тебя...
Разорвал на клочки...

Липкие руки тянутся к горлу.
Длинные звуки. Злые аккорды.
Я не видел тебя в этом сне.
И, проснувшись, я понял, что стал другим.
Всё в мире осталось, а я стал другим.
Я увидел, насколько длинна
Тень ото сна.

В этом году Виктору Демидову, журналисту, поэту и писателю, члену редколлегии нашего альманаха, исполняется семьдесят лет. Мы поздравляем его с юбилеем, желаем доброго здоровья и вдохновения и предлагаем вниманию наших читателей подборку его стихов.

Виктор ДЕМИДОВ

МОЯ ОБВЕТРЕННАЯ СКАЗКА

Из солнечных нитей
сотканный кокон –
ты светишься в мире
гоньбы и мольбы...
Твой золотистый,
лучистый локон
вплетён в канву моей судьбы.

Душе огрубелой –
надежда и ласка –
о, Корткерос
в россыпях рос, -
моя возвышенная сказка
в толпе взрослеющих берёз.

На берег разноцветья выйду –
о, Вычегда, - купель моя!..
В твоей текучей, плавной зыби
земле и небу колыбельная
звучит всегласно и согласно,
созвучно гамме голубой...

И упоительно прекрасна,
когда я слушаю с тобой.

МГНОВЕНИЯ В ГОРСТИ

До нетерпенья,
до тоски
люблю усинские пески...
Их вспомнить – душу бередить,
А босиком бы побродить

По заревому берегу,
по волглому наплёсточку
да, вспомнив детство,
взапуски,

вприскочь рассеять камушки,
родной рекой точёные,
своей рукой верчёные...

И захолонуть,
время чтоб взбугрило
рябью думный лоб...
До нетерпенья,
до тоски
люблю усинские пески.

Они – мгновения в горсти –
текут и слышится:
- Прости!..

В ОСИНАХ – ОСЕНЬ

Осины осень осенила
огнистой ветреной красой,
неугасимой светосилой
над раскалённую рекой.

И огонь,
и чернь,
и позолота
в забвеньем зыблемой воде...
Не по себе – неловко что-то
В деревне бывшей без людей.

Куда они ушли не знаю...
Придут когда – нибудь, - Бог весть.
Я разволнованный взираю
на ветром содранную жечь,

на прохудившиеся кровли,
пустые проймища глазниц, -
и перед родственною болью
глаза я опускаю вниз.

И сам, винюсь, деревню ранил
и череду родных берёз
судьбой, в которой Север крайний
еловым семечком пророс.

Прости, отцовское подборье,
что не сберёг тебя, прости.
Ты у меня под сердцем болью,
живой водой в моей горсти.

Я земли породнил и воды,
не осрамил тебя в пути
среди рабочего народа...
А всё ж, Смоленщина, прости.

Олег РОЧЕВ

**РОДИНА
(рассказ)**

Мы гуляем с внучкой по Эжве. Купили мороженое и не спеша полакомились, сидя на лавочке над стадионом. Мы смотрели на лес, на реку и внучка не переставая щебетала. Всё ей интересно – и куда речка течёт, и кто в Белом Бору живёт, и когда мы там побываем. Пятый год ей, самый спросный возраст. Ладно, посидели – идём дальше.

- Деда, я качаться хочу.

- А где ты качели видишь?

- Вон там, у того дома.

- Ну пошли, покачайся, только недолго, нам ещё в магазин зайти надо.

Подходим к качелям вместе с мальчиком лет восьми. Он старается опередить нас и аргументирует:

- Это наш двор, наши качели.

Внучка вопросительно смотрит на меня снизу вверх. Стараясь солиднее ответить спрашиваю мальчика:

- А улица тоже ваша?

- Наша... Она общая.

- А мы живём на другой улице, но никто нас отсюда ещё не прогонял.

- Ну и что, всё равно качели мои.

- Ах, уже твои личные? Ну ты и жадина!

Подходят ещё несколько разновозрастных ребят. Пока молчат. Слушают. И тут я, неожиданно для себя, нахожу ответ на давние вопросы: “Что такое Родина?” и “С чего она начинается?”

- Хорошо, пусть двор твой, и дом твой, но улица уже общая да?

- Ну, да.

- А наш город Эжва?

- Ну, не знаю, общий наверно.

- А если ты поедешь в другой город, то как скажешь там – просто “город Эжва” или “моя Эжва”?

Мальчик потупился и молчит. Продолжаю смущать его:

- А ещё ты живёшь в Республике Коми, а ещё в стране под названием Россия, а ещё на планете Земля. А может ты космонавтом станешь и полетишь на Марс, а там, может, тоже люди живут, и тебя спросят: где ты живёшь, где твоя родина, что ты скажешь? Что твоя родина – вот этот маленький двор, эти качели и всё?

Мальчик исподлобья поглядывает на меня, на ребят и молчит. Может пока ему трудно ответить на этот вопрос, а может он на него не ответит никогда. Я думал много на эту тему, искал ответы, но никто не сумел мне точно сказать что такое “малая родина”. Может, для кого-то она действительно замыкается до размера двора?

- Деда, а у тебя какая родина?

- Родился я в Сыктывкаре, а моя мама под Белгородом – там тоже я чувствовал себя на родине, а мой отец родился в таёжном селе на севере, и там моя родина, а папа твоей бабушки – под Архангельском, но и та земля не казалась мне чужой.

- А сколько это земли? Много, да?

- Много, очень много. Вот если взять то, что мы с тобой видели, пока мороженое ели, да столько раз, сколько домов в нашей Эжве. Даже ещё больше.

- А можно это у меня тоже будет родина?

- Ладно, пусть это будет наша родина, но ты пообещай мне, что прибавишь к ней ещё.

- Хорошо. Я с кем-нибудь ещё подружусь-подружусь из других городов и ещё больше будет у нас родина.

- Договорились...

Дмитрий БЕЗГОДОВ

АНДРЕЙКА И ОСТАП

Нам нелегко себя перебороть,
Как – вот – стрижи кромсают вид пространства,
Так ощущаемое, горестную плоть
Одолевает ритм чужого танца.

Вчера я ждал письма, письмо не шло,
Захваченное в сеть предположений,
Догадок, рук, хватающих весло,

Но чувствующих ручку. Неужели

Две чаши чая крепкого виной
Приливу чувств? С приливом крови ясно.
Хотелось возвращения домой.
Чужбина плакала, как никогда прекрасна.

И грустный, грузный – весь в очах – отец
Шептал слова. Ну как? Что ляхи сынку?
Чем помогли? Пот выступил, багрец
В лицо вмешался. Чью тогда косынку,

Последний взмах чей видел? Может мать,
Когда-то сдержана сельчан руками,
Опять пыталась взгляды наши брать,
Крыть в узелке и сращивать мольбами.

Иль та, обета развязав концы,
Обет по воздуху пустила – форма мести.
За что? Вопросы задают глупцы,
И ловят перед казнью пух известий.

* * *

*«И если я не требую для себя башни из слоновой кости,
то это только потому, что доволен своим чердаком».*

В.В. Набоков

Как хорошо на склоне лета,
На бархатом обитом склоне,
Прочтеньем чествовать поэта,
Живущего в уютном томе;

Ответствовать на приглашенье:
Он дверь откроет, ты заглянешь,
Войдешь, и монстром восхищенья
Среди причуд чердачных станешь.

На башню из слоновой кости
Осела пыль – дух книжной лавки.
Но зачитайся, – будешь гостем;
Вчерашний кекс поэта сладким

Окажется, а паутина,
Просвеченная близким солнцем,
Как Цицероном Катилина, –
Произведением криптотворца.

Тома ин-кварти, фолианты,
Тяжелый атлас, быстрый глобус...
Стеллаж с осанкою Атланта
Семьи бумажной держит тонус.

Вот смуглая в работе лампа,
Керамика с остывшим чаем,
Которому хватило такта
Остыть – и не был отвлекаем

В ту вдохновенную минуту
Хозяин терпким ароматом.
Ремень грамотности спутан,
Ценя при этом каждый атом

Настырной мысли – плешь проела –
Судьбу он комкал и бумагу
Драматизированным телом.
Как перескажешь эту сагу!?

Никак. Иные мненья – басни.
Поэт любезен был. Возьмем
В гостях предложенные сласти
И в осень личную пойдем.

Как хорошо со склона лета
К равнинам осени скатиться;
Там птицами листва отпета,
Друзей задумчивее лица.

Андрей ПОПОВ

ЕЩЁ ОДНО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Как в свое время Великая отечественная война, так ныне чеченские события для многих российских литераторов стали темой художественных осмыслений. Хотя настоящих удач пока единицы, но внимание к проблеме показательное. Думается, что кавказские республики надолго стали для нашей страны тревожным вопросом: «Быть или не быть?». Быть или не быть российской государственности? Начнем ли мы собирать свои земли или продолжится распад когда-то великой державы, а соответственно и распад русской души?

Совесть писателя ищет ответы на эти вызовы времени. Чечня сегодня – рана русского сердца. Сквозь ее призму определяется, что мы за нация, для чего мы призваны Богом, справляемся ли с предназначенной нам Небом миссией или не хотим даже о ней слышать, глотая слезы потерь, погребая погибших друзей, запивая горе водкой и не собираясь понимать, за что это именно с нами так происходит.

Новое произведение сыктывкарского писателя Андрея Канева «Смерть ночного волка» посвящено нелегким будням сотрудников Министерства внутренних дел по Республике Коми, находящимся в служебной командировке в Чечне. Сюжет имеет документальную основу, хотя автор и оговаривает, что «большинство действующих лиц является плодом воображения, с реальными же людьми, их именами, реальными государственными и негосударственными структурами и в реальных географических областях описываемые события никогда не происходили».

Это скорее необходимая риторика, напоминающая об условности любого художественного произведения. Андрею Каневу самому не раз приходилось бывать в «горячих точках», участвовать в боевых действиях. В него стреляли, и он стрелял в людей. Это тот опыт, который дает право литератору на самые жесткие выводы. Когда смерть становится почти близкой знакомой, все ценности мира встают в положенной им иерархии, появляется возможность отделять зерна от плевел, и в прицеле «Калашникова» увидеть суть, неуловимую до этого момента – момента истины.

«Смерть ночного волка» – это проза, чей плюс занимательный сюжет. Здесь нет историософских обобщений как в «Чеченском блюзе» Александра Проханова или «окопной правды», натурализма «Патологий» Захара Прилепина, но есть динамика, ритм войны, страсть публициста.

В последнее время чеченская тема монополизирована, а точнее обесценивается дорожно-досуговыми изданиями, развлекательным чтивом, становится фоном боевика в голливудском стиле. Обеспокоенность об этом выражали даже всеядные СМИ. Андрей Канев старался избежать настойчивого влияния коммерческой литературы, во многом ему это удалось. Хотя в его произведении и намеренно присутствует напряженная интрига, написано оно не ради «кассового» успеха.

«Смерть ночного волка» – это, прежде всего предупреждение. Если верить новостям, которые передают центральные телеканалы, то в Чечне сегодня ничего особенного не происходит – идет себе мирное строительство, восстанавливаются города и поселки, только якобы вымирающие, как класс, «басаевцы» изредка проявят свою непримиримость, еще раз подтвердив, что являются исключением из правил новой Ичкерии, не мыслящей себя – наконец-то! – без России. Это далеко не так. Война продолжается. Бандиты, в результате амнистии ставшие милиционерами, зачастую бандитами и остаются.

Грозный еще недавно можно было смело называть русским городом. Основан он генералом А. Ермоловым как русская крепость. Вайнахи не раз хотели этому воспрепятствовать. До 1929 года Грозный не входил в состав Чечни, хотя автономия была создана в 1923 году. По переписи населения 1989 года русских в Грозном насчитывалось 210 тысяч, а чеченцев лишь 121 тысяча.

В период ельцинского правления при полном попустительстве первого президента России и после его декларации «берите суверенитета столько, сколько сможете» в Чечне начался настоящий геноцид русских и, так называемых, русскоязычных людей, их стали выселять из квартир и домов,

недвижимость представляла ценность, самым диким образом. Тех, кто сопротивлялся такой национальной экспроприации, просто убивали. Вот какие свидетельства приводит в книге «Россия над бездной» Александр Казинцев:

«В феврале 1994 года пришли в квартиру чеченцы с автоматами, привязали к кровати и стали избивать в присутствии двух детей двух и семи лет. С целью завладения квартирой... Просила о помощи, но полицейский патруль так и не приехал... В собственном доме по ул. Украинской, № 37 проживала Полякова (возраст – 72 г.). Неоднократно приходили к ней и требовали продать дом или убраться в течение трех месяцев. 05.06.93 года Полякову нашли убитой на 36-м участке Октябрьского р-на... Ночью 26 июня 1993 года в своей квартире по улице Верхоянская, 4-А, кв. 96 (пос. Черноречье) была застрелена 60-летняя одинокая женщина Гончарова П. Квартира заселена чеченцами...».

Примеры можно продолжить, если не до бесконечности, то не на одну книгу точно хватит. Отмечу, что подобная уголовщина носила именно национальный характер, между чеченцами квартирные разборки практически не возникали. И еще одно, все, что описывает А. Казинцев, происходило до ельцинского ввода войск в 1995 году, то есть эти действия нельзя оправдать какой-либо мстью.

Возможно, что-то изменилось сейчас? Выселять некого стало. Русские уехали. На казачьих домах можно увидеть надписи «ПРАДАЮ», орфографическая ошибка выдает нерусское происхождение продавца. Зато финансовые потоки из России не иссякают. Покупаются или раздаются родственникам справки о разбитом во время войны жилище, что часто и не соответствует действительности, но дает право получать деньги на «восстановление дома». А благодарности ждать не приходится, разве что пулю в спину.

Казалось бы, все это далеко от большинства русских городов, закрыть глаза и не помнить о Чечне, но писатель Андрей Канев предупреждает, что война рядом. Современное сражение не знает четкой линии фронта, оно тотально. Героям «Смерти ночного волка» удастся предотвратить террористический акт, готовящийся в северном городе – Сыктывкаре.

Однако не только реальная близость беды напоминает нам о боях на Кавказе, дыхание войны ощущается во всей российской жизни – от объявления на вокзале, чтобы пассажиры обращали внимание на случайно забытые сумки, до массового столкновения на национальной почве в Кондопоге.

Грозный был русским городом, глагол прошедшего времени «был» может в будущем оказаться уместным и для других русских городов. Для этого необязательно взрывать и поджигать, если мы будем молчать и соглашаться с участью беженцев на родной земле, получится, как в Грозном, просто выживут, написав на наших домах «ПРАДАЮ». Об этом предупреждает «Смерть ночного волка». Остается надеяться, что предупреждение будет услышано.

А. Казинцев в «России над бездной» приводит пример нашей душевной глухоты: на пресс-конференции генерал А. Куликов продемонстрировал видеозапись рассказа русской школьницы о том, как ее изнасиловали 14 чеченцев. Ни один из присутствующих 65 журналистов никогда ни в одном издании не упомянул об этом циничном преступлении. Чего же мы боимся? Может, правды.

Андрей КАНЕВ

ЧЕГЕМСКИЕ ВОДОПАДЫ

Наверное, у каждого народа,
По злой или по ласковой судьбе,
Есть что-то, что даруется природой.
И это вдруг откроется тебе.

Чегемских струи стылых водопадов
Такой неопикуемой красы,
Что в жизни хоть разок увидеть надо.
Они начало светлой полосы.

А может быть, и сложится иначе,
Ведь горы, их порой не разберёшь...
И если водопады – стенка плача,
Ты с чёрной полосы шагать начнёшь.

Ущелья и скалистые теснины,
Балкарии и горной Кабарды.
Мы там справляли чьи-то именины
Без радости и, в общем, без беды...

Сплетаясь в косы девичьих страданий,
Стучит вода о камни юных гор.
И в них ютятся сонмы предсказаний,
В них похвала струится и укор.

Мне верится в крылатую удачу,
Я горных камнепадов не боюсь.
Чегемский водопад – не стенка плача.
Кавказ – ведь это тоже ещё Русь.

ОДИНОЧЕСТВО

Если ты – необитаемый остров
В море соблазнов и грёз,
Если в сердце занозой острой
Разговор о разрыве всерьёз,

Если волны штурмуют прибоем
Гроты брошенных берегов,
И в пещерах лишь ветром воют
Тени мёртвых твоих врагов,

Если к пирсам пристать не может
В море выброшенный корвет...
Значит, ты одинок и брошен,
А любимой простыл и след.

Это значит, ты – остров в море...
Не живёт в душе даже волк.
И в единственном этом горе
Ты несчастен и одинок.

Если даже друзья фронтовые
Не нальют тебе коньяку,
Значит, дыры твои бортовые,
Словно гроты на том ветру...

Но одно утешает по жизни:
Остров - это не чахлый ял...
В одиночестве взял и выжил,
В море водочном не пропал!

* * *

Название станции как леденец за щекою,
Щекочет язык сладкой прелестью нежного слова.
Дома за перроном столпились гуртом над рекою,
Брела по просёлочной улочке грустно корова.

Вокзал представлял из себя заграничного лоха.
Автобус пыхтел, замутив карболитовый воздух.
С бутылкою пива не в том направлении Лёха
Брёл, местный алкаш и придурок с проклятием: «Сдох бы...»

Ютились домишки, гордясь трёхэтажностью роста,
К двум вышкам одной телефонной, другой для экрана.
И жить здесь, наверное, было и будет не просто,
Здесь, как и везде, поселилась российская драма.

Я шёл по бульвару с дорожной просёлочной пылью,
Со мною здоровались все незнакомые люди.
И воздух пах дымом из бань и немного полынью
И был так желанен и вкусен на вкус, словно студень.

И всё это было простой среднерусской Россией,
Той самой, которая всё ещё снится пророкам.
И было мне так на душе нелегко и красиво
И даже, быть может, немножечко, чуть одиноко...

Дома за перроном столпились гуртом над рекою,
Брела по просёлочной улочке грустно корова.
Название станции как леденец за щекою,
Щекочет язык сладкой прелестью нежного слова.

Кому же назвать так село это жизнь подсказала?
За провинциальность ему пусть немного, но стыдно,
Читаю на лбу деревенского, в общем, вокзала:
Загадочно вбитое в вывеску милое: «Линда»...

Мария КУЗЬМИНА

ОДНАЖДЫ ПРИХОДИТ ОСЕНЬ

(отрывок из повести)

... Еду в Домодедово на такси. Раннее утро. Предпраздничная Москва украшена знаменами и плакатами - фотографиями, с которых на горожан и гостей столицы смотрят воины – победители, так знакомые мне по ежегодным встречам с ними 9 мая в сквере у Большого театра, куда мы обязательно ехали с Ленинских гор, прихватив фотоаппараты и блокноты. Там же было Центральное телевидение, радио, корреспонденты газет и журналов.

Ровно год назад, 8 мая 1974 года, в Актовом зале МГУ проходило торжественное заседание, посвященное 29-й годовщине Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Заседание открыл секретарь парткома МГУ В.Протопопов, на костюме - орденские колодки. Вносятся знамя Таманской дивизии, знамя МГУ, почетный караул – автоматчики. В президиуме ректор МГУ Р.Хохлов, космонавт Г. Береговой. Рем Хохлов в сером костюме и в цветном галстуке, красивый. Рем Викторovich – выдающийся советский физик, один из основоположников нелинейной оптики, радиопластики, лазеров новых типов. Став ректором нашего университета, сразу же выдвинул идею взаимодействия университетских коллективов в решении комплексных задач науки, образования и производства. Перед выпускными экзаменами он читал нам обзорную лекцию по своей специализации, как это делали многие ученые МГУ - для расширения нашего журналистского кругозора. Рем, как все называли его между собой, вкратце охарактеризовал нам физику плазмы, ядерную физику, физику твердого тела, космофизику, молекулярную биофизику, геофизику, а затем перешел к проблемам радиопластики. Мы с Катей Чаковской, дочкой известного советского писателя, главного редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского, сидели рядом на первой скамейке Ленинской аудитории журфака, с краю. Хохлов подошел с микрофоном к Катерине и спросил примерно следующее:

- Вот Вы, девушка, могли бы вспомнить формулу длины радиоволны?

Чаковская – высокая, красивая, с гривой длинных, черных вьющихся волос, переложила мне на колени дубленку, с которой не расставалась, хоть на дворе уже было тепло, взяла из рук ректора микрофон и, глядя ему прямо в глаза, ответила:

- Вы знаете, профессор, я не только не могу вспомнить, но даже никогда её не знала...

Курс уял со смеху. Рем Викторovich тоже рассмеялся и, махнув рукой, сказал:

- О! Я забыл, в какой аудитории нахожусь!

... Георгий Береговой как-то равнодушно, даже безразлично смотрел в зал: мол, надоели мне все эти мероприятия. А, ведь, фронтовик, боевой летчик. После гибели В.Комарова на «Союзе-1» и полета беспилотного «Союза-2» в 1968 году, отважился полететь в космос... Слово предоставляется генералу армии, Герою Советского Союза Иванову. Рассказывая о нашем пути к Победе, он говорит о том, что 2000 представителей МГУ были в ополчении. Краснопресненское ополчение полностью состояло из сотрудников, студентов и преподавателей университета. Девять воспитанников МГУ – Герои

Советского Союза, среди них – девушки – летчицы – студентки физмата, и самая знаменитая и любимая подругами – Женя Руднева. 2700 человек – награждены орденами и медалями СССР. (Многие преподаватели нашего факультета – тоже фронтовики.)

9 мая 1974 год. Сквер Большого театра. Все пространство от входа на станцию метро «Проспект Маркса» до подъезда Большого театра и, через дорогу, - Малого театра - буквально запружено людьми. Фронтовики в гражданской одежде и в старой – армейской, с орденами на груди, с цветами, с табличками и плакатами в руках с надеждой смотрят по сторонам – ищут своих однополчан. Многие находят, так как встречаются здесь не один год подряд.

На ветках деревьев, на спинках скамеек сквера – самодельные плакатики: «54 Клинский краснознаменный ордена Кутузова авиационный полк», «34 гвардейская стрелковая дивизия». Двое мужчин обнимаются:

- Сапоги не жмут?!

- Что ты! Я в них от Сталинграда до Берлина дошел!

«9 гвардейская армия», «37, 38, 39 гвардейские корпуса»... Обмениваются московскими телефонами.

- ... не видели, случайно, у него лицо чуть перекошено?

«18 армия – Малая земля - огненная земля», «Норвегия – NORGE – Голубая линия».

- Здравствуйте, - говорит женщина. - Я из морской пехоты, из–под Керчи. Нас Таманская дивизия девушек поддерживала. Мы брали 164 сопку, а 165 брали десантники. Это было в декабре 1943. А как нас высаживали в Керчи! Вода хо – ло - о - дная ... И никто не замерз!

Рядом – группа однополчан. Тихо и задумчиво поют:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кровати тайком ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная черная степь пролегла между нами...

«43 прожекторный полк». Женщина с двумя орденскими колодками на пиджаке и с цветами в руках говорит обступившим ее людям:

- Я воевала под Сталинградом. Нас была тысяча девушек. Я и девять моих подруг – из Башкирии. Наш третий батальон формировался в семнадцатый отдельный. Сейчас живу в Загорске. Хорошо мы воевали... (Рядом стоящая женщина объясняет сыну, что тетенька служила медсестрой).

Женщины в гимнастёрках пользуются особым вниманием.

- У Вас какая фамилия была?

- Бочкарева!

- О! Бочкарева! Я помню тебя!..

Тут же пожилая женщина, почти старушка. В гимнастёрке, выгоревшей до белизны, заштопанной на локтях, в пилотке. Вся грудь в орденах. Другая женщина в погонах сержанта, в кирзовых сапогах показывает свою фотографию:

- Вот какой я была тридцать лет назад!

Много иностранцев. Они фотографируют и сами фотографируются с ветеранами.

«1-й Донской гвардейский танковый корпус. Генерал Панов» - это написано на дощечке, которую держит в руках мужчина с тюльпанами в руках. Бывший старшина Лейтман не может никого найти. Другой мужчина:

- А я одного командира нашел, и тот парализованный...

Сегодня у Большого театра представлена своими выжившими посланцами вся наша славная Армия, победившая фашизм.

«1-й Белорусский фронт», «134 –я Верденская стрелковая дивизия».

- А Теркин – то наш, он из нашей дивизии!

- Нет! Теркин в каждой дивизии был!

«3 - й Украинский, 57 армия» - это объявление держат на зонтике группа женщин с орденскими колодками на груди.

- Здравствуйте! Я из пятнадцатой дивизии!

- Ой, помню! – отвечает женщина подошедшему к ней мужчине. Я, ведь, с Сахалина прилетела.

И никого нет... Мужчина берет её адрес.

Тут же рядом стоит женщина, почти старушка, с двумя медалями на груди. Она тоже одна.

«2-й Белорусский, 5-я армия», «215 стрелковая дивизия, 618 стрелковый полк. Командир полка полковник Туманов» - этот плакатик приколот на лацкан плаща у женщины:

- Мы, вообще - то, собираемся 3 сентября, - говорит она. - А сегодня пришли на всякий случай.

Объявление на скамейке сквера: «Госпиталь полевой, армейский № 1007.Звоните 203-67-82. Сержант Боровикова. 268 отдельный минометный полк».

«Кто знал моего отца Скока Ивана Потаповича, командира 75-го авиационного полка в начале войны, тел. 372 - 00 -10. доб. 33 – 40».

«Однополчане 203-й Запорожской! Отзовитесь по телефону 272 – 60 - 40».

Народу – не пройти! В сквере уже начинают распускаться тюльпаны. По проспекту Маркса машины едут, прижимаясь к противоположной от него стороне дороги. Люди даже по газонам ходят, но осторожно.

- Мам, подними меня на руки! – говорит девочка.

А старичок из 34-го танкового корпуса всё ищет фронтовых друзей, но к нему никто не подошел.

«47-я Невельская ордена Ленина и Суворова стрелковая дивизия, Калининский фронт, а потом – Прибалтийский фронт»:

- Поковыряли мы там немца!

- Великие Луки? Нет, не был.

- Город так разбили, что после освобождения один дом целым остался.

- Не удивительно, они на стыке двух направлений стояли.

- Я – десантник, был где - то в Белоруссии, близко около Невля.

- А я Гродно брал. Был тяжело ранен. До сих пор чувствую.

- ... ранило Хоруна. Я его вытащил из машины, а потом полез за радиостанцией. Я у Хоруна радистом был, - говорит здоровяк с фотоаппаратом «Praktika» на груди.

«Юнги 4-го набора! (1944) Соловки, где вы? 249–29-19», «Матросы Кронштата! Где вы? 274-20–27»

«134 стрелковая дивизия, 629 стрелковый полк.1941(июль- август)», «Рудня - Суржа – Кунья. Осягин В.Г., 142 отдельный артдивизион».

По скверу ходят группами ветераны, перезваниваются на груди их боевые награды. Танцуют под «Катюшу». У колонн театра мужчина с тремя орденами пляшет «Барыню». Он в окружении бывших женщин–подпольщиц. Одна - плачет. Говорят, что это героини телефильма: «Вызываем огонь на себя». К ним подошел мужчина с баяном. Играет какой-то очень знакомый и грустный вальс. Ветеран–инвалид (без руки) танцует с женщиной–однополчанкой... Очень много молодежи, они тоже поют вместе с ветеранами и хлопают в ладоши. Искренне, с огромным энтузиазмом:

Мы запомним суровую осень,
Скрежет стали и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых смелых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Баян взял в руки бывший летчик (нет, это не баян, это гармошка такая). Заиграл самую любимую фронтовую мелодию, её сразу же подхватили десятки голосов:

Скромненький, синий платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь,
Будешь платочек беречь...
За них, родных,
Желанных, любимых таких!
Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

12.00. В Большом театре начинается опера Кирилла Молчанова «Неизвестный солдат». В главных партиях Александр Ведерников и Евгений Кибкало. Вход свободный.

«Партизаны! Украинские, западно-белорусские! Отзовитесь». Люди ищут друг друга...

Велико было горе, безмерны страдания, если и три десятка лет спустя, в это прекрасное весеннее утро, в самом центре Москвы, народ и веселится и плачет одновременно. Сколько полегло в землю! Сколько искалечено!.. «*Будьте прокляты, дороги наших бедствий, вы не смеете вернуться к нам назад!*» - до мельчайших оттенков тембра слышу голос Нины Афанасьевны Сазоновой, спевшей в спектакле Центрального театра Советской Армии «Снега пали» эту песню – плач. Вся ее творческая жизнь прошла на сцене главного театра нашей Армии. С его артистами, в составе фронтовых бригад, Нина Сазонова побывала на многих фронтах, многих друзей потеряла в окружении под Харьковом в 1942. Что-то предостерегающе тревожное всегда берет за душу, когда я слышу ее голос в этом спектакле.

С Ниной Сазоновой связаны у меня и личные воспоминания. В марте 1966 года, соскучившись, мама приехала навестить меня в наш военный городок. В сам город автобус из Великих Лук прибывал поздно вечером, и мы с девчонками поехали ее встречать. Каково же было моё разочарование, когда я увидела, что мамы в автобусе нет. Вернулась в гостиницу с низко опущенной головой. Катя Галкина, дежурная, обязанность которой сидеть у тумбочки с телефоном напротив входа в нашу гостиницу, увидев меня, широко улыбаясь, сказала:

- Мама у тебя в комнате, беги скорее!

Мама сидела за столом и пила уже кем-то принесенный чай. Оказывается, в автобусе она оказалась рядом с мужчиной, ехавшим в Псков. Когда они разговорились, и он узнал, из каких она мест, то вспомнил военную молодость, службу в авиационной части, расположенной у деревни Ровень, откуда «Ильы» уходили бомбить вражеские коммуникации под Великими Луками и Велижем. Этот аэродром немцы безуспешно искали всё время его дислокации в наших местах. В ночь на Покров, с 13 на 14 октября 1942 года, когда выпал первый снег, на ВПП аэродрома разогрели двигатели «Дугласа» - самолета Василия Сталина, приезжавшего с инспекцией в летную часть, где с подоконника второго этажа школы, в которой во время войны располагался клуб летчиков, столкнули лейтенанта, отбившего местную красавицу у другого офицера. А незадолго до этого - застрелился летчик Костя, узнав о неверности подруги – военнослужащей. (Костю как самострела, а, значит, - предателя, похоронили на горе, в молодом сосняке, без креста или ещё какого-либо отличительного знака.) Его могила до сих пор у дороги, слева от сельского кладбища, и всегда на ней цветочки и помин. Долгие годы за могилой ухаживала мамина двоюродная сестра - тетка Косенчиха, а после того, как и сама она легла в сырую землю, её племянница Маргарита.)

«Дуглас» не заходил по размаху крыльев в капонир. Огни на взлетной полосе привлекли внимание все время ищущего аэродром немецкого бомбардировщика и он, то ли сильно просчитался, то ли неосторожный огонь в чьем - то окне в деревне принял за давно искомый объект, отбомбился по огородам, а на обратном развороте угодил в наше подворье. Тяжелая авиационная бомба перекинула хлев со всей живностью через дом, на площадь. Стена дома, выходящая в сад, отвалилась. Вскочив с постели, мама с изумлением увидела перед собой яблони на снегу, искрящиеся при полной Луне, а спавшие в другой комнате технари, поднимая руками упавшие на спинки коек потолочины, натягивали на себя амуницию, разыскивая ее среди рухнувшего потолка. Один из них, почувствовав на груди что-то липкое и теплое, подумал, что ранен, но вытащил из-под нательной рубахи куриную голову. В хлеве у дяди Степана, родного дяди моего отца, жившего рядом, осколком, прошедшим в паз между бревнами, насмерть скосило корову. Больше в деревне никто не пострадал. У моей сестры Маши после пережитого стала сильно болеть голова, и 13 марта 1943 года она умерла.

Бог, все-таки, наказал экипаж бомбардировщика. Через считанные дни его сбита из зенитного пулемета наша зенитчица. Пулемет был установлен на куполе церкви Богородицы Эдигитрии, покровительницы морских путешественников, в которой был крещен Модест Мусоргский. (С конца 1920-х церковь не действовала.) Не менее жестоко судьба обошлась и с молодой зенитчицей: через некоторое время, перебираясь под стоящим на путях воинским составом, она была раздавлена буферами вагонов. Спустя годы, об этом писала одна из центральных газет.

Бомбардировщик упал недалеко от нашей усадьбы - в болото у Горелой жарины. Шесть членов экипажа ударом разбросало вокруг медленно поглощаемого еще не успевшей замерзнуть трясинной самолета, который уже начали демонтировать подоспевшие военные. Из Наумова, Жижицы, Жукова, Михайловского к месту падения устремились многие из тех, кто видел шлейф черного дыма от подбитого стервятника. Пять здоровенных молодых парней, с которых уже стащили теплую меховую одежду, были рыжеволосыми. Шестой, поздно решивший катапультироваться, еще живой, завис на стропах парашюта у самой земли, зацепившись за сук столетней сосны. По личным документам, найденным на месте катастрофы, было установлено, что все члены экипажа - финны. В тот же день мой отец - председатель колхоза во время войны, собрал жуковских баб и попросил их похоронить летчиков. Бабы взяли лопаты, веревки и пришли на Горелую жарину. Погибших, разбросанных по болоту, собирать было не просто: между торчащими кочками холодно поблескивали чуть подмороженные «блюдца» воды. Ноги никому мочить не хотелось. Кто посмелее, подобрался к покойнику и набрасывал на него веревку, остальные тащили на берег. Под вековой развесистой сосной, где недавно завис парашютист, выкопали бабы могилу, покидали в неё из жалости лапника и сложили, как получилось, молодых финнов. Сверху оказался раздетый до темно - синих сатиновых трусов и белой шелковой майки, с неловко подвернутой во время удара о землю ногой, совсем молодой парень. У него на груди был массивный, темный металлический медальон на шнурке, который никто не осмелился снять. Прикрыв тела еловыми ветками, женщины закопали «братскую могилу».

Возвращались по наезженной телегами дороге через обронивший листву, по - осеннему прозрачный перелесок с темнеющими среди осин и берез треугольниками молодых елок и холмистые поля, где летом обычно пасется домашний скот и связанные по передним ногам кони, тяжело передвигающиеся по выгону, встряхивая густыми, нечесаными гривами. Шли молча. Стояла глубокая

осень 1942 года. День был серенький, невеселый. Упорные бои гроыхали под Великими Луками, которые освободить не удавалось. Тяжелые сражения не первый месяц велись за Северный Кавказ, выбивалась из сил, с большими потерями преодолевала последствия окруженная под Харьковом большая группировка частей нашей Армии. Только ещё готовились к решающему наступлению войска под Сталинградом, в самые первые дни которого, 23 ноября, (эту дату помню всю жизнь) на высоте 56,4 под хутором Паншино – погибла Гуля Королева – любимая героиня нашего детства. Конца войне не было видно. Каждая из женщин думала о своём, ушедшем на фронт муже или отце, а все вместе о том, что и у этих парней в далекой Финляндии есть матери, жены и, возможно, дети. Что их тоже никто не дождется с войны, и даже не будут знать, где они похоронены. *(В эти же осенние дни 1942 года, в далекой Аргентине, на другом континенте, пятнадцатилетняя девочка Консуэло Веласкес, поздним вечером присев к фортепиано, робко взяла первые аккорды «Besame ticho» - «Целуй меня крепче, так, как если бы эта ночь была последней, так, как если бы после неё ты потеряешь меня», - вскоре ставшего шлягером второй половины XX-го столетия. Война в центре Европы каждый день уносила жизни тысяч молодых и здоровых людей. Вселенская трагедия накрывала темным облаком безысходной печали и невоюющие континенты, и девичье сердце почувствовало её с такой невероятной силой, с какой прониклись ею и авторы «Землянки», «Жди меня», «Темной ночи» - поэты и композиторы обороняющейся от фашизма страны).*

...Мама сказала, что они с бывшим фронтовиком всю дорогу говорили о войне, нашли в ней много знакомых. Вспомнили нашу тётю Шуру, которая во время блокады была эвакуирована в Молотовскую область, а затем приехала на родину, в село Михайловское, где с июня 1941 года жили у бабушке её дети - Юра и Инна. В селе, также, как и в Жукове, в каждом доме были на постое военные, обслуживающие аэродромное хозяйство. Тётя Шура работала в офицерской столовой, где, судя по подаренным ей фотографиям со словами признательности за душевность и трудолюбие, пользовалась большим авторитетом. Дом наш, разрушенный вражеской бомбой, военные быстро восстановили, подивившись, что вместе со стеной не упала и не разбилась икона Владимирской Богоматери, которая и сейчас висит в «красном» углу.

Все дома в деревне были заняты техническими и интендантскими службами аэродрома. Сарай общего двора, ранее забитые сеном для колхозного скота, были заняты под склады, и дверь каждого пронумерована. Только в конюшне сохранилось несколько лошадок, а весь остальной скот ещё в августе 1941 года, перед самым приходом немцев, отогнали далеко в тыл, в Ивановскую область. И, как ни странно, к весне 1942, когда наша местность была освобождена, стадо вернулось в родные хлевы. Для посева был сохранен и собранный осенью, уже при немцах, урожай. Без пригляда ничего не осталось. По углам конюшни даже были врыты большие бочки с водой – на случай пожара. После войны, уже в 1950-е, мы днями пропадали на общих дворах и очень боялись ненароком в них провалиться. Бочки уже прогнили, вода в них позеленела, но в ней все равно водились лягушки, и отражалось небо, часто – ослепительно синее...

Мамин попутчик и попросил шофера остановить автобус на повороте к нашему городку, рядом с гостиницей, заявив, что знает, где живут девушки – военнослужащие. Весело ужиная домашней снедью и слушая мамин рассказы о деревенских новостях, мы засиделись за полночь. Хорошо, что на завтра был выходной день, и мы с мамой поехали в город смотреть только, что вышедший на экран художественный фильм «Женщины» с Ниной Сазоновой в главной роли. Сколько лет прошло, а я всякий раз, когда слышу этот грустный «вальсок» в исполнении автора Яна Френкеля, совмещаю в памяти два образа – моей мамы, простой русской крестьянки, и русской актрисы Нины Афанасьевны Сазоновой: две разных судьбы и одна суть...

Евгений СУВОРОВ

* * *

Страстная пятница, страсти Господни,
что принесет этот день мне сегодня?
Ветер деревья к земле пригибает,
снежной крупой в лицо мне швыряет.

Холодно, сыро в лесу, неуютно,
тянутся, тянутся долго минуты,
еле ползут, как в промозглую осень, -
страстная пятница, страсти Господни.

* * *

Истомилась душа, изболелась
о родном своем доме в тиши,
где б мне сладко мечталось и пелось,
и дышалось легко от души.

Не похабник, не вор, не пропойца,
только душу гнетет и гнетет,
словно сдавлена в грубые кольца,
и подняться ей груз не дает.

Но рванется душа в поднебесье,
полетит в Отчий дом не спеша?
Что ей сделают хитрые беси?!
Оттого то она и душа!

* * *

Снится, снится тихий пруд,
скачут в поле кони -
дали родины зовут,
все как на ладони:

дом, деревня и овин,
пруд у нашей бани,-
сколько весен и годин
разлучен я с вами.

Но приехал ни пруда,
ни деревни нету, -
в диком поле лебеда
тянет листья к свету.

Алексей ИЕВЛЕВ

ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ КОМБИНАТА «ВОРКУТАУГОЛЬ»

(очерк)

Четверть века назад в Москве скончался Михаил Митрофанович Мальцев, первый руководитель комбината «Воркутауголь», возглавлявший его с момента создания в марте 1944 г. до января 1947 г.

В истории промышленного освоения минерально-сырьевых ресурсов Коми республики есть много громких имен людей, сыгравших в этом вопросе выдающуюся роль. Не секрет, что разработка подземных кладовых здесь началась с использованием каторжного подневольного труда тысяч ни в чем не повинных людей. И если в последние годы, благодаря усилиям краеведов и правозащитников, из небытия встают великие фигуры первопроходцев, ученых, инженеров, не по своей воле оказавшихся вовлеченными в индустриализацию Коми края, то личности тех, кто был вне колючей проволоки зачастую остаются в тени. Но и среди вольных руководителей лагерной промышленности были незаурядные люди.

М.М.Мальцев родился 23 ноября 1904 г. на железнодорожной станции Никитовка Донецкой губернии. Трудовую деятельность начал в 1916 г.: шахта, цементный завод, ртутный рудник. Окончил двухклассное железнодорожное училище. В 1918 г. добровольцем вступил в партизанский отряд. Затем – служба в РККА, был дважды ранен. За боевые заслуги был награжден Почетной грамотой Реввоенсовета и револьвером «наган».

В 1935 г. окончил Новочеркасский индустриальный институт. По решению оргбюро ЦК ВКП(б) направлен на стройки ГУЛАГа НКВД СССР.

В период 1941-1943 гг. командовал 8-й и 10-й саперными армиями (Брянский, Южный и Сталинградский фронты). Переведен в «Воркутстрой» с фронта в 1943 г. Генерал-майор НКВД.

Воркутинское угольное месторождение в годы Великой Отечественной войны приобрело особое стратегическое значение. Донбасс был оккупирован, шахты Подмосковного бассейна разрушены, и тем самым страна лишилась привычной энергетической базы.

Безусловная заслуга М.М.Мальцева как руководителя комбината «Воркутауголь» заключается в том, что добыча запольных углей за годы войны возросла многократно: в 1945 г. было добыто в 1103 раза больше угля, чем в 1940 г. Блокадному Ленинграду было отгружено свыше 200 тысяч тонн воркутинского угля, что составило более 70 % полученного городом твердого топлива. Форсированными темпами строились шахты №№ 12, 14, 16, 17, 18, 25, 26, 27 и 29, которые стали плацдармом развития Печорского угольного бассейна в первые послевоенные годы.

С января 1947 г. по июль 1951 г. М.М.Мальцев являлся руководителем разработки и добычи стратегического сырья в советской зоне оккупации Германии. Был генеральным директором компании «Висмут», занимавшейся добычей урановой руды на немецкой территории. Производство было закрытым военным объектом, шахты были обнесены изгородью и наблюдательными вышками. В 1950 г. там работало 130 тысяч человек по добровольному и принудительному набору. По некоторым оценкам, в 1950-х годах из Германии поступало около 60 % урана, необходимого советской атомной промышленности.

По данным историка Жореса Медведева, М.М.Мальцев имел отношение и к успешной организации работ на Ленинабадском горно-химическом комбинате в Таджикистане, который стал поставлять первые партии отечественного урана.

За исключительные заслуги перед Советским государством (создание атомного оружия) 19 октября 1949 г. М.М.Мальцеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Этим же указом звания Героев были присвоены выдающимся ученым-атомщикам Игорю Курчатову, Георгию Флерову, Юлию Харитону, Кириллу Щепкину, Николаю Доллежалю и немцу Николаусу Рилю.

За дальнейшее участие в разработке атомного оружия М.М.Мальцев в 1951 г. стал лауреатом Сталинской премии I степени.

С июля 1951 г. по май 1952 г. М.М.Мальцев был начальником 565-й стройки МВД СССР (строительство системы противовоздушной обороны «Беркут»). С мая 1952 г. по ноябрь 1954 г. – начальник Главспецстроя Министерства среднего машиностроения СССР, а затем заместитель начальника 9-го Управления Минобороны СССР. В 1964 г. уволился в запас, но продолжал трудиться в Инспекции Государственного производственного комитета Министерства энергетики и электрификации СССР. Был председателем комиссии по выбору площадки для строительства Печорской ГРЭС.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Кавалер четырех орденов Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны и двадцати медалей.

Умер Михаил Митрофанович Мальцев 25 апреля 1982 г. в Москве.

Наталья ЗОНОВА

* * *

Однажды – это была зима –
Я ощутила, как мир открылся,
Словно большая книга. Земля –
И я, маленькой точкой над звездной
крышей.
Это не было сном, ты мне веришь?
Впрочем, верю ли я сама... Так бывает,
Когда выходишь за постоянство двери
... или ума.

* * *

Жаль времени на сон. И, коротая ночь
За кипой фотографий, что в альбомах,
Я возвращаюсь в жизнь, где маленькая дочь
И карапуз – мой сын, глядящий из пеленок.
Где радостные мы – познавшие любовь,
И счастье бьет ключом, и теплится надежда...
Не торопясь уснуть, листаю вновь и вновь
Воспоминаний ворохи о прежнем.
Не спешен ход часов, но утра близок миг.

Вернувшись из далекого похода,
Я тихо обойду, целуя спящих их,
Взрослеющих, сошедших в мир из фото.

* * *

Окно в окладе деревянном,
Божница горечи мосей...
По насту времени, неожиданно
Струится страх со дна очей.
Нет звонарей в приходе звездном,
Прозрачен вышний хор светил.
Рывок – и будет слишком поздно.
Помилуй, Боже, просвети!
Глаза всевидящие, знаю,
На зов души обращены.
Восток луной пока не занят,
И нет греха, где нет вины.
Безумно манит неизвестность,
Но слышу голос: «Жизнь ценна».
Не каждому найдется место
По эту сторону окна.

Людмила ЧЕБЫКИНА

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(рассказ)

Книжка Экзюпери с таким подходящим к моему недолгим 10 годам жизни названием – «Маленький принц» - мне очень понравилась. Не знаю, откуда она взялась. Читать я начала рано, увлеченно и все подряд. Почему-то никакого отклика в юном сердце не нашел военный лётчик, потерпевший катастрофу и оставшийся один на один со смертью. Самого понятия смерти для меня еще не существовало – жизнь была в самом разгаре: красивая, добрая и веселая, как мама. Нежный голос маленького принца очаровал музыкальностью. Но он не был похож на моего сильного и надежного папу, поэтому интерес быстро угас. Не понравилась глупая и манерная роза. Моя душа тогда отвернулась от подобного проявления женственности и не повернулась к ней по сей день: она прощает её другим, но сама предпочитает быть похожей на Овода или Ульяну Громову. Не понравился ни суетливый садовник, ни спешащий джентльмен. Но Лис... «Приходи всегда в одно и то же время, и тогда еще задолго до этого времени я начну волноваться и ждать тебя, и смотреть на дорогу в ожидании...» Смотреть на дорогу...

Вскоре в город приехал фильм «Маленький принц» и я умолила всю семью идти на просмотр. Собралась первой. Но тут мой сильный и надежный папа впервые подвел меня: он решил, раз мы так принарядились, нужно всех сфотографировать. И достал любимый ФЭД. Для меня самым страшным было опоздать на сеанс, но аргумент «можно сфотографироваться после фильма» не прошел. Папа был непреклонен и нетороплив. Эта фотография – в газовом платочке и с особым блеском в глазах (от слез) – папина любимая.

Мы не опоздали. Но оказалось, что главный герой все-таки летчик, а всё остальное – самое главное – бред умирающего в пустыне. Маленький принц оказался ещё более маленьким, кудрявым и наивным, чем в книжке, а говорящих лисов тогда вообще снимать не умели. Кроме сельского пейзажа, изгороди и противного голоса за кадром от него ничего не осталось. Может быть, это был и неплохой по взрослым меркам, фильм – больше я его никогда не видела. Но моя фантазия была гораздо щедрее. И я стала посматривать на дорогу и ждать своего принца.

Следующие 13 лет моей жизни принц прятался от меня. Вернее, он уже был рожден – на несколько дней позднее меня (видимо за это время выяснилось, что мне без него – никак), уже рос, учился и допекал семью по мере сил, но на мою дорогу всё не выходил. За мной пытались ухаживать, как за розой. Безуспешно. Кто же мог догадаться – кто я...

А принц жил на своей планете по имени Сыктывкар и окучивал свои розы. Последняя его роза решила, что ей будет полезна поездка к морю, а для полноты счастья нужен и принц, ибо кто же станет заботиться о ней на диком юге, если не он. Бедная, она ведь не знала, что он рожден для меня, и час встречи уже пробил.

Дальнейшее было явно распланировано свыше: моя лучшая Подруга рассорилась с моими лучшими друзьями и ушла от них в другой домик. Я не могла её оставить – друзей много, а Подруга одна – и ушла вместе с ней. Принцу просто не хватило места в домике рядом с горшком его розы. И провидение, в лице администратора студенческого лагеря, свело нас в одном домике на берегу синего-синего моря. Больше роза в лагере принца не видела, как и меня – мои друзья. Ведь это был мой Принц – красивый, умный, невыносимо мужественный и обаятельный. А во сне он становился удивительно похож на того наивного кудрявого мальчишка из книжки.

Лис сделал стойку и стал рваться с поводка. Времени у Принца было немного – его ждала планета по имени Сыктывкар и много-много разных роз. Но целый месяц Принц терпеливо приручал своего Лиса. А Лис был так счастлив, что приручался не по дням, а по часам и даже забыл о дороге, на которую придется смотреть ещё долго-долго, может до конца жизни.

Трижды пытался Принц вернуться на свою планету. Первым уехал его чемодан вместе с увядшей розой. Второй раз Подруга взяла на себя роль феи и перевела стрелки часов: не хватило ей сил перенести горькое расставание двух прирученных сердец. Но на третий раз в дело вмешался грозный призрак отчисления и студент-индус, у которого нашлись деньги на билет. И Лис бежал за поездом, сколько хватило длины его поводка, а потом без сил упал на дорогу, не чая новой встречи, но веря, что «мы в ответе за тех, кого приручили». А Принц безнадежно лежал на верхней полке и даже не спускался к попутчикам, чтобы выпить пива.

Розы вяли в одиночестве, потому что от тоски Принц уехал на другую, воинственную планету. На дорогу к Лису ветер приносил только желтые листочки солдатских писем. Лис ждал, и в назначенный час выходил на дорогу, и собирал эти листочки, и смотрел вдаль – до рези в глазах, до стихов по ночам, до слез на лекциях.

Только через два года в конце дороги появился долгожданный силуэт. И Лис сорвался с поводка, и лизал соленые щеки, и тыкался мокрым носом в сильные ладони, и подставлял шерстку теплым рукам. И скоро уже совсем крохотный Принц с остреньким носиком и серьезными серыми глазками держал их за руки и говорил: вы оба – мои...

...Но привычка к розам оказалась сильнее...

Людмила ХАНАЕВА

ОТ ЗИМЫ ДО ЗИМЫ

(отрывок)

* * *

Как рады мы проходу **ЯНВАРЯ:**
Шары на ёлках, а под ней - подарки.
Хлопочет за окном зима не зря,
Чтоб праздник был и красочный, и яркий,
Старается и веселит народ.
И нипочём толпе мороз суровый.
Услышит ёлка шумный хоровод,
Подарят ей восторженное слово!

* * *

ФЕВРАЛЬ неласков: снегопады,
Метель и злые холода.
Лишь белоснежные наряды
На ёлках хороши всегда.
Он мстит порою непогодой,
И ночью к нам стучит в окно
За то, что дни урезал кто-то,
Что мало жить ему дано!

* * *

МАРТ - озорник! Он днём так ласков
Приятно нам его тепло.
А ночью он, меняя маску,
Тоскливо смотрит сквозь стекло.
Больное чувствуя дыханье
И, понимая все сама,

Всю ночь, как будто на прощанье,
Скулит за окнами зима.

Татьяна АСАФЬЕВА

ЭТЮД

К лесному чудо-озеру
По траве некошенной
Рука в руке, глаза в глаза,
В крик чайки заполошенный,
Как будто да по-над землей
В край белокрылой птицы
Шли двое...
Никогда
Туда не возвратиться...

Иван БЕЛЫХ

ВКУСНЫЙ ЯЧМЕННЫЙ КАРАВАЙ

(рассказ)

Изредка снится, будто я, соплиивый мальчишка, устав от игрищ с друзьями, захожу домой и прошу у бабушки Анисьи ячменного хлеба. Она достает с полки круглый каравай, отламывает краюху и подает мне – на, лакомься. Я уплетаю ее с жадностью, и кажется, что вкуснее нет ничего на свете. А бабушка, ласково глядя на меня, приговаривает:

- Ешь, ешь, да расти побыстрее... Хлеб человеку земную силу отдает.

Во времена моего детства у жителей нашей деревни не особо много было на грядках. В основном, выращивали лук, чеснок, морковь, брюкву, картофель... Многие на отдельном поле сеяли ячмень. Рожь да пшеница на Севере не каждый год урождались, а ячмень даже в дождливое лето неплохо колосился. Полученный за трудодни колхозный хлеб да ячмень со своей усадьбы помогали селянам пережить зиму.

До сих пор перед глазами: по только что вспаханному полю с берестяной набирушкой в левой руке вышагивает отец и горстями аккуратно бросает на землю ячменные зерна. Сделает шаг вперед – и горсть зерен веером ложится на пашню. Еще шаг вперед – и новые зерна падают на черную землю.

Потом отец приводит лошадь с небольшой деревянной бороной и поднимает меня на ее широкую спину. Делаем по полю круг за кругом, пока отец не окликает – дескать, хватит.

Нам, пацанятам, очень хотелось узнать, вырастет или нет что-нибудь на этом черном поле. На меже-то трава уже вон как высоко поднялась...

Но есть же диво дивное на свете! Горячие лучи летнего солнца так нагревают землю, что она тоже начинает оживать. Встаю однажды утром и с удивлением замечаю, что на поле появились нежные синеватые всходы. Очень скоро они позеленеют и быстро-быстро потянутся вверх, к солнцу. Того и гляди, обгонят растущую на меже траву, которая уже потихоньку желтеет и осыпает семена. Она отжила свой срок, и скоро ее выкосят люди... А ячменные ростки уже начинают колоситься и негромко шелестят под теплым ветерком.

Родители беспокоятся: не дай Бог, не полег бы под шквалистым ветром или неожиданным градом поспевающий на дальнем поле хлеб – сколько трудов на него положено! Об этом же тревожатся и соседи. Но Бог берег моих односельчан: почти всегда поля давали хороший урожай ячменя...

Трава на межах уже давно скошена, и вместо нее поднимается нежно-зеленая отава. А золотистые ячменные колоски пригибаются под своей тяжестью к земле, шелестят, переговариваются...

Отец каждое утро подходит к полю, трогает руками колоски – насколько они твердые... Наконец, говорит, что пора жать.

В моем детстве ячменные снопы уже не молотили вручную на току и не сушили в овинах. Хотя эти заброшенные деревянные постройки долго еще, пригорюнившись, стояли на краю деревни, как будто ожидая своего часа... Из МТС приходил комбайн, и после уборки хлеба на колхозных полях наступал черед частным лоскуткам, где желтели ячменные снопы. За считанные минуты комбайн

перерабатывал урожай одного участка и переходил к другому. Соседи помогали друг другу, чтобы сберечь драгоценные минуты. И радостно переговаривались – кому сколько мешков ячменя удалось собрать. Легко было понять: лето им очень помогло, и зимой не придется голодать.

А потом ячмень сушили на печи и ссыпали в большой ларь. Бывало, зайдешь после улицы в дом, а мать уже новую партию зерна сушить пристроила.

- Постели что-нибудь и грейся, - говорит она, чувствуя, как мне хочется забраться на печку. – Смотри, зерна не разбросай! Трудно хлеб-то достается...

Да, хлеб был дорогой – сколько труда нужно было вложить в него!..

В глубине сеней стоит ручная мельница. На ней мы с матерью модем ячменное зерно. Ухватываюсь двумя руками за подвешенную к потолку длинную, гладкую, не очень толстую жердь, с помощью которой движется верхний жернов, и начинаю вращать его. Мать подбрасывает горстки ячменя в отверстие жернова и одновременно помогает его крутить – мне одному не справиться!

Жернов крутится и скрипит, будто жалуется на свою тяжелую судьбу. Нелегко ему – сколько сил надо потратить! Но он привык слушаться хозяина и помогает ему. Я слушаю скрип жернова, и кажется, что он движется уже без моей помощи... Вот, наконец, и нечего уже молоть.

Иногда мать просила истолочь в берестяной ступе ячменные зерна пестом с железным наконечником – получалась крупа, из которой варили вкусную кашу...

Но самыми вкусными были круглые караваи и сочни из ячменной муки. Еще с вечера мать творила тесто и поднимала его на печь, чтобы лучше забродило. А какой вкусный запах был утром в избе! Румяные ячменные караваи сами просились в рот!

- Не спешите! Успеете попробовать! Пусть хлеб остынет, - весело покрикивала мать на нас, радуясь выпечке. Ей самой было приятно, что удалось собрать хороший урожай. И, даст Бог, удача не оставит нашу семью и в следующие годы.

Мы запивали горячий хлеб молоком и отправлялись в школу...

У свежее выпеченного ячменного хлеба есть своеобразный, ни с чем не сравнимый аромат – так и тянет им полакомиться! Порой к матери заходили соседки – а в избе плавал запах свежей выпечки... Кто-нибудь обязательно не выдерживал:

- Настюх, дай попробовать твоего хлеба!

Мать протягивала гостье ячменный каравай. Соседка отламывала небольшой кусочек, пробовала и, спустя некоторое время говорила:

- Ну и вкусный же у тебя хлеб получился! Даже на сердце веселее стало...

Матери, конечно, была приятна похвала. Она умела печь не только замечательные ячменные караваи, но и ароматные пироги и шаньги. От воспоминаний о них у меня до сих пор появляется незабываемый вкус во рту...

А годы идут... Давно уже в нашей деревне не сеют ячмень. Нынешние деревенские дети едва ли отличат колосья ячмени от пшеницы и ржи. Да и зачем им это надо? Какой угодно свежий хлеб каждый день привозят в магазин...

А я вспоминаю те времена, когда мои родители выращивали ячмень, - и сразу же тепло становится на сердце. Может быть, те ячменные караваи помогли нам превозмочь все тяжести прошлых лет. Поэтому и хочется снова попробовать испеченный в крестьянской печи ячменный каравай и снова попасть в мое босоное детство.

(Перевел с коми А.Иевлев).

Маргарита ПРИЛУЦКАЯ

* * *

Я с Севером повенчана навеки
Закатами в туманном кумаче,
Его непостижимой ночью летней
И танцами весенних косачей.

Мне на земле студеной и суровой
Вкус беломорской соли не горчит,
Радушны реки, тучи светлобровы,
И мягок хлеб, и сладки калачи.

Был русский Север колыбелью воли,
В седых веках характер свой граня.
Он жил и выжил, в кандалах неволи
Свет вольнодумства истоиво храня.

Я получила в дар дух непокорства,
Но нетерпимость для меня чужда.
Я чту и луч языческого Солнца,
И святость православного креста.

Я с Севером повенчана навеки
Сияньем Кия, Сии, Соловков.
В краю далеком заревом мне светит
Русь Беломорская – земля отцов.

* * *

Ржаное поле, светлая река,
Густых лесов растянутые гребни.
А запах деревенского дымка
Мне запахом родного очага
Становится во встреченной деревне.

Я - горожанка.
Мне ли говорить,
Как сладок дух распаханной землицы.
Не знаю я всей мудрости земли,
Но предки, верю, от нее пришли
В истории далекую страницу.

Иду по полю тропочкой-межой
Июльским утром васильково-чистым.
Пою и говорю сама с собой,
Мне здесь понятней край родимый мой
И это слово емкое –
Отчизна.

Я – горожанка.
Но моя Земля -
Ленивые на водопое кони,
Звон ведер у колодца – журавля,
Ржаные бесконечные поля
Да горсть земли, согретая в ладони.

* * *

В роще – деревца голы и босы.
Побледнела и съежилась высь.
Не предай меня, спутница-осень,
Обнаженной души не коснись.

Не гони по раздолбанной стежке,
Обжигая ветрами лицо.
По земле ледяную порошу
Не мети, завивая в кольцо.

Объясни, как пройти мне по краю,
Дай тропинку спасения свить.
И не надо, как мачеха злая,
За нечаянный промах бранить.

Осень, осень! Цветная обнова!
За огрехи мои не виня,
Неужели не будешь ты снова
Вдохновенья ключом для меня?

ТАЙМЫРСКАЯ АРКТИКА

(отрывок из документальной повести)

Предстоящая работа на Таймыре очень привлекала меня. Мое раннее детство пришлось на тридцатые годы, когда исследования Арктики были предметом государственной гордости. Спасение экспедиции У.Нобиле нашим ледоколом «Красин», Челюскинская эпопея, первые Герои Советского Союза, дрейф четверки папанинцев на льдине от Северного полюса к Гренландии, дрейф ледокольного корабля «Седов». Слово «полярник» было в ту пору почти так же почетно, как в семидесятые годы слово «космонавт». Мальчишки играли в папанинцев, а имена Г.Седова, Р.Пири, Ф.Нансена, Р.Амундсена вызывали в душе священный трепет. Я и мечтать не смел о том, что мне доведется прокладывать свои маршруты там, где проходили эти знаменитые путешественники! А тут впереди Таймыр – сердце Российской Арктики. Берег Харитона Лаптева – лейтенанта великой «Государевой северной экспедиции», задуманной еще Петром Первым!

Я терзал расспросами опытных товарищей, уже побывавших на Таймыре: как надо одеваться, как там вообще организован экспедиционный быт – как спят, что едят. Вопросы были один наивнее другого. Однако, тем не менее, картина постепенно прояснялась. В район работ нас забросят самолетом. Непосредственно на месте транспорта не будет никакого – все маршруты только пешком. Докуда дойдешь. Ну, а сколько это? Говорят, что тридцать-сорок километров в день – это не так уж много, но обычная дневная норма – километров двадцать. Обувь? Резиновые сапоги, потому что тундра летом всегда мокрая. Одежда? Что-нибудь шерстяное, вязаное, желательнее легкое, а поверх – плотная непродуваемая куртка (в те годы слово «ветровка» еще не было придумано). Жить, конечно, в палатке. Раскладушек тогда с собой не брали: на камушки стелили лист фанеры, на него оленью шкуру, поверх нее меховой спальный мешок, обычно собачий, а если повезет, то волчий. Никаких печек в палатке нет, потому что нет дров. Источник тепла только примус: на нем готовят еду, около него и греются. Это заменитель костра и печки.

Впрочем, было одно своеобразное приспособление, облегчавшее жизнь. Придумал его известный полярный геолог В.А.Вакар. Оно так и называлось «Вакар-печка». Брали большой жестяной короб, каких тогда в Арктике можно было найти в изобилии на любой свалке. В них упаковывали все, что могло размокнуть – печенье, галеты, макароны. Запаянный короб укладывался в тарный дощатый ящик, а сверху писали: «В Арктику морем». И груз шел на кораблях, ящики порой смывали с палубы волны, они нередко падали в море при рейдовой разгрузке, но их всегда вылавливали, а запаянные в жестяном коробе продукты оставались сухими и неиспорченными. Так вот, брали такой короб, вырезали полностью одну из стенок, протыкали в противоположной стенке вереницу дырок для тяги, и этой жестяной накрывали горящий примус. Получалось что-то вроде железной печки. От нее шло приятное тепло, на ней можно было сушить подмокшую одежду. Примус под коробом мог потихоньку гореть всю ночь... Спасибо Владимиру Анатольевичу!

Отряд мой планировался поначалу совсем крохотным – я, радист с портативной рацией и студент-практикант, т.е. коллектор, каким я был когда-то на Алдане. Дома мы сразу же решили, что коллектором со мной поедет Наташа, моя жена, как раз возобновившая в это время учебу в университете после перерыва, вызванного рождением сына. Однако с ее устройством возникли недоразумения. Она сохранила свою фамилию, а потому начальник отдела кадров решил, что я, молодой начинающий муж, беру с собой какую-то «постороннюю девицу». Чтобы не рушить семью, он категорически воспрепятствовал моим легкомысленным намерениям и отказался принимать Наташу на работу. Причин отказа он не раскрыл, и мне пришлось идти на прием к директору института, известному полярнику Б.В.Ткаченко. Борис Васильевич объяснил мне, в чем дело. Узнав, что Наташа – моя жена, он добродушно рассмеялся, подписал заявление, а потом посадил меня рядом и стал втолковывать, что молодую женщину надо оберегать в поле от тяжелых нагрузок, а пуще всего – беречь от холода. Особенно надо следить, чтобы она не застудилась ночью: мешок спальный ей нужно дать лучший, шкуру оленью подложить самую толстую, и вообще, я обязан каждый раз тщательно проверять все, чтобы обеспечить ей максимально возможный в этих условиях комфорт!

В хлопотах незаметно подошел к концу май. Наташа отвезла сына на лето к маме в Орел, вернулась... Наконец-то мы почти всем составом экспедиции выехали поездом из Ленинграда в Москву. Тогда на северо-западной окраине столицы находилась деревня Захарково, ныне полностью поглощенная городом. И знаменита она была тем, что там размещался главный аэродром Полярной авиации, на котором базировался знаменитый на весь мир МАГОН – Московская авиагруппа особого назначения. Мой Бог, какие асы были в составе этой группы! Герои Советского Союза И.Черевичный, А.Мазурук, М.Водопьянов, В.Аккуратов, М.Каминский... Имена, знакомые мне с детства. Но, кроме них, там были десятки молодых, но не менее умелых и честолюбивых пилотов. Это была элита

авиации. Туда принимали на работу только лучших, уже проявивших себя, доказавших свое мастерство и мужество. Они умели все – а, главное, все они имели право посадок с самостоятельным подбором площадок с воздуха. Это значит, что пилот мог сесть на песчаный или галечный морской пляж, речную косу, а то и просто на сухой участок тундры, посадить самолет на колесах туда, где не было никакой разметки (флажков по углам и прочей роскоши), где вообще не было людей, и никто не мог гарантировать надежность грунта. Все решал он сам: снижал самолет до предела в районе планируемой посадки, проходил с минимально возможной скоростью на бреющем полете, почти цепляя колесами землю, и принимал решение, от которого полностью зависела судьба наших будущих работ. Если площадка пригодна, он сядет. Если нет... Но это же были асы, и слово «нет» они произносили крайне редко.

Особой проблемой была изменчивая арктическая погода. Вылетит самолет в нормальных условиях, а по прибытии на место вдруг оказывается, что облачность ниже нормы и видимость ни к черту, или ветер боковой и порывистый, или еще что-нибудь... Но это были парни с высоко развитым чувством профессиональной гордости. Не выполнить экспедиционный маршрут они могли только в крайнем случае, если это было и вправду невозможным. «Возврат» из маршрута с невыполненным заданием считался черным пятном на летной репутации пилота, даже если по всем инструкциям он обязан был вернуться, не выполняя посадки в намеченном пункте. Я не могу передать словами, на какие, с позволения сказать, «площадки» высаживали они нас, геологов... В каких метеоусловиях они это делали. Вот уж воистину – вся наша работа, а зачастую и жизнь, полностью были в их руках.

Аварии с человеческими жертвами были крайне редки, во всяком случае, много реже, чем в системе Аэрофлота, но, тем не менее, далеко не всегда все завершалось благополучно. Как-то в конце пятидесятих годов мой друг Ляня Егоров вылетел на реку Маган в бассейне Котуя, где его партия выполняла двухсоттысячную съемку. Хорошие косы, на которые можно было сесть безо всякого риска, оказались, как на грех, около самой рамки планшета: посадка на них делала неизбежными маршруты с длинными подходами. Пилот «Аннушки», хорошо знакомый со спецификой труда геологов, понимал это, а потому постарался найти площадку поближе к центру участка. Он и нашел такую галечную косу. Единственным ее недостатком были хаотически разбросанные по поверхности крупные глыбы камней до метра в поперечнике, которые летчики довольно метко называли чемоданами. Командиром экипажа был опытный пилот Игарской авиагруппы Мартынов. Прикинув расстояние между «чемоданами», он решил, что вполне впишется в это пространство. Был штиль, а когда самолет снизился почти до земли, легкий, но неожиданный порыв ветра подхватил его сзади, протащил пару десятков метров и ударил хвостовым колесом о камень. Хвостовик обломился, самолет качнуло, он уткнулся крылом в гальку и развернулся, как циркуль вокруг ножки. Срезало и шасси. Самолет лежал на брюхе. К счастью, бензобаки, расположенные в верхней плоскости этого биплана, удар выдержали. Если бы бензин потек, все погибли бы в пламени. А так обошлось даже без синяков и шишек!

Машину пришлось, однако, списать. Не ясно было, что делать с командиром. Конечно, он грубейшим образом нарушил НПП (наставление по полетам), главный документ, регламентировавший поведение экипажа в полете. За это увольняли из авиации безжалостно. Но пилот-то был опытный, и он хотел сделать лучше для нас, геологов. Дело было в нелепой случайности – не дохни вслед садящемуся самолету тот порыв ветра, и ничего бы не было! Руководство авиаотряда прекрасно все понимало. А потому комиссия составила акт с надуманной историей этого «летного происшествия». В нем было сказано, что пилот при осмотре площадки с воздуха допустил чрезмерное снижение, вследствие чего самолет на малой скорости порывом ветра бросило на землю. Это можно было трактовать уже как грубую ошибку пилотирования, а не злостное нарушение инструкции. За это не выгоняют из авиации, а отстраняют на время от полетов и направляют на дополнительное обучение. Так и поступили с Мартыновым. Через полгода все грехи с него списали и существенно повысили в должности, сделав начальником Игарской авиагруппы, а до этого ЧП он был всего лишь командиром эскадрильи «Аннушек» в ее составе. Так руководство Полярной авиации показало, что у него нет претензий к Мартынову.

Но все это я узнал позже. А пока – мы прибыли в Захарково. Наше начальство оформило полетные документы, мы переночевали в каком-то учебном штурманском классе, а наутро уселись в «полупассажирский» двухмоторный ЛИ-2 («Дуглас») с бортовым номером, начинавшимся с буквы «Н», что означало «Норд» – Север: Н-427. Вдоль боковых стенок стояли в затылок друг другу небольшие кресла, по одному ряду с каждой стороны. А всю среднюю часть (широкий проход между креслами) занимал наш груз: мешки, ящики, личные вещи. И никаких тебе стюардесс.

Под нами проплывают леса, пашни, деревни... Вот Вологда – мы летим дальше на север, в Архангельск. Посадка на городском аэродроме «Кегостров» посреди Двины. Обед, заправка, опять взлет – курс на Амдерму. Справа – желто-зеленая тундра с обилием озер, а слева – сплошной голубоватый лед, уходящий за далекий горизонт. Это Северный Ледовитый океан. Именно таким я увидел его впервые в жизни. Беспредельное неоглядное ледяное пространство, над которым низко висит незаходящее солнце.

Но вот нос самолета слегка наклонился вниз, земля приближается. На самом берегу Ледовитого океана прилепилась горстка домиков, а около них темная, плотно укатанная полоса – Амдерма. Первый арктический поселок, куда ступила моя нога... Начало июня, но пейзаж был, как у нас в марте: всюду снег, кое-где проталины и ручейки. И первое, что запомнилось на всю жизнь – острый запах озона, напоминающий запах свежего белья, только что принесенного с мороза. Это запах Арктики, где еще и сейчас воздух действительно чист. У крохотного деревянного аэровокзала нас ждал небольшой автобус, чтобы отвезти в поселок, в столовую. В столовой никто из нас ничего не платил – единственное, что требовалось, это зарегистрироваться в книге учета: записать фамилию, имя, отчество и указать место работы. В те времена в Арктику невозможно было приехать иначе как в командировку или на постоянную работу. В любом случае полагалось бесплатное трехразовое питание. Этот порядок был унаследован с тех пор, когда все полярники (метеорологи, геологи, моряки, летчики, связисты и прочие) работали в одной системе, в одном ведомстве – Главном управлении северного морского пути. После 1953 года часть сотрудников передали в другие министерства, но многие бытовые стороны жизни остались прежними, включая и бесплатное питание для всех. Если я в какой-нибудь столовой (морфлотовской, аэропортовской, шахтерской или любой другой) поел хотя бы два раза в день, то потом соответствующая организация выставляла счет нашему институту, если же я кормился только один раз, ограничившись завтраком, или ужином, или даже обедом, то соответствующие затраты входили в накладные расходы хозяина этой столовой. Так или иначе, но путешествующий никогда не страдал – куда бы он не пришел, его ждала сытная еда. Хлеб, сахар, масло, чай, а в большинстве столовых и первое блюдо можно было брать в неограниченном количестве, по аппетиту. Нормировалось только второе, а также компоты и кисели. На всех столах стояли бутылки с густым рубиново-красным клюквенным экстрактом, который почти все добавляли в чай, как надежное и вкусное противцинготное средство. Словом, платить надо было только за спиртное и папиросы.

Точно так же бесплатно (лишь по предъявлению паспорта и командировочного удостоверения) можно было выписать морской или авиационный билет в соответствии с указанным в командировке маршрутом. Не брали плату и за гостиницу. Счет за оплату билета и за проживание в гостинице также направляли потом в твою организацию. Все это было очень удобно – можно было жить и путешествовать практически без денег, но в то же время и не бесплатно: за все расплачивается организация, отправившая тебя в Арктику.

После запоздалого ужина мы с Наташей и другими «арктическими новичками» гуляли по Амдерме. Слегка подмораживало, ручейки как бы уснули, но под тонкой корочкой льда струйки еще переливались. Над притихшим поселком сияло красноватое солнце, медленно клонившееся к горизонту. Небо было глубоко синим. Снег в лучах заходящего солнца был не белым и даже не розовым, а почти малиновым, но зато в тених он давал гамму синих оттенков – от голубого до фиолетового. Все выглядело точно так, как на гренландских картинах Рокуэла Кента, которые до того воспринимались мной не как реалистичные полотна, а как нечто утрированное, некий шарж на природу. А, оказывается, великий американец был абсолютным реалистом, передававшим цвета северных пейзажей с почти фотографической точностью.

По обезлюдевшему полуночному поселку бродили громадные лохматые псы, поражавшие своим добродушием и многочисленностью. В основном это были ездовые лайки. Начиналась весна, и их рабочая пора завершилась. У них наступил заслуженный трудовой отпуск, и многие скуповатые хозяева снимали на этот период своих трудяг с довольствия, рассуждая как тургеневский Ермолай: «Пес – животное умное: сам найдет себе пропитание!» Вот они и искали. Рылись на помойках. Многие бродили вдоль берега моря, где за день вытаивало из снега немало дохлых рыбин, выброшенных еще осенними штормами, слегка протухших и замерзших. Никто из этих бродячих псов не выглядел несчастным. Видимо, такая жизнь была для них вполне привычной.

Когда мы вернулись в гостиницу, было далеко за полночь. Солнце так и не село: еще не коснувшись горизонта, оно начало подниматься. Даже нам, привыкшим к питерским белым ночам, сон долго не давался. Однако, в конце концов, усталость и обилие впечатлений взяли свое. Утром все прошло в обратном порядке, но по ускоренной схеме: быстрый подъем, умывание, стремительный завтрак. Когда мы приехали в аэропорт, экипаж нашего ЛИ-2 был уже на месте, двигатели прогреты. Синоптики сообщили, что погода по всей трассе отличная. Мы расселись по местам, самолет вырুল на полосу, взлетел, и опять под нами поплыла заснеженная тундра.

Кратковременная остановка в Усть-Каре. Одноэтажное деревянное здание аэропорта занесло снегом по самую крышу. Рядом на мачте висит полосатый тряпочный ветроуказатель («ветродуй»). Все выглядело почти как на известной гравюре Мешкова «Забывтый аэропорт». Нас накормили вкуснейшим обедом: рыба в разных видах и великолепные домашние блины с вареньем. Опять взлет, и вот уже «ветераны арктической геологии» показывают мне россыпь голых скал с прижавшимися к ним домиками. Диксон. Столица западного сектора Арктики. Диксон, о котором я столько грезил в детстве. Посадочная полоса располагалась на вытянутом гребне небольшого острова. Пробежав по ней, самолет свернул по едва заметной рулежной дорожке и вскоре замер. Рядом с нами лежали на

снегу свежие останки пассажирского самолета – двухмоторного ИЛ-14, без шасси и с крыльями, срезанными по моторные гондолы. По тем временам это был лайнер: как-никак – рассчитан на 32 пассажира! Мы уселись в автобус, но никак не могли оторвать взгляд от искалеченной машины. Видя наше встревоженное недоумение, встречавший нас работник отдела перевозок сказал, что этот самолет пилотировал самый знаменитый полярный летчик, один из первых Героев Советского Союза И.П.Мазурук. За десять дней до нашего прибытия в Диксон он вывез большую команду столичных журналистов на дрейфующую станцию «Северный полюс». Первый раз журналисты летели на Северный полюс в обычном пассажирском самолете с мягкими креслами. Все шло нормально. Побывав на полюсе и пообщавшись с полярниками, переполненные впечатлениями журналисты отправились домой, но при посадке в Диксоне самолет снизился чуть раньше, чем это было нужно, и ударился выпущенным шасси о бетонный уступчик начала взлетной полосы. Шасси срезало, самолет пропахал бетон на брюхе, теряя листы обшивки. К счастью, бензин не воспламенился, и все завершилось благополучно. Никто из пассажиров и экипажа даже не был ранен. Отделались синяками, шишками и испугом. Трап не понадобился: на летное поле журналисты выходили прямо из люка. Арктических впечатлений у них, надо полагать, стало намного больше. Самолет столкнули бульдозерами с полосы, чтобы он не мешал взлету и посадке других машин, и оставили до заключения комиссии. Комиссия на днях закончила разбирательство и улетела в Москву, а разбитый самолет еще не разрезали и не убрали.

Я призадумался. Оказывается, не такое уж простое дело - эти обычные транспортные полеты в Арктике, если всемирно известный ас «разложил» свою машину при вполне рядовой посадке. Позже-то я понял, что в Арктике штатных ситуаций просто не бывает. В то время, и для тех маломощных машин, условия каждой посадки были настолько отличны от других, что пилоты помнили каждую из них. Коротая время в пилотских гостиницах в ожидании погоды, я не раз слышал, как они делились своими воспоминаниями. Катастрофы с гибелью людей или даже с рядовыми увечьями были все же крайне редки, но причиной этого была не доброта Арктики и ее гостеприимство, а великолепное мастерство полярных летчиков. Каждый из них был в своем деле гроссмейстером. Я не раз имел возможность убедиться в этом.

В тот раз мы не задержались на Диксоне. Переночевав в гостинице, мы вылетели дальше. Конечным пунктом был маленький аэропорт Усть-Тарей из категории классических «запасных» аэродромов Полярной авиации. Система запасных аэродромов была сформирована еще в конце тридцатых годов, чтобы победить коварную изменчивость арктической погоды. По трассе от Москвы до бухты Тикси в устье Лены была создана цепочка базовых аэродромов: Москва (Захарково), Череповец, Архангельск, Амдерма, Диксон, Хатанга, мыс Косистый, Тикси. Позже к ним прибавился на востоке аэродром «Кресты Колымские» - ныне город Черский. К северу от этой основной трассы располагались аэродромы, обслуживавшие места частого базирования экспедиций – Бухта Нагурская на Земле Франца Иосифа и Мыс Челюскин на самой северной точке Азии. Около двух последних выросли крупные исследовательские поселки-обсерватории. Для систематического наблюдения за погодой была создана сеть полярных метеостанций, на каждой из которых зимовало от пяти до двенадцати человек, которые несли круглосуточную вахту и каждые четыре часа передавали результаты метеорологических наблюдений на базовые радиометеорологические центры – Диксон в западном секторе Арктики и Тикси в восточном. Полярные станции с их специфичным бытом и особой культурой – это целая эпоха в освоении Арктики.

А пока вернемся к запасным аэродромам. Просмотром с воздуха и последующим изучением на земле подбирались протяженные и ровные песчано-галечные косы, на которые можно было бы посадить любой из эксплуатировавшихся в те годы самолетов. Строился небольшой дом для наземных служб, завозилась техника для регулярного поддержания полосы в рабочем состоянии, создавался запас горючего разных марок для дозаправки самолетов, сооружалась метеостанция, и запасной аэродром вступал в строй. Если туман, пурга или иные погодные катаклизмы делали невозможной посадку на базовом аэродроме, пилот сажал машину на ближайшем запасном, где экипаж и пассажиры переждали непогоду. Поскольку такое ожидание могло порой затянуться не на одни сутки, каждый запасной аэродром располагал домиком-гостиницей для одного-двух экипажей и человек на тридцать пассажиров. Штат запасных аэродромов был минимальным, что достигалось широко практиковавшимся совмещением профессий: один и тот же механик обслуживал местную дизельную электростанцию, водил бензозаправщик, работал на бульдозере и грейдере; радист был по совместительству метеорологом и так далее. Там, где самолеты садились относительно часто, штат мог достигать двадцати человек, но были и такие запасные аэродромы, где «обслуги» было всего три человека. Например, в Эклипсе начальником был механик, водивший по мере необходимости все машины, его жена была бухгалтером, завхозом, кладовщиком, поваром и «хозяйкой» гостиницы, а третьим был радист-метеоролог. Тарей, куда мы летели, была по тогдашним арктическим меркам крупным аэродромом: пять домиков, теплый «полуангар» для профилактического осмотра и мелкого ремонта самолетов, и два десятка человек в штате. Она была изображена почти на всех настенных

картах Советского Союза, и даже на многих картах школьных атласов. Вот туда мы и прибыли на третий день пути.

Погода была неустойчивой, надвигался снежный буран, а потому нас быстренько выгрузили, выбросили на снег весь наш груз, и самолет тут же улетел обратно в Диксон. А мы дождались трактора с санями, сложили на них свой груз, укрыли его брезентом и пошли обедать. За обедом нам разъяснили ситуацию. Аэропорт Усть-Тарей находится на большом острове в нижнем течении реки Пясины. База нашей экспедиции находилась на берегу той же Пясины километрах в сорока вверх по течению. Зимой туда добирались по льду реки на тракторе с санями, а летом – на катере. Сейчас приближалась весна, и уже шла интенсивная подвижка льдов, разрушившая тракторную дорогу. Поэтому нам оставалось ждать пока пройдет лед, очистится река, и нас заберет экспедиционный катер. Было нас человек двадцать, а потому на ближайшие две недели население Усть-Тарей удвоилось.

Мы страдали от безделья. За две недели остров был истоптан, все журналы прочитаны и просмотрены до дыр. Была, конечно, и потрясающая картина северного ледохода, когда огромные (толщиной до двух метров) льдины громоздились друг на друга, ломаясь с треском и грохотом. Напор льдин отрывал от острова целые куски. Казалось, еще немного, и его полностью соскревет льдом, как бульдозером. Но ледоход кончился, и вместе с последними льдинами пришел наш катер. Мы простились с гостеприимным, но изрядно надоевшим островом и отправились на новое место.

Тарейская база, до которой мы наконец-то добрались, представляла собой небольшой поселок из трех домиков, пары бараков и нескольких длинных складских помещений. Совсем недавно это была перевалочная база Норильской системы ГУЛАГовских лагерей. После расстрела Берии и перестройки всей системы управления Норильским комбинатом эту базу передали на баланс Таймырской экспедиции НИИГА. Достоинством ее было то, что находилась она недалеко от регулярно функционировавшего аэродрома, располагала достаточными помещениями для размещения людей и снаряжения, а на песчаном островке за неширокой протокой легко было оборудовать временный летний аэродром для приема легких самолетов.

Каждый отряд получил в свое распоряжение одну-две комнатки, что было вполне достаточно не только для людей, но и для разборки снаряжения. Мы получили на складе экспедиции палатки, олени шкуры, примуса, посуду. Спальные мешки были выданы еще в Ленинграде. Главное было получить продукты. Меня удивляло, что «ветераны» почти не брали мясных консервов, предпочитая им сладости – болгарский конфитюр, шоколад, конфеты, сухие фрукты, сгущенку. «А как же работать без мяса», – спрашивал я. «Почему без мяса? Без консервов. А мяса там хватает натурального: дикие олени, гуси, в реках полно рыбы!»

Я все же прихватил на всякий случай пару ящичков тушенки, но осенью вернул их на склад нетронутыми. Мяса и рыбы на Таймыре и вправду оказалось столько, что не нужно было быть профессионалом, чтобы обеспечить едой себя и своих сотрудников.

Русскому человеку трудно прожить без хлеба. На первое время можно было запастись свежим хлебом, который мы сами испекли под руководством опытных инструкторов в огромной русской печи в экспедиционной столовой. Чтобы иметь его и в дальнейшем, меня научили печь хлеб на примусе в круглых «чудо-печках», укрывая от внешнего холода жестяным коробом Вакар-печки. Никаких проблем. Была бы мука и дрожжи – свежий хлеб всегда будет!

Весна в Арктику приходит поздно, но развивается стремительно, через какие-то две недели сменяясь летом. Вот и тогда – в день нашего приезда все распадки и овраги около тарейской базы были еще забиты снегом, но береговые обрывы уже усеяли цветы: желтые маки, сиреневая камнеломка. Через два-три дня снега вообще не осталось, и подкралась тридцатиградусная жара, а вместе с ней на смену комарам пришли оводы – настолько свирепые, что они, казалось, прокусывали даже брезентовые куртки! Спасение от них было только на реке – сесть в лодку, отгрести подальше от берега и наслаждаться покоем! В одну из таких водных вылазок мне довелось наблюдать организованную охоту на диких оленей. Охоту, которую точнее было бы назвать бойней. С началом лета олени, зимовавшие в таежной зоне, собираются в огромные стада из многих сотен голов и идут на Север, к побережью, где дыхание Ледовитого океана не дает разгуляться гнусу: мошке, комарам, оводам – главным врагам оленей. Реки олени преодолевают вплавь, но на воде они совершенно беспомощны, потому что плывут очень медленно. Увидев, что стадо начало переправу, охотники ждут, пока вожаки заплывут за середину реки, затем заводят моторки и врезаются в плывущее стадо, расстреливая свои жертвы в упор. Оленьи туши не тонут, они плывут вниз по течению, где другие рабочие подбирают их, добывая раненых. Ревут лодочные моторы, гремят выстрелы, над рекой стелется пороховой дым, и вода становится красной от крови. Глаза оленей полны ужаса, но они упорно плывут вперед и вперед, плывут молча: взрослый олень не издает никаких звуков. Минут через двадцать все кончается. Охотники убивают столько, сколько они в состоянии переработать, большая часть стада доплывает до берега и идет дальше на Север. На той «охоте», которую видел я, было убито более пятидесяти оленей.

Был в Тарее и один скорбный памятник: стела с перечислением пяти фамилий – экипаж самолета АН-2, командиром которого был Томилин. Томилин прошел войну, был награжден многими орденами, после демобилизации вернулся в полярную авиацию. Погиб он нелепо. Машина заходила на посадку, шла низко над землей. Была поздняя весна, над нагретой тундрой поднимались мощные восходящие потоки нагретого воздуха, а над забитыми снегом оврагами были нисходящие потоки. Такой поток затянул легкий самолетик, пилот не успел среагировать на это, и машина врезалась в стенку оврага. От удара лопнул бензобак, и самолет мгновенно превратился в факел. Погибли все, а от самолета остались только железные и медные детали – все дюралевое сгорело. Это было еще одно напоминание, что даже самый опытный пилот не застрахован от коварств Арктики.

Вечером мне сказали, что завтра прилетает АН-2, который будет обслуживать экспедицию, и первый рейс запланирован для моего отряда. Надо срочно проверить все и привести отряд в полную готовность, чтобы сразу же вылететь. Запланировано было два рейса. Первым вылетали мы с Наташей и с нами половина груза, вторым рейсом пилоты должны были привезти Аркашу Баличева с оставшимся имуществом. Вот и последний ночлег среди людей, последняя возможность послать письма домой. Дальше все лето мы будем одни...

Наутро мы вылетели. Синее безоблачное небо. Жара. При погрузке мы торопились и основательно пропотели. Курс на север. Чуть больше часа полета (около трехсот километров), под нами проплывает зеленая тундра. Большое синее озеро Ая-Турку, сразу за ним гряда голых скалистых гор. За горной грядой вновь потянулась зеленая тундра, самолет начал снижаться. Меня позвали в пилотскую кабину, и командир экипажа показал мне большую реку с песчаными отмелями – это река Шренка, а в нее с севера впадает маленький, еле различимый сверху ручей – река Волчья, на которую нам нужно сесть. Пилот снизился метров до пятидесяти, пролетел вдоль речки, недовольно поморщился: маловато, но сесть можно! Затем велел всем нам идти в хвост машины. Во-первых, мы играли роль противовеса, чтобы самолет не клюнул носом на вязком грунте, а, во-вторых, там, в случае чего, безопаснее. Выпущены до предела закрылки. Самолет почти зависает над землей, затем, регулируя газ, пилот тихонько подводит его к самому началу валунно-галечной косы. Толчок, и машина катится. Ее трясет, как телегу на булыжной мостовой. Двигатель заглушен. Винт какое-то время вращается по инерции, и слышен свист лопастей, рассекающих воздух. Тишина. Бортмеханик подходит к люку, открывает его, выпрыгивает, подвешивает стремянку и приглашает нас на выход. Боже мой, час назад мы страдали от жары, а здесь до костей пробирает несильный, но уверенный ледяной ветерок. Холодно, хотя над головой то же самое безоблачное небо и то же солнце. Но зато – ни комарика!

Быстро разгружаем машину. Пустой самолет взлетает, пробежав меньше ста метров. Промеряю шагами длину косы: чуть больше ста пятидесяти. Как же он взлетит потом, с нами и с грузом? Ну, да стоит ли думать – пилотам виднее! Быстро ставим палатку, кладем на камушки, как нас учили, листы фанеры, стелим на них оленин шкуры, раскатываем спальные мешки. Затем из двух выючных ящиков сооружаем стол. Разжигаем примус и кипятим чай. Как раз во время: слышен гул самолета. Привозят нашего радиста, остатки груза. Мы приглашаем всех почаевничать. Летчик приносит, улыбаясь, небольшую канистру и разливает по стаканам спирт. Граммов по тридцать. «Ребята говорят, что есть повод выпить». «Какой?» «Так вы же все трое впервые в Арктике? Ну, вот и выпьем. С новосельем! Хорошего вам сезона!»

Мы выпили, проводили самолет и остались одни... Первым делом поставили мачту радиостанции и вечером вышли на связь. База поздравила нас «с почином».

Дальше все шло напряженно, но вполне удачно. В первый день мы убили оленя, обеспечив себя мясом до самого завершения работ на этом участке. Потом были маршруты... Но главными поначалу были все же впечатления от первого общения с Севером. Оказалось, что летняя Арктика соткана из противоречий. Стоит пару дней подуть южному ветру, и становится тепло, солнце кажется ласковым и вселяет надежду на лето. Тундра поражает обилием цветов. Я и не подозревал, что их так много. Кочки выглядят как клумбы, а склоны, обращенные к югу, к полуденному солнцу, – это уже не клумбы, а сплошные цветные ковры. При этом большинство цветов обладает сильным запахом, чтобы привлечь немногочисленных опылителей – мух и шмелей. Вот, например, такие, казалось бы, знакомые незабудки, но здесь у них и цвет гуще, насыщеннее, и аромат дурманящий, и очень уж короткие стебли. Впрочем, это общая особенность большинства северных цветов: они жмутся к земле, где теплее, где можно укрыться от ветра, укутавшись в собственные листья. А в результате собрать букет незабудок и поставить его в стакан – невозможно. Можно лишь срезать ножом розетку, толщиной два-три сантиметра, и положить ее на блюдце. Красиво! Но прямо на земле цветы тундры смотрятся куда лучше! С незабудкой соперничает красновато-сиреневая камнеломка. Множество желтых цветов. Трогательно выглядят полярные маки: на тоненьких (и в отличие от других цветов довольно высоких) стебельках колышутся бледные зеленовато-желтые цветы с тонкими, почти прозрачными лепестками. Они – символ беззащитности, но вместе с тем и мужества, ибо растут даже на островах Северной Земли, откуда рукой подать до полюса.

Второе, что поражает в арктической тундре, это обилие жизни вообще: по склонам гор и речным долинам пасутся олени – ничьи, дикие. Сухие песчаные откосы изрыты песцовыми норами, формирующими местами целые города. Влажные заросли травы и мха истоптаны дорожками леммингов – очаровательных короткохвостых грызунов, похожих на миниатюрных бобров. Они очень быстро привыкают к людям, бегают по палатке без всякого страха. Пойманный лемминг сначала замирает от ужаса, но уже через пару минут успокаивается и, сидя на ладони, начинает приводить в порядок свою шкурку: выжимает воду из намокшей шерсти и аккуратно расчесывает бока и брюшко длинными кривыми коготками. В развалах камней пасутся куропатки, поедающие почки карликовой березы и карликовой ивы. А деревья эти и вправду карликовые: они чуть выше незабудок и много ниже маков. По лужам во множестве бегают кулики, а у озер с зелеными травянистыми берегами гнездятся гуси: черные небольшие казарки и огромные, не уступающие домашним гусям, серые гуменники. Хватает и хищных птиц – поморники, сапсаны, канюки, полярные совы. Реки и озера полны рыбой... Летом тундра пересыщена жизнью. Но еще поразительнее темпы ее развития. Гуси откладывают яйца в конце июня - начале июля. В конце июля появляются птенцы. Крохотные, чуть больше новорожденного цыпленка. Через неделю они бойко плавают вместе со своими родителями, а в конце августа уже пробуют летать, и в начале сентября отправляются в дальний перелет на юг. За какие-то два месяца комочек пуха превращается в могучую птицу, способную преодолеть не одну тысячу километров! Отощавшие за зиму олени в те же два-три месяца нагуливают слой подкожного жира, спасающий их от зимнего холода и поддерживающий в зимнюю бескормицу.

Жизнь и цветение всюду. Но стоит дохнуть даже слабому ветерку с севера и сразу становится холодно. Поэтому само понятие «лето» применительно к северу Таймыра весьма относительно. Весна тут плавно переходит в осень. Но все же большинство полярников считает летом период от окончания половодья на реках до начала нового ледостава, что укладывается обычно в интервал с начала июля до конца августа. В первый же сезон я узнал, что снег на Таймыре может пойти в любое время: каждую неделю случаются метели, когда снег укрывает землю сплошным покровом, сохраняющимся один-два дня. Потом он тает, наступает тепло, дней на пять, и снова падает снег... Воздух чист, и даль безгранична. В ясную погоду видимость, как говорят летчики, «до упора». С горы вид открывается километров на тридцать. Иногда, возвращаясь из маршрута, видели свою палатку, как на ладони. Видны все детали, включая растяжки. Кажется, до нее рукой подать. Но идешь, идешь, идешь, – а она все не приближается. И так до тех пор, пока почти не воткнешься в нее. Нет масштаба, не с чем сравнивать величину, а потому невозможно оценить удаленность!

Очень странно, почти сказочно, выглядит тундра белой полярной ночью. Незакатное солнце заливает ее светом, но где-то в час ночи прекращается любая жизнь: птицы засыпают на гнездовьях, спят олени. Кажется, что засыпает даже ветер... Лишь неугомонные песцы шныряют в поисках добычи, нарушая тишину спящей тундры своим противным, мерзким криком, представляющим собой что-то вроде смеси хриплого лая с шипящим мяуканьем. А где-то часа в два ночи начинают попискивать кулички, потом раздаются пронзительные крики чаек, начинает дуть ветер, появляются волны на озерах, – тундра просыпается. Колдовские чары рассеиваются, и мир становится реальным, привычным.

Через десять дней мы завершили работы. Я сообщил об этом на Тарейскую базу и попросил самолет для переброски. В назначенное время самолет пришел за нами. Оказалось, что экипаж уже выбрал площадку для нового лагеря, опробовал ее, и там нас ждет какой-то сюрприз. Но сюрприз нас ожидал и здесь: надо забрать двоих и оставить одного... А вдруг погода испортится, и что он будет делать один? Пилот размышлял не очень долго: «Грузи всех! Полетим одним рейсом». И вот с косы, на которую мы и сели не очень-то уверенно, пришлось взлетать с полной загрузкой. Первая попытка не удалась. Скорость отрыва не достигалась. Пилот сбросил обороты, затормозил, развернулся и загнал машину в реку до глубины примерно полметра. Там он зажал тормоз шасси и начал разгонять двигатель. Вращающийся пропеллер поднял тучу брызг. Но вот тормоза убраны, самолет рванулся и пробежал сначала прямо руслом по галечному перекату, потом выскочил на косу... Сто метров, сто пятьдесят, сто восемьдесят – конец косы, впереди невысокий обрыв и река, а за ней гористый берег. И тут машина сорвалась с обрывчика, как с трамплина! Вначале ее бросило вниз, к воде, но тут же она начала медленно и упорно набирать высоту, одновременно отклоняясь от холмов. Все облегченно вздохнули. Самолет уверенно летел вперед, курсом на север. Командир экипажа, только что выполнивший этот почти акробатический взлет, обернулся ко мне и снял с головы шлем. Волосы его были мокрыми от обильного пота: «Знаешь, начальник, пиши все-таки две посадки!» Я все понял. Экипаж получал особую доплату за каждую внеаэродромную посадку. Только что они ради меня лишили себя этого дополнительного заработка, да еще пилоту пришлось при этом выжать максимум из своего умения, чтобы поднять перегруженную машину с крохотного пятка, да еще при боковом ветре! Конечно, я безропотно сделал соответствующую запись в бортовом журнале самолета. А через какие-то пятьдесят километров мы приземлились на отличной галечной косе – широкой, длинной и ровной. Там нас ждал обещанный сюрприз. У края полосы стоял начальник экспедиции Юлиан Погребницкий, а рядом с ним Галя Ковалева и ее рабочий. Пока разгружали машину, Юлиан

расспросил меня о предварительных результатах и сказал, что Галю он передает в мой отряд для усиления, поскольку работы нам предстоит много. Затем Погребницкий уточнил сеть маршрутов, намеченных на этом участке, и улетел.

В новом лагере в принципе все было так же, но мы уже привыкли к тундре, осмелели и стали закладывать маршруты приличной длины, благо погода позволяла... Особо нужно рассказать о Гале. Это была невысокая пухленькая молодая женщина, весьма склонная к полноте, но при всем том любившая поесть и поспать. Она быстро набирала вес и объем, а потом, ощутив руками свою исчезающую талию, решительно заявляла: «Все! Больше так нельзя! Лев, давай мне маршрут подлиннее и потяжелее!» Получив задание, она уходила, возвращалась с полным рюкзаком камней, мгновенно похудевшая: «Ой, как здорово! Можно, я поем? Только вы мне пить не давайте!» Основательно подкрепившись, она засыпала, как сурок. Проснувшись, опять ела, пила немислимое количество чая, и все начиналось снова!

К концу нашего пребывания здесь Галя выступила с идеей сходить к морю, выйти на древние толщи. Это было более тридцати километров в один конец. Я не мог отпустить ее так далеко одну и отправился с ней. Мы вышли по холодку поздно вечером, и к утру дошли. У нас с собой был примус «Альпинист», пара плащей и одна оленья шкура. Из одного плаща мы изготовили щиток от ветра, растянув его с помощью ручек своих геологических молотков, расстелили шкуру, а второй плащ использовали как одеяло. Это позволило нам подремать часов пять, пока солнце пригревало. Потом мы пошли обратно. Итого мы были в маршруте две ночи и один день, пройдя за это время семьдесят четыре километра. С работой. Это самый длинный рабочий маршрут в моей жизни.

Наконец, все тот же пилот перебросил нас на своей «Аннушке» в третью точку – в верховья реки Каменной, впадавшей в бухту Эклипс, в самой середине Берега Харитона Лаптева: четыреста километров до Диксона, и столько же до мыса Челюскина. На этот раз летчику удалось подобрать для посадки хоть и неширокую, но длинную и ровную галечную косу. Напротив в Каменную впадала река с весьма странным для Таймыра африканским названием: река Антилопы. Это имя дала ей А.М. Даминова – профессор-петрограф Московского института цветных металлов, много лет отдавшая изучению Таймыра в трудные послевоенные годы. Асии Мизмахутдиновне, видимо, надоели немисливо однообразные названия, повторяющиеся на Таймыре с завидной частотой. На каждом топографическом планшете там можно встретить реку Оленью (вариант – гору Оленью), реку или гору Волчью (или Песцовую), озеро Гусиное (или озера Гусиное). Каждый топограф писал то, что видел. А она видела в своих мечтах стройную антилопу и знойную саванну вместо тундры...

Работать в районе Каменной поначалу было очень легко и интересно. Погода стояла отличная. Мы с Наташей отправились в недельный маршрут по реке Каменной на двухместной надувной резиновой лодчонке. У нас был один спальный мешок на двоих, крохотная палатка и, конечно же, примус. Галя осталась в базовом лагере. Дней через десять все основные пункты задания были выполнены. Но тут началась полоса несчастий. Во-первых, наш самолет вылетал свою техническую норму и ушел в Игарку на регламентные работы, которые вполне могли растянуться на неделю. У всех отрядов продукты были на исходе, а у нас, к тому же, пошли затяжные осенние дожди: морозящие, но исключительно водообильные. Все вокруг стало мокрым и промозгло холодным. Влажная одежда, которую было невозможно просушить, не грела. Промокли спальные мешки. Отсырела мука, заплесневели галеты, а крупы разбухли и полопались. Кончились папиросы, а в нашем маленьком отряде курили трое. Вдобавок ко всему из-за стойкого непрохождения радиоволн (что в Арктике осенью бывает весьма часто, я бы сказал – систематически), пропала радиосвязь с Тарейской базой. Даже посоветоваться было не с кем. Когда же вспухшая от затяжных дождей река унесла у нас бочку с остатками керосина, я понял, что мы обречены. Надо что-то делать... В 45 километрах к северу были нарисованы на карте домики с сараями и стояла надпись «пос. Эклипс». Вроде бы там была полярная станция. Мы решили идти туда.

Крепко выспавшись и подчистив все остатки еды, мы аккуратно сложили имущество, стащили все в палатку, тщательно зашнуровали вход, закрепили растяжки. Затем мы укрепили на мачте яркий флаг, сшитый из разноцветных мешочков, постояли и ушли. По пути надо было перевалить невысокую (чуть более трехсот метров) гряду гор Бэра, но облачность была такой низкой, что даже эти низкие горы были укрыты плотными облаками. Больше часа нам пришлось пробираться «в молоке» почти на ощупь, что было крайне трудно, поскольку путь проходил по скалам и глыбовым развалам, невероятно скользким от влаги. Зато, когда мы вышли из облаков, то увидели неправдоподобную картину. У самого моря стояло несколько домиков. Стучал движок и горел электрический свет. А самое главное – недалеко от берега стояли на якоре два парохода, а между судами и берегом шныряли лодки. Люди там явно были! Мы спустились с гор, прошли прибрежную низменность и вошли в поселок...

Нас встретили с изумлением: «Кто? Откуда?» Я показал свои документы. Нас провели в кают-компанию, сытно накормили. За чаем мы все выяснили. Это не только полярная станция, но и запасной аэродром полярной авиации, принимающий машины всех классов. Штат этого аэропорта всего три человека: начальник (он же шофер, бульдозерист и механик) Гриша Баранец, завхоз (а также

кладовщик, повар, бухгалтер и хозяйка гостиницы для пилотов и пассажиров) – жена начальника Аня и радист, он же метеоролог. Корабли пришли потому, что на базе этого аэродрома и поселка при нем было решено создать пост приграничного локаторного наблюдения, для чего завезли пару локатора средней мощности и роту связистов. Собственно, ротой она называлась по числу офицеров – инженеров-радиоэлектронщиков, которых было семеро. Старший из них носил звание капитана. А солдат в этой роте было человек тридцать. Мы их застали в стадии выгрузки. Затем они должны были смонтировать локаторы и приступить к работе. А на следующее лето в Эклипс должны были завезти взвод пограничников для организации постоянной погранзаставы.

Нам отвели комнату в гостинице аэропорта – пять кроватей, застеленных белоснежным бельем. На полу и стенах пушистые традиционные аэропортовские китайские ковры. Электрический свет, теплые батареи отопления... После нашей насквозь мокрой палатки это было какое-то чудо. И посреди этой роскоши мы – мокрые, грязные... Назавтра мы затопили баню, помылись, постирались. Хозяйка принесла уют, и наши женщины «начистили перышки». Кормили нас отлично. Утром и вечером какао со сгущенкой, свежайший белый хлеб, масло, копченая колбаса и печеночный паштет. Паштет я потом лет пять есть не мог: переел. Думал – на всю жизнь это останется, но помаленьку отошло. С помощью портовиков мы связались с нашей базой: у них была мощная рация, к тому же – длинноволновая, на которую магнитные бури не действуют. Я сообщил, что у нас все отлично: живем, как у Христа за пазухой, и будем продолжать работы.

И мы их продолжали до наступления зимы. Самым памятным оказался последний маршрут. Гриша Баранец сказал нам, что расположенный километрах в сорока от Эклипса поселок «Бухта Восточная», отмеченный в те годы едва ли не на всех картах Советского Союза как «населенный пункт городского типа», давно уже пуст и безлюден. Когда-то это была база слюдяной экспедиции треста «Арктикразведка». Там есть дюжина вполне приличных домов, запас каменного угля и дров, много бочек солярки, емкость с авиационным бензином. На складе можно найти все еще пригодные в пищу крупы, муку и даже варенье. В итоге мы с Наташей решили уйти туда на несколько дней с минимальным запасом еды и даже без спальных мешков: жить будем в домиках, где есть печки!

Туда мы добрались довольно легко. Ноги привыкли к дальним переходам, да и погода благоприятствовала: дожди кончились, сияло солнце. Море было густо-синим, на нем покачивались белоснежные льдины, а берега бухточек были оторочены дивной красоты розово-сиреневыми пляжами гранатового песка. Дома в поселке были вполне приличными: стекла в окнах были целы, печи исправны, крыши не протекали. Мы выбрали наиболее чистый и аккуратный домик, затопили печь и пошли осматривать склад. Там было многоценного добра, но нам в данной ситуации не нужного: запасные части к разным двигателям, к ходовой части тракторов, два ящика ацетиленовых шахтерских лампочек (карбидок), щелочные и кислотные аккумуляторы, сырая резина, авиационная фанера... На продуктовом складе на стеллажах лежали мешки круп и муки. Неоднократно отсыревавшие и высушенные. Но все же из середины каждого из них можно было выскрести несколько килограммов вполне пригодного содержимого. Варенье оказалось не вареньем, а сгущенным апельсиновым соком американского производства, законсервированным в жестяных банках объемом около трех литров.

Вечером мы стояли на крыльце жарко натопленного дома и любовались полярным сиянием, которое я видел впервые в жизни. Голубовато-зеленые колышущиеся светящиеся шторы, а над ними корона, украшенная многочисленными переливающимися лучами. Описать это словами – невозможно. Нарисовать или сфотографировать – тоже, поскольку главная красота северного сияния заключается в его непрерывной изменчивости: меняется форма свечения: дуги, короны, занавеси, лучи, просто световые пятна. Меняется насыщенность светом и цветом, меняются оттенки, непрерывно меняется и сам рисунок – это завораживает! Если б не холод, можно было бы смотреть на это часами!

Три дня пролетели за напряженной работой. Заметно похолодало. Замерзли не только лужи, но и ручьи. Перестал таять выпадавший время от времени снег. Все говорило о приближавшей зиме. Пора было уходить.

Полуболевшись последний раз полярным сиянием и основательно выславшись, мы пошли обратно в Эклипс. На сей раз у нас был солидный груз: собранные в маршруте образцы. Небо начало хмуриться с самого утра, облака опускались все ниже и просветы между ними постепенно исчезали, по земле струились снежные змеи. К обеду мы одолели больше половины пути, перешли по молодому льду реку Каменную, которую по пути туда переплыли в фанерной лодчонке, заботливо оставленной у переправы кем-то из предшественников. В этот раз лодка нам не понадобилась. Впечатления от ледового перехода были потрясающими, поскольку лед был абсолютно чист, и прозрачен, как стекло. Под ним, прямо под нашими ногами проплывали рыбины, как в аквариуме. Лед прогибался, страшновато потрескивая, но – держал! И в тот самый момент, когда мы вышли на берег, на нас обрушилась пурга: снег, падавший с неба, соединился со снегом, поднимавшейся все выше поземки и все вокруг утонуло в беснующейся белой круговерти. На море неистовствовал шторм. Громадные и грозные черные волны обрушивались на берег, пена тут же превращалась в снегоподобное месиво,

которое ветер подхватывал и гнал вместе с обычным снегом. Стоило отойти от берега на пару десятков шагов, и все исчезало в сплошной пелене снега. А отходить приходилось: надо было огибать заливы и заливчики, полузамерзшие в своей мелководной части и полностью сливавшиеся с заснеженной тундрой. Сил давно уже не осталось, идти было все тяжелее.

Честно говоря, был момент, когда я, в очередной раз споткнувшись, решил, что больше не встану и не пойду: повернусь спиной к ветру, подожду колени и иззябшие руки, и буду спать, спать, спать... Конечно, я бы не проснулся. Спасибо Наташе. Она не стала меня уговаривать, а сказала, что просто пристрелит меня, если я не поднимусь немедленно. У нас была поллитровая стеклянная банка, в которой мы прихватили сгущенный апельсиновый сок, чтобы угостить им наших ребят. Теперь было не до того. Мы съели этот сок. Кислятина жуткая, но это все же витамины и глюкоза, нужные обессилевшему сердцу. На время исчезла дрожь в коленях, и я смог не только встать, но и поднять рюкзак, а потом сделать первый шаг, второй... Как шли дальше, я уж и не помню. Глаза ничего не видели. Единственным ориентиром был рев прибоя справа. И тут нам опять повезло: в сгущавшихся сумерках я уткнулся в какой-то деревянный столб. Рядом еще два: тренога! Это триангуляционный знак, установленный километрах в семи от Эклипса. Решение пришло мгновенно: мы оставили под знаком свои рюкзаки и карабин, продолжив путь налегке. За плечами словно выросли крылья! И тут сгущавшиеся сумерки прорезал яркий свет: это наши новые аэропортовские друзья включили приводные огни, указывающие курс садящимся самолетам. Конечно, самолета в такую пургу никто не ждал, но это значит, что приводные огни включили для нас: о нас помнят, нас ждут, хотят нам помочь! Дальше мы шли от фонаря к фонарю. Вот и укатанная аэродромная полоса. По ней мы почти бежали. Вот главный дом с прожектором на крыше! Мы отчаянно стучим в двери, нам открывают, ведут в теплую комнату, почти насильно раздевают и заталкивают в постель. Галка сквозь слезы говорит, что очень боялась, что мы не дойдем, заблудимся и замерзнем!

Через несколько минут вошли Гриша Баранец с Аней. Они принесли только что снятый с плиты чайник и пару бутылок портвейна. Гриша долго извинялся, что нет ничего более крепкого, но Галя тут же соорудила из портвейна и чая горячий грог, прогревший нас до самых печенок. Наташа спросила: «А какое сегодня число?»

Уже девятое, - ответил Аркаша Баличев.

А ведь 9 сентября – мой день рождения! Так что дайте-ка мой рюкзак, я надеюсь, что там есть приличная заправка!

Наташа извлекла из самых недоступных глубин своего рюкзака бутылку коньяка. Мы отметили и ее день рождения, и окончание наших работ!

Когда улеглась пурга, я сходил за оставленными камнями, а еще через день пришла радиограмма от заместителя начальника экспедиции: «Срочно оформляйте документы расчетов аэропортом Эклипс. Через 2 часа вам сядет борт, следующий Челюскина Диксон. Вылетайте все = Ларионов».

Я полагал, что надо поступить иначе: нужно отправить всех, кроме меня. Мне надо было остаться и ждать «Аннушку» из Тарей, чтобы вывезти оставленное в тундре имущество и все наши летние каменные сборы, но приказы не обсуждают, их выполняют. К тому же возразить я не мог – у меня не было возможности ответить, а до прихода нашего самолета осталось полтора часа.

В Диксоне нас встретил Ларионов, радостный и довольный, что ему удалось без специального рейса, попутной оказией, «выдернуть» одну из полевых групп. Отправив всех в гостиницу, он зашел вместе со мной в Диксонский радиоцентр. Там нас ждали две весьма резкие радиограммы от Погребницкого. Ларионову было сказано, что он должен четко выполнять приказы начальства, а мне было адресовано следующее послание: «Диксон Махлаеву = Исходя ситуации Вам надлежало отправить Диксон всех, самому оставаться Эклипсе. Необдуманном поступком вы усложнили ликвидационные работы. Немедленно отправляйте ваших Ленинград, сами вылетайте Тарю. Стоимость рейса Диксон-Таря вашему вывозу возлагаю на вас с Ларионовым = Погребницкий».

Обидно, но правильно. Я и сам должен был понимать, что решение Ларионова было ошибочным, и не следовало так бездумно выполнять его! Я не мог протестовать, поскольку прекрасно понимал, что начальник прав в своем суровом решении. На другой день я отправил свой отряд в Архангельск на пассажирском теплоходе «Кооперация» – знаменитом в те годы полярном лайнере, выполнявшем рейсы даже в Антарктиду. А через пару дней за мной прилетел АН-2, и мы отправились вывозить мой груз. Самолет был в колесном варианте: он еще не успел «переобуться» на лыжи. Но, тем не менее, пилот решил рискнуть. Оставив в Эклипсе второго пилота, бортмеханика и штурмана, он вылетел со мной и радистом к нашему бывшему лагерю в устье Антилопы. Отыскав в заснеженной тундре мачту с флагом, он примерно прикинул положение той косы, на которую садился в августе. Сделать это было трудно, поскольку все было укрыто снегом. В итоге он чуток ошибся и посадил самолет не на береговую полосу, а прямо на замерзшую реку. Гладкий лед, припорошенный снегом, был идеальным катком: машину даже с выключенным двигателем несло неудержимо. Мы врезались в рыхлый сугроб, зарывшись в него по самые плоскости. Нам пришлось больше часа раскапывать снег, чтобы проделать в нем «рулежную дорожку» с выходом на гальку. Наконец, выбрались, подрулили к

палатке, сняли ее – а под ней сидело, вплотную прижавшись друг к другу, больше двух десятков леммингов. Они так и не поняли, что же случилось с домом, укрывавшим их от ветра и снега. Конечно, нам было жалко их, но... – не оставлять же им палатку?

В тот же вечер я был в Диксоне, а оттуда отправился в Архангельск на «Индибирка» – грузовом теплоходе усиленного ледового класса. Тогда я впервые познал прелести путешествия на грузовых кораблях! Меня пристроили в каюте одного из штурманов, где я спал на диване. Пассажиры грузовых судов питаются вместе с командой по четкому графику. В 800 – чай. Столы накрыты, на них хлеб, масло, сахар, ну и, конечно же, чайники с горячим чаем. Пей и ешь, сколько влезет! Затем, в 1200 – обед: суп в кастрюле с черпаком, наливай, сколько осилишь. Второе и третье – по выдаче, а вот хлеб, масло, сахар и всякие приправы – опять же без ограничений. В 1600 – чай, как и утром; в 2000 – ужин, ничем не отличающийся от обеда. А дальше – кино, книги и сон до 8 утра!

На третьи сутки наша «Индибирка» вошла в Двину. Странное было ощущение. Громада теплохода медленно скользила по извилистому фарватеру, с трудом вписываясь в речные излучины. Порой казалось, что корабль вот-вот воткнется о берег. Но на мостике стоял опытный местный лоцман, да и сам капитан был родом из архангельских поморов. Он знал эту реку с детства. К вечеру мы «стали на бочку» почти в центре города, а наутро отшвартовались у городской набережной. Меня разбудило радио. Передавали экстренное сообщение о запуске первого в мире искусственного спутника Земли. Того самого шарика с усами-антеннами, твердившего в полете знаменитые «бип-бип-бип», открывшего космическую эру в истории человечества. Так уж случилось, что первый день этой эры, 4 октября 1957 года оказался последним днем моего первого арктического сезона.

Прошло еще два дня, и поезд привез меня домой, в Питер.

Нина НИКОЛАЕВА

В ЗИМНЕЙ РОССЫПИ

На стекле оконном
Дерзко брошенный,
Кружевной рисунок озорной.
За окном дорожки припорошены,
Улица сияет белизной.

Очарованна я тонкой росписью
Мастерством морозной суеты
В зимней белоснежной зябкой россыпи
Сонные деревья и кусты.

* * *

Наш Коми край воистину богатый
Не только газом, нефтью, углем и рудой.
В тайге бескрайней водится «сохатый».
До и народ приезжий – стойкий, золотой.

Блестит он талантами в искусстве:
Художники, народные певцы,
Известные поэты – златоусты...
Наш Север прославляют мудрецы.

В ТЕАТРЕ

Из оркестровой ямы льются
В театре звуки для меня.
Мне захотелось окунуться
В кипенье музыки – огня.

Играет нежная улыбка,
Плывет по залу, как во сне.
И не о ней ли плачет скрипка
Одна, в застывшей тишине?
Ее мелодия навевает

О днях былых, забытых мной.
Мое сердечко вновь согреет
Щемящей, милой теплотой.

Николай ЮШКИН

Невыдуманные истории

ТАЛАНТ

Объяснительная № 1.

Я, Логинов Владимир Филиппович, даю объяснение в том, что я не вышел на работу без уважительных причин. 8.02.96 года выпил стакан водки, закусил колбасным сыром и отравился, лежал, не было сил подняться. 15.02.96 года пошел в здравпункт на прием, дали больничный. 20.02.96 года не пошел на прием, голова отказала, последствия черепно-мозговых травм. 23 февраля получил получку, выпил в честь праздника около стакана, стало совсем плохо, сын вызвал скорую. По его словам, сделали укол, и я уснул с открытыми глазами на 3 суток. На прием пошел в пятницу 1 марта, т.к. в четверг 29 февраля не работал здравпункт, в среду было поздно, и во вторник 27 февраля темно в глазах было, не мог идти. Верьте мне, я докажу работой. В чем и даю объяснительную.

12.03.96 г.

Объяснительная № 2.

Я, Логинов Владимир Филиппович, не вышел на работу с 16 сентября по 1 октября 1996 года без уважительных причин, т.к. 13 сентября ко мне попросился переночевать сосед Шурик через 2 дома. У него сгорел дом, и спать негде. А с 15 сентября на 16 сентября он скончался. Приехала милиция, разобрались, что не убийство. Но родные сестры сомневались, потому что аналогичный случай был с его двоюродным братом, и тоже также. Я не виновен, но на душе тяжело. Я сделал гроб и каждый день ждал, когда его заберут и похоронят. Я согласился бесплатно помочь, а его не берут и не берут. В результате я прогулял в эти дни. Наказывайте, как считаете нужным. Я мог бы отработать эти дни во время отпуска, который должен быть через 11 месяцев, то есть в конце октября - в начале ноября. Наказывайте, как считаете нужным, но я не пьянствовал в эти дни, а то бы я тоже скончался.

2.10.96 г.

Подписывать приказ об увольнении было мучительно тяжело: из института уходил еще один талант. Но что поделаешь: утечка мозгов - неизбежное следствие эпохи юного капитализма.

БАЙКИ ФИШМАНА

Фишман Марк Вениаминович, в экспедицию к которому я впервые попал на Приполярный Урал в 1962 году и с которым проработал до самой его кончины, был не только незаурядным ученым и организатором научных исследований, но и заядлым рыбаком и охотником. По вечерам, у экспедиционного костра он непрерывно что-то увлеченно рассказывал. В основном это были истории про танки (он был призван в армию студентом и провоевал всю войну в танковых войсках) и охотничьи истории. Парочку из них я записал.

Зайчик. Возвращались с охоты с Василием Ивановичем Есевым (это был техник спектральной лаборатории, заядлый охотник, постоянный спутник Фишмана в лесах, на рыбалке и экспедициях) по лесной дорожке. Пустые, не повезло. Присели передохнуть на бревнышко, закурили. Вслед за нами на полянку из леса вышла старушка с корзиной, увязанной цветастым платком. Присела к нам на бревно. Чтобы разговориться, спросил:

- Бабушка, а что в корзине-то у тебя?
- Да зайчик. Вот поймала на огороде, внуку несю подарочек.
- Зайчик! Слушай, продай его нам!
- Да что вы? Нет, не продам. Надумала уже внуку отнести, пусть поиграет.
- Ну, бабушка, продай, пожалуйста. Очень хорошо заплатим!

В конце концов, уговорили. Собрали все деньги, какие нашлись у обоих, отдали. Старушка их взяла, отдала зайчика и пошла дальше своей дорогой с пустой корзиной.

Дождались, когда она скрылась в лесу, и стали обсуждать, как зайца пристрелить. Не нести же его живым домой! Решили привязать его брючным ремнем к небольшому деревцу, чтобы не убежал. Но тут заспорили: кому стрелять. Василий Иванович доказывал, что должен он, поскольку стреляет метче. Я не уступал, и, в конце концов, спор решился в мою пользу. Главный аргумент – я заплатил больше – Василий Иванович переспорить не мог.

Отошел от привязанного зайчика метров на двадцать, прицелился, плавно нажал на курок. Весь кучный заряд дроби попал в деревце и в ремень, перерезал их, как топором. Зайчик высоко подпрыгнул и драпанул в лес, сбросив обрывки ремня с пряжкой. Подобрали их и уныло побрели домой.

Глухарь. Пришел с охоты ни с чем. Настроение паршивое. Открываю тихонько квартиру, а в тамбуре между двумя дверями висит здоровенный глухарь. Забираю его, прячу в рюкзак. Жена спрашивает:

- Ну, как охота?

- Не очень, но кое-что есть.

Развязываю рюкзак, вынимаю глухаря, передаю.

- Разделай, пока свежий. Здорово! А я такого же на базаре купила, сейчас обоими и займусь, а ты ужинай.

Выглянула в тамбур, а там никакого глухаря нет.

- Ой, украли! Надо же, ненадолго уходила к соседям, и кто-то стащил!

- Ладно, не расстраивайся. Хватит нам и одного моего глухаря.

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО

* * *

Покалеченное время
по осколкам фраз колючих
и по стрелам взглядов жгучих,
по разбившейся надежде
в поистрепанной одежде,
по усталости разлитой,
где гнездо родное свито,
в щели окон потемневших
уползло от жизни грешной.
В дверь вошло разлуки бремя.

* * *

Снежинок белых кутерьма –
Из крепдешина покрывалом
Ложится тонкая канва.
По ней начну я шить. Сначала
Четыре нити наугад.
И первые стежки со скорбью –
Ночное небо.

Звездопад

Раскину серебристой дробью.
А красной нитью – жизнь детей,
Она – земной любви мерило.
И каждый узелок сильней
Стяну в узоре этом милым.
И белой ниткой по канве
Прошью надежду на рассвете.
На полотне судьбы моей
Жизнь продолжаю многоцветьем.

Игорь ХУДОЛЕЙ

* * *

Если все мы – под Богом ходим,
который непредсказуемое притупившейся

бритвы, то логично,
что мы расстались,
лишь я окрестил тебя «шлюхой»
(вербальные пристрастия, все ж таки –
суть откровения).
Несколько дней после
я с удивлением наблюдал за собой
непривычную, со счастьем схожую отстраненность
от реальности, в которой, как во второсортной галерее,
куда ни взгляни – два-три эпизода, реже –
радостные, но чаще – унылые,
однообразные, как секс или грусть. Как ни странно,
я продолжаю жить и восхищаюсь вдруг
тем, что черные точки ворон
на заснеженных кронах деревьев
на фоне белого неба – вдруг, потревоженные, исчезают,
оставляя пейзаж в немоте, недосказанным,
а взгляд, убаюканный
белоснежною беспредметною перспективой, -
умиротворенным.
Замечательно, что – с трудом
забываю изгибы твоего тела,
в запахе которого, как в беспамятстве, - вязнешь,
всегда чуть скривленный рот,
вдруг оживленный улыбкой, и я – под каблуком
этого монолога,
которым раздавлен и выгляжу скучнее,
чем пьяный бред над стаканом,
что суть потемки, в которых – заплутал
среди наших инициалов,
но – дефиниции одиночества, определяемые сознанием на ощупь,
видятся гораздо объемнее, чем твой словесный портрет.
Есть что-то неуловимо противоестественное
в исчезновении любви, точно дьявол – пляшет:
надежда, злость, смирение и – бешенство
от невозможности вспомнить себя
ад фактум.
Расставание – априори
не может быть красивым: в чем же эстетика
признание того, что твой череп – неинтересен
этому антропологу, признания того,
что с этой болью, как с собой, -
не к кому. По крайней мере,
теперь я узнаю,
что следует в повествовании
после точки и – ненависти.

* * *

Этому городу
не суждено стать женщиной –
мне не за что его любить, но он – интересен
как антураж прогулок и размышлений:
от парадной – к парадной, вверх по лестничным маршам;
на шестом этаже – широкое окно во дворик, асфальтом
стянутый как батут. Правее – кокетливо не запертая дверь
в пустую коммуналку. Кошка о ногу трется,
водяные часы, не поддавшиеся водопроводчику, отмеряют
время Белых Ночей – каплями, такими же ржавыми,
как на бритве «Жилетт», лишенной
иллюзии безопасности.
И – коммунальным привидением приоткрытая дверь,
с обратной стороны которой – языкастый фотопортрет

Эйнштейна и – параллельно
обросшему паутиной, вряд ли функциональному
безбазурному шнуру в двести двадцать
вольт, не приложенных ни к чему –
из того же крюка и все еще бесцельный,
висел кусок веревки, запахом земляничного
мыла пропитанный, но – изначальная решимость
была ограничена: дверь, не только ключа,
но и замка лишённая, и Провидение,
сделало ее ухом, распахнув навстречу
шагам визитеров по каменным ступеням.
И старческий хрип двери парадной,
обозначив вошедших, напоследок сошел на фальцет,
стекаясь, впуская сквозняк,
который, пробежав по дому, качнул кусок веревки, рассмешил
отяжелевшие пылью предметы, расшвырял
падение капель – по плоскостям, не свойственным времени,
и опрокинул табурет, как то, что ни к чему без человека.
Я спускался из ложи по лестничным маршам,
удрученный и вежливый. Беззвучный поворот двери,
швырнул меня, быть может, к жизни - без любви,
в которой большинство
не ценят подобных развлечений.

Раиса КУКЛИНА

О ФРАГМЕНТАХ ПЬЕСЫ П.Г. ДОРОНИНА О КУРАТОВЕ

Творчество Ивана Алексеевича Куратова является золотым фондом коми литературы. Его неординарная личность и многогранное поэтическое творчество привлекали многих исследователей литературы, писателей, поэтов, художников. В литературоведении выделилось самостоятельное направление – куратоведение. В изысканиях куратоведов XX века отчетливо прослеживается идеологизированная схема интерпретации поэзии коми поэта. С одной стороны, есть все основания причислить Ивана Куратова к революционно-демократическому направлению. С другой стороны, в связи с тем, что его творчество изучалось только лишь в этом свете, другим аспектам его поэзии уделялось недостаточное внимание.

Свой вклад в исследование поэтического наследия Ивана Куратова внес известный коми писатель, литературовед и историк Павел Григорьевич Доронин. П.Доронин являлся членом редколлегии по изданию рукописей И.А. Куратова. В конце 30-х годов он опубликовал ряд статей в газетах «За новый Север», «Вөрлэдзысь». Содержание статей «Интернациональные мотивы в творчестве И.А. Куратова»¹, «По следам И.А. Куратова»², «Существовал ли коми поэт И.А. Гугов»³, «Жизнь и творчество И.А. Куратова»⁴ и др. свидетельствует о том, что исследователь придерживался общепринятых в то время официальных установок на творчество поэта. Все перечисленные статьи написаны на русском языке.

В фонде документальных материалов П.Г.Доронина в НА РК находятся два художественных материала, которые, можно предположить, свидетельствуют о попытке писателя представить личность первого поэта в художественном произведении, а именно – в пьесе. Эти документы внесены в раздел под названием «Литературные произведения П.Г.Доронина». Это дает право утверждать, что найденные мной фрагменты пьесы принадлежат П.Г.Доронину.

Один документ озаглавлен следующим образом: «Пьеса И.А. Куратова. Б.д. Рукопись, черновик, на коми языке»⁵.

Второй документ значится под таким названием: «Пьеса «И.А. Куратов». Б.д. Машинопись, на коми языке»⁶.

¹Ф.1346, оп.1, ед.хр.261.

²Ф.1346, оп.1, ед.хр.258.

³Ф.1346, оп.1, ед.хр.257.

⁴Ф.1346, оп.1, ед.хр.256.

⁵ Ф.1346, оп.1, ед.хр.176.

⁶ Ф.1346, оп.1, ед.хр.177.

Для того, чтобы эти названия, данные, вероятно, сотрудниками архива, не ввели в заблуждение начинающих куратоведов, следует указать, что названия обоих документов не отражают их содержание. В фондах хранятся фрагменты пьесы о Куратове.

В обоих документах отсутствует указание даты. Трудно определить, когда была начата работа над пьесой. Это, вероятно, может стать целью дальнейших изысканий. В первом документе содержатся отдельные, пронумерованные, в основном рукописные страницы пьесы на русском и коми языках, рукописные фрагменты списка действующих лиц. Причем один список содержит 18 имен, а другой – 23 имени. В первом машинописном списке даются подробные характеристики всех действующих лиц.

Во втором документе содержится машинописный текст на 36 страницах. Он выверен. Страницы пронумерованы от руки, карандашом. Внесены небольшие поправки, также от руки. Но следует указать, что первое действие пьесы изложено всего на 25-и страницах, с 26-й страницы в основном дублируются страницы диалога между Куратовым и Войнаральским. В итоге получается, что в этом документе содержится лишь небольшой (начальный) фрагмент пьесы. И в то же время можно предположить, что существует продолжение, так как данный фрагмент имеет вид уже не чернового, а в какой-то степени уже окончательного варианта.

Трудно предугадать, каким образом автор хотел построить композицию своего произведения. Имеющийся текст доказывает, что образы Филиппа, Сандры, Войнаральского, Дементьева служат для того, чтобы убедительнее раскрыть основополагающие черты личности поэта. Кстати, в первом списке указывается, что последний персонаж является осведомителем полицейского надзирателя, а во втором он причислен к друзьям Куратова.

Машинописный текст пьесы начинается с монолога Куратова (после описания места действия). Этот монолог убеждает в том, что молодому учителю духовно-приходского училища свойственны антирелигиозные взгляды.

КУРАТОВ. Эх, как развезло этого звонаря! И бубнит, и бубнит, чорт бы его подрал... Не только живого, но и мертвого разбудит к обеду! (Колокольный звон прекращается.) А, слава богу, наконец-то... Полчаса сижу и ни одной путной строчки не написал из-за этого звонаря. Не выношу этого церковного звона...

В своих статьях П.Г.Доронин утверждал, что Ю. Вихман заблуждался, считая, что А.И. Гугов был самостоятельным коми поэтом. Писатель также убеждал, что И. Куратов не был националистом. «Враги народа – коми буржуазные националисты – в течение 20 лет держали под спудом рукописное наследие И.А. Куратова... держали рукописи поэта в засекреченном виде, потому что острие куратовского пера направлено именно против национальной узости и самоограниченности», - писал П.Доронин в статье «Интернациональные мотивы в творчестве И.А. Куратова»⁷.

Свою мысль, что Куратов «никогда не был ни народником, ни националистом, а, наоборот, его мировоззрение насквозь проникнуто идеями гуманизма и интернационализма» он подтверждает экспрессивностью речи героя пьесы в диалоге с Войнаральским.

ВОЙНАРАЛЬСКИЙ. Чернышевский арестован... и без суда томится в Петропавловской крепости.

КУРАТОВ. Боже мой, боже мой! Что же это делается у нас в России! Лучшие журналы закрывают, лучших людей сажают в казематы...

В диалогах с Войнаральским герой неоднократно восклицает: «Что же это делается у нас в России!»

Так, отличительной чертой личности Ивана Куратова становится его сопричастность к трагическим и печальным явлениям, происходящим в России.

Автор подчеркивает добросердечность Куратова, его внимание к опальным людям. Молодой учитель обещает Филиппу, близкому родственнику предводителя бунта в Усть-Куломе, выучить грамоте его сына. Филипп просто потрясен доброжелательным вниманием своего собеседника и в ответ произносит проникновенные слова: «20 лет живу в этом городе и от первого человека слышу хорошее слово». Диалоги с Филиппом характеризуют 23-х летнего Ивана Куратова, как смелого, добросердечного и добродетельного человека.

В иных ипостасях герой представлен в диалогах с Сандрой. Образ Сандры, вероятно, был неким подспорьем автору пьесы для того, чтобы убедить, что Иван Куратов сам писал стихи, которые выдавал за творения А.И. Гугова.

САНДРА. Ой, не верю, не верю. Никогда Гугов этих стихов не писал. Я знаю, я знаю... Вы писали эти стихи. Я вам докажу.

КУРАТОВ. Как же вы докажете?

САНДРА. Докажу, докажу...

КУРАТОВ. Ну, ладно. Спорить не будем. Уж раз так вы настаиваете, вас трудно переубедить.

⁷ Ф.1346, оп.1, ед.хр.261.

САНДРА. И не следует переубеждать.

Этот диалог происходит после того, как Куратов прочитал Сандре стихотворение «Весна» (в тексте это стихотворение отсутствует. Для него оставлено небольшое место).

П.Г.Доронин очень внимательно отнесся к речи центральной фигуры пьесы. Язык Куратова наполнен просторечными выражениями в сценах, когда он один. Его речь экспрессивна, наполнена пафосом возмущения и мстительного задора во время бесед с Войнаральским. Язвительен и ироничен Куратов при столкновении со своим недругом Дементьевым. С Сандрой он разговаривает то шутливо, то задумчиво. Девушка отмечает противоречие в его отношениях с людьми. Она уличает Куратова в том, что при людях он любит пошутить, а когда остается в одиночестве, становится угрюмым.

Герой занимается стихотворчеством. Он пишет на русском языке. Читает стихи, размышляет, корректирует написанное. Автор пьесы как бы приоткрывает дверь в творческую лабораторию поэта.

При сравнении начальных фрагментов на коми (I документ) и на русском (II документ) можно обнаружить, что они совершенно различны. В тексте на коми языке действие начинается и ведет Казаринова, тогда как в тексте на русском языке основное внимание автор уделяет раскрытию образа Куратова.

В настоящее время трудно сказать, есть ли продолжение пьесы и в каком оно виде. Тем не менее, любой поиск благотворен. Попытка П.Г. Доронина отразить личность первого коми поэта Ивана Куратова в художественном произведении становится литературным фактом.

Николай ГЕРАСИМОВ

МОИМ СЕВЕРНЫМ ДРУЗЬЯМ

В городе этом совсем не осталось друзей.
Городу этому отдано нами полжизни.
И недалеко отсюда до призрачных Мангазей,
А еще ближе, пожалуй, до собственной тризны.

Весны капризные, словно похмельный синдром,
Зимы тягучие, как восхождение к вершине.
В мерзлую землю врастаем. Горят серебром
Россыпи звезд на чернильной небесной холстине.

Тянем судьбы паутинку в колючей пурге,
Пишем стихи на хрустальных снегах без помарок.
На ивняковой, забытой богами ворге
Рвем для любимых охапки жарков и фиалок.

Здесь на окраинах дальних, на жестких ветрах
Мы обживаем российские веси и пади.
Тянем свой воз, как Сизифы, до хруста в костях,
Верим, что горд-ковчег сбережем от распада.

Только, дружище, настала пора на крыло
Нам становиться – и стаяй растрепанной в лето
Снова лететь в те края, где впервые свело
Сердце любовью, а душу – родительским светом.

Митрофан КУРОЧКИН

МЕСТЬ АВДОТЬИ

Сосед по даче дед Федот
(известен всем как плут и жмот),
Отходы, хлам который год
Валил Авдотье в огород.

«Погодь же, старый обормот,
Уж за обиду отомщу,

И средство верное, «Пол Пот»,
Поверь, я скоро отыщу».

Авдотье подвернулся случай
(Дед париться любил в тиши),
Стручковым перцем, очень жгучим,
Натерла доски от души.

В свою он баню заявился,
Надел кепчонку, рукавицы,
Федот, как барин, развалился
Чтоб с веником уж порезвиться.

Но что-то спину обожгло,
С неведомой и страшной силой,
До пяток жжение дошло,
Дыханье аж перехватило.

Федот тут взвыл и с бани деру,
Бежал, конечно, нагишом,
«Быстрей, сосед», - кричали хором:
Стриптиз смотреть народ пришел.

ПОДОЗРЕНИЕ

Старик Архип, бабуля Настя
В обед вдвоём хлебали суп.
Обоим не хватало счастья -
На разговоры был дед скуп.

И как-то сразу, без оглядки,
Большую ложку облизав,
Он хлопнул ею по лбу бабке,
Хотя по-прежнему молчал.

Та задрожала мелко-мелко:
«Зачем так сделал ты, Архип?» –
И слёзы капали в тарелку,
А голос будто бы осип.

«Зачем, Архипушка, так груб,
И хлопаешь со всею силой, -
Слова сорвались с ее губ, -
Зачем так груб?» – перепросила.

Дед вперил в бабку острый взгляд:
В словах его – былая сила:
«А сорок лет тому назад
Зачем, Настасья, изменила?»

Огнём глаза её сверкнули
И радость вдруг коснулась губ:
«Тебя, Архип, ведь обманули –
Всегда-всегда ты был мне люб!».

Тамара КУРОЧКИНА

КТО МЫ ТАКИЕ?

Евразийцы мы - вот мы такие,

Наши глаза - чуть раскосые.
Он – мусульманин,
она – католичка,
Он – христианин,
она – атеистка...
Он родом из Коми,
она белоруска,
Жена – татарка,
он – парень русский...
Разные веры спят на подушке
Зачаты дети, сроднились души:
Кто они - наши
подростки дети?
Где они молятся?
В церкви, в мечети?
Смешенье крови,
смешение веры...
Кто же из них теперь
неверный?
Против кого, отцы, воюете?
В своих домах почему
не ночуете?
Век двадцать первый
сломал оковы –
Это принять вы еще не готовы?
И льется кровушка красной водицею,
Мать-земля скорбит
о неродившихся.
Ты же, Чечня, - наша боль
и безвременье,
Идти не желаешь
в ногу со временем...
Нужен России мир и покой,
Нашим народам
дайте надежду?
Пусть и в Москве,
и за Терек-рекой
Это поймет и
политик невежда.

Ирина ВЕЛИЧКО

КАТИТСЯ ЛЕТО

(повесть в диалогах)

Перед сном долго не могли уgomониться. Бегали по комнатам, мелькая в дверях, трясли простынями, ночными рубашками, задергивали шторы. Наконец щелкнул выключатель и комната, похожая на большой розовый пенюар, плавно погрузилась в желанную темноту. Прошелестели босые ноги, вздохнула перина – и все. Рядом сладко устраивалась Полина, молчаливая, ароматная, влекущая. Это была уже его территория, все остальное растворилось в темноте, стерлось, выпало в осадок - и долгая дорога, и строгая Полинина мама, и даже Машка... Он раздраженно вздохнул. Машка заняла маленькую комнату, а эта, проходная, досталась им. Ни шелохнуться, ни слова лишнего сказать. Он решительно шагнул на свою территорию.

- Устала?

- Устала, Илюш.

Это было не «устала, обними меня», а «устала, оставь меня в покое». Такого быть не могло. Это на чужой территории кого-то другого могли не признать, отвергнуть, но при чем здесь он? А может, Полина сама и выбрала эту комнату?

- Мой мальчик скучает столько дней.

- Девочка с пониманием относится к его проблеме...
- С недостаточным...
- Мы с дороги, Илюш.
- Мальчик хочет в гости...
- А девочка забыла пригласить цыганский хор и еще не написала приветственный лозунг.

Пусть мальчик ее простит.

Это было уже слишком. Илюша выпутался из скомканного одеяла – получилось неуклюже – побрел искать дверь, считая углы и едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. Гордо уйти не получилось – врезался в косяк. Нет, не окликнула, не позвала... На секунду задержался в дверях... Подумать только, вслед ему – облегченный вздох и уютная возня. Илюша вышел в коридор и свалился в старое кресло. Заплакать не получилось – он слишком устал. Сон бродил где-то рядом, дразнил, подходил слишком близко и отпускал. А потом вдруг опутал, связал сладкими нитями. Ночью в полудреме он долго гладил себя по рукам, сначала медленно, потом руки задышали, заплакали: «еще...», стали смелее, быстрее, сцепились ладонями... Когда прорвался наружу голос – утробный, непонятный – не голос, звук, он проснулся. Руки опутали шею и грудь как удавы. «Мы не хотели тебя обидеть», – успокаивали ладони. «Все нормально, – отвечал он рассеянно в полудреме. – Это все она. Она не хочет знать, как мне плохо. Она вышвыривает меня из постели, из наших общих снов. Всякий раз, когда я просыпаюсь, жизнь прикидывается освободительницей от ночных пут, навязывая скучные ценности мира реального. Но потом приходит ночь, и мои руки вновь начинают страдать. Потому что они помнят ее руки. Ничего нового...»

Утром на него набросили плед. Хорошо, но этого мало. Спросонок захотелось Полининого раскаянья, какой-нибудь умной цитаты из классиков, дескать, «Отрадно спать, отрадно камнем быть о в этот век, безумный и постыдный...» После этого будет легкое прикосновение Полининой руки..., а без этого наступивший день не имеет смысла.

- Кактус вон купила. Увидела у подруги, купила такой же. У подруги зацвел, а у меня все никак, дармоед. Уже почти год как. Подруга говорит, покричать на него надо, отругать, как следует, цветы, они чувствуют. Вот и ору на него каждый день, надоело уже. Отнесла вон на балкон, к помидорам, – говорила Полинина мама из кухни.

- Я видела, – отвечала, зевая, Полина.

- Скоро поезд, Кира приезжает. Встретить надо, – наверное, Полининой маме все равно, что говорить.

- Надо бы, – отозвалась дочь.

- Вы хоть встречаетесь там, у себя? Ведь в одном городе живете.

- Нет, нам хватает отпуска на Волге.

- Ба-а... Не понимаю. Ведь родные люди все-таки.

- Двоюродные. Мама, это не имеет значения. Нам в магазин надо? У нас к столу все куплено?

- Вот по дороге и купите. Когда Киру привезете.

- Машкин поклонник на такси работает? Вот Киру и встретят. Ма-аш, встретишь?

- Легко.

- Маш, а твои предки приедут?

- Надеюсь, что нет.

Над душой кто-то стоял. Илюша приоткрыл веки – Машка.

- Чем обязан?

Полина выглянула из кухни:

- Не буди его. Пусть выспится.

Илюша открыл глаза:

- И далеко ехать?

- За Кирой, на вокзал.

- Поехали! – он встал с кресла.

* * *

Простенький, почти убогий пейзаж; редкие деревца, едва обозначенные вдалеке на склонах холмов, куцая травка, полуобвалившийся обрыв и тропинка к реке, протоптанная не одним поколением...

Удивительная вещь – ностальгия. Пока живешь рядом, искренне удивляешься, неужели по ВСЕМУ ЭТОМУ можно тосковать? По этой мутной воде, неприветливой, с водорослями, с илистым дном... По холодным, промозглым воющим ветрам осенью. Только вдали от реки твоего детства вдруг заносит, защемит сердце, вспомнившее вдруг ДРУГУЮ Волгу. И тогда окутаются простенькие деревца утренними туманами, сквозь которые не сразу различишь очертания белой беседки и в ней – одинокую женскую фигурку. Дерзкий гудок долгожданной “Ласточки” нарушит утреннюю тишину. А знаете, ведь помню. Мне знаком этот сладкий вкус томления, ожидания

непонятно чего... Восторг от роскошных провинциальных ярмарок. И чувство страха знакомо. Трясло Волгу от набегов, от бандитского промысла. Трясет и сейчас.

Нежный перебор гитарных струн. Спокойный бархатный мужской голос рассказывал свою историю:

Катится лето среди облаков,
Бахромою дождей окутав,
Северный город,
И лепет и шорох наполняют утро.
Пальчиком вдоль струны скользя,
Нигде не задерживаюсь надолго.
Знаю - жить так нельзя,
Но я ведь и жить не умею толком.
Ветер - что? - непохож ни на что.
Воздух - ничто, а запах - еще менее.
Но серое утро - невзрачный цветок
На солнечной клумбе моего настроения...

- Чаю хочешь?

- Н-не знаю. Нет, - Егорий оживился и как-то забыл о Кире.

- Я принесу два чая, ладно? – она зашла в купе за бумажником. Радость от встречи с родным городом не убирала смутной тревоги, что, кажется, она способна на необдуманный поступок. Она подумала, как это эротично звучит – «Необдуманный поступок». Запрокинуть голову, глаза домиком: «Егорий был моей случайной связью, моим необдуманным поступком».

Егорий листал маленькую потрепанную записную книжечку.

- Мемуары?

Он что-то читал и, не поднимая на нее глаз, кивнул.

- Что, правда?

Он засмеялся:

- Знаешь, сколько лет этой книжке? На первом курсе учился. Правда, я писал стихи и раньше.

- А ты пишешь стихи? – это прозвучало почти бестактно, он сделал вид, что не слышал.

- Хранил все рукописи. Охотно цитировал себя. По-молодости все мы гении. А потом все повыбрасывал, пересмотрел ценности, так сказать. Этот блокнот остался, уж не знаю как. (Читает, смотрит на нее. Она не меняется в лице.) Кира, ты меня слушаешь? Ты сейчас песню слышала?

- Какую песню?

- М-да...

* * *

На перроне знакомых не было. Кира этому не удивилась, ее редко встречали, а сейчас оно и к лучшему. На вокзале продавали вяленую рыбу и фрукты, утренний ветерок ерошил волосы, жизнь шла лениво и приятно. У стоянки такси их выловила Маша. Кира задохнулась от радости, она и не догадывалась, что может так обрадоваться домочадцам. Их багаж взяли из рук, Кира не сразу узнала Илюшу. Их ждали! Незнакомый мальчик-таксист красиво распахнул перед ней дверцу. «Благодарю», - приняла это как норму, уютно устроилась между Егорием и Илюшей.

- Илюш, Полина приехала?

- Разумеется, - не слишком радуясь собеседнице, произнес Илюша. – Было бы странно ей быть в другом месте, когда здесь вся веселая компания. Я бы с большим удовольствием провел наш отпуск более уединенно.

И у Киры сразу испортилось настроение.

- Я всего лишь спросила, приехала ли Полина.

- Дома они, стол накрывают, - обернулась веселая Маша.

- Святое дело, - живо отозвался Егорий и пожал Илюше руку. – Егорий.

- Илья.

- А Полина – это кто? – не унимался Егорий.

- Моя жена. Будущая.

- Наша сестра, - продолжала знакомство Маша. – Мы двоюродные сестры. Кира, куда едем? Сразу к тете Регине? Мы у нее остановились.

- Нет, сначала домой, к маме. В порядок себя приведем, узлы сбросим.

- Ага, давай на Астраханскую, - по-свойски скомандовала таксисту и снова повернулась к Кире. – Только не задерживайтесь долго, приезжайте. Посидим в лоджии, позагораем. Там такой цветник развели! – И расхохоталась.

* * *

Просторная лоджия высотного дома. Много зелени – цветы, кусты помидора, привязанные за веревки и краснеющие плоды, висят гроздьями, в отдельных горшках – лук, петрушка. Лоджия похожа на большое гнездо. Кира и Маша загорают. Маша с закрытыми глазами убирает бретельки.

КИРА. Так вот. Давно это было. Поехали мы как-то за дикой вишней в Семеновку. Там на холмах брошенные сады. Много-ого... Деревца старенькие, заросло все, бурелом сплошной и ягода мелкая, но зато ее много. Терпения надо набраться. Катя с Костей, твои родители, еще любовь крутили... Ой нет, уже не крутили, уже ты была, да, года три. Тебе сколько сейчас?

МАША. (смеется) Пятнадцать. Ты не путаешь? Мои родители и любовь... Я кроме ругани ничего не помню. Хоть недельку отдохну от них.

КИРА. Было, Маша. Так вот. Набрали мы вишни, домой собрались, и тут увидели вдалеке в холме какую-то башенку. Долго гадали, что это. А потом сорвались с места и побежали к Волге. Казалось, чем дальше идем, тем более отдаляется от нас башенка.

Дорога кончилась - дальше овраг, а там кусты, камыши, сырость. Мы не отступаем. Костя всех по очереди перенес через овраг и вдруг в какой-то момент кусты расступились будто сами собой. Мы подняли головы и ахнули. Дорога привела нас к Храму.

Разгромленный, разрушенный, величественный. Представь - на потолке фреска “Господь-Вседержитель”, а сквозь зияющие дыры видны плывущие облака.

Терялось чувство реальности. На одной стене - “Успение Пресвятой Богородицы”, на других - “Св. Николай Чудотворец”, “Преподобный Серафим”.

Бывают такие люди - состарились, но спокойно, с достоинством несут свои годы, а с ними все проблемы и беды. Ни старческого нытья, ни трухлявости в мыслях. Вот такой был этот Храм. Красивый мудрый старец. Сквозь ажурные решетки на нас струился дивный свет, мы бродили, враз притихшие. Катя с Костей держались за руки. Уединившись, шептались о чем-то... А мне захотелось написать о нем, о Храме.

МАША. Кира, я не поняла, ты говоришь как по писанному - ты в самом деле так считаешь?

КИРА. То есть?

МАША. Да вот. Шептались, уединялись, что-то там струилось сквозь решетки... Да ты не сердись. Мои родители - практичные люди. Приехали, поди, надрали дармовой вишни и уехали. (через паузу) Я перебила, извини. Ты остановилась на том, что они о чем-то шептались. (помолчали) Кира, ну ты чего, обиделась?

КИРА. Маша, перестань.

МАША. Ну ты статью-то написала?

КИРА. Н-нет. Непосильная ноша оказалась.

МАША. А куда ты хотела отнести эти материалы? Вообще, ты где-то печатаешься?

КИРА. Нигде. Просто написать и все.

МАША. Тогда зачем тебе все это надо? Какой прок?

КИРА. Как зачем? Какой тебе прок от твоих мотоциклов, байдарок, веревочных лестниц?

МАША. Э-э. Это допинг. Чтобы жизнь болотом не стала и камышами не заросла. (По Маше ползет солнечный зайчик, по груди, шее, наконец, по лицу и – в глаза.) Получишь щас!

КИРА. Что?

МАША. Отвали! (пересаживается рядом.)

КИРА. (заметила зайчик) М-да. Я в своей первой молодости таким успехом не пользовалась. Тебя и на седьмом этаже нашли. Это твой таксист?

МАША. Достал уже. Слушай, а этот твой, как его, Егорий, вы с ним давно живете?

КИРА. Знакомы давно, но мы не живем. Так что он не мой. Пока.

МАША. Да ну-у. А зачем приволокла его?

КИРА. (смеется) Присматриваемся друг к другу, принимаемся. А кроме того, пора перед родственниками отметить. Каждый отгул приставали, когда да когда. Пора знакомить с избранником, тридцать все-таки.

МАША. А кто он?

КИРА. Да он, в общем-то, неплохой мужик. Что-то там строгают, что-то там пишет. Говорят, неплохо. Дома мне полку прибил.

МАША. М-да. Ну, чтобы отметить, такой сгодится.

(На балкон заходят Егорий и Илюша. Маша и Кира, как по команде, замолчали, закрыли глаза и подставили лица и ладони “солнцу”. “Загорают”.)

ЕГОРИЙ. ...И я не могу понять, как можно праздновать чью-то кончину.

(достает сигареты, улыбается, глядя на Киру и Машу.)

ИЛЮША. Вообще-то я не курю. (Егорий, широко улыбаясь, прикуривает, подходит к Кире, гладит ей плечо.)

КИРА. Ой, а можно - с дымом подальше от меня? (Илюше) Полина еще не вернулась?

ИЛЮША. С мамой в магазине. Скоро будут.

МАША. Кира, так почему ты статью-то не написала?
КИРА. Долгая история. Съездила туда с фотоаппаратом, отсняла две пленки...
МАША. (Егорию) Что Вы там про кончину говорили?
ЕГОРИЙ. (смеется) Я действительно не понимаю, как можно отмечать годовщину чьей-то кончины. Хотя это почему-то принято.
МАША. А кончина-то чья?
ЕГОРИЙ. Так Вы же сегодня празднуете продажу дома. Избавились от родового гнезда, домочадцев собрали. Мы с Кирочкой на двух поездах тряслись с пересадкой... Видимо, таким ярмом этот дом висел на ваших шеях.
КИРА. Пожалуйста, не утрируй. Никаким ярмом дом не висел. Просто покупатели, наконец, рассчитались полностью... То есть...
ИЛЮША. То есть все проще. Отмечают не разлуку с домом, а поступление денег. Мне это тоже не очень понятно. Женщины практичнее нас,
ИЛЮША и ЕГОРИЙ (одновременно) Им виднее.
(Егорий пожимает руку Илюше.)
КИРА. Ну да. А мужчины захлебнулись в ностальгических слюноотделениях.
ЕГОРИЙ. (улыбается) Кирочка сразу на дыбы. Да, Кирочка?
(Кира рукой "отмахивает дым". Егорий губами "жует" ее ушко: "Ам-ам-ам".)
КИРА. Не дыми на меня, пожалуйста.
ЕГОРИЙ. Да я уже выбросил окурочек.
МАША. (наблюдает за ними) Егорий, а Вы где работаете?
ЕГОРИЙ. Нигде. Утомился я газетной работой за жалкие гонорары. Думаю, я заслужил свободный труд. Разве нет?
МАША. Я к Полине. (убегает)
ЕГОРИЙ. То, что казна на мне сэкономила, сейчас возвращает в виде пособий. А я не возражаю.
ИЛЮША. Нам не мешает иногда напоминать о себе, иначе на нас экономить будет не только казна.
(Егорий хохочет.)
КИРА. О Господи.

* * *

Накрытый стол посреди комнаты. Перед большим зеркалом Полина - красивая молодая женщина на седьмом месяце беременности. Роскошные длинные волосы, фигура - красота и благородство. Она в свадебном платье, животик придает кринолину некоторую пикантность. Регина, присев, подгибает подол, Маша пытается застегнуть Полине сзади лиф. Полину это веселит. Она держит на вытянутой руке венок и поправляет на нем вуаль. Зоя расставляет тарелки и наблюдает за ними. Рядом с зеркалом манекен (без головы и рук), на нем развешаны кружева.

РЕГИНА. Четвертый раз перешиваю. Еще один перенос - и до алтаря не дойдешь. Родишь по дороге.

ПОЛИНА. (с радостью выпячивает живот) Да, мама, я сожалею, но придется перенести эту волнующую дату еще раз.

РЕГИНА. (выпрямилась) Чего-о?

ПОЛИНА. Финансовая проверка. Сдаю дела. Что делать - по-другому в декрет не отпустят. И кроме того - пушкинский конкурс.

(Регина переглянулась с Зоей)

ЗОЯ. Полина, ну что за жертвы? Неужели я не помогу тебе со сдачей дел? И с конкурсом помогу - ведь это и мои ребята.

ПОЛИНА. Ну что вы! Я затеяла этот проект, полгорода на уши поставила, а теперь в кусты? Я их не оставляю.

(Полина и Маша примеряют фату, кружева, дурачатся.)

РЕГИНА. (руки в боки) Лучше нас оставишь. Мы-то уж замуж сбегали, хватит, тебя вот никак не выпроводим. (кричит в дверь) Ва-ань!

ПОЛИНА. Вам еще Киру выпроваживать. Наберитесь терпения.

РЕГИНА. Ва-а -ня! Захвати в коридоре ленты.

(Входит Иванна с фруктами в вазе, протягивает ленты Регине.)

ЗОЯ. Все-таки сложно привыкнуть к вашим именам.

ИВАННА. (расставляет вазу, тарелки.) У нас была коза Майя, кошка Стюша и поросенок Ульяна. А на меня имени не хватило. Зоя, кончились женские имена, когда я родилась.

РЕГИНА. Иванушка, в папе немецкие корни заговорили, вот он и назвал тебя.

(Полине) Стой, не дергайся.

(Полина тут же заиграла торсом. Регина полотенцем шлепнула ее по задку. Та весело вскрикнула.)

ИВАННА. Какие-какие? До сего дня считалось, что корни у папы польские.

РЕГИНА. Или польские. Это теперь выяснить трудно. А может, у мамы какие-нибудь корешки?

ИВАННА. Ну что ты, дорогая, мама у нас волжанка.

ПОЛИНА. Любимая тема! Сколько лет обсуждаем, переливаем из пустого в порожнее и так толком не знаем, почему моя мама названа немецким именем Регина, а моя тетушка - польским именем Иванна. Только в Польше говорят "Иоанна".

ИВАННА. (Зое) Но меня никто Иоанной не называет, Зоя! Длинно больно. Ванькой кличут.

ЗОЯ. Нет, но вы послушайте, как эксклюзивно звучит - "Иванна Ивановна" и "Регина Ивановна".

ИВАННА. Я бы предпочла быть эксклюзивно Клавдией или Варварой.

ЗОЯ. А третью вашу сестру зовут, наверное, Ингрид или Рената?

РЕГИНА. Катькой ее зовут. Много чести - Ингрид.

(Во время этого диалога Полина с Машей перешептываются, Маша раскрывает фату, закрывает собой Полину. Та скинула юбку-кринолин, лиф (без бретелек) повернула задом наперед, шнуровка оказалась спереди. Немного открылась безупречная грудь, круглый животик. Маша ахнула, надела Полине веноч, вуалью прикрыла лицо, плечи. Лиф длинный до пола. Получился средневековый силуэт).

ИВАННА. Регина, не наезжай на Катю.

РЕГИНА. Нянькались с ней больше всех. Челночница! Базарная баба с луженой глоткой.

ИВАННА. Если ты о нашем колхозном происхождении, то все мы...

РЕГИНА. (Полине) Ты куда в этом прикиде? Уж не под венец ли?

ПОЛИНА. (красиво отвела руку в сторону, с чувством)
"Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать..."

РЕГИНА. Вот будешь просить - ничего больше тебе не сошью. Взяла и всю работу испортила.

ЗОЯ. Ладно, девочки, пора звать недостающих. Полиночка, где наш общий мужчина?

ПОЛИНА. На балконе, надо думать.

ЗОЯ. Где ваш балкон?
(Полина показывает рукой, Зоя уходит. Входит Кира.)

КИРА. Привет, Полина.

ПОЛИНА. Ага, вот такой силуэт я хотела. Кира, иди сюда. (Кира подходит) Мама, смотри. Плечи так же. А вот здесь...подними руку (Кира поднимает) сделай чуть пониже. Кира худая, а мне надо тело показать. (Кира опускает руку и отходит.) Кира, ты куда?

МАША. Обиделась.

ПОЛИНА. Она всегда обижается. Кира, не уходи. (Входят Зоя, Илюша и Егорий. Полина замерла). Это у нас кто? (она все еще под вуалью.)

ЕГОРИЙ (подошел, поцеловал руку) Егорий.
(Полина подняла вуаль, потом сняла веноч и машинально закрепила его на животике.)

ПОЛИНА. Какими ветрами в наших Пенатах?
(Полжизни бы отдала за крупный план Егория.)

ИЛЮША. Егорий - друг Киры.

ПОЛИНА. (как весело!) Киры? (осознала) Ах, Киры.

ИВАННА. (сдержанно) У моей дочери, Полиночка, тоже может быть друг.

ПОЛИНА. Очень рада за Киру. (жмет руку Егорию)

ИЛЮША. Вы отказались от моей помощи, сказала, что все сами... в сервировке, в приготовлении...

ИВАННА. Хватит расшаркиваний. Все за стол! Регина, Зоя, сами себя задерживаем.

РЕГИНА. (берет манекен под мышку) Айда, невеста, переоденешься в свои ботфорты.
(Уходят с Полиной в соседнюю комнату. Остальные рассаживаются.)

ИВАННА. Для начала открыли "Бальзам". Пусть нашему дому будет хорошо. Нам было хорошо в нем. Он нас поймет.
(пьют первую рюмку)

ЗОЯ. Сколько лет вашему дому?
(переглянулись, пожали плечами.)

ИВАННА. Маме было лет десять, когда дед его построил. Лет семьдесят.
(входят Регина с Полиной, усаживаются.)

В этом доме выросла мама. Не судьба была ей переехать в дом мужа - так и осталась в родительском доме. Там мы родились, выросли. Папа метался между родителями, мамой и еще одной женщиной. Бог ему судья. Фактически я одна его и помню - девчонки маленькие были, когда он однажды ушел и надолго. Даже Киру я привезла в этот дом из роддома. Так и ютились все, пока

комнату в коммуналке не получили с Кириным отцом. Словом, однажды все разъехались по мужьям и квартирам. Дом опустел. А пять лет назад не стало мамы. С тех пор дом стал дачей. Сообразили огород на троих, перелопатили все, повырубали яблоню, вишню...

РЕГИНА. Ну уж прямо все! Я вырубил только свою сторону, нам картошку сажать надо было. Все яблони на Катиной стороне, на моей всего два дерева и было.

МАША. Но каких! Гамак свисал и качели. Меня качели выдерживали.

ПОЛИНА. И меня выдерживали. Точнее, нас.

РЕГИНА. Ну и забирали бы себе эту часть огорода с гамаком. А я бы - вашу часть.

МАША. И вырубил бы нашу смородину?

РЕГИНА. А как же?

ИВАННА. Регина, я думаю, пора всем рассказать о наших планах.

РЕГИНА. Ой, пора. Уж не знаю, поможет нам судьба или накажет нас, но мы вложили деньги в это... как его...

ИВАННА. Катюша, сестрица наша бизнесвумен, предложила свои услуги. Мы решили рискнуть. Словом, деньги за дом мы вложили в какое-то дело. На Катино усмотрение.

ЕГОРИЙ. В какое-то - это как?

РЕГИНА. Да в торговлю Катькину. Прямо не знаю. Посмотрим.

ЕГОРИЙ. Девушки, а ностальгия?

РЕГИНА. А это кто такая?

ЕГОРИЙ. Неужели не мучает?

РЕГИНА. Ностальгия-то? Мучала. Первую неделю. Одна усталость в памяти. Дом на отшибе. Транспорт сейчас туда не ходит. Доедешь, побатрачишь, потом с корзинами назад. Работать на такой земле только в убыток.

ИВАННА. Да, долго на ностальгии мы не протянули. Но успокаиваем себя тем, что продали дом хорошей женщине, старенькой учительнице на пенсии.

РЕГИНА. За нее - следующий тост.

ЗОЯ. С радостью.

(Выпили, похрустели яблочками. Звонит телефон.)

ИВАННА. Я подойду. (уходит)

ЕГОРИЙ. А все-таки, зачем было продавать? Если работать там не выгодно, почему не приезжать туда просто отдохнуть? Отнести как к даче? Сбегать туда от ежедневной суеты расслабиться, подумать о высоком.

РЕГИНА. Друг мой, это не барская усадьба с мансардой, мезонином, беседками... че там у них еще? Стриженный парк, газоны... Нет! Это крестьянский дом - сени, кухня и две комнаты - 9 и 12 метров. Передняя и задняя. Удобства за огородом. А в комплекте с домом - сарай для опилок и подсобка с тяпками и лопатами. Это дом для работы.

ЕГОРИЙ. Да бросьте Вы! На моей даче ничего не растет. Домик - десять квадратов. Я не крестьянин, не землепашец, но такая радость - удрать туда, в одинокий домик и нетронутые уголья.

РЕГИНА. Смешные люди! Закрома опустеют, если каждый будет только плевать в потолок и думать о великом. Я, кажется, ругнулась. Извините.

(Минуту назад зашла Иванна, ждет момента, незаметно подходит к Регине, шепчет на ухо. Обе выходят.)

ПОЛИНА. Наверное, дом перестал выполнять свое назначение - объединять родных людей. А раз перестал связывать - стал лишним. Так бывает - возникает необходимость что-то начать заново, с нуля. Может быть, создать новый дом, если прежний себя исчерпал.

ИЛЮША. Торопись с решениями.

ПОЛИНА. Почему же? Все на свете себя исчерпывает. Мы же не обрекаем себя на вечные ностальгические страдания по тому, что давным-давно просвистело мимо ушей. Надо создавать другую модель жизни, надо действовать.

ИЛЮША. Я отказываюсь обсуждать с тобой эту тему. Я... ну... категорически не согласен. Тебе дай волю - ты каждый день будешь начинать с новой страницы.

ЕГОРИЙ. (с улыбкой, примирительно) Полиночка... Полина поторопилась с выводами. Мне кажется, ребята, вы это сгоряча. Надо просто уметь пережить паузу, уметь расставаться... на время. Это большое искусство - суметь дважды войти в одну воду. (Входят Иванна и Регина. Обе взволнованы. Садятся за стол.) Когда я первый раз истязал свой организм лечебным голоданием, я сделал потрясающее открытие. В начале восстановительного периода, когда организм уже отдохнул от еды и держался только на воде, я съел кусочек огурца.

МАША. (скучно) И были потрясены?

ЕГОРИЙ. Да. В огурце, оказывается, есть вся гамма вкусовых ощущений. Он сладковатый, солоноватый, в нем есть все! Но чтобы понять это, надо было освободить себя от лишнего. Но мы кревоугодничаем, забываем свое нутро чем ни попадя, да еще положим в специях, чтобы обострить

ощущения. А можно этого не делать. (смотрит на Полину) Можно время от времени давать себе отдохнуть. От того, к чему слишком привыкли. По сути, все то, что человеку надо, он способен увидеть рядом с собой. В тех людях, которые якобы давным-давно надоели. В доме, который уже не выполняет своего назначения. В том деле, которому по доброй воле посвящаешь жизнь и в нужности которого иногда сомневаешься.

МАША. Блин!

ВСЕ (хором) Маша!

ЗОЯ. (очень заинтересованно) Егорий, а если огурчик, который Вы исследуете временем, оказался не тем, что Вы ожидали? Нет этой гаммы вкусовых ощущений, так, обмылок...

(Кира что-то шепчет Маше, та кивает, обе встают, уходят.)

ЕГОРИЙ (не был готов к продолжению дискуссии) Ну-у, может, Вы недостаточно воздержались от него? Вот Кирочка периодически возвращается к своей теме - монастыря, разрушенного временем. Выжидает паузу и возвращается. Всякий раз находит в себе скрытые резервы.

РЕГИНА. Да Кирочка может всю жизнь мусолить эту тему. Ни монастырь, ни сады не успели ей надоесть, она в них не молилась и не пахала. Вот если бы хоть раз приехала в отпуск пораньше - матери на грядках помочь! Нет! Она искала свою тему где-нибудь подальше от дома. Бабушку схоронить и ту не приехала.

ИВАННА. Регина, спокойно. Не приехала, значит, не смогла.

(Входят Кира и Маша с диапроектором)

КИРА. (ничего не слышала, очень взволнованная) Как притомимся, посмотрим слайды. Правда, снимала я еще в прошлом году.

РЕГИНА. Это монастырь?

КИРА. Да. (пока Кира настраивает диапроектор, Полина берет пустую посуду из-под фруктов и выходит в кухню. Егорий уходит в другую комнату и там - на балкон, достает сигарету. Регина и Иванна как по команде встают, уходят в ту же комнату, где Егорий, не видят его.)

РЕГИНА. (озирается, едва сдерживается) Это я виновата. Дурища! Знала ведь, что Катке нельзя доверять. Бизнесвумен! Торгашка!

ИВАННА. Да перестань, обе виноваты.

РЕГИНА. Как затмение нашло! Вань! (плачет) Всю жизнь на нищей работе. Почему нам так не везет?

ИВАННА. Не казись. Хотели как лучше. Заработать лишнюю колеечку. Нашим девчонкам на приданое.

РЕГИНА. Нет, ну ты подумай, по доброй воле отдали все деньги! Все! Не половину, не часть...

ИВАННА. Катины деньги тоже сгорели.

РЕГИНА. Да пусть она сама сгорит синим пламенем! Куда она их вложила? В какие-то овощи? Чеснок, хрен?

ИВАННА. Вагон лука.

РЕГИНА. И он что? Под откос пошел?

ИВАННА. Угнали.

РЕГИНА. А пригнать обратно? Вернуть?

ИВАННА. Говорят, благодарите Бога, что Катю в покое оставили. А про деньги забудьте.

РЕГИНА. И все, Иванушка! И нет нашего дома. Ни дома, ни денег. Батюшки-и. Пришла беда - отворяй ворота. (входит Маша. Сестры замолкают и выходят. Маша напрямиком на балкон, в дверях столкнулась с Егорием, тот торопливо уходит. Маша достает фонарик, светит куда-то, тут же получает ответный зайчик.)

* * *

Кухня. Полина укладывает фрукты в вазу. Входит Егорий. Полина поворачивается. Взгляд, поцелуй. Легкий, поверхностный, но продолжительный.

ПОЛИНА. Ну как ты?

ЕГОРИЙ. Хорошо выглядишь. Хорошо себя чувствуешь. Хорошо все устроилось?

ПОЛИНА. У меня - да.

ЕГОРИЙ. Судьба - она оригиналка. Жили рядом - потерялись на годы. Надо было потратиться на билет и удрать в другой город, чтобы на чужой квартире встретить... (подбирает слово)

ПОЛИНА. Чужую женщину.

ЕГОРИЙ. (взял ее за руку) Где мальчика добыла?

ПОЛИНА. Мой студент. Частные уроки давала. Приходилось встречаться в домашней обстановке.

ЕГОРИЙ. Курсы французского?

ПОЛИНА. (смеется) Илюша готовился на филологический.

ЕГОРИЙ. А вот меня не выбрала. Мне не родила.

ПОЛИНА. (нетерпеливо) Не выбрала я не тебя, а вас обоих - тебя и Андрея. Егорушка, переменим тему, дружок. (пытается шутить) Наш роман не стал бестселлером. Мало описаний природы, много

отступлений от основной темы. Последняя страничка перенасыщена сомнительными действиями, к тому же мы ее уже перевернули.

ЕГОРИЙ. Не-а, прикрыли закладкой.

ПОЛИНА. (шутка не вышла.) М-да. Как ты? Преподаешь?

ЕГОРИЙ. Не-а.

ПОЛИНА. Тогда журналистика?

ЕГОРИЙ. Н-н... Да, в общем, неважно.

ПОЛИНА. Какие-то проблемы?

ЕГОРИЙ. Ну... В общем да. Хотя я привык дружить со своими проблемами, извлекать из них толк. Появляется время прислушаться к своему организму, понять, чего же он хочет.

ПОЛИНА. Я помню. Ты уже рассказывал про огурчик. А что же, все-таки, с работой?

ЕГОРИЙ. Работал корректором в “Новой жизни”, наборщиком в типографии, сторожил по ночам “Женскую консультацию”.

ПОЛИНА. Ну, все понятно. Преподавать пойдешь?

ЕГОРИЙ. Это куда же?

ПОЛИНА. В мою гимназию. На мое место, пока я в декрете.

ЕГОРИЙ. (не сразу) Пока ты в декрете. Ну знаешь, такую честь заслужить надо.

ПОЛИНА. Не понимаю твою иронию.

ЕГОРИЙ. Представляешь, какое совпадение. Наш Андрюха собрался в турпоездку и тоже попросил поработать за него. На время отпуска.

ПОЛИНА. Где он сейчас?

ЕГОРИЙ. Газет не читаешь. Редактор “Новой жизни”.

ПОЛИНА. Так принимаешь или нет мое сугубо деловое предложение?

ЕГОРИЙ. Ну это ведь не так просто делается. Надо обдумать, с директором встретиться.

ПОЛИНА. Уже встретился. Я директор. И я тебя беру. У меня проблема с хорошими филологами. (через паузу) Я на этом кресле только год. До этого директором была Зоя, Зоя Николаевна, Илюшина мама.

(Отвернулась, перебирает что-то на столе. Егорий закрыл лицо ладонью.)

Это же здорово - преподаватель литературы - сам прекрасный автор. Я бы твои стихи в школьную программу включила. В них студенчество, мои лучшие годы. А кстати. Я затеяла конкурс эпиграммы, посвятила Пушкину. Учить детей надо на хороших образцах. Знаешь, сколько у меня пишущих детей? Твоя помощь бы очень пригодилась. (поворачивается)

ЕГОРИЙ. (Убирает ладонь с лица, беззвучно смеется. Берет ее за руки и прижимается лбом к ее лбу.) Мы обязательно найдем время это обсудить. Я это обещаю. Правда? (В проеме двери Зоя и Кира с пустой посудой в руках. Выдерживают паузу, обходят их с разных сторон, складывают на стол посуду и так же уходят. Полина с Егорием - соляные столбы. Через пару секунд они, наконец, делают по шагу назад, потом Полина стряхивает со своих рук его руки.)

ПОЛИНА. Вот чего не люблю, так это оправдываться. И никогда не любила.

ЕГОРИЙ. (улыбается) Я это помню.

ПОЛИНА. Я не сделала ничего дурного.

ЕГОРИЙ. Ничего!

ПОЛИНА. Чего это я? Уже оправдываюсь. В общем, о работе подумай. Теперь сделай умное лицо. Сейчас культурная программа - слайды о семеновских садах и монастыре. Вечный проект Киры.

ЕГОРИЙ. (улыбается) Не можешь понять наш альянс с Кирой?

ПОЛИНА. Без комментариев.

(Из кухни выходят по отдельности. Егорий - напрямик в гостиную. Полина держит вазу с яблоками, идет через проходную комнату, видит Илюшу на балконе. Он один. Крепко держится за края обеими руками, колыхается шторка.)

ПОЛИНА. Илья!

(Не слышит. Илюша наклоняется вниз, смотрит куда-то. Полина испуганно бросает вазу вниз. Вдребезги. Илья оборачивается.)

ПОЛИНА. Ты меня специально пугаешь?

ИЛЮША. “Гирей сидел, потупя взор...”

ПОЛИНА. Что-что? (подходит ближе)

ИЛЮША. Вчера ты вошла ко мне в комнату и сказала “Гирей сидел, потупя взор”.

ПОЛИНА. И что?

ИЛЮША. Что ты хотела этим сказать?

ПОЛИНА. Ты всю ночь об этом думал, глаз не сомкнул. Вообще-то это Пушкин.

“Бахчисарайский фонтан”. Отойди от балкона.

ИЛЮША. Стоять на краю балкона - единственный способ обратить на себя внимание собственной жены. Оторвать от гостей, от мобильника, от вечных учеников. На всех тебя хватает, только не на мужа.

ПОЛИНА. Господи, опять...
ИЛЮША. У тебя психология свободной женщины. И ты не собираешься ее менять. Все хочу, все возьму.
ПОЛИНА. Да что ты выдумываешь, Илья?
ИЛЮША. Тигры вышли на охоту.
ПОЛИНА. Мне отчитаться? Только я не поняла за что. Сформулируй. (Илюша отворачивается. Полина гладит его плечи, шею.) Илюша, я ведь хоть немножко, но директор гимназии. Я добровольно приняла на себя эту ношу, и не могу сделать вид, что ее нет. Ты же все видишь. Мы провели вечер поэзии, сколько сил это отняло. Готовим фестиваль авторской песни, ждем гостей.
ИЛЮША. Я так люблю, когда ты дома. (целует ее руку)
ПОЛИНА. Зайка, прошу, не заставляй меня постоянно оправдываться. Это утомляет. У нас с тобой - целая жизнь. Только наша. Давай дорожить нашим спокойствием. Будет очень жаль, если мы слишком быстро устанем друг от друга. (возвращается к рассыпанным яблокам, пытается наклониться, Илюша наклонился быстрее.)
ИЛЮША. Я сам. (собирает яблоки, осколки - в кучу. Полина присела рядом.)
Встань, я сказал. Иди в гостиную. я сейчас. (Полина уходит.)

* * *

Гостиная. Диапроектор настроен, начинается показ. Кира включает диктофон, слышим голоса отца Василия и Киры. Как только выключается свет и появляется первое изображение, народ ищет повод исчезнуть. Егорий уходит на балкон, достает блокнот, что-то с вдохновением пишет. Кира включает свет - за столом кроме нее только Зоя.

ЗОЯ. Что такое? (Кира выключает диапроектор) Кира, в чем дело? Мне очень интересно. Пожалуйста, включи. (Сама выключает свет, включает аппарат. Кира вяло нажимает на клавиши. Пошли кадры - общий вид монастыря, фрески, Волга.)

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Это бывший мужской монастырь - Благовещения Пресвятой Богородицы. И кроме того это был форпост. Охрана государственной границы России. Сосуществовали два значения - пограничный пост и пост на страже молитвы, спасения душ иноков и монахов. Чтобы вы имели представление - два драгунских полка...

КИРА. Это сколько?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Я человек не очень военный, хотя в армии служил. Полк - это порядка полтысячи человек. Драгуны, денщики, конюхи.

КИРА. Постройки были, казармы?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Да, и все это было на территории монастыря.

КИРА. А разве бывает такое соседство?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Вы знаете, сейчас почему -то такие мнения появляются. А раньше это очень сочеталось - воин и воин Христов. Это никогда не было антагонизмом. Почему? Потому что брань в сердце человека происходит каждую минуту, и каждый момент он выбирает между добром и злом. Так вот, за Волгой были народности, которые налетали, грабили, то есть жили воровским промыслом - половцы, ногайцы...

КИРА. Я читала, Стенька Разин был на Волге в 60-70-х годах 17-го века. Монастырь тогда уже был?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Да, был. В этом месте, если Вы заметили, Волга дает излучину, удобную для набегов на купцов, на караваны судов. Раньше считалось - нехорошее это место, бандитское. Излучина реки Кашпирки, удобное логово для бандитов. В частности, у Стеньки Разина здесь была стоянка. Был упадок, был страх перед бандитами. Поэтому Господь послал утешение, явилась людям Федоровская Божья Матерь. Половцев и ногайцев обращали в Православную веру. Прошло время, Уже строилась и укреплялась Сызрань. Монастырь перестал иметь значение форпоста. Сначала вывели драгунские полки, здесь образовалось воеводство. А потом начались церковные реформы 80-х годов 19-го века. Монастырь стал приходской церковью, монахов там уже не было. Несколько человек жили там на пособие от патриарха. То есть на пенсии. Но это еще до революции.

КИРА. А были еще постройки?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Да. Рядом с Храмом была больничная церковь "Усечения Главы Иоанна Предтечи". Вы знаете, люди помнят об этом, на праздник "Усечения..." старушки ходят туда молиться.

КИРА. Когда такой праздник?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Дай Бог памяти... 11 сентября. И на "Благовещение" тоже ходят, но меньше. Весна, все-таки, дорога плохая.

КИРА. До каких пор шли службы в этом Храме?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. В этой церкви молились люди из этого села - оно так и называлось Монастырское, и из соседней Семеновки. Закрыли церковь в 20-е годы. Примерно тогда же

образовались кашпирские шахты. “Комсомольская”, “Ударная”. Взрывали все подряд. Растащили кирпичи как стройматериал...

КИРА. Отец Василий, я Вас благодарю...

(Кира выключает диктофон. Зоя включает свет.)

ЗОЯ. Кира! Почему этот материал не увидел свет?

КИРА. (усмехнулась) Почему? Потому что содержал факты, не имевшие место быть.

ЗОЯ. Как это?

КИРА. Я встретила с редактором “Православной газеты”, он разнес в пух и прах интервью с отцом Василием, сказал, тот слаб в истории, что никакого форпоста там никогда не было и никакие драгунские полки там никогда не останавливались. А потом дал почитать отрывок из “Ведомостей”. Вот, взгляните.

(Протягивает лист. В соседней комнате - взрыв смеха.)

ЗОЯ. Кира, подожди-ка, я скоро. (уходит)

(В общем, все ушли. Сожалею, но читать выдержку из “Ведомостей” придется вам.)

“Симбирские епархиальные ведомости” 15 марта 1900года

“...В восемнадцати верстах от города Сызрани вниз по реке Волге возвышается на полугоре массивный Благовещенский Храм. ...В1711 году царедворец Симеон Константинович Димитриев (прапрадед историографа Н.М.Карамзина) построил на крепостной своей земле приходскую церковь. В следующем 1712 году основал при ней Благовещенский монастырь. Вместо вышеозначенной церкви, вероятно, деревянной, в 1730 году Симеон Константинович построил нынешний каменный Благовещенский храм....

...Вокруг храма - на расстоянии тридцати сажень - была построена высокая каменная стена. По всей вероятности, она служила оплотом при нападении разбойников. Угрожали ей беглые русские люди, имевшие на Волге свои знаменитые притоны, и, частично, - самарские калмыки, ежегодно приезжавшие сюда улусами...

...30 августа 1871 года церковь была посещена российским императором Александром Николаевичем, который со своими родственниками и свитой путешествовал на Кавказ и Крым. В честь этого события на стене храма была прибита медная табличка с надписью о посещении...”

* * *

Лоджия. Все, кроме Киры. Время, близкое к заходу солнца. Общество наслаждается последними лучами, Полина сидит в кресле с закрытыми глазами, стоящий сзади Илюша перебирает ее волосы. Рядом Зоя. Иванна и Регина сидят поодаль, отрешенно смотрят вдаль. Маша в купальнике каждую минуту меняет позы.

Егорий читает вслух стихи из блокнота. Благодарная публика. Счастливый автор.

ЕГОРИЙ. Чаще всего просят почитать из раннего. Кстати, я ничего против не имею. Откопал старые блокноты, самому интересно. Экспромты друзьям на дни рождения. Это даже за поэзию не считали.

МАША. А мне что-нибудь напишете? Ну напишите! (В проеме появляется Кира. Егорий рад ее появлению. С шумом захлопнул блокнот.)

ЕГОРИЙ. Все. Хватит. Нам обещали чай.

МАША. (открыла глаза) Как здорово. А что у нас к чаю? Пирог?

ИВАННА. Пирог были у бабушки. У нас - сушки и сухарики. Насушили на свою голову.

РЕГИНА. (поднимается) Пойду чайник подогрею. Там этот экспонат еще стоит?

КИРА. Убрала. Пейте чай. Кина больше не будет. (Все уходят в гостиную, Егорий остается с Кирой.)

ЕГОРИЙ. Кира, сядь-ка, послушай. (снова достал блокнот, воровато оглянувшись)

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья.

Что вижу я, увы, каков итог -

Ты брошен и забыт без сожаленья.

Приветствую тебя, наш простенький Эдем!

Ты в жизненных волнах нам был спокойной бухтой

Мы предали тебя, продали, а затем -

Все под откос, словно вагон сельхозпродуктов.

КИРА. Ничего себе. Однако Вы осмелели, сударь.

ЕГОРИЙ. А вот еще. (перелистывает)

Иной имел мою Парашу

За свой мундир и длинный ус.

Другой - умел в стихах всех краше

Изобразить служенье муз.

Иной - в беде спешил утешить,

Чтобы себя ТОБОЙ потешить.
Тот - в раболепии склонялся
И смирно бил челом об пол,
Твоим величием наслаждался,
Здрав твой царственный подол...
Скажи теперь, мой друг Параша,
За что твой муж тебя имел?
Уж не за то ли, воля ваша,
Что он именем владел?

- КИРА. Что-о?
- ЕГОРИЙ. (доволен эффектом) Это по поводу пушкинского конкурса эпитагмы. Вместо рецензии отдам Андрюхе в газету. Без подписи.
- КИРА. (встает) Я не поняла...
- ЕГОРИЙ. (удивлен) Что-то не так?
- КИРА. Ты что делаешь-то? (Егорий внимательно изучает текст) Егорий, что в тебе произошло?
- ЕГОРИЙ. (не понимает) Во мне?
- КИРА. (дрожит) Да кто тебе право дал?
- ЕГОРИЙ. (захлопнул блокнот) О Господи, начинается. Право? А его у меня никто не отбирал. Право иметь свое мнение. Кирочка, хороший мой...
- КИРА. (отшвырнула его руку) Дрянь такая! Да как ты смеешь гадить в чужом доме?
- ЕГОРИЙ. Успокойся, Кирочка, сядь. Уж прямо такое волнение! Это всего лишь эпитагма.
- КИРА. Злая эпитагма. Хамская.
- ЕГОРИЙ. (очень спокойно, как непонятливой ученице) Это. Всего лишь. Эпитагма. И еще. Добрых эпитагм не бывает. Эпитагма должна быть точной. И достигнуть цели. И все. Моя написана по мотивам пушкинской.
- КИРА. Что-о?
- ЕГОРИЙ. (невозмутимо) Очень жаль, что приходится объяснять образованной женщине элементарные вещи. Есть у Пушкина эпитагма:
- «Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и пышный ус.
Другой за деньги, понимаю...
- КИРА. (отмахивается) Егорий, замолчи...
- ЕГОРИЙ. Иной за то, что был француз...» Автор дает нам понять, что его героиня насколько, ну скажем, непостоянна в своих привязанностях. Эпитагма была написана не из уважения автора к героине и потому ей прочитана не была. Что не умаляет литературных достоинств этого произведения. Убедил?
- КИРА. Н-нет.
- ЕГОРИЙ. Очень жаль. Впрочем, я, кажется, допустил одну оплошность. Я выбрал не того собеседника. В любой, самой заурядной общественной курилке меня поняли и оценили бы гораздо быстрее. Без всяких бабских обид.
- КИРА. (голос пропал) Я не доросла до курилки.
- ЕГОРИЙ. Легче надо на жизнь смотреть, родной мой. Шлюхе место указал - тоже трагедия!
- КИРА. Полина тебе отравила жизнь? Ты ей только что руки целовал!
- ЕГОРИЙ. О, да мы, кажется, заревновали! Кирочка, уверяю тебя, абсолютно нет повода!
- КИРА. Я ревную? Кого?
- ЕГОРИЙ. Ты, ты! (схватил ее в охапку, покружил, поставил.)
- КИРА. Прекрати!
- ЕГОРИЙ. Ну, знаешь...
- КИРА. Значит так. Полине скоро рожать. Если ты посмеешь...
- ЕГОРИЙ. Угу, рожать. От кого на этот раз? (Лихо берет сигарету, закуривает) От меня дважды не родила, от Андрея... От Андрея только раз. А может, наоборот - только раз от меня и дважды от Андрея - мы экспертизу не проводили. Подумать только! Директор гимназии, ешкин корень! Апполинария Петровна! Богема бульварная. Поработать у нее, пока она в декрете! Она доверяет мне! Она не против! (смеется) Она! Не против!
- КИРА. (спокойно) Вон отсюда.
- ЕГОРИЙ. (терять нечего) Это ты мне? Смешно. Копья ломаешь... Я не думаю, что она из-за тебя так же изводилась бы. (складывает по карманам блокнот, сигареты)
- КИРА. Уходи.
- ЕГОРИЙ. Как скажешь.
- КИРА. С билетами разберешься?
- ЕГОРИЙ. Разберусь. (отдергивает шторм, там Илюша. Напряженный, возбужденный.) Немая сцена. Доиграй ее сам, ладно? Я в песочек уже не играю. (Пытается выйти, Илюша неловко хватается

его за рукав, Егорий спокойно убирает его руку, Кира уходит с балкона. Егорий достает блокнот, отрывает исписанный лист, небрежно засовывает его в Илюшин карман. Уходит, увидел домочадцев, засуетился, украдкой зашел в соседнюю комнатку. Илюша читает эпиграмму, кладет на стол, прерывисто дышит, наконец, его прорывает. Он громко плачет, закрыв лицо руками).

ИЛЮША. Господи, за что? Мама, за что? (Проходит Регина с большим заварочным чайником. Услышала всхлипы, рванула к Илюше, поставила чайник на столик)

РЕГИНА. Илюша, что такое? Что случилось?

ИЛЮША. Полина...

РЕГИНА. Полина? Там, чай пьет. Что Полина?

ИЛЮША. Полина... Беда у нас, Регина Ивановна.

РЕГИНА. (резво) Что на этот раз?

ИЛЮША. Она... она мне неверна. Она оставит меня. Помогите... Сделайте что-нибудь... Беда случится.

РЕГИНА. Та-ак! Опять! Мне это уже надоело! (тяжелым шагом уходит, приводит за руку смеющуюся Полину. Та ничего не понимает. Регина закрывает за собой дверь, после этого размашисто хлещет дочь по лицу. Полина испуганно кричит. Илюша скрывается на балконе.) Проститутка! Мне твои романы уже поперек горла! Тебя в тридцать пять мужик соизволил замуж взять! Молодой, негуленький! Кого ты еще завела?

ПОЛИНА. (рыдает) Мама, перестань!

РЕГИНА. Кого, я спрашиваю?

ПОЛИНА. Я... я не знаю! Пусти меня! (Регина схватила пучок Полининых волос и отшвырнула дочь. Та пролетела через комнату и упала на пол. После чего Регина зарыдала сама.)

РЕГИНА. Что нам, бед не хватает? Уже пришла одна! Для тебя старалась, чтобы наконец-то, у тебя все стало как у людей! Глупая! Хочешь, чтобы все окончательно

развалилось? (Вбегают домочадцы. Через секунду Зоя всех выпроваживает. Показывает рукой, чтобы Регина тоже вышла. Та сопротивляется). Полина, я же мать тебе! Правильно, мать плохая. (плачет) Да где ж мне вас, директоров, понять!

ЗОЯ. Регина Ивановна, пожалуйста, выйди! (Выводит Регину, закрывает дверь, бежит к Полине, поднимает ее с пола. Та горько плачет) Все, успокаивайся. Где больно, покажи.

ПОЛИНА. (жалобно) Вот здесь.

ЗОЯ. Ужас. Дикость какая. Что тут у вас случилось?

ПОЛИНА. (помолчав) Зоя, неужели мне и перед тобой оправдываться?

ЗОЯ. Как хочешь, не оправдывайся. Как живот? (достает расческу, причесывает перепутанные Полинины волосы.)

ПОЛИНА. (перестает плакать) Еще не знаю. (осторожно обнимает живот) Малышечка моя. Растревожили мое солнышко.

ЗОЯ. Зайдем сейчас проверимся. Сама дойдешь или машину вызовем?

(Смотрят друг на друга. Полина отводит взгляд.)

ПОЛИНА. (помолчав) С Егорием я училась в университете. На втором курсе даже хотели пожениться. Были молодые, наглые, без тормозов. Жили одним днем, то любовь до одури, то разбежались навсегда, то фестиваль авторской песни - и опять запели дуэтом. Все бывало, но все искренне, ни вранья, ни камня за пазухой...

ЗОЯ. Я это поняла.

ПОЛИНА. На кухне?

ЗОЯ. Раньше. Как только вы увиделись. Вот только посмотрел он на тебя как-то плохо. У меня даже сердце защемило - что-то произойдет.

ПОЛИНА. На третьем курсе я познакомилась с его другом Андреем. (помедлив) Понимаешь, в студенчестве дружишь с сексом как с хорошей стихотворной строчкой. Как...ну не знаю, с хорошим вином, с китайским чаем. Как же, гурманы! (Зоя поднимает оброненный листок, читает) Стали встречаться с Андреем, потом начались эротические фантазии втроем. Я даже не выбирала между ними. Мне было комфортно с ними обоими. Комфортно и надежно. Домострой остался дома. А у нас был свой кодекс. Мы не мешали друг другу жить. Учились, писали, пели... А пришло время - разбежались. (в порыве) Зоя, милая, все осталось в прошлом. Но Егорий - профессионал, абсолютно надежный человек, он мог заменить меня на время. Умница, а какой автор! Его песни гуляли по городу, их пели на всех тусовках, Зоя, дивные песни! Помнишь, такую

“Катится лето среди облаков,

Бахромою дождей окутав.

Северный город,

И лепет и шорох наполнят утро...”

Ты помнишь? Ведь это его песня, а многие пели, не зная, кто автор. Зоя, студенчество - это допинг на всю жизнь. (разнесло) Что бы в жизни ни случилось потом... (Зоя протягивает ей листок и отходит в сторону. Полина машинально читает, застывает.) Что это, Зоя? (нервный смешок) У моих

детей серьезный конкурент. (читает еще раз) М-м-м-угу... «Картошкой с редькой заросли сады и рощи... И властью денег...» Если это эпиграмма, то она явно длинновата. Середину убрать, по-моему, хуже не будет. Теперь вторая.

ЗОЯ. Ладно, Полинка, сменим тему.

ПОЛИНА. Вторая. М-м-м... «Иной в беде спешил утешить, Чтобы себя тобой потешить...» Это он про себя? Он был заботливый, преданный – вытаскивал из депрессий, помогал с конспектами, отпаивал теплым молоком в простуду... «Твоим величием наслаждался, Здрав твой царственный подол...» Ну хотя бы тут не наврал, подол у меня на самом деле был царственным. (нашла силы посмотреть на собеседницу) Ну почему, Зоя? Что я ему сделала? Мы же не враги друг другу... Я ему не мешала... я никому не помешала.

ЗОЯ. Я знаю.

ПОЛИНА. Я заняла это место, но я никого не ублажала, ни под кого не копала... Боже мой...

ЗОЯ. (взяла ее за плечи) Не отчитывайся, все помню. Ты молодец, девочка. Я тогда на педсовете говорила и сейчас повторю. Ты педагог, лидер, настоящий профи, именно такой свежей крови нам не хватало. Но, дорогая моя, ты не там друзей ищешь.

ПОЛИНА. (пристыжена, глотает слезы) Я думала, мы друзья... я так думала...

ЗОЯ. Ты - чужая жена. Чужое хозяйство. Чужая казна. Большой соблазн человеку посредственному подойти и хапнуть то, что плохо лежит. Тем более, что уже хапал это раньше.

ПОЛИНА. Хапал это раньше. Господи, неужели я заслуживаю эти слова?

ЗОЯ. (старается развеселить) Тебе слишком часто везло, Апполинария Петровна, я понимаю, проигрывать ты еще не научилась. А тут хлопнули по заду и вышвырнули в лакейскую. Первый облом. Обломом? Кстати, Илюша тоже пишет стихи. Говорят, неплохие.

ПОЛИНА. Да, Илюша тоже пишет стихи.

ЗОЯ. Извини, вернула на землю. Кажется, ты не очень рада.

ПОЛИНА. Ты прекрасно знаешь, что Илюша подарил мне лучшую страницу моей жизни - материнство. Я и сейчас не могу поверить, что это произошло.

ЗОЯ. А замуж за него почему не идешь?

ПОЛИНА. Прости, Зоя, я считаю этот брак ошибкой. До сих пор.

ЗОЯ. Да неужели так безнадежно?

ПОЛИНА. Всякий раз, когда я принимаю решение расстаться, он встает на край балкона. Только поэтому мы до сих пор вместе.

ЗОЯ. О Господи!

ПОЛИНА. Самая важная заповедь в семье, на мой взгляд – это “не играть на нервах”. Я ничего не прошу от мужчины, лишь бы... Словом, он контролирует меня днем и ночью, звонит мне во время педсовета, цитирует мою позавчерашнюю фразу и требует подробных объяснений, что я хотела этим сказать. Он постоянно жалуется моей маме, звонит ей, и оба вправляют мне мозги. А потом он удивляется, почему я не горжусь его любовью.

ЗОЯ. Я не знала... Почему ты не говорила?

ПОЛИНА. У тебя много своих проблем. Из всех детей, которым я преподаю, Илюша самый капризный и несамостоятельный.

ЗОЯ. Полинка, этот ребенок тебя любит. Как умеет, так и любит.

ПОЛИНА. Я обломалась, Зоя. Я возмнила себя вечным двигателем. Ищу точку опоры, чтобы перевернуть мир. Зоя, милая, я не умная, не прочная, мне плохо и Илья мне не защитник. Я не могу больше жить с ним. Прости меня. (прошла по комнате, машинально пробежала глазами текст эпиграммы) А кстати, эпиграмма хорошая. Не родился еще человек, который был бы безумно рад эпиграмме на себя, правда? (вдруг) Как жаль, что мы продали дом! Как же там было хорошо! Дом на отшибе, никакой цивилизации. Привести в порядок мысли и пожить простой жизнью.

ЗОЯ. С удобствами во дворе.

ПОЛИНА. За огородом. С сельмагом за тридевять земель. Думаешь, если деловая женщина, значит, печку не затоплю?

ЗОЯ. Да тебе сейчас только печку топить. Ну ладно, В доме так в доме. Поживем там с тобой до рождения ребенка, а там видно будет. Одну я тебя не отпущу.

ПОЛИНА. Куда? Дом продан.

ЗОЯ. Ага. Моей маме.

ПОЛИНА. Как твоей маме?

ЗОЯ. Мама не хотела афишировать свою покупку. Соскучилась по земле. Она ведь тоже волжанка, была сельской учительницей. Запросилась на родину. Я объясню ей. Она поймет.

ПОЛИНА. (вскочила) Зоя! Это невероятно! Дом наш? Дом снова наш? И огород, и качели! А Илюша?

ЗОЯ. Поживет с бабушкой в нашей квартире. Без нас. А повзрослеет, позволим приехать к нам - рубить дрова и таскать воду. Не бросай его, Полина. У вас все получится. (Полина вытерла глаза. Уже вечерело. Темно-синий вечер за окном, желто-оранжевый абажур в комнате... Полина

вышла в лоджию. Из другой комнаты туда же вышла Кира, боковым зрением почувствовала Полину и шагнула назад. Боковое зрение есть и у Полины. Оглянулась и не окликнула. Несмотря на титанические усилия автора – они, все-таки, не подруги. Уж как только не придумывалась эта сцена! Две «кинутые» бабы. Поплакавшие, простоволосые, ненакрашенные. В их судьбах «наследил» Егорий, но они «выше личных обид». Переглянулись, сорвали с висячих грядок по помидорке, почавкали, икнули и с надрывом в голосе решили, что мужики не стоят их слез. Нет, решила автор, не в тему. Лучше так. Полина поняла, что недооценивала писательские труды своей кухни. Сидели в лоджии, слушали диктофон, потом Полина приглашала Киру в какой-нибудь очередной литературный проект. Еще бы немного, и героини, заламывая руки, перебивали бы друг друга: «Только не надо меня жалеть!» «Прости и пойми!» «Прощу, не надо лишних слов!» «Бог простит!»

Нет, девушки, не справилась я с вами. В общем, так. Сегодня отдыхайте, а завтра одна из вас позовет другую на Волгу. Полежите на песочке, там и разберетесь. А сейчас в соседней комнате Ивана ждет дочь. Продолжается разговор, с которого, видимо, начинался у них каждый отпуск.)

ИВАННА. А на работе как у тебя?

КИРА. (встала у окна) Нормально.

ИВАННА. Денег хватает?

КИРА. Их никогда не хватает.

ИВАННА. (помолчав) Платье дошила?

КИРА. (повернулась) Какое платье?

ИВАННА. В прошлый отпуск кроили вместе.

КИРА. Я... не помню. Мы что-то кроили? (пошла по комнате туда-сюда)

ИВАННА. Присядь. Углы считаешь.

КИРА. Мама, я думаю, это произошло бы, рано или поздно.

ИВАННА. Жалко, что произошло так рано. Вы вместе хорошо смотрелись.

КИРА. Мама, все в нем не мое. Руки, которых не хочется касаться, запах, который не хочется вдыхать. Чужой, не родной. (смотрит на Иванну)

Я не оправдала твоих надежд.

ИВАННА. Мы скроим еще одно платье. Я шью не хуже Регины.

КИРА. Коротенькое. Без кринолина и вуали. Обязательно сошьем! Мама! Пойдем домой.

Я так устала. Буду спать долго-долго. И подольше бы не просыпаться.

ИВАННА. Да. Задержались мы что-то в гостях. На воздух хочется.

КИРА. На очень свежий.

ИВАННА. Пойдем через парк. (встала с тахты)

КИРА. Лучше по набережной. (оживилась)

ИВАННА. В парке сейчас фонари...

КИРА. А я сейчас за Волгу смотрела. Там так хорошо!

ИВАННА. Ну как знаешь. Кофту возьми.

(В коридоре наткнулись на приунывшую Регину. «Пошли мы. Пора нам.» «Уже?» «Прорвемся, сестренка», - проговорила Ивана интонацией «все там будем». «Щас», - ответила Регина. Осторожно отворила дверь, полоска света высветила Зою и Полину. Несколько секунд стороны изучали обстановку.)

РЕГИНА. (нежная мама) Есть предложение прошвырнуться, проводить любимых родственников. Только возьми ветровку, доча, комарья полно, пойдем берегом.

ЗОЯ. (Полине) Идем. Я возьму все необходимое. (встает)

ПОЛИНА. (раскрыла руки как крылья и покружилась) Я так хочу на берег! (идет к двери, сзади, у балкона возникает Илюша.)

ИЛЮША. Полина! (Зоя оглядывается, закрывает дверь перед носом Полины. Птица опустила крылья. Илюша и Полина одни.)

ПОЛИНА. (не удивлена его появлению. С улыбкой подходит ближе.) Да, дорогой.

ИЛЮША. Фух! Все не то и не так. Я ведь хотел, чтобы просто ты знала...

ПОЛИНА. Я слушаю.

ИЛЮША. Вы уезжаете с мамой. Может, нам и надо пожить врозь. Какое-то время. Мне так трудно, ты ведь знаешь...

ПОЛИНА. (просто) Знаю.

ИЛЮША. Мне трудно, но может быть со временем я смогу тебя простить... (Достает из-за спины коршок с кактусом. Полина смеется, гладит его по щеке, берет горшочек, поворачивается и уходит. Чуть позже уходит Илюша. Несколько секунд сцена пустая. Перебор гитарных струн. Узнаем мелодию начала действия. Медленно открывается дверь маленькой комнатки, оттуда выкатывается мячик. Потом выходит Егорий. Очень серьезно смотрит на мячик, поднимает его, гладит, как котенка, снова опускает на пол, тот катится. Егорий оборачивается на дверь комнаты, откуда только что вышел, протягивает руку, идет навстречу кому-то. Скрывается в комнате, через секунду возвращается,

МАША. (зараза такая) А знаешь, есть потрясное средство от депрессии. От скуки. От тараканов в голове. Ты экстремалом не увлекался?

ЕГОРИЙ. Кем-кем?

МАША. С парашютом не прыгал? С крыш по веревке не спускался? На мотоцикле через ямы не скакал?

ЕГОРИЙ. Нет, не посчастливилось.

МАША. Когда-нибудь надо начинать. Сейчас мы спустимся с тобой с нашего седьмого этажа по веревке. Только быстренько, а то Вовка заждался.

ЕГОРИЙ. (растерялся) Как - по веревке? Зачем?

МАША. С завязанными глазами.

ЕГОРИЙ. Боже...

МАША. Придет потрясное чувство свободы, уверенности в себе. Потом – горы свернешь!

ЕГОРИЙ. Маша, а вот если бы, например, через дверь... А потом - по лестнице и - в Семеновку.

МАША. А ты, вообще-то, башкой вниз нырять собирался. Что, уже страшно стало? (смеется над ним) Как хочешь, Егорий. Можешь через дверь. (Достала откуда-то сумку-кофр, оттуда - веревку. Уверенно - не первый раз - привязала ее к краю балкона, вернулась в комнату.)

ЕГОРИЙ. Маша, тебе тоже не надо бы. Что за игры с веревками?

МАША. Так. Я ведь чего зашла-то - захватить музыку в дорогу. У Вовки ничего нет. Тут у Киры были какие-то кассеты. (Находит где-то диктофон, включает - чьи-то голоса, ставит кассету на другую сторону - опять "говорильня"). Облом. Кирины материалы. Ладно, переживем. (Оставляет диктофон включенным, идет на балкон, шарфиком повязывает глаза. Егорий в тревоге идет за ней.)

ЕГОРИЙ. Но ты же понимаешь, что я тебя не отпущу.

МАША. отошел от меня!

ЕГОРИЙ. Хотя бы повязкуними! Маша!

МАША. Смотри и запоминай. Спустишь - свистну. Значит, уже можно. Но не раньше. И дальше - делай, как я. (И полезла через лоджию. Егорий наблюдает, как парализованный. Через несколько секунд - свист. Егорий вздрогнул, ожил, засуетился. Ему страшно. Сделал несколько шагов в комнату - опять свист - он замер, обреченно вернулся на место. Осмотрел комнату, нашел чей-то шелковый шарфик, со злостью встряхнул его и завязал глаза. Приоткрыл повязку, посмотрел последний раз на комнату, такой он ее и запомнил - полоска света, легкая шторка и вуаль на свадебном платье дышат вместе с ветерком. Комната наполнена уютом и покоем. Боль ушла. Егорию самому захотелось уюта и покоя. Захотелось за город, на дачу... руки уже ныли... Где на стареньком диване рождались ленивые строчки и с болью осознавалось, что юность, кажется, уже тоже сделала реверанс и "поблагодарила за танец". Вот-вот за ней закроется дверь и останутся только воспоминания, в которых были планы, амбиции, были стихи... надо отдышаться... Была Полина, как теперь оказалось, самая любимая... А на столе остался включенным диктофон. Звук становится громче. Мы слышим несколько фраз. Наконец, освещается другое жилище. Кухня. Анастасия Михайловна, женщина лет 70-ти, варит варенье. Кира сидит на стуле верхом и слушает, затаив дыхание. Несколько последних диктофонных фраз повторяются "в живом исполнении"). Анастасия Михайловна. Кирочка, ты такой путь проделала, я, наверное, тебя разочарую. Я сама родом из села Панышино. Это рядом с Семеновкой. А вот в селе Монастырское я не была никогда. Давно, до войны, я плыла на пароходе в Сызрань, проплывали мимо стен монастыря. Стена была большая, а вот домов в селе почти не осталось, так, три-четыре двора.

КИРА. Церковь уже не действовала?

Анастасия Михайловна. Нет, конечно. Это было где-то в 39-м году. К нам в Панышино ходили в школу из Семеновки. У них только четырехлетка была. Подружка у меня была оттуда, за Чугурами жила. После войны Семеновку ликвидировали.

КИРА. А что это - Чугуры?

Анастасия Михайловна. Чугуровка - гора такая.

КИРА. У гор еще и названья есть? Анастасия Михайловна. А как же? У нас в Панышине - Буланиха, это как на Калиновку ехать. Как на рябину ехать - гора Малинов сырт. А была еще гора Жеребеиха. Они такие меловые, их с Волги хорошо видно. И там, между прочим, в этих горах везде сады были. Сады у нас росли на глине, на камнях. И такие сады были – вековые! И что там только не росло! А вишни сколько было! Туда и сейчас ездят. Село наше было богатое, помещиков не было, делили все на душу. И у каждого двора было по три-четыре сада. Община сложилась - винзавод свой был. Я маленькая была - грамоты видела - наш винзавод их получал на выставках. Словом, кто работающий был, хорошо жили. Потом столько людей раскулачили!

КИРА. Что случилось потом?

Анастасия Михайловна. Сады объединили в колхозы. Винзавод тоже стал колхозным. А после войны и завод закрыли, и за садами ухаживать стало некому. Так они и брошенные. А ведь до войны - ферма

племенная, молочная, конезавод был, маслобойка, рыбозавод. Никто не захотел за палочку работать. Все подались в город. Так и развалили село. Мы своего дома лишились. Ввели Балаковскую ГЭС в 67-м году, нас всех выселили.

КИРА. Вас задела Волга? Анастасия Михайловна. Она нас почти не задела. Мы потом приезжали, там бурьян один, Волга далеко, мы хотели вернуться, а нам не разрешили. Даже пригнали Бульдозер, он развалил все, чтобы мы, не дай Бог, в свои дома не заселились. А разве можно так делать - ведь это дом родной! Мы среди этого завала нашли валун - он перед нашим домом был, сели с дочкой, поплакали, а потом уехали в далекую квартиру, а наш родной сад зарос бурьяном.

КИРА. А сейчас там, в Паньшине, живут кто-нибудь? Анастасия Михайловна. Пенсионеры, беженцы. Вот Регина там живет Францевна, старенькая уже, лет восемьдесят, наверное. Тетю твою хотели Оленькой назвать, но вот заболела, послевоенный ребенок, думали, не выживет. А выходила ее Регина. Козьим молоком ее отпаивала. Так и назвали ее в честь няньки Региной. Взяли бы да навестили. Как бы она обрадовалась!

КИРА. Анастасия Михайловна, а почему маму Ивановой назвали? Столько версий... Анастасия Михайловна. Да сына ждали, потому и назвали. Решили, пусть дочка будет Иванушкой. Вдруг и следующие будут дочки. Так и получилось. Кирочка, как давно я не видела ваших девочек, моих давних подружек. Иванна с Региной, Катенька маленькая была. Такие они дружные были! Самая дружная их семья была на улице. Не ссорились никогда. Дуни вот не стало, бабушки вашей, но дом уж не продавайте. Встречайтесь там. Привет им большой. Вот сюда можно сказать? (встала перед диктофоном) Дорогие мои, пошлю вам с Кирочкой варенья. В гости приезжайте. Не виделись лет двадцать. Берегите друг друга, девочки, и дай вам Бог всего, всего... (Использованы цитаты из А.С.Пушкина, песня и эпиграммы А. Зубкова.)

Алексей КАРПОВ

ТАЙНАЯ ГРУСТЬ

Нет, светлей берёзы
Под моим окном,
Что порою слёзы
Льёт свои тайком.

От того, что часто
Ветер косы рвёт,
Что она в ненастье
В избу не войдёт.

Что зимой холодной
Стынет у окна
Без накидки модной,
И совсем - одна.

Жаль берёзы светлой
Под моим окном.
С нею безответной
Я грущу тайком...

Алексей ВУРДОВ

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ЛОСИХА С ЛОСЁНКОМ И МЕДВЕДЬ

(рассказ)

К утру огонь полыхал широкой дугой между лесными буграми и озером Югд ты. Западный ветер всё сильнее раздувал верховой пожар. Кругом гудело, трещало и скрежетало. Безжалостное пламя пожирало всё на своём пути. Молодые сосны вспыхивали, как свечки, в одно мгновение. А

мохнатые вековые ели, не выдерживая огненного натиска, прерывисто трещали сотнями петард, как бы выбрасывая в стороны горячие «хлопушки».

После огня обугленный лес скрипел и с грохотом ронял обгоревшие деревья. Огненные змейки кое-где перебежали меж поверженных стволов, еще не потухшие угли алели повсеместно, Обугленные корневища причудливо переплетались тут и там.

И вдруг сквозь дымчатую пелену посредине озера прорезался силуэт брюхатой лосихи. Спасаясь от огня и дыма, она забрела в воду. Тяжело дыша, фыркала и беспокойно озиралась вокруг слезящимися глазами. Тёмно рыжая спина парилась от пота. Через какое-то время, лосиха успокоилась, выбралась на мелководе и улеглась на бок. Длинные настороженные уши часто шевелились, вслушиваясь в затихающие звуки уходящего пожара. Казалось, огненная стихия всесильна. Но сила жизни, заложенная природой в организм матери, помогла лосихе преодолеть её. И сейчас, когда опасность миновала, инстинкт самосохранения не позволял будущей матери расслабиться, не смотря на измождённость.

В урочный час она опросталась, вылизала лосёнка шершавым языком, дождалась, пока он встал на разъезжающиеся ножонки, подтолкнула головой к набухшему вымени...

Всё лето лосиха с подрастающим лосёнком мирно обитали на северной стороне в верховьях Йирвы. Окрепший телёнок уже имел представление о таёжных обитателях, научился преодолевать буреломы, топкие болота и водные преграды, избегать встреч с хищниками. А главное – находить подходящий корм.

Уроки заботливой мамы не проходили даром. Каждая излишняя шалость тут же наказывалась материнским тычком. На одном из переходов лосёнок напоролся на острый сучок. Рано на боку воспалилась и заживала медленно. Тогда лосиха заставила лосёнка поваляться в грязи, - и вскоре подсохшая корочка затянула рваный след, а там он покрылся шерстью.

Как-то неожиданно-негаданно они сошлись с другой лосиной парой. Поначалу обе пары держались поодаль. Взрослые фыркали, ревниво поглядывая на телят. Но на опушке лосята оторвались от мам и стали играть, подпрыгивая друг перед другом. Вскоре одна из лосих отважила своего, и пары порознь спустились к озерцу, в котором устроили купание. А потом мирно разошлись.

Лосиха и лосёнок продолжили путешествие по белым борам. Лосёнок приучился есть сыроежки, подосиновики и даже вслед за матерью отведал красных мухоморов, которые показались ему горькими... Трое суток бродили они по суховатому ягелю, время от времени пощипывая его хрупкие веточки. Нравилось лосёнку переваливаться по мху с бока на бок, он даже пытался мать вовлечь в подвижные игры. За их забавными потехами наблюдал, цвиркая, полосатый бурундук.

Рано или поздно в природе всё меняется. Ночью захолодало, задул сильный восточный ветер, который постепенно перешёл в северный. Небо закрыли тяжелые свинцовые облака. Под утро сплошной "стеной!" пошёл дождь. Постепенно он поредел, но шёл долго и нудно.

Лишь через три дня лоси покинули ельник, в котором укрывались от непогоды, и пошли на юг вдоль болота.

В одном месте мать учуяла следы медведя. Опрометью лоси кинулись в сторону от медвежьей тропы. Но косолапый не дал им ускользнуть. Мать упорно подбадривала малыша, но силы его иссякали и вскоре он еле-еле переставлял тонкие ноги. Вынужденный отдых не сулил им ничего хорошего. Лосиха, как изваяние, стояла над детёнышем и настороженно озиралась. Долго ждать не пришлось...

Огромный зверина вырос перед лосями как из - под земли. Переминаясь на задних лапах, он рывкнул и с прыжка совершил круг устрашения. Испуганный лосёнок жался к ногам матери. Вытянув вперёд голову, лосиха готова была встретить отпором любое движение хищника. Медведь сделал несколько угрожающих бросков вперёд, пытаясь нарушить их единение, разделить их друг от друга. Но нервы у копытных выдержали, они выстояли, а косолапый на этот раз вынужден был смириться и отступить. Напоследок он зловеще рывкнул: дескать, погодите, я ещё доберусь до вас. Устрашающе встал на задние лапы и скрылся в ельнике.

Лоси же быстро сиганули на открытую вершину бугра, там мать облизала-обласкала взмокшее тельце лосёнка и улеглась рядом с ним. До ночи отлёживались они, а там пошли на юг по крайку болота подкормиться.

Кто знает, как сложится судьба у лосёнка: заломает ли его в дебрях другой медведице, или вымахает он в такого гордого и сильного зверя, который копытом перешибает ствол средней берёзки и не против потягаться даже и с медведем.

БОГ СОЛНЦА (рассказ)

Двое суток ушло на подъём по Йирве. Я приткнулся к берегу у старицы, которая меня заинтересовала прошлой зимой. Тогда я тропил кидуса – помесного зверька

куницы и соболя, которого по глупости упустил из дупла, и вышел к загадочному водоёму. Узкая старица шириной метров семь в срединной части имела округлую полынью. Из её глубины с бульканьем вылетали пузыри, вверх поднимались клубы пара. Радужные гирлянды инея украшали пониклые ветви берез...

Подойдя поближе заметил, что в открытой воде просматривается каменистое дно с желтоватым оттенком. Это меня заинтересовало, но короткий зимний день заставлял поторапливаться.

... И вот я вновь здесь. Подтащил лодку повыше, набросил на плечи лямки рюкзака и пошёл к старице. Пройдя какую-то сотню шагов, вышел на пологий мшистый берег лесного озера. На этой стороне высились ели и березы. На той – обрывистой – росли лиственницы и сосны. Радужные струи подземных ключей омывали белёсые известняковые склоны и стекали в озеро. В толще воды солнечный свет преломлялся перламутровым оттенком. Вслушиваясь в звенящую тишину, услышал всплеск рыбы. Попробовал что-то выудить на самодельную удочку с личинкой на крючке, но безрезультатно.

И тут на противоположной стороне заметил тёмный вход в подводную пещеру. Любопытство было настолько велико, что я разделся до трусов и залез в озеро. Поднырнул вниз, проплыл под водой через узковатый ход пару метров и вынырнул в полутемной пещерке. От ломаной трещины сбоку пробивался узкий луч света. Всмотриваясь в подсвеченную им вогнутую стену, увидел и ощущал круговую борозду. Сначала немного опешил, потом осенила догадка: а что если это творение рук человека?.. Круг да еще по сторонам – короткие лучи... Образ солнца, которому поклонялись древние?! Что-то похожее я уже встречал. И тоже – в лесах Йирвы.

Стало как-то не по себе. Тем более, что затхлый, припахивающий привкусом миндаля воздух не располагал задерживаться в подводной пещерке. Всё же прощупал руками стену, но никаких других рельефов не обнаружил.

Вынырнул. Отдышался. Вплавь, цепляясь за камни и скользкие топляки, обследовал береговую линию почти до конца. Ничего примечательного больше не увидел. Обсох. Одедся. Развёл костерок. Наспех перекусив, стал обходить прилегающие бугры. У болотца переполошил глухариный выводок. Птенцы-глупыши неуклюже взлетели и, бормоча, расселись по ближайшим деревьям. Я хлопнул в ладоши, - и они шумно разлетелись.

В низине зеленомошье было усыпано россыпью крупной спелой морошкой. Попасся, отправляя сочные ягоды то в рот, то в котелок. Пожалел, что нет со мною ведерка – в полчаса набрал бы полное.

... С легким сердцем покидал я этот райский уголок. Может быть потому, что древний Бог солнца благословил меня хранить замшелую тайну предков. Протяжным свистом провожал меня огромный орёл, зоркий хранитель спокойствия окружающих мест, с вершины корявой лиственницы. У родничка я испил из ладоней ледяной водицы, сорвал и положил меж страниц блокнота голубой цветок трепетной незабудки.

РЫЖАЯ ПЛУТОВКА ИСПОРТИЛА ОХОТУ (рассказ)

Светало. Я сидел в шалаше и курил. Тетерева не появлялись. Съёжившись от холода, не заметил, как уснул. Глаза раскрыл, когда свалился боком на стенку шалаша. Громкое «Чуф-ы-р-р! Чуф-ы-р-р!» – раздалось совсем рядом. Приподнявшись, увидел, как отбегала от шалаша тетёрка, а поодаль кругами расхаживали «расфуфыренные» петухи, распушив хвосты. Драчуны подпрыгивали и горланили, улюлюкая, вытянув книзу шеи и оттопырив крылья. Ярко-красные брови, распухшие от «бравады», словно сигнальные фонари, мелькали на белом фоне «поля битвы». С соседних берёз, перелетая с ветки на ветку, наблюдали за ними молодые птицы. Некоторые подсаживались на площадку, но тут же, трусливо убегая, взлетали обратно. Старые косачи горделиво обхаживали серую тетёрку, которая, то и дело убегая от них, спотыкалась и кудахтала.

Осторожно просовывая ствол ружья сквозь ветки, затаив дыхание, я уже подметил двух драчунов, прыгающих на одной линии. Только успел выстрелить, как сбоку несколько птиц разлетелись по сторонам. После этого с земли одновременно поднялись два косача и уселись на деревья. Всё разом смолкло. Курлыккая на дереве, всё же нашёлся смельчак, который продолжил свою песню. Но не тут-то было. Тетёрка сорвалась с ветки, за ней – ещё несколько птиц разом покинули насиженные места. Остались сидеть шагах в сорока лишь два косача. Прогремел мой выстрел, - и один из них свалился под дерево, второй – перелетел на соседнее...

Перезарядив ружьё, я успел и его свалить очередным выстрелом. Затем вышел из шалаша, собрал трофеи, сложил их в рюкзак и покинул токовище.

Довольный охотой – удача была на моей стороне – я шел по знакомому лесу и радовался жизни.

... Через три дня резко потеплело. Осевший снег ухудшил лыжню, - и я несколько раз проваливался в ямы. Залёг в шалаш и с волнением стал ждать новой встречи с удивительными птицами. На этот раз они прилетели откуда-то с западной стороны. Было ещё темно и лишь приглушенное улюлюканье выдавало их присутствие. Шумное похлопыванье крыльями подсказало, что птицы спорхнули на площадку. Глаза, привыкшие к сутеми, начали различать чёрные силуэты на голубом снегу. Сначала робко, потом бойчее и громче запели два косача. Видно было, как забегали, петляя, две тетёрки. Вокруг них сразу же появились «ухажёры». На деревьях еще три косача стали курлыкать, раскачиваясь так, словно бы собирались нырнуть вниз.

Но что такое?.. Неожиданно с земли взлетели вверх все птицы. Лишь свист крыльев обозначил направление их лёта. И тут невдалеке от меня нарисовалась лиса, которой не удалось задушить взлетевшего матёрого косача. Она остановилась, помахала хвостом и исчезла в еловой гуще. Рыжая чертовка испортила мне охоту, но не настроение. Я чертыхнулся, встал в полный рост, не солоно хлебавши, спокойно отправился домой. Запахи весны, талого снега, просыпающейся хвои будоражили мою душу.

Алёна СКУЛЬСКАЯ

* * *

Я опять брожу устало
По опавшим листьям -
Осень вновь меня застала
По пути на пристань.

Не успела я не много -
Ливень был виною.
Убежать бы – не дорогой,
А шальной волною.

До воды бы лишь добраться,
Дальше – будь, что будет
Дай мне с силами собраться -
Не с тебя убудет

Только осень вновь застала
По пути на пристань.
Я опять брожу устало
По опавшим листьям...

Николай ТЕРЕНТЬЕВ

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

«МИШЕНЬКА, ЭТО НЕ Я СТЬРЕЛЯЛ!..»

(рассказ)

На днях я приехал с вахты. Лес за Якшей заготавливаем. Стал там свидетелем забавного случая. Где-то в начале апреля наши вальщики обнаружили берлогу медведя. Вечером двое молодых парней, не стану называть фамилии, решили взять хозяина тайги. Мы все их отговаривали. Они – ни в какую. Два стареньких ружья у нас было на всякий случай – нередко волки посещали зимой. Нашу собачку ещё в начале декабря они унесли. Да и глухарика на обед иногда не мешает подстрелить.

А вообще, скажу вам, эти глухари – странные птицы. Пилы визжат, тракторы тарахтят, а они сидят на макушках елей, только головами крутят. Иногда налетит их столько, что десятка четыре можно насчитать с одного места.

Короче, рано утром попросили меня охотники подвезти на вахтовке поближе к берлоге. Подъехали. Пошли ребята без лыж. После оттепели ночью крепко подморозило. И наст хорошо

держал. Я остался у машины. Предпочитаю не встречаться с косолапыми. Минут через пятнадцать раздаются три выстрела. Ну, думаю, добыли топтыгу. Стою у машины и курю.

Вскоре из-за деревьев появляются наши охотники без ружей... Огни несутся на всех парах, обгоняя друг друга. А за ними выкатывается громадный бурый шар, который скачками догоняет беглецов. От неминуемой смерти их спасает то, что под медведем наст рушится, а, увидев машину, он тормозит...

Я сначала оторопел от увиденного, но затем лихо влетел в кабину машины и открыл вторую дверцу. Первый, который помоложе, подбежал, но со страху никак не молжет запрыгнуть на ступеньку. Второй пытается помочь товарищу. А тот, решив, что это медведь цепляет его лапами, как заорёт истошным голосом: «Миша, Мишенька!.. Это не я стрелял!»

Тут я разрядился диким хохотом... Отдышавшись, горе-охотники рассказали, как подошли они к берлоге. Один приготовился стрелять, другой стал шурудить шестом в отдушине берлоги. Не просыпается Мишаня. Тогда стрелок выстрелил подряд три раза прямо в берлогу. Опять – ни звука. Решили добычки, что нет там медведя. Закинув ружья за плечи, подались назад. Идут, болтают. А медведь всё-таки проснулся и с рёвом – за нарушителями покоя...

Думаю, что эта охота парням запомнится на всю жизнь. А может, вообще больше не возьмут в руки ружья.

ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ - ТРОИХ...

(рассказ)

Работал я тогда в Зеленце. Это поселение было в самых верховьях Вычегды. В те времена там ещё действовал водомерный пост. Одним похожим осенним днём отправился я по Екатерининскому тракту в посёлок буровиков за хлебом. За мной увязалась соседская девчонка. Мать попросила приглядеть в пути за ней. Тайга всё-таки кругом. Качу на велосипеде, а она – козочкой вприпрыжку за мной. Если приотстанет, то жду её.

Подъезжаю к небольшому ручью. Смотрю, глухарь поднимается по склону. Отдаю свой транспорт Лизе, так звали девчонку, а сам – лесом наперерез петуху. Пробрался, значит, и выхожу к дороге. Вот он – мой глухарь – красавец. Солнышко блеск на крыльях наводит. Хорош петух!.. Поднимаю ружьё и тут вижу, что навстречу к нему идёт ещё один глухарь.

Сообразим, что можно уложить сразу двух, отхожу назад, чтобы выбрать удобную позицию.

Рассчитал верно. Вот на мушке аккурат две головы. Плавно спускаю крючок левого ствола. И по направлению выстрела из пожухлых зарослей иван-чая поднимаются ещё несколько глухарей... От такого неожиданного поворота напрочь забываю о втором патроне, однако стремглав выскакиваю на дорогу. Два чёрных петуха, в которых стрелял, лежат. Чуть дальше в листве трепещет ещё один... Устремляюсь за подранком. Догнал!.. Так мне с одного выстрела достались три глухаря.

Когда на буровой рассказал об удаче, буровики сначала подняли меня на смех. Но когда мои слова подтвердила девчушка, и я показал одну стреляную гильзу, им пришлось принять мой рассказ всерьёз.

ЗАЯЧЬЯ ПЛЯСКА У ТРУБЫ

(рассказ)

Впрочем, бывает и не такое. Охотились однажды с другом. Нашлись, но так ничего и не добыли. Идём домой и рассуждаем: хоть бы зайчишку какого прихватить. Как раз проходим по месту прокладки газопровода. И тут, как по заказу, выскакивает беленький пушистый зайчишка.

Встренулись, ружья вскинули, а косою прыг-прыг и в трубу. Мы туда. Труба всего длиною метров тридцать, не кривая, но не просматривается. К тому же лежит в кустах. Говорю другу, чтобы он шел на ту сторону трубы, а я стрельну в неё.

Так и сделали. После моего выстрела по трубе волной прошёл гром. Ну, сейчас стрельнёт и друг... И тут слышу дикий хохот. Не на шутку испугавшись, бегу туда. И вижу – друг, держась за живот, катается по земле, не переставая хохотать. Наконец он успокаивается и встаёт.

Рассказывает:

- Витёк, когда ты выстрелил, тут я сам чуть не оглох. А через секунду вылетает беляк... На задних лапах, глаза их орбит... И танцует.

Друг показывает, как танцевал заяц, и снова от хохота падает на землю. Я не выдерживаю и тоже хохочу, но уже над другом и собой.

Валентин ЛЫЧКОВСКИЙ

РЕТРОСПЕКЦИЯ

Прекрасной Даме

Поддаваться унынию?
От греха сохрани!
В полутёмной квартире
Остаёмся одни.

Нынче выпала редкая,
Сумасшедшая ночь:
Погостить у соседки
Отпустили вы дочь.

От сует повседневных
Мы уже далеки.
Вам наивные, первые
Посвящаю стихи.

Сочиняются строфы,
И не надо вина.
Мы за чашечкой кофе
Посидим у окна.

И прогоним уныние –
Пусть растает во мгле!
Мы одни – не в квартире.
Мы – одни на Земле...

РЫЦАРСКАЯ БАЛЛАДА НА ВЕЧНУЮ ТЕМУ

(13 век)

Королеве и жарко, и зябко
Под прицелом завистливых глаз.
Ей неважно, что станет завтра!
Важно то, что решится сейчас.
Резким жестом сняла корону,
Приказала играть менуэт.
И сошла со ступенек трона,
Бросив мантию на паркет.

Пригласил я её на танец:
Коль корону она сняла,
То и гневаться вряд ли станет,
И вообще - была, не была!
И спросил: «Может, вы нездоровы?
Что подумает высший свет: -
Без короны, сошедши с трона,
Вы нарушили этикет...»

И она мне сказала: «Мальчик,
Я сама себя не пойму.
Можно, я тихонько поплачу,
На прощанье тебя обниму?
Я давно ко всему готова,
Наплевать, что осудит «свет»...
Ну, а завтра в поход крестовый
Собирайся идти, кадет!»

Тридцать лет из далёких странствий
Воротиться я не могу.
Воевал в пустынях арабских,

Мерз в Ливонии на снегу.
Весь израненный в битвах суровых
Помнил я сквозь завесу лет,
Что ко мне вы спустились с трона,
Бросив мантию на паркет!

...Донимают меня эскулапы,
Старый меч не удержит рука.
Сын заметил: «Ты знаешь, папа,
Побелела твоя голова!»
Но приходит видение снова –
Не при чём здесь ни Бог, ни бес:
Королева спустилась с трона.
И – возвысилась до небес!

Александр ПАРНАЧЕВ

ВЫСТРЕЛ ЭКСТРА КЛАССА

(рассказ)

Это был один из прекрасных осенних дней бабьего лета. Яркое солнце, голубое небо. Теплынь – по лесу ходили в одних фланелевых рубашках с ружьями. Ни одного кровососа-комара. Это ли не счастье простое и человеческое? Охота с друзьями Иваном и Владимиром Николаевичем Турышевым в лесу – мечта горожанина, родившегося и проведшего голоштанное детство в деревне. Воплотившаяся в жизнь. Наша кормилица – эстонская гончая Габри уже подняла с полдесятка косых, и их ноги торчали за плечами в рюкзаках.

Я шёл, старался не хрустеть лесной ветошью под ногами и вспоминал случившееся со мной осенью.

Тогда полный сил и энергии шагал по дедовской тропе один, и, естественно, не ожидал, что судьбой планируется курьёзное происшествие. Подходя, к очередной сосновой поляне, на которой с ископн века было весеннее токовище глухарей, где летом глухарки с выводками устраивали «пуртыхалище», а осенью птицы запасались на долгую зиму галечником, насторожился и снял с плеча пятизарядную мелкашку.

Непроизвольно движения стали крадущимися. Едва ступил на край поляны, как из высокой травы, пошёл на взлёт глухарь. Я знал, что перед взлётом лесной крылатый великан разбегается, и выстрелил, что на охотничьем языке называется, с упреждением. Грохнувший выстрел, казалось, предупредил его разбег, птица исчезла в траве...

Еле слышно прошептал:

- Один есть...

Едва успел передёрнуть затвор, захлопал крыльями второй глухарь. Но и его попытка взлететь была прервана моим выстрелом на втором взмахе крыла:

- Второй есть...

Передёрнув затвор, снова, не снимая винтовки с плеча, сделал очередной осторожный шаг. Каково же было моё удивление, когда увидел, что на месте падения двух предыдущих сидит третий глухарь...

Блеснувшая на солнце металлическая проволока, раскрыла мне секрет «трёх глухарей». Оказалось, что лесной крылатый великан запутался ногой в расставленной мной же совсем недавно петле-ловушке, которая затянулась и не давала птице не только долететь до точки упреждения, но и, вообще, взлететь. Глухарь не был даже ранен.

- Ну, вот тебе и три глухаря... - с сожалением вздохнул я тогда, но подумал, что нет, худа без добра. Ведь если, их действительно было три, я бы с такой тяжестью не дошёл до следующей избушки, пришлось бы возвращаться, вот и планирую...

Дальнейшая дорога сопровождалась приятной тяжестью на плече. Где-то высоко загорланили гуси. «Гуси летят – зимушку на хвосте тащат, а на носу снег» - вспомнил поговорку, а тем и народную примету: «Высоко гуси летят – к дружному и высокому весеннему половодью, низко – к малой вешней воде. Тогда же, помню, подумал: «Вчера было двадцать седьмое сентября – это ж Воздвиженье по старому стилю, как же забыл... Значит, и гуси летят по графику... Чудны дела твои, Господи...»

Весёлый лай Габри вновь возвестил, что она подняла очередного косоногого и гнала на наши номера. Естественно, мы приготовились. Однако тёплое хлопанье крыльев отвлекло моё внимание.

Взгляд поймал среди ветвей густого ельника тщательно скрывающуюся глухарку. Сначала она вытянулась вдоль ветки, но, через мгновение, услышав лай Габри, подняла голову, заворчала недовольно, зашагала по ветке взад-вперёд. Сначала обрадовался такому развитию событий и уже собрался стрелять в эту прекрасную мишень... Как тут... Габри поднимает ещё одного зайца. Причём, прямо из-под той ели, на которой сидит глухарка. Первый заяц останавливается и заморожено смотрит в сторону своего бегущего собрата и мчащуюся за ним собаку.

Рука моя дрогнула. Ружьё было нацелено на глухарку, хотел взять именно её, потому что в рюкзаках ухе лежали пять зайцев. И вдруг ощутил, что в прорези прицела у меня не просто птица, а Мать Пармы – древняя, как чудь, как идолопоклонница-зырянка. И ствол ружья непроизвольно скользнул в сторону зайца. За грянувшим выстрелом через секунду грохнул второй. Это означало, что и скакавший косою далеко не убежал.

Подобрал убитого косою. Удивило то, что на добыче не было ни одной капли крови и ни одной раны. Поделился наблюдениями с остальными охотниками. Иван и Турышев подошли, тоже стали осматривать добычу.

- Наверное, дробь попала в ухо, - предположил Иван, - и заяц скончался от болевого шока.

Турышев повертел зайца перед глазами, подул на шерсть, разыскивая ранки от дроби. Но ничего, не обнаружив, предположил:

- Да нет, Костя, ты ему даже в ухо не попал... Видимо, косою слишком впечатлительный попался и умер от разрыва сердца, услышав выстрел...

Что мне оставалось делать, только соглашаться:

- Согласен, что ж, вскрытие покажет...

Всего взяли тогда семь зайцев. Решили, что пора заморить червячка, а заодно и провести вскрытие, которое должно разрешить возникшее недоразумение с гибелью зайца. Позже выяснилась истина. Она оказалась в том, что весь заряд дроби кучно попал зверьку прямо в анальное отверстие, внутри разорвал лёгкие и застрял в рёбрах. Это был выстрел экстра класса!

Валентин ОХАПКИН

СОЗЕРЦАНИЕ ЮДОЛИ...

* * *

Это я, Господи!
Кто всю жизнь грешил,
Сребролюбцем был?
Я шепчу:
Это я, Господи! Это я.

Падал я и вставал,
Сомневался я и Тебе взывал,
И кричал:
Это я, Господи! Это я.

Ты меня не оставь –
В смертный час. Укрепи и наставь,
Каюсь я!!!
Это я, Господи! Это я.

*"Ну, слогу нет, проклятого
И "мысли болят"
Ф.М. Достоевский*

ЕСЛИ ПОКАПАТЬСЯ В РОДОСЛОВНЫХ

Тысяча девятьсот сорок девятый год прошлого века. В нашей школе открыли библиотеку. Я записался.

- Выбирай, мальчик, - сказала мне пожилая библиотекарьша, указав на стопку книг. Переложив несколько книг из одной стопки в другую, я наугад выбрал одну, на обложке которой нарисована группа крестьян с граблями и вилами. Книга называлась "Путешествие из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева. Напрасно я выбрал эту книгу, потому что при сдаче надо было рассказать

краткое содержание. Можно ли было пятикласснику пересказать книгу, написанную трудным и тяжелым языком, устаревшими словами и оборотами типа: "Егда восхощешь меня видети, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя возлагает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь". Вспомнил я об этом спустя 50 лет и решил прочесть книгу заново и нашел много любопытного. Например, дворянское кредо:

"- Распусти уши, мой друг, и услышишь..."

А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоея свадьбы, то ты ему за то должен быть благодарен..."

Любовная летопись гласила "что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице".

Не правда ли, что подобные нравы актуальны и ныне?

"- Не дивись, мой друг! На свете все колесом вертится".

А тогда это прошло мимо. Правильно говорят:

"Книжки читать – не в лодыжки играть, не всяк умеет".

Радищев был писатель, мыслитель, а не "бунтовщик" и "революционер". Таким его сделала Екатерина с перепугу. У него было десять детей, трое родились от сестры жены Е.В. Рубановской, ставшей его гражданской женой. О самоубийстве Радищева Пушкин сказал: "испугался - отравился" (Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земле она стала уже бесполезной "Глава "София"). А были они с Пушкиным родственниками, правда, задним числом. Прадед Н.Н. Гончаровой был дальним родственником Радищева. Если покопаться в родословных, то все они там окажутся родственниками.

Тютчев - шестероюродный брат Льва Толстого, который в свою очередь был четвероюродным племянником Пушкина.

РУСЬ

Полна напастями дорога,
Враги поют за упокой.
Народ надеется на Бога,
Крестясь просящею рукой.

Теперь молитва призывает
Растленью душ дает отпор
И Божья Матерь стирает
Над грешной Русью омофор.

Я верю в наше возрожденье,
А скептику скажу в ответ:
Придет и к нам преображенье
Увидит Русь Фаворский свет.

ЛЕСНОЙ АКРОБАТ

Знакомо ли вам удивительное чувство необыкновенной легкости, когда ваше тренированное тело ощущает каждую "звенящую" мышцу? В такие моменты непременно наступает долгожданный всплеск энергии и тогда человек с завидной легкостью способен выполнить невероятные трюки.

Это лето в окрестностях Сыктывкара выдалось необычайно щедрым на грибы. Без особого труда, набрав почти полную корзину отборных молоденьких "крепьшей - красноголовиков", я вышел на заросшую ивняком дорогу. Узкая стежка дороги уводила меня все дальше в лесную чащу. Северное солнце ярко освещало поляны и дорогу, но роса еще не сошла, и по бокам дороги отражались на солнце влажные алые кисточки брусники. Пахло влажной землей, ароматом лесных трав, смородины и горьковатым запахом молоденьких осин. Небо было совершенно чистое, голубое, без единого облачка. Тишина и благодать.

И вдруг, совершенно неожиданно, передо мной на дороге появился маленький зайчик. На мгновение мы оба замерли, а затем случилось совершенно невероятное. Зайчишка, буквально в двух метрах от меня, подпрыгнул вверх, в воздухе перевернулся, сделав своеобразное "сальто-мортале", на некоторое время замер, посмотрел на меня, словно хотел сказать:

- Аплодируй, человек! Вот как я могу!

Я был поражен. Зайчишка же, словно на "бис" повторял и повторял свои заячьи трюки. Грешным делом я подумал, что маленький лесной акробат слишком доверчив.

"А ведь его можно поймать", - подумал я.

И сняв пиджак, я попытался его изловить. Но не тут-то было. Отскочив, буквально на метр, зайчишка вновь принимался за свои трюки.

Но вскоре ему надоела эта игра, и он, дав стрекача, исчез в лесной чаще.

- Ай, да заяц! Чем не акробат! Гуляй себе на воле, косой! – произнес я, изумленный увиденным, и пошел дальше.

Редки и удивительны мгновенья, которыми одаривает нас природа – думал я. Так вот и человек, - пока молод все ему легко и просто, а состарится остаются одни воспоминания, да еще иногда желание изложить это на бумаге.

ГИТИРА

Слагаю песни под гитару,
Не для тщеславия пишу,
В ладу быть с совестью на пару
Об этом Господа прошу.

Я растревожу вашу душу,
Перстом аккордного кольца,
Но ваш покой я не нарушу,
Бездарен голос у певца.

Но все ж в минуты роковые
Уколов грозного венца,
Вот эти струны золотые
Спасают грешного певца.

НАХОДЧИВАЯ СОРОКА

Зима. Алмазными искрами блестит снег на деревьях. На ветке березы сидит сорока и держит в клюве какой-то плоский предмет. Хвост ее нервно подрагивает. Она явно ищет, куда бы спрятать свою находку? И отыскала.

... Небольшие комочки снега собираются в местах ответвлений, образуя небольшие снежные островки. В одну из таких развилок она и спрятала свою находку. Тщательно прикрыла снегом, и почистив клюв, со стрёкотом улетела.

ТВОРЕЦ

Александр Клейну

В этой жизни скоротечной
Ты творишь, мой друг сердечный,
Сладки муки вдохновенья
В эти "чудные мгновенья".
Этих мук ты властелин
А из множества причин
Есть одна. Она – как рана –
И зовут ее Светлана.

Виктор ДЕМИДОВ

К 120-летию со дня рождения Виктора Савина

КОЛЮЧИЕ ЗВЁЗДЫ АДАКА

(повесть)

ПРИБОЩЕНИЕ

Водное крещение в Усе. Здравствуй, Адак!..

Впервые звёзды Адака, низкие и колочие в сильный мороз, мне привелось увидеть в апреле 1962 года. Но, может быть, только сейчас я осознал их отстранённый свет и смысл.

Красно-зелёные и крупные, точно зыбучие морские звёзды, колыхались они в чёрной и тяжёлой усинской воде. Серовато-зелёный парок курился над промоиной. В ней мокли носки моих валенок, а сам я по-пластунски выгребался из снежной каши подальше от истонченного течением льда. Туда, где щупленький, похожий на подростка, возница успокаивал храпящую мохноногую лошадку.

В критическую минуту, когда под нами подломился лёд, он гикнул-свистнул на нее, как Соловей-разбойник, и перепуганная Сивка-бурка чудом выдернула нашу грузовую нартус подломившегося закрайка на матерый лёд. Всё произошло настолько быстро, что я даже не успел сообразить: сам ли я катапультировался вправо от полыньи или меня выбросило от резкого рывка перепуганной лошади.

«Шевелись, корреспондент, - подбадривал возница. – Ты в малице родился, долго жить будешь!..»

Ощувив под собой твердую корку наста, я осторожно встал, вытряхнул из рукавов набившийся в них снег... На вялых, подгибающихся ногах подошел к нарте и плюхнулся на неё. Снял один валенок, вытряхнул влажную снежуру и обул его. К счастью, всё произошло настолько быстро, что вода почти не попала внутрь, а схватилась снаружи ледяной корочкой. Ту же операцию проделал со вторым валенком. Тем временем мой ясовей-ведущий поправил сбившуюся сбрую, втянул руку в рукав старенькой малицы, пошарил там, вытащил портсигар и шелкнул крышкой: «Кури, корреспондент, и чуток потерпи - скоро приедем на звероферму...»

Влажные спички ломались и не хотели загораться. Наконец-то мы раскурили копеечные папироски – «гвоздики», уняли запоздалую дрожь в коленках... И тогда старик махнул рукой в сторону коварной промоины: «Вот это оно самое бучило-кружило и есть. Самый омутище – Адак одним словом... Сколько жизней тут загублено, сколько судеб поломано, - не счесть!..»

Помолчал, вспоминая ему одному известное, цыкнул на заиндевшую Сивку-бурку, - и мы со скрипом – мороз крепчал – тронулись.

Дорога укачивала, убаюкивала, но нельзя, ни в коем случае нельзя было засыпать. Вскоре она пошла в гору, в полусонные глаза приветливо мигнул мутный огонёк в окне... Возница крикнул: «Тпру!..», лошадь встала... Открыв обитую войлоком дверь, мы вошли в контору Адакской зверофермы.

В ней было натоплено и сумеречно. На печке стоял большой зелёный чайник. Рослый, похожий на раскладной метр директор зверофермы Владимир Зезигов нас взбодрил, угостил мороженой оленевой, густым и пахучим чаем. Занёс из коридорчика охапку березовых дровишек: «К утру покажется прохладно – подтопите!..» Бросил на дощатый самодельный диванчик белый совик из оленьих шкур: «Устраивайтесь!..» И с тем ушёл домой. Наутро выяснилось: он жил шагах в пятнадцати-двадцати, в бывшей караулке Адакского лагпункта, под заидевельными берёзами.

... Не раздеваясь, в брюках и свитере, я нырнул в совик, как в спальный мешок, и поплыл в нём, будто в ладье по уснувшей реке. Не спокойно спалось мне. Всю ночь, казалось, вздыхал и потрескивал углами дом, поскрипывал дощатый диванчик, коптила керосиновая лампа... Серые смутные тени метались по углам.

Раненько – еще за окном не померкли озябшие звёзды - разбудил меня возница. С северной основательностью мы перекусили и напились чаю. В утренней сутеме Владимир Александрович показал нам своё песцовое и чёрно-бурое лисье хозяйство, пожелал: «Бур туй!..» И мы на той же лошадке, на тех же нартах тронулись вниз по Усе.

... Вспоминаю самодельный стол, за которым мы чаевали, и скрипучий диванчик, на котором я провёл ночь. И теперь понимаю: они достались звероферме в наследство от ОЛПа – отдельного инвалидного лагпункта, в котором около пяти мучительных лет провёл Виктор Алексеевич Савин...

Глава 1. «Солнцеликая ты, жизнь!»

Роскошны северные снега ночью. Кажется, не снегом, а лучистым звёздным светом усыпана просторная Уса. Нестерпимо ярко для глаз сияют снега в косых лучах низкого зимнего солнца. Каждая снежинка смотрится гранёным алмазом и разлагает свет на радужные составляющие.

«Не засматривайся – заболеешь снежной слепотой,» - предостерег возница.

Сам он слепил веки пуще ненца и лишь иногда сквозь узёхонькие щёлочки посвёркивает голубыми иголочками взглядов. Заиндевеляя, подкормившаяся и отдохнувшая за ночь лошадка бодро семенит по санному следу. Он проложен по неторопливому плёсу, лёд здесь ещё толст и надёжен, можно доверится чутью домашнего животного.

Но как не залюбоваться извилистыми кромками низкорослого приполярного леса, тут и там вспархивающими с берёз стаями куропаток – тогда они ещё были тысячными!.. Полярные птицы блее розовых – в лучах солнца! – и голубых – в тени! – снегов. Как не засмотреться на покатые волны сугробов: ни пылинки, ни соринки! – совершенная, сверкающая, блистательная чистота. В отличие от шахтерской Инты, откуда я ехал, где сугробы усыпаны угольной пылью и гарью терриконов, курившихся в то время вокруг горняцкого городка, как вулканчики...

Поворот, еще поворот... Зафыркала, прибавила шагу наша Сивка-бурка... Долинный сквознячок ударил по ноздрям запахом березового дыма. А там показались и столбы дыма над темными, зачастую засугробленными крышами, подпирающие розовое небо.

Адак расположен на гористых выходах известняков гряды Чернышёва. А деревня Адзьва, в отличие от него, строилась в галечниковом устье одноимённой речки, притока Усы. И снизу, со льда видится неким градом Китежем, поднимающимся из снежных волн-надувов. А по весне, надо полагать, полая усинская вода поднимается по ступеням крылец, а то и заходит в избы-керки. И тогда хозяевам с коровами и телятами, с овечками приходится пережидать половодье на чердаках...

Адзьва встретила нас переборами гармошки. Мы попали с корабля на бал. Вся деревня от мала до велика сгрудилась в одной избе. Адзвавомский «сокол» - высокий, стройный, работник фермы, высмотрел и высватал в соседней деревне чернобровую «белу лебедушку». В запечи властвовали бабушки. В старинных сарафанах новгородского покроя, в кокошниках они были похожи на княгинь. Поразило противоречие праздничных костюмов и заунывности напева. Они расплетали девичьи косы, чтобы уложить их так, как положено мужней жене, вокруг головы и их чепцом. И в буквальном смысле слова отпевали девичество. Причитали навзрыд, словно не на любовь, не на радость, не на счастье провожают родную кровинушку, а на погост ногами вперёд собираются выносить. Возница перевёл смысл их пения: «Туда дорожка вольная, вдвоём на зорьке торена, оттуда тропка узкая – не убежишь и шустрая...» То есть, как и в русских обрядовых песнях, - пелось о том, как тяжела женская доля в замужестве... Мужики, дескать, в том селе все злые, топорами секутся, и по будням там дождь, и по праздникам дождь...

Хотелось бабушкам возразить, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Да и кто я такой, чтобы кого-то чему-то поучать, – всего лишь корреспондент городской газеты. Моё дело: смотреть и видеть, слушать и слышать, суметь толково рассказать...

Да и не было у нас времени даже и рта раскрыть. С колокольцами приехал жених с батмамак - отцом и матерью, с друзьями-поезжанами. Усадили жениха рядом с невестой, поставили перед ними одну рюмку, положили на неё сверху один ломать хлеба на двоих, чтобы всё в жизни делили поровну: и радость, и заботы... Усадили и нас с возницей в торце длинного стола, среди родных и односельчан. Прямо напротив молодых, поставили рядом по стакану черного плиточного чая, по стопке самогона – лучшее средство, чтобы выгнать из себя стужу долгого зимнего пути... Дружно грянули по-русски: «Горько!.. Горько!.. Горько!..»

А там деревенский гармонист развернул алые меха хромки, молодые и пожилые дружно запели «Солнцеликая...»

Свадьбе стало тесно в душных стенах, она выкатилась на улицу, на предварительно очищенную от снега и хорошо утоптанную площадку, в мороз под сорок градусов... В избу вкатился клуб морозного пара. А на улице задорное, пожалуй, даже задиристое пение и бурный пляс продолжались среди сугробов... С губ выплясывающих и напевающих юношей и девушек спархивали белые фонтанчики дыхания. Гармонист наяривал широкими аккордами, сжатými щепотью пальцами через узорчатые варежки. Стар и млад раскраснелись, развеселились... Парни и девушки дурачились, перекидываясь комьями снега и валялись в нём...

«Запомни, корреспондент, это имя, - сказал возница, - Нёбдинса Виттор – Виктор Савин из Нёбдино. Говорят, что сгиб он и похоронен на Адаке. Может это и враки. А чистая правда, что имя его не затерялось в снегах. Потому что никто лучше него не передал в стихах жизнелюбия коми народа...

И ещё запомни имя и отчество – Поэма Викторовна – вот той глазастой девчонки, что скромнёхонько сидит на печи. Может, её назвали в честь или в память Виктора Савина... Может когда-нибудь она напишет и напоёт свои «Шондибаной»...

Вместе со всеми мы навеселились, наугощались варёной и мороженой олениной, рыбной и мясной строганиной, тёмным варёным куропачьим мясом и янтарной морошкой...

Командировочное задание подстёгивало. Вниз по Усе, в Адзвавом, родную деревню жениха, мы ехали, как плыли, не в низких санях-розвальнях, а в тех же оленьих нартах на высоких копыльях...

Розово-голубые снега шептались, источали влагу, которая собиралась в подснежные струйки. Казалось, само апрельское солнце нашёптывает пробуждающейся весне потаённые песни весны.

Возница мой был задумчив и печален.

«А ведь мне пришлось на такой нарте возить тех, кто участвовал в подавлении бунта заключенных в Усть-Усе, в Усть-Лыже...» И резко оборвал себя, словно бы язык прикусил. А я – раб пресловутого Перечня сведений, запрещенных к печати, не стал его спрашивать. В те времена одно

слово, даже одна буква могли обойтись очень дорого. Известен случай, когда редактор одной сибирской газеты получил четвертак – то есть двадцать пять лет заключения в Воркуте, только за то, что наборщик обронил всего лишь одну букву «п» в заголовке: «Прибытие высокого ... осла». И вряд ли кому известно, выжил ли тот редактор в кашкетинских расстрелах на кирпичном заводе...

В ту минуту, когда мы расставались у сельсовета, я не об этом думал. Я думал о Викторе Савине: какой он был, как дальше сложилась его судьба. Но, может, именно тогда и там, на возвышенном берегу Усы, постучались в душу строки:

«Он стал водой,
он стал травой,
скулой отвесной кручи...
Его уж нет,
но он живой
строкой своей певучей...»

Глава 2. Вячеслав Канев по прозвищу Крокодил.

Поныне, к счастью, здравствующий и мой уважаемый первый редактор Интинской городской газеты «Искра» Василий Алексеевич Пыстин понимал и поддерживал молодых сотрудников. Он запросто превращал их в «зубастых зубров» и «волков» журналистики.

Брал за шиворот и бросал в ледяную воду жизни: «Плывите!» И мы барахтались, порой захлёбывались во встречных волнах, но выплываем до сих пор. Спасибо и доброго здоровья ему.

... Однажды Василий Алексеевич вызвал меня к себе в кабинет. Он сидел за рукодельным, изготовленным экама на Интинском ДОКе, столом и задумчиво тербил чёрные атласные нарукавники на белой нейлоновой рубашке. Это было практично: из типографии оттиски полос приносили маслянистыми, липкими от жирной краски, нарукавники защищали от неё.

«Поезжай-ка ты, Виктор Иванович, в Косьювом, найди там инвалида Вячеслава Канева, хорошенько распроси и привези материал о том, как встретился он с Виктором Савиным в Адаке. А я, кстати, уже в то время вёл «Литературную страницу» в «Искре», так что тема была моя.

Как водится перед командировкой, я перелистал республиканские газеты: не напечатали ли они что-нибудь в последнее время, связанное с Виктором Савиным. Нет? Тем лучше: проложу первый след.

Назавтра, ближе к полудню, я – по происхождению человек деревенский – уже подъезжал к деревеньке, чьи бревенчатые избы разбрелись среди снегов на покато́м косогоре при впадении Косью, сухой, перекастистой речки, в Усу. Александр Иванович Пархачев, тогдашний директор средней школы, свободно владевший местным диалектом коми языка, взялся проводить меня к Каневу и сыграть роль переводчика.

Вячеслав Канев с каким-то землистым оттенком лица боком сидел у окошка, выходящего на заснеженную и освещенную весенним солнцем Косью, дымил «Беломориной». Александру Ивановичу пришлось поугуговаривать его, чтобы расположить к гостю из газеты, разговорить...

Односельчане довольно точно прозвали его Крокодилом. Он был полупарализован, целыми днями то сидел у окна в «позе штопора», то бочком-бочком перемещался к столу или кровати. Да были, видимо, и какие-то внутренние черты характера, послужившие основанием для прозвища. Канев был насторожен: «не сказать бы чего лишнего». Память этого лагерного принципа жила в нём.

Но надо отдать должное директору школы, постепенно, общими усилиями, мы сумели разговорить Канева. С детства подрастал он хилым и болезненным. Поэтому призывной комиссии вместе с одногодками, призванными на фронт, он не прошёл. Ему выписали «белый билет» и направили «вохровцем» – то есть охранником в сельскохозяйственный ОЛП, лаготделение, как называли тогда, - сельхоз Кочмес, расположенный на правом берегу Усы, напротив впадения в неё Большого Кочмеса. В силу физического нездоровья от него немного было проку в охране, но зато он был усидчив, у него был разборчивый почерк и его сделали писарем в конторе.

Однажды из «Инталага», то есть из лагерной тогда Инты, из посёлка, ещё не ставшего городом, приехала «двойка», которой предстояло вершить скорый и, может быть, не правый суд в инвалидном лагпункте Адаке. Для пушей «законности» Канева прихватили с собой третьим.

В составе «тройки» Канев и попал за колючую ограду Адака. И первым человеком, встретившимся на пути в контору, оказался Виктор Савин.

В своё время в Ижме Канев встречался с Виктором Савиным по каким-то комсомольским делам. Но тут Канев не сразу узнал исхудавшего, серой бородой заросшего Виктора Алексеевича. И всё же у Канева хватило мужества, человечности не отказать от знакомства, а наскоро перемолвиться с ээком. Он очень рисковал: хоть и вольняшкой Канев прибыл в лагпункт, но ведь, по сути дела, он был таким же подневольным человеком – только с другой стороны колючей проволоки.

Канев успел изумиться: «Вы тут?» «Как видишь,» - ответил Савин. В потрёпанной фуфайке и растоптанных валенках, в ватной шапчонке выглядел ээк Савин усталым, но не потерял живого блеска

в глазах. «Может ему, - Канев поднял вверх большой палец, - надо написать?!» Савин безнадежно махнул рукой: дескать, многие обращались уже к отцу народов, и все – бестолку...»

Канев успел сунуть Савину половинку завалившегося в кармане пайкового сухаря, - и на том они расстались.

... После скорого и неправого суда «тройка» сразу покинула лагпункт, Канева завезли в Кочмес, а сами уехали в Инту...

Ныне известно, что Савин не сразу попал в Адак. Он мог дважды проплывать, проезжать или проходить этапом через Кочмес: по пути в Абезь, а может даже и в Усть-Воркуту... И возвращаясь оттуда, - по воде или по снегу, но вниз по Усе – Кочмес ни объехать, ни обойти...

Но только однажды – в самом Адаке совпали их пути с Вячеславом Каневым.

Хотя в последние годы стерлись многие белые пятна в истории тех жестоких лет, многие страницы ее приоткрыл посвященный исследователь Вениамин Полещиков, загадки остаются.

... В 1943 году, месяца через полтора-два, после того, как Виктор Савин покинул Адак, шёл этапом вниз по Усе, мимо Адзвы и Адзвавома, где его любили, Вячеславу Каневу выпала оказия по долгу службы посетить лагпункт Адак. А может её – эту поездку подстроили с некой тайной целью. К нему подошёл знакомый старшина (то ли одноногий на деревяшке, то ли хромой) с сочувствием: « Знакомец-то твой приказал долго жить: дистрофия да язва подкосили...» И предложил: «Пойдём-ка я тебе покажу, где успокоился твой знакомец!..»

Они прошли под берёзами, за домик охраны, за ручей, - и старшина остановился у одной из персональных, а не братских могил: «Тут он и успокоился...»

Лет через десять после разговора с Вячеславом Каневым я побывал на Адаке, положил иванчай, ромашки и незабудки на неё, обложенную камнями с берега Усы, постоял несколько минут под напором отборных Адакских комаров...

Внести ясность в эту историю мог бы тот самый старшина. Поговаривали, что он с дочкой переехал в Абезь, куда я ездил специально, но его там найти не удалось. Или он сыграл заданную ему роль, сошёл со сцены и затаился, или вообще не существовал, а был выдуман для прикрытия. Как писал Вениамин Полещиков, глубокий знаток темы, НКВД умело прятать следы...

Глава 3. Он мне родной в своих делах, в своём боренье истом...

Как дома, в юности, - в смоленской деревне, я возвращался из Косьювома по зимнику в Инту. Не торопил лошадку мохноногую, любовался зимними красотами, наслаждался снежной – слегка скрипучей, но не скрипичной музыкой дороги. Раздумывал над словами Вячеслава Канева, что он предложил Савину обратиться к самому Сталину и Савин выразил сомнение: а стоит ли. Лет через тридцать стало достоверно известно, что Виктор Алексеевич трижды писал ему, но так и не получил ни ответа-ни привета, ни даже какого-либо уведомления.

В голове у меня вертелись пушкинские строки из письма Татьяны к Онегину:

« Я к вам пишу, товарищ Сталин, невольный коми человек: зачем нам шьёт дощатый саван жестокий наш двадцатый век, и подрывает дистрофия нам подневольные пути. И коми-мать, и мать-Россия, не знаю сам, за Что, прости...»

Метров полтораэта не доезжая до Нечавома, увидел на березовом суку, прямо над дорогой и надо мной огромного черного глухаря с раскрытым крючковатым клювом и вывернутым на меня жёлтым глазом... Не пошевелился, не понукал лошадь. Как снег на голову ввалился в Нечавоме к инспектору рыбоохраны Михаилу Филиппову. Тот мгновенно собрался, схватил ружьё и патронташ и минут через сорок вернулся домой с краснобровым глухарём в руках...

Теперь бы я, может, и промолчал: время заставляет мудреть, понимать, что не в добыче, а в красоте – радость...

А тогда в моём сознании шла невидимая работа, я так и этак прокручивал слова Вячеслава Канева: что сказал да как сказал... Перед глазами вставали то белёсые известковые кручи Адака.

Представлялось, как глыбы камня ломали тяжеленными кирками и ломами измождённые мужчины и женщины, заключенные лагпункта Адак... Мне виделись то пустые глазницы заброшенных печей для обжига извести, то развалины кирпичного завода... Оттуда в сталинские послевоенные годы шёл железистый кирпич на строительство так называемого офицерского дома у памятника Сергею Мироновичу на пересечении улиц Кирова и Почтовой, переименованной впоследствии в улицу Николая Лунина...

И почему постепенно мной овладели другие, когда-то еще на заледенелой Усе пришедшие строки. Они пообкатались в душе, как галька под напором волны, и продолжают обкатываться сейчас. И всё же я рискую предложить их своему читателю:

Он стал водой,
он стал травой,
скулой отвесной кручи...
Его уж нет,

но он живой
строкой своей певучей...
Восходит день.
Душа поёт
Усу и алый теплоход,
подъёмный встречный ветер
и нерестовый зельди ход,
как пел он горд и светел...
Он мне родной в своих делах,
в своём бореньи истом,
корнями вросший в наш размах,
а кроной –
в небе мгlistом...

А в Инте, прямо в редакции родной газеты, судьба готовила мне сюрприз...

Зельдью на Усе называют ряпушку, которая нерестится в той самой яме, в том самом кружиле, в котором мы тонули и не потонули с моим возничим. И Виктор Савин, вне всякого сомнения, с подконвойными товарищами ловил её в приварок к скудному лагерному довольствию. Там довольно сильное течение, поэтому предполагаю, что слабосильный Савин ходил по галечнику с бечевой - бережничим. В добрые времена он писал: «В пору такую люблю я ночами, в лодке подальше уйдя от причала, удочкой знатную рыбу ловить, крепкие сети в глубинке травить...»

Глава 4. Чёрным лесом, белым бором...

В Инте, в Доме печати на улице Александра Чернова, 1, подошёл ко мне печатник Юрий Алексеевич Сорвачёв. «Ты, - говорит, вроде, Савиным заинтересовался. А видел ли ты хоть раз его при жизни изданную книгу?..»

«Не привелось, - отвечаю, - в библиотеках-то их не найдёшь!..»

«Ну тогда смотри!» Вытаскивает из-за спины довольно-таки увесистый свёрток, разворачивает клеенку, потом – жёлтую оберточную бумагу, взвешивает большеформатную книгу на ладони и бережно из рук в руки передаёт мне. У неё свой особенный аромат – залежалой бумаги, старой клеёнки с привкусом типографской краски...

Формат – стандартный для довоенных учебников. Обложка из толстого картона, уголки как бы обуглены, точно книжку когда-то выхватили из полыхающего огня. Бумага толстая, похожа на оберточную, и от возраста словно бы поржавевшая... Шрифт и привычный – так называемый латинский и непривычный, поскольку мне не приходилось до того видеть напечатанные им стихи...

Выпросил я у Юрия Алексеевича книжку на подержание при условии хранения в сейфе. Сам налюбовался и отправился поделиться радостью к управляющему городской статистикой Феликсу Базову. Я знал, что он довольно просвещённый коми-человек и, скорее всего, владеет «латынницей».

Феликс Васильевич так и этак повертел и даже, как я, понюхал избранное Савина и под тем же условием – не затерять, не присвоить – недели на полторы-две выпросил редкую книжку у меня. И я оставил её у него при условии, что он переведёт хотя бы один стих, который ему самому глянется. Спустя несколько дней Базов зашёл в редакцию. Из возвращённой, тронутой ржавчиной времени книжки, торчал клетчатый листок из ученической тетради с подстрочником. Мне понравился ритм и словесный рисунок стихотворения «Вырос в глухой сторонке» («Чужи-быдми съод вор шорын...») Мне показалось, что они близки к пушкинскому: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя...». Я твердил эти стихи на работе и по дороге домой. Однажды в редакцию зашёл давнишний друг газеты, железнодорожный ревизор Мельниченко и на вопрос: «Как жизнь?» ответил: «Как у гороха при дороге: кто не идёт, тот и щиплет...» Меня поразила эта фраза: она точно передаёт отношение обиденной серости к таланту: кому Бог не додал дара, тому так и хочется ущипнуть того, кому дано с лихвой...

Тут же пришла строка: «У гороха при дороге – ущемлённая судьба...» А за ней – и весь перевод.

Как-то, в один из савинских юбилеев, мы напечатали эти стихи по-коми и по-русски в моём переводе в городской газете. Тут же позвонил Феликс Базов и оценил: «Ты – молодец. Спасибо – атьте.» И с его одобрения мы завели в газете традицию: первыми в республике ввели рубрику: по-коми и по-русски. Мы напечатали в ней стихи Геннадия Юшкова, Владимира Тимина, ещё кого-то.

... Четверть века прошла с той поры, как сложились эти стихи, но мне они – простые и непритязательные - дороги. Почему?.. Да, потому что в детстве Виктора из Нёбдино я узнал своё – детство Виктора из Приселья со Смоленщины, память которого я принёс в этот край...

Как сказало в одном из последующих стихов, судьбой, в которой Север крайний словым семечком пророс... И я, честно сказать, не знаю, чью мать пело моё сердце: Виктора Савина – Анну Петровну или свою родную Васёну, Василису Васильевну...

Позже мне попался перевод этих стихов, сделанный поэтом Г. Гончаровым. Вне всякого сомнения у него есть свои достоинства. Не могу согласиться с ним в одном, что бабушка – grosmutтер, большая мама, как говорят немцы, охаживает внука хворостиной или дрыном из тына – это явный оговор, и лично я с этим никогда не соглашусь.

... Обожжённую огнём непростого времени книгу Виктора Савину я вернул Юрию Сорвачеву, совестливому коми человеку. А он – сохранившей её родственнице Нине Александровне Синявской, жившей в ту пору на улице Свободы, во втором доме от улицы Интернациональной... Не знаю, где она теперь, и есть ли в наличии другой такой экземпляр хотя бы в Национальной библиотеке или как вынырнуло из забвения, так и ушла в него?..

Глава 5. Книги, которые жгут, долго живут...

Когда-то Юрий Сорвачов работал в республиканской типографии. Как передовика производства его направили на укрепление Интинской типографии. Родственница, кажется, его тётка, жившая в частном домике на углу улиц Свободы и Интернациональной, как оберег, как родовую ценность, которую надо непременно сохранить, и передала ему савинскую книгу перед отъездом в Инту. Сама она много лет сберегала её в клеёчатом пакете под стрехой дома. Этот маленький подвиг верности и памяти мог бы обойтись ей очень дорого – лет в десять заключения и лет пять «по рогам» – то есть поражения в правах.

Она не раскрыла происхождение книги, просто строго-настрого наказала племяннику, чтобы пуще глаза берёг её от чужого глаза. Встреча, которая лет пятнадцать назад случилась в Корткеросе, возможно, проливает свет на происхождение «латинизированного» сборника стихов Виктора Савина...

Как-то в добрую минуту нос к носу столкнулись на улице Советской в Корткеросе два хорошо знакомых человека: старожил села Михаил Васильевич Нестеров по прозвищу Еджыд (Белый) Миш и Анатолий Антонович (Анатолис Антанас) Смилингис, краевед и активист «Мемориала». И поведал Михаил Васильевич Анатолию Антоновичу историю, которая много лет тяготила его совесть.

Дотошный Смилингис слово в слово записал и сохранил исповедь Еджыд Миша. «В Корткеросской средней школе, - рассказывал он, - меня считали примерным пионером. Я всегда ходил в красном галстуке, активно участвовал во всех мероприятиях, мне вообще нравилось быть деятельным... Не помню, в каком году (скорее всего в 1938 !..), после уроков созвали нас всех на линейку... Перед нами выступил директор школы. Он сказал невероятные слова о том, что Виктор Савин, стихи которого мы читали и песни которого распевали на уроках, проданся международному империализму и даже является фашистским шпионом... Что все его произведения есть оружие буржуазного национализма и, значит, подлежат уничтожению. И поставил задачу: обежать все дома и собрать всё, что принадлежит перу Виктора Савина...

Наша учительница добавила: кто лучше справится с поручением, принесёт в школу больше книг, будет поощрен, как лучший пионер и борец с международной контрреволюцией... Мы шумно разбежались по Корткеросу. Первым делом я очистил от «крамолы» свой дом: нашёл три книжки, два учебника и ещё газету... Потом обежал соседей и добыл у них еще несколько книг. Когда я с чувством исполненного долга вернулся в школу, группа школьников и учительница складывали собранные книжки в одну кучу во дворе. Она поднялась мне аж до пояса. Мы все удивились, как много удалось Савину наплодить и распространить вредной литературы в нашем селе. Потом нас снова построили под дробь барабана и звуки горна. На этом злополучном митинге особенно похвалили лучших сборщиков - меня и ещё одну девочку и поручили нам разжечь костёр. У жарко полыхающего книжного костра мы пели «Интернационал» и ужасно гордились тем, что принимаем непосредственное участие в борьбе с вредоносным мировым империализмом. «Стыжусь тем, что тот недобрый день был в моей жизни», - закончил Белый Миш покаянное слово. Что тут добавить?

Ушли в мир иной и Савин, и те, кто оболгал и осудил его, кто собирал, сжигал и выхватывал из огня его творения, а они живут – неистребимые и нетленные – и учат нас Добру, Справедливости и Милосердию...

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Зачем опять ты веришь буре,
Пройдёт она и будет штиль.
Не надо больше всякой дури,
Давай мечи сдадим в утиль.

Все алебарды, латы, пушки,
Ракеты, танки, автомат,
Давай-ка лучше песни слушать,
Не пригодится больше мат.
Не надо маршей-забастовок,
Парадов, криков и страстей.
И революций, и речёвок,
Агоний диких, площадей...
Зачем опять ты буре веришь,
Как будто в буре есть покой?
Увидишь всполох, и как дервиш,
Своё ты сердце успокой.

* * *

Как осмыслить мне слово «вдруг»
На примере знакомых слов?
Вдруг приходит она, друг,
Назовётся тебе – любовь.
Вирус, знаю, любви неизбежен,
И болезнь от любви сильна
Да и если лечить не сможешь
В дом врывается твой - война.
И пойми, не твоя в том вина,
Мой старый надёжный друг,
Любовь, болезнь и война
Всегда приходят к нам вдруг.
Бесполезно словцо объяснять...
Вдруг – это друг или враг, как быть!
Вспомни, что жизнь, чтобы жить.
Судьбу вершить, а не ждать.

* * *

Он устал в молодые годы
От веселья и всех соблазнов.
Удовольствия мягко стелют,
Отказаться потом – ужасно.
Постарел и стучится к Богу,
Мол, прими, ничего не надо.
Дай небесное мирозданье,
Схорони от страшного ада...
Посмотрев на его богатства,
На девиц, что стояли кучно,
Заглянув в сад небесного рая,
Молвил Бог: «Извини,
Здесь тебе будет скучно...»

Николай СУРКОВ

ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Недавно мне довелось побывать в Курской области на родине Героя Советского Союза Ивана Моисеевича Воротынцева для сбора материалов о его недолгой героической жизни.

Судьба Ивана Моисеевича тесно связана с Коми АССР. Здесь он находился в заключении в системе Печоржелдорлага.

Путь в родные места героя был неблизким. Курская область географически растянута с запада на восток. От Курска мой путь лежал в самый отдаленный Горшеченский район области, что примерно в 140 километрах. Для средней полосы это значительное расстояние.

Подобные поездки сопряжены приключениями, притом не всегда положительного свойства. В пути люди быстро знакомятся, охотно рассказывают интересные сведения о своей жизни, о родных местах.

На Курском автовокзале я купил билет до Горшечного. Рядом с кассой стояли два пожилых человека. Один из них невысокого роста с орденом Отечественной войны на груди обратился ко мне: «Вы до Горшечного?». Получив утвердительный отзыв, сказал: «Значит, мы с вами будем попутчики». Это был, как я вскоре выяснил, участник Орловско-Курской битвы Илья Денисович Подкопаев. Сосед его Владимир Ефимович Сидоров участвовал в заключительном этапе Второй мировой войны, разгроме милитаристской Японии. Оба они возвращались домой после лечения в Курском госпитале.

Конечно, мое внимание в первую очередь было сосредоточено на Илье Денисовиче. Да и это вполне объяснимо. Он воевал в трех километрах от моего родного села Архангельское Орловской области.

По приезде в райцентр ветеран пригласил меня для подробной беседы к себе домой. Я не мог отказаться от столь любезного приглашения. Тем более был уже вечер, и официальные учреждения закрылись. С гостеприимным хозяином я долго беседовал, узнал много о его военной судьбе. Во время войны он был радистом в артиллерии. Разорвавшимся снарядом засыпало землей, но вовремя откопали, спасли. А вот у Днепра не удалось уберечься от тяжелого ранения в голову. Пришлось восемь месяцев лечиться в госпиталях – Черняховске, Брянске, Вологде, Новосибирске. Ранение сказывается и сейчас, что заметно по правой руке и ноге.

Было уже поздно, а в гостинице не было ни света, ни воды. Мне предложили остаться на ночлег. Соседи принесли матрас. Но далее пошло не так гладко.

В райцентре своими семьями живут две дочери Ильи Денисовича. Ранее я попросил его сообщить им о своем приезде, и что у него есть гость. Позднее оказалось, что сделал я это на свою беду. Они обратились в милицию.

В пределах получаса шел заинтересованный разговор, в ходе которого стражи порядка выяснили, что его дочери излишне перестраховались, и ветерану никакой опасности не грозит. А мне сказали: «Николай Иванович, у нас к вам нет никаких претензий».

На следующий день мы пошли в районный совет ветеранов, председатель которого Валентина Николаевна Быковских, внимательно выслушав, представила меня зав. отделом культуры райадминистрации, заслуженному работнику культуры РФ Нине Андреевне Шаталовой. Я встретил полное понимание, мне была оказана непосредственная помощь в поездке в деревню Мокрец, на родину Героя, а это самая глубинка района. Меня доставили в село Нижние Борки, где я встретился с председателем сельской администрации, необыкновенно чутким и внимательным человеком Леонидом Андреевичем Хаустовым. Глава администрации отвез меня в деревню Мокрец, что в семи километрах. Несмотря на свою занятость, Леонид Андреевич ознакомил меня со своей округой, показал дом, где когда-то жил И.М. Воротынцев. Рядом на открытом пространстве, на высоком постаменте из кирпича, окрашенном в белый цвет, бюст Героя, мужественного воина, защитника родной земли, большого труженика. Потом мы подъехали к дому, где живет родная сестра героя Зинаида Моисеевна Шабанова, которой уже 81 год, но она, сухощавая, подвижная и независимая в оценках событий и действий должностных лиц. Из ее уст я узнал многие сведения о жизни семьи Воротынцевых.

У Моисея Максимовича и Татьяны Михайловны Воротынцевых было шестеро детей. Старший Иван родился в 1920 году. Следующей была Зинаида, моя собеседница. Через три года после нее родилась Анна. После друг за другом появились на свет сыновья - Павел, Александр, Виктор. Из всех братьев и сестер в живых осталась только Зинаида Моисеевна. Она всю жизнь проработала в колхозе, вырастил троих детей.

В своем почтенном возрасте Зинаида Моисеевна сохранила ясную память. Старший брат Иван был на шесть лет старше ее. На него все смотрели как на надежную опору для семьи. Он хорошо учился и имел способности для дальнейшего образования, но надо было добывать средства для семьи. С детских лет работал в колхозе. По воспоминаниям близких можно представить его вполне зримо. Это был человек среднего роста, широкоплечий, крепко сложенный, обладавший достаточной физической силой. По характеру он был общительным, своим человеком в компании, хорошо играл на гармошке да еще лихо отплясывал. Такой парень был на виду. Но из всех местных девушек он заметил и полюбил одну ровесницу Олю (Ольгу Павловну). Они поженились многие годы спустя, долго были в разлуке, на что были необычайно веские причины.

В 1937 году Ивана уговорили принять магазин. Тщательную проверку не провели. Поверил он на честное слово, что все в порядке. Но через три месяца была проведена детальная ревизия, которая выявила крупную недостачу в 5 тысяч рублей. Ответственность возложили на заведующего магазином. Суд вынес суровый приговор – длительное заключение. Хотя подсудимому едва исполнилось 17 лет, но получил он на всю катушку. Удивляться не приходится: с начала 30-х годов был принят указ о привлечении к уголовной ответственности даже детей с двенадцатилетнего возраста. Отбывать наказание Ивана привезли в Печоржелдорлаг.

Зинаида Моисеевна вспомнила о письмах брата из заключения. Писал он о необыкновенно тяжелых условиях жизни и работы. Из жести консервных банок делали лодочки, которые служили обувью.

Когда началась война, многие узники стремились попасть на фронт, чтобы с оружием в руках защитить родную землю. Среди них был и Иван Моисеевич Воротынцев. В начале 1943 года его освободили из лагеря, а 13 марта Кожвинским райвоенкоматом призван на фронт. Попал он служить рядовым солдатом в 1318 полк 163 стрелковой дивизии.

Скупые строки повествуют о героическом подвиге Ивана Воротынцева. Незабываемым был для него день 11 октября 1943 года. Шло наступление на деревню Гута Межигорская. Но продвижению наших солдат мешал вражеский дзот, поливавший наступавших свинцовым дождем. Смелый и отважный воин первым вызвался уничтожить вражеский дзот и обеспечить наступление однополчан. Вооружившись тремя тяжелыми противотанковыми гранатами и своим родимым автоматом под непрерывным вражеским огнем, ползком достиг огневой точки противника. Гранатой разрушил ее, а гитлеровцев уничтожил метким огнем своего автомата. Но находившиеся неподалеку от дзота немцы открыли огонь по советскому бойцу. Воротынцев броском перескочил разрушенный дзот и начал стрелять по наступавшим врагам. В ходе ожесточенного боя Воротынцев получил тяжелое ранение. Вражеская пуля попала в левый глаз и вышла в районе виска. Обливаясь кровью и едва не теряя сознание, воин продолжал разить врагов. Его товарищи, заметив, что огонь из дзота по ним прекратился, рванулись в атаку, опрокинули фашистов и захватили деревню. Друзья на руках вынесли залитого кровью и уже без сознания от потери крови Ивана Моисеевича. Начались его долгие скитания по госпиталям.

За совершенный подвиг Ивана Воротынцева представили к званию Героя Советского Союза. Указ был подписан уже 29 октября 1943 года. С радостным волнением и гордостью узнали эту весть родные и земляки, а сообщили ее сразу же после опубликования указа о награждении.

В опубликованных материалах о Герое указывается, что «после окончания войны демобилизовался и возвратился на родину». Это не верно. По ранению Иван Воротынцев не мог служить до конца войны. Вообще не упоминается о его таком серьезном ранении. После лечения он еще в ходе войны вернулся в родную деревню. Первое время он даже был не в состоянии работать. Постоянно мучили головные боли. Всю жизнь не расставался с таблетками. По возвращении домой неоднократно лечился на курортах, ему выделяли путевки. Левый глаз закрывала черная повязка, позднее ему сделали косметический протез. У виска, где вышла пуля, образовалась опухоль. Но жизнь брала свое. Он был еще молод. Наладилась семейная жизнь. Женился на любимой девушке Оле, родились две дочери – Люда и Галя.

С доверием и уважением к нему относились земляки. Они избирали его председателем сельского совета на протяжении десяти лет. На этом посту он находился до конца своих дней, в апреле 1957 года.

Он отличался большой заботой о тружениках, своих избирателях, содействовал молодежи в получении образования, помогал жителям в решении многих жизненных вопросов.

Хотя прошло уже полвека со времени кончины Ивана Моисеевича Воротынцева, земляки помнят его, гордятся им, дорогим его имя является и для жителей Сыктывкара, где у Вечного огня установлен его барельеф.

Николай ДОРОНИН

БЕЗ ОТЦА

(рассказ)

Я долгое время был знаком с хорошим человеком – Анатолием Юровым. Мы часто и откровенно беседовали друг с другом, поэтому многое узнал из его жизни. И, с его разрешения, решил написать эту повесть о непростом детстве. Ведь оно прошло в послевоенные годы, а именно война и стала причиной его безотцовщины. Анатолию, ещё в подростковом возрасте, пришлось рано уйти из родного дома в самостоятельную жизнь, и жить, рассчитывая только на себя. Но, несмотря на трудности, он жил и живет по совести, что в наше время очень трудно и достойно описания.

Встречаемся с ним:

- Здравствуй!

- Здравствуй...

- Как дела у тебя?

- Всё нормально, - и снова разбегаемся по жизни.

...Молодые годы матери Юрова Полины совпали с войной, которая и свернула её жизнь со счастливой колее. Мать девочки Евдокия Петровна умерла ещё до войны, на фронт ушли отец Николай Иванович и два старших брата Глеб и Павел. На руках пятнадцатилетней девчушки остались две младших сестренки, и хозяйство. Чтобы хоть как-то выжить дальше, ей пришлось оставить учебу в школе и начать работать в колхозе. Причём, каждую зиму приходилось трудиться на лесозаготовке, а весной на сплаве леса. И не было никакой возможности отказаться от этих, тяжелых для девчонки работ, могли запросто посадить в «сталинские» лагеря за саботаж. Ведь в то время за десятиминутное опоздание на работу светило загреметь на «десятку». Законы были строгие.

Всю войну, и после неё, Полина разрывалась между домом и колхозом. Так тяжело, сквозь слёзы, прошли её молодые годы. Обоих братьев забрала война. Младшие сестренки Татьяна и Светлана, чуть повзрослев, уехали из дома, искать свое счастье. Отец, вернувшись с войны, женился на соседке-вдове.

- Вот и пришло время тебе устроить свою судьбу, - как-то сказал отец.

- Постараюсь, ты не беспокойся, у меня будет всё хорошо, - ответила Полина.

Но, в её жизнь ворвалось это треклятое «но»... Все её ровесники погибли на войне. Так Полина осталась незамужней.

Через несколько лет после войны на лесной делянке она познакомилась с будущим отцом Анатолия Фёдором. Они были из разных деревень, поэтому до последнего случая не были знакомы. Фёдор был намного моложе Полины, ведь её ровесников, как я уже говорил, убили фашисты. Однажды между ними случилась любовь. И вот, после определенного времени, в одно прекрасное весеннее утро родился герой моего повествования – Толя Юров.

Почему-то Николаю Ивановичу Фёдоров сразу не понравился. Он, как говорится, грудью встал против брака старшей дочери с этим человеком. Так махонький тогда Толя Юров остался единственным продолжателем фамилии деда в их роду. Ведь и Глеб, и Павел погибли на войне, а дочери, выйдя замуж, взяли фамилии своих мужей, и хоть у них есть сыновья, они носят фамилии своих отцов. Ещё при жизни деда у Толи родился сын, значит, фамильное дерево в их роду и дальше будет расти. Потом родилась дочь, значит, их род будет расширяться. Пусть Бог даст им хорошую счастливую жизнь и убержёт от всего плохого. Совсем недавно у Анатолия родился внук!

Своего отца Анатолий Юров видел на своей памяти только один раз и то, лишь несколько мгновений. Дело было так. Толе тогда было лет семь – восемь, и он с группой детей весело играл около сельповского магазина. В это время по дороге проезжал трактор, работающий на перевозке хлыстов в соседнем лесопункте. Неожиданно трактор остановился, и тракторист спросил ребят:

- А есть ли среди вас Юров Толя.

- Да, это он, - ответила за всех девочка по имени Ксюша, и указала на Толю.

- Ты, Юров?

- Да, - ответил мальчик.

Тогда незнакомый тракторист попросил Толю подойти к нему, и вручил, ничего не сказав при этом, небольшой кулёчек подушечных конфет. Затем завёл свой трактор и поехал дальше в сторону соседнего, лесного поселка.

Толя, с кульком конфет в руке, ещё долго стоял, растерявшись, и ничего не понимая. Кто этот дядька? Зачем он подарил ему эти конфеты? Дети постарше объяснили, что это был его родной отец. Вот так это и было.

А трактор едет себе и едет, всё дальше и дальше. А мальчик всё стоит и стоит на одном месте. Вот и не стало трактора видно и слышно.... С тех пор стёрся из памяти мальчика образ отца. Как ни старается, не может вспомнить. Где-то живой, нет? Есть ли, нет ли, живы ли, нет ли возможные братья и сестры? Ничего Толя не знает. Через некоторое время, после этого случая, Фёдор с новой семьей уехал из соседнего поселка куда-то в другой район, и Толя его больше никогда не видел. Страшная война через многие годы обожгла Толину судьбу. И стоит мальчонка, и слушает всё удаляющийся шум трактора... Вот и тихо стало.

Прошло более сорока лет. За это время много событий было в жизни Анатолия Юрова. Он жил обычной жизнью простого человека. Учился, честно отслужил в Армии, работал, завёл семью, появились и выросли свои дети, родился недавно внук, продолжатель родовой фамилии. Были невосполнимые потери среди близких людей; умерли его дед, мать, отчим, два брата по матери.

Часто приходили в его голову мысли; про отца, и про судьбу своих возможных братьев и сестер со стороны отца. Но, он со своей стороны никаких действий для встречи с ними не делал. Хотя можно было легко узнать про них от двоюродных сестер и братьев со стороны своего отца, с которыми иногда встречался случайно на улицах города. Разговаривал с ними, как с хорошо знакомыми земляками, а спросить про отца и про его детей язык не повиновался. Тут была причиной и природная стеснительность, и, наверно, обида на отца. Ведь он, со своей стороны, зная всё про судьбу Анатолия, от детей брата, тоже не предпринимал никаких действий для знакомства. По мнению Анатолия, ему, может быть, было совестно за то, что он не оказывал никакой помощи своему единокровному сыну во время детства и отрочества. Вот так они больше и не встретились.

Уже в зрелом возрасте, после одного волшебного сна, у Анатолия проявился Божий дар к писательству. В свободное от основной работы время он начал писать небольшие рассказы; про свою малую Родину, про знаменитых земляков. Как-то само собой у него начала складываться поэма; про свою жизнь и жизнь своего поколения. Некоторые его литературные произведения даже стали печатать в местных газетах и журналах. Появились там же и статьи про него самого. Вскоре, по Божьему провидению, он увлёкся составлением родословной своего рода и рода жены. Вот тогда-то и пришлось Анатолию преодолеть все свои внутренние комплексы, и обратиться к двоюродным братьям и сёстрам с просьбой, рассказать про отца и его семью.

То, что они рассказали, было, как гром среди ясного неба. Оказывается, его родной брат живет с ним в одном городе, мало того, на одной улице. Да ещё и их дома, оказывается, стоят почти напротив друг друга. А это значит, что они, может быть, встречались случайно на улице и расходились спокойно, ничего не зная о своём близком родстве. К нему часто приезжали; и отец, и сёстры, и их дети. Были, может быть, и с ними случайные встречи, и ни у кого из них сердце не подсказало о встрече с родным человеком. Вот так драматически получилось в жизни, хоть что теперь делай, прошедшего времени уже не вернёшь.

Анатолий, при первой же возможности, встретился с родным братом. Это была встреча, перемешанная с радостью и печалью одновременно, как в телепередаче «Ищу тебя». Никто, из них обоих, не мог тогда предположить, что нечто подобное им придётся пережить ещё раз, через несколько лет, но об этом чуть позже. От брата он узнал о смерти отца несколько лет назад, и о недавней смерти его жены – матери брата. Узнал о том, что у него есть три сестры, живущие в других районах. Анатолий в последствии, стал с ними активно переписываться, рассказывая им про себя и многое, узнавая про их жизни.

Брат дал ему перезаписать видеокассету о своей свадьбе, на которой присутствовал их отец. Много-много раз просматривал Анатолий видеокadres с изображением ещё живого отца. Всё искал какие-то похожие черты сходства с ним и находил их во множестве.

Прошло года три с момента встречи братьев по отцу. Они подружились семьями, бывали друг у друга на «дачах», вместе отмечали семейные торжества. А вот с сёстрами по отцу Анатолию повидаться всё ещё не получалось, в основном из-за того, что они жили далеко, и поездка туда требовала бы много времени и денег. Пока не случилась беда. Умерла, неожиданно, одна из сестер, в довольно ещё молодом возрасте. Анатолий, бросив все свои домашние дела, решил поехать попрощаться, с так никогда не встретившейся ему сестрой. Поехали вместе с братом. Вот на этих похоронах, и произошла долгожданная встреча Анатолия с двумя другими сестрами и их близкими. Они приехали из другого района. Все они оказались милыми и добрыми людьми. Снова перемешались вместе и горе утраты сестры, и радость от встречи с двумя другими сестрами. Как и пережить это одновременно?! И так уже второй раз в жизни...

Возвращаясь с похорон, Анатолий с братом заехали в район, где жили сестры, и где на кладбище покоился отец. При жизни он никогда и ничего не рассказывал своей семье о существовании старшего сына – Анатолия.

И вот теперь, стоя, у его могилы, Анатолий думал: «Прости, что такая у нас встреча случилась с тобой, отец! Я, всё-таки пришел к тебе, да не один, а вместе с другими твоими единокровными детьми. Вот только одной сестры нет с нами рядом, она уже там с тобой на Небесах. Вот так в жизни у нас получилось с тобой, отец, и ничего уж изменить нельзя. И кто виноват в этом, уже поздно разбираться. Одно хорошо, что при помощи Божьего провидения, мне удалось повстречаться с братом и с сестрами. Прости за всё!»

Анатолий ПОПОВ

"ОСВОБОЖДЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ..."

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА №... НА ЗАКЛЮЧЁННОГО САВИНА В.А.

Это небольшое дело, всего сорок один лист, многие из которых - небольшие обрывки бумаги - на одно - два коротких предложения. Но каждый из этих обрывков содержит в себе такой заряд информации, который позволяет дополнить всё ещё не рассказанную биографию Виктора

Алексеевича Савина. Что хочется узнать из содержания этих листов? Прежде всего, отыскать ответ на вопрос о том, почему заключённый Савин В.А., осуждённый в 1937 году на 5 лет лагерей, не освобождён из лагеря после истечения этого срока 7 октября 1942 года?

Почему з/к Савин был в 1943 году отправлен этапом в Сибирь, где умер 11 августа 1943 года?

Такие же вопросы ставил перед собой В.М. Полещиков в 1993 году, когда на страницах газеты "Трибуна" рассказывал о следственном деле В.А.Савина / "Трибуна", 1993, 14, 21 августа /.

Я уточню ту публикацию лишь в одном: В.М. Полещиков утверждает /разумеется, на основании документов следственного дела/, что лишь дважды Савин вызывался на допросы. В лагерном деле Савина значится вызов на допрос и 20 июня 1938 года: " Начальнику тюрьмы. На допрос... Следователь Сучко".

Есть ли в этом личном деле ответы на поставленные вопросы? Думаю, что есть.

Итак, 7 октября 1937 года оперуполномоченный Секоцкий составляет и подписывает "Постановление об избрании меры пресечения", которое утверждает в тот же день начальник УНКВД Коми АССР Ковалёв с согласия прокурора Коми АССР Федченко:

"...рассмотрев материалы по делу №... и приняв во внимание, что гр. Савин Виктор Алексеевич, 1888 г.р. ..., бывш. член ВКПб, исключённый как разложившийся, по национальности коми, гр-ва СССР, не судим, ... достаточно изобличается в том, что он на протяжении ряда лет вёл активную контрреволюционную работу, направленную против политики партии и Сов. власти.

Учитывая тяжесть совершённого им преступления и то, что, находясь на свободе, он может скрыться от следствия и суда, руководствуясь ст.ст. 144, 147, 158 и 159 УПК, ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда Савина Виктора Алексеевича избрать содержание под стражей в Сыктывкарской тюрьме".

В тот же день В.А. Савин арестован. В Талоне ордера на арест значатся и статьи обвинения : 58-10 /пропаганда или агитация с призывом к свержению Сов. власти/ и 58-11 "всякого рода организационная деятельность/.

И уже на следующий день оперуполномоченный ставит в известность дежурного тюрьмы запиской, что "Савина В.А., при сём препровождаемого, не садить с сего дня приведёнными Изъюровым И.В., Дорониным М.П. и Бабушкиным Ал. Ив." / так в тексте - А.П./

В деле нет сведений о допросах и показаниях. В апреле 1938 года Савин пишет записку жене с просьбой "принести мешок под вещи, мешок под сахар, кисет для табака, кальсоны". Далее в деле подшито заявление Станислава Савина о передаче названных вещей отцу.

7 июля 1938 года в Архангельске судьбу Савина решает Особое Совещание:

"Выписка из протокола ОСО при НКВД СССР...

Слушали: дело № 16814 / Коми АССР/ о Савине Викторе Алексеевиче, 1888 / в документе 1880-ый год - А.П./ г.р., б. чл. ВКПб.

Постановили: Савина Виктора Алексеевича за к-р деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет, считая срок с 8.10.1937г.

Дело сдать в архив..."

6 сентября 1938 года составляется Учётно-статистическая карточка на з/к Савина В.А., среднего роста, нормального телосложения, русого, сероглазого, с прямым носом, ранее отнесённого по состоянию здоровья к 3-ей категории. Здесь значится, что зек является инвалидом 2-ой группы, женат, четверо детей. Социальное положение - "лицо свободной профессии".

Виктор Алексеевич пытается не согласиться с приговором и пишет жалобу в Прокуратуру СССР. "Проследите исполнение и объявите з/к Савину В.А. под расписку о том, что его заявление, адресованное Прокурору СССР, направлено в Прокуратуру СССР 23 мая 1939 года, №...". Это уже происходит в Воркутпечлаге, куда Станислав Савин посылает телеграмму с просьбой сообщить о судьбе отца.

Практика ответов из лагерей предполагала приглашение Станислава Савина /в нашем случае - А.П./ в Сыктывкарскую милицию, где ему зачитали под роспись ответ из Воркуты :

"Просим объявить гр-ну Савину, проживающему..., что з/к Савин В.А. здоров и содержится в Воркутпечлаге НКВД".

Интересны в деле медицинские справки. Перед каждым этапом врач давал своё предположение: дойдет или не дойдёт зек до следующей зоны?:

"Здоров, пешком может" / это записано в "Печорлаге" 26 августа 1938 года /.

"Здоров, следовать может" / это из Архангельска на Воркуту, куда Савин был доставлен 5 сентября 1938 года.

В Воркутпечлаге Савин работает счетоводом материального стола в грузоколонне лагпункта, затем сторожем угольного склада.

В лагере полагалось ежеквартально или за полугодие вести на каждого заключённого "Карты зачёта рабочих дней" и составлять "Характеристику на з/к..."

Лагерное начальство характеризует во всех находящихся в деле документах Савина положительно. Вот запись от 23 апреля 1939 года аттестационной комиссии :

"... з/к Савин работает сторожем угольного склада, раньше работал грузчиком. К работе относится добросовестно, работу любит. К своим обязанностям и порученное дело выполняет безотказно. Дисциплинирован в быту и на производстве. В культмассовой работе не участвует. По материалам 3-ей части поощрения не заслуживает".

В Адаке Савин работает рыбаком: "Старательный рыбак. Имеет большое желание к

повышению производительности труда. Примерный в отношении к инвентарю. Дисциплинирован. В быту ведёт себя вежливо и со всеми аккуратен. 30.06.1941г.»

Третий отдел - это самый лагерный отдел, опер-чекистский, который призван быть самым подозрительным. Думаю, именно решение, принятое в 3-ем отделе, задержало в лагере Савина после окончания пятилетнего срока заключения. Власть этому отделу была дана почти безграничная. Достаточно сказать, что в первые годы существования ГУЛАГа опер-чекистский отдел подчинялся напрямую Москве, как бы игнорируя начальника лагеря.

Итак, подошли к разгадке причин, по которым Савин был оставлен в лагере сверх пятилетнего срока.

29 апреля 1942 года была подписана совместная Директива НКВД и Прокуратуры СССР, которая предписывает задержать освобождение отбывших свои сроки заключённых до конца войны. Правда, исключение делается больным и инвалидам.

26 июня 1942 года в деле Савина появляется документ, свидетельствующий, что его освободят чуть раньше срока / 8 октября 1942г /:

"Подлежит освобождению по директиве НКВД и Прокуратуры СССР №185 от 29 апреля 1942 года. Штамп: передать на плановое освобождение".

Казалось бы, лагерным мучениям подходит конец: больного писателя освободят, он вернётся домой...

Но решение окончательное принимает размашистая запись в деле: "Освобождению не подлежит как националист коми. 21 июля. Подпись".

Конечно, подпись можно расшифровать, определив имя того, кто приговорил Савина к пожизненному лагерному сроку. Но мне это неинтересно, ибо в этом расписалась Власть, которая дала такое право вершить судьбы людей одному из винтиков своей беспощадной машины. Поэтому вполне логично, что в лагерном деле В.Савина существуют два противоположных решения, отсылающих нас к всё той же директиве № 185.

Впрочем, об этом красноречивее говорит "Справка:

З/к Савин В.А., л.д. 19480, осуждённый 7.10.38г. ОСО по ст. УК КРД / националист/, срок 5 лет, ранее не судим, на основании Директивы НКВД и Прокуратуры СССР №185 от 29 апреля 1942 года освобождение из-под стражи задержано до конца войны. 11 сентября 1942 г."

Справку подписали начальник 3 отдела и начальник Управления Воркутстроя: Чепига и Тарханов.

В это время Савин уже совсем больной человек, впрочем, это известно и его охранникам.

29 января 1943 года из Управления Воркуто-Печорского ИТЛ з/к Савин В.А. этапируется в Новосибирскую область "...на основании наряда ОУРЗ ГУЛАГа НКВД СССР № 42/ 96435 направляется в Ваше распоряжение для дальнейшего отбытия меры уголовного наказания. Прибытие з/к Савина В.А. и поступление личного дела прошу подтвердить. Приложение : л/д 19480...".

В.А. Савин определён в Прикульский ОЛП, где его почти сразу начинают готовить к освобождению " в порядке директивы НКВД и Прокуратуры СССР №185 от 29 апреля 1942г. за невозможностью дальнейшего использования в лагере".

Появляется протокол освидетельствования со зловещим перечислением болезней, затем справка о том, что Савин подлежит освобождению. Эта активная деятельность приходится на июль 1943 года. Но освобождения не происходит. Лагерное начальство понимает, что свободным этот человек станет совсем скоро и без их участия: 11 августа 1943 года Виктор Алексеевич Савин умирает в лагерном лазарете.

Обрывок газеты, на котором составлен "Акт":

"1943, августа, 11 дня, мы, нижеподписавшиеся: начальник медсанчасти Виноградова, в присутствии леч.врача Калябина, инсп. 2 Файтельсон, составили настоящий акт в том , что находящийся на излечении в лазарете Савин Виктор Алексеевич, 1888, КРД, 5 лет, умер в 8 часов 11 августа 1943г. Диагноз... Подписи..."

Ещё 28 декабря 1942 года в Воркутпечлагае поставлен "диагноз" пребыванию Савина в лагере: "освободить за невозможностью дальнейшего использования", но в январе 1943 года Савин был определён на этап.

Шли годы. Реабилитация, восстановление в партии... Всё посмертно. Документы уже сказали, кто писал доносы на Савина, но только в последнее время появилась возможность примирения писателя с родиной. Делегация из Республики Коми к месту последнего упокоения Савина, памятный знак на кладбище далеко от родины.

Не трудно, но долго шло всё к этому.

Совет Министров Республики Коми 24 июня 1992 года подписал распоряжение № 467-Р "О создании единого фонда В.А. Савина" в Национальном архиве, а он всё никак не пополнится важными документами из Новосибирского архива, куда в октябре 1990 года обращался и руководитель архива КГБ по Коми АССР В.М. Полещиков. Он просил сообщить о В.А. Савине...

"Данные в отношении В. Савина, полученные от Вас, будут иметь историческое значение для

народа коми, т.к. они лягут в новые книги и статьи о нём. В связи с этим, прошу избежать формальности при подготовке ответа. По существу, население республики будет информировано через печать, поэтому ответ прошу дать без грифа "Секретно".

Ответ из Новосибирска:

"5 сентября 1938 года прибыл для отбывания срока наказания из Архангельской тюрьмы в Воркутпечлаг. 12 июля 1943 года был переведён из Воркутпечлага в Прикульское отдельное лагподразделение Сиблага, расположенное на территории Прикульского лесничества около ст. Итатка Томской ж.д. Приказом Прикульского ОЛП № 222 от 12 августа 1943г снят с учёта подразделения в связи со смертью".

Разночтения в датах не столь существенны: в январе или в июле прибыл Савин умирать в Сибирь. Увидит читатель и разные даты в публикациях В. Полещикова и в нынешней: что ж, здесь к единому мнению придти несложно. И как же мы долго, слишком долго, шли к тому, чтобы прочитать эти документы. Всегда ли в том повинна архивная система страны? Вряд ли...

В июне 2007 года газета "Аргументы и факты" дала мою информацию о том, что лагерное дело на Виктора Савина не пропало. Рассказывая о том, как шёл поиск, я, конечно, не сообщил всех подробностей. Теперь это можно раскрыть.

Когда эта информация была опубликована, я послал её в Новосибирск Н.Н. Соболевской, филологу из Новосибирского Госуниверситета. Дело в том, что она и её супруг, историк, во многом способствовали успеху моих поисков. Именно к ней я обратился, когда нужно было уточнить адрес Новосибирского архива, попросил найти конкретного человека, который поможет мне в поисках.

Почему к ней? Мы познакомились, сойдясь на одном теме - о судьбе поэта-лагерника Ачаира /Алексея Грызова/. В одном исследовании было рассказано, что в 1945 году А. Ачаир был арестован в Харбине и попал затем на Воркуту. Соболевская занималась творчеством Ачаира и убедительно доказала мне, что срок он отбывал в Сиблаге.

Правда, воркутинскому альманаху 2007 года "Высокие широты" это не помешало поместить стихи Ачаира, сославшись на неточные сведения о его воркутинской биографии.

Тогда же, в 90-е годы, её супруг-историк, познакомился в архиве с делом Савина и сделал для супруги некоторые выписки: мол, если в будущем заинтересует её и этот поэт-лагерник, то информация уже подготовлена.

И вот эта информация пришла ко мне из Новосибирска. Оставалось внести уточнения, сверить тексты, короче, оставалось свести воедино всё то, что по этому лагерному делу стало известно ныне.

То, что лагерное дело Савина числится до сих пор в разряде секретных, это глупость системы и равнодушие наше собственное. Разве не может быть стыдно, что в Республике Коми есть памятник и улица Виктора Савина, отстраивается новое здание театра его имени, есть премия его имени, а сроки поиска архивного документа доведены до советского строительного долгостроя.

На Руси существовал обычай: если человек выкрикивал "Слово и дело Государево!", то произнесшего это немедленно доставляли пред светлые очи, даже если он это произносил пристроенным на плаху. Вопрос о документах, касающихся Виктора Алексеевича Савина - это тоже государственный вопрос. Поэтому хотелось бы, чтобы между Словом и Делом пропасти не существовало.

Литературное объединение Сыктывкарского госуниверситета

Елена КЕПЛИН

МЫ – СОН ПРЕДУТРЕННИЙ И ВЕЩИЙ...

В ночи всё проще. Время днём
Сердца сжимает нам, как клещи.
Да будет ночь! Мы станем сном
Незабываемым и вещим.

Свет долговязых фонарей
Так беспощадно и толково
Пронзая нас, фантомно грел
Движенье каждое и слово.

И голова была ясна,
Ты весь мерцал, как добрый призрак,

Но для придуманного сна
Ты слишком дорог мне и близок.

Кружа безвольно, лист-артист
Нас удивил своей премьерой.
Жаль, он не выступит на бис.
Как рано, Господи, как верно...

Он спутал август с сентябрём...
Мой долгожданный, мой нездешний,
Мы никого не предаём,
Мы - сон предутренный и вещей.

Недогляди, недоскажи,
Оставим песню недопетой.
До пробуждения - вся жизнь,
А до любви - как до рассвета...

Владимир УСТЮГОВ

* * *

Обжитый дом, причудливы черты
Рябины за окном на занавеске.
Моя соседка скромная, как ты,-
Кукушка обитает в перелеске.

В июнь, устланный молодой травой,
Кошачьей белой лапой наступая,
Крошится ночь предутренной росой.
Я поддаюсь ей – тихо засыпаю...

* * *

Читали молитвослов,
Читали и пели Блока,
Спасались от злобы дня:
Свечу зажигали в банке,
Следили, как вьется огонь;
В родимой ночной тишине
О прошлом смеялись тихо,
В грядущее верили робко.
С утра спозаранку вставали,
Писали рассвет на небе
И снова шептали Блока.

Куреньями облаков
Растаяли те мгновенья...

Максим САМАРИН

* * *

Мне прожить один лишь миг,
а мне большего не надо.
Мне твой шепот или крик,
твои жесты или взгляды
больше неба, выше звезд,
глубже таинств океана,
дольше жизни, горше слез,
словно солнце и туманы.
Миг любви – и жизнь, и смерть,
полнолуние и рассветы,

все желанья и запреты.
все, что дальше нас и рядом.
Ты и Я. Иного нет,
и, наверное, не надо.

Анастасия ТАТАРИНОВА

МУЗЫКА

Громче включаю музыку,
Пусть она заглушит мои мысли.
Я не обязана отвечать перед кем-то
За свои поступки.

Я радуюсь тому,
что ритмы спешат во мне, как по дороге,
Сквозь нервы и вены,
Лишая мои раздумья и отчаянье смысла

Музыка отдаёт вибрацией по моей коже,
Растекается волнами.
И если сейчас её выключить,
Что-то во мне остановится...

Ольга СКРЯБИНА

* * *

Полет души не бывает
в неправильном направлении,
это всегда подъем.

Татьяна РИВЧАК

* * *

Серыми стали листья
Некогда ярких цветов.
Пора обоим менять.

* * *

Выпал снег.
Нет ни одного следа
К моему дому.

**Литературное объединение «ЛИСТ» Сыктывкарского высшего педагогического
колледжа № 1 им. А.И. Куратова**

Нина ПУНДИКОВА

* * *

Не хочу, не могу, не желаю прощаться
с тем, кто ближе всего, кто дороже всего.
Хоть расстаться с тобой –
как душе разорваться,
помнить будешь улыбку лица моего.
Если в сны возвращусь
с пряным запахом лета,

на пороге весны
в мягком свете рассвета,
когда осенью листья
под ветром шумят,
когда вьюга метёт
и когда снегопад,
вновь встречаться с тобой не смогу, не сумею:
я печали золою по жизни развею.
Уходя – ухожу... Шаг – и бездна разлуки,
без истерик и слёз разомкну свои руки.

* * *

Кусты в саду, как белые костры,
застывшие в стремительности взлёта.
Воспоминания уже не так остры,
о ранах в сердце, радостях полёта,
когда душа взмывала в небеса,
а каждый шаг – как будто над землёю,
все ветры дули в наши паруса,
а мир распахнут был для нас с тобою.
Нет, не для нас! Мой захлебнулся смех,
и горе резко обрубало звуки.
Текла толпа, но ты забыл про всех,
а на твоих плечах чужие руки...
Я выжила, похоронив любовь.
Никто не видел слёз, не слышал плача.
Зачем ты в жизнь мою стучишься вновь,
забытый, ничего уже не знача?..

* * *

Умея ждать, я наконец дождусь
того, о чём давным-давно мечтала
и с замираньем сердца ожидала.
Умея ждать, я наконец дождусь!

Ещё немного подождать осталось,
и я пойму, что жизнь жила не зря,
что я такой счастливой не была.
Ещё немного подождать осталось...

Я не корю судьбу, что я ждала:
она меня не просто закалила,
она держать удары научила.
Я не корю судьбу, что я ждала.

Но если ожидания – лишь мираж
и наши испытания от Бога,
пусть это будет личный антураж,
что силы даст для нового пролога.

Наталья СТАРЦЕВА

СБЕРЕЧЬ

(рассказ)

Зима стояла на редкость холодная. Жгучий мороз окрашивал всё в насыщенный синий цвет. Улицы опустели. По дороге редкая машина везла замёрзшего водителя, ненавидевшего в этот момент

природу – матушку всем сердцем. В воздухе витала всеобщая мечта о лете, о море без названия, о палящем солнце и разгоряченных телах...

В квартире номер четыре на первом этаже кирпичного дома жили двое. В тот момент, когда весь город мечтал о лете, Она стояла у плиты и мечтала о новой жизни. Он сидел на диване, обхватив руками голову, и не мечтал ни о чем. А в небольшом, как-то наспех обставленном коридоре, который соединял кухню и комнату, лежала собака. Наверное, и она о чем-то мечтала, вот только глаза её... Это были глаза, всё понимающие...

Пять лет назад в квартиру номер четыре на первом этаже кирпичного дома въехала новая семья, только что сфабрикованная ячейка общества – Он и Она. Соседям они казались счастливой парой, вот только не могли они отделаться от чувства, что чего-то не хватает... Но когда она в зимний солнечный день принесла в шубе маленький комочек, это чувство куда-то исчезло. И никто о нем больше не вспоминал. Удобно было.

А комочек этот медленно превращался в умного, верного помощника и друга, который завоевал любовь и уважение обоих хозяев. Пёс же привязался к ним двоим сразу и безраздельно.

Сейчас пёс лежал в коридоре и тихонечко скулил. Уже три дня подряд его выпускают гулять одного. В квартире тишина. Только часы отстукивают уходящие секунды...

Пёс поднялся и долго решал: идти ему в комнату или на кухню. Пришел к ней. Ловил взгляд. Ну, поссорились... Ну, с кем не бывает... А Она не смотрит. Так, мимоходом нащупала холодной рукой морду, провела пальцами по шерсти. Сказала:

- Ну, будет. Иди...

Отвернулся... Топтался на месте. Подошел к ней. Лизнул шершавым языком руку и побрел в комнату.

А Он сидит. Положил морду на ногу. Вздохнул. Он в глаза смотрит. Как глаза-то блестят у хозяина... «Может, помириться, а?»

А он погладил по шерсти и прошептал:

- Сейчас вместе гулять пойдем. Устал я. Тебе всё объяснить хочу, дружище!..

На улице холод пронизывающий... Ветер пронизывающий, слезы из глаз от ветра такого...

- Послушай. Ты прости меня. Уйду я. Надо уйти. Ты не переживай. Ведь рядом жить будем, в соседних домах. А ты ее береги. Может, и нас сбережешь...

«Нас сберечь? Конечно! Вот только что для этого надо? Хозяин, скажи! Её беречь... А ты-то как? Тебя кто сбережет?»

По улице идут двое: Он и собака. Холод на улице, а они бредут себе медленно, не расставая им...

А пёс, Верный, знает что делать. Придумал уже, как помочь. Хвостом виляет.

Утром стало холоднее. То ли на улице, то ли в квартире номер четыре...

Он собрал вещи. Ушёл в дом напротив. Близко, из окна кухни видно. Это хорошо. Это очень хорошо. Пёс знает, он придумал. Сберечь. Всех троих сберечь! Хозяин просил. И Она ведь переживает. Его сберечь хочет. А придумал ведь! Хорошо придумал, ладно.

Она на кухне. Он в комнате. Я в коридоре. Между ними. Только коридором станет тропинка между домами... Зима стояла на редкость холодная... Улицы опустели. И только в центре тропинки, соединяющей два кирпичных, холодных дома, лежала замерзшая собака, которая так хотела сберечь троих, потому что любила обоих... Зима стояла на редкость холодная... Жгучий мороз...

Даша ЧИСТОУСОВА

* * *

Прекрасна осень золотая та,
Что из себя вся северная скромность.
Люблю её спокойные цвета
И тихую молчащую невольность.
Она, как будто пробуждение от сна.
И после лета яркого она
Как будто успокаивает душу,
Как будто хочет что-то рассказать
Про жизнь, которую мне нынче не понять.
А шелест листьев хочется мне слушать...

Анастасия СУВОРОВА

* * *

И вновь декабрь - последний месяц года.

На улице лишь дождь и гололед,
А мне уже давным-давно охота,
Чтоб сыпал снег, и время шло вперед.

Мороз, мороз, ты на окне узоры
Рисуй, рисуй белёсые леса.
О новом годе слышу разговоры,
И шарик ёлочный на ветке как слеза....

Жанна КИЗИМ

О ЗВЁЗДАХ

Говорят, звёзд много очень,
Говорят, им счета нет.
Так ли это, скажет осень...
Да и «да» скорей, чем «нет».

Все живут и умирают,
Звёзды словно человек.
Лишь любви они не знают,
Но зато их долгие век.

А сейчас, забыв о главном,
Ты зови их не зови,
Видишь свет Альдебарана
И мечтаешь о любви.

Лия КАНЕВА

ВЕЧНАЯ ДОРОГА В НИКУДА

Вечная дорога в никуда,
Снова ты несешь меня куда-то,
Снова самолеты, поезда,
Уезжаю вновь я без возврата.
Снова волноваться будет мать,
Плакать в трубку:
«Где ты, что с тобой?»
Снова ее буду утешать:
«Мамочка, приеду я домой!»
Я приеду, посижу денёк,
И опять зовет меня дорога.
Загорится в сердце огонек,
И забуду я про мать и бога.
Вы простите, милые мои,
Жизни я другой не понимаю,
Надоела ложь мне и враги,
В никуда от них я убегаю!

* * *

Я плачу от адской боли,
Ведь в сердце моем острый нож,
Всю жизнь я стремилась к воле!
Добилась ее, ну что ж?!
Ты предал меня так жестоко,
А я доверяла тебе.
Тебе хорошо, а мне плохо,
Смеюсь же назло судьбе.
Запомни: я не заплачу!

Тебя я не позову!
Тебе я желаю удачи!..
Хотя, как и прежде люблю...
Ну да, я не ангел, но все же,
За что так со мной поступил?
Господь пусть тебе поможет
Понять, что и ты любил!

Юлиана КОЧАНОВА

НЕ ИДЕАЛ

Я знаю, ты не идеал,
Но чем-то в душу мне запал.
В твоих глазах я утону,
Как будто в море в них плыву.
Но ты другой, ты не такой,
Ты слишком разный, не простой...
Ты не способен жить как все
Наверно, трудно только мне
Любить тебя такого,
Совсем, совсем другого.

Лана ШЛЫЧКОВА

* * *

Топлёное солнце теплится лучами
В распахнутых новых глазах мироздания
И синее время – живое! Живая!
Я это люблю, я его проживаю.

Великие ветви, могучие станы,
Вы счастьем полны – всё небо пред вами.
Сосновое древо – спокойно веками
И я вместе с вами, я мудрою стану...

Всё сущее – суть есть любви и покоя,
Святится святое, святится святое.
Живёт и не знает, живу и не знаю,
Что в каждой минуте я всё проживаю.

Как век быстротечен как речка лихая,
Как сорванный лист в никуда улетает.
Поймаю на встречу! Зачем опоздания?
И снова начнусь я в глазах мироздания...

* * *

Какая синь в глубинных облаках,
Ожившая сердцебиеньем солнца.
Какое доброе свечение в лучах,
Обнявшего теплом моё оконце.

Царящий мир, святая благодать,
Ниспосланная божьим повеленьем,
Глазам светло, словам не передать
Родившегося чуда умиления.

Любовью неба пробуждается земля,
Его крылами чувствуя свободу,

Смолистым духом пьянят тополя
Улыбками цветущую погоду.

* * *

В поднебесные делянки
Облаков пушистых лён,
Сердцу милые полянки
Взор мой жадно устремлён.

Лебединое движенье
В голубом заливе вод,
Тех полянок отраженье,
Легкокрылый хоровод.

Миг скользит в небесной сини
Тёплой белой пеленой,
Светом нежных мягких линий
Перед тающей луной.

Взгляд ласкают ноты света –
Вальс плывущих облаков,
Мелодичного навета
Тихих утренних шагов.

Вижу, шире рам оконных
Осиянную полынь,
Что со звуком колокольным
Чтит небесную пустынь.

Анастасия БЕЛЯЕВА

МЕТЕЛЬ

Метель, метелица кружится,
Укрыта снегом вся земля.
И на душе тоска вьюжится,
А сердцу больно от огня.

Как объяснить тебе, любимый,
Что не хватает мне тебя.
И одиночество – та сила,
Что всех страшнее для меня.

Когда ты нужен мне как воздух
Ты исчезаешь и тогда
В романсах задыхаюсь слёзных,
И ими упиваюсь я.

Пойми, хороший, я все помню.
Я знаю о твоей любви,
Но только стань моей опорой
Не покидай меня, люби!

А за окном метель все вьюжит.
И мягкий снег танцует вальс
Любовь пусть в наших душах кружит,
Она уже сильнее нас!

Метель, метель уймись скорее,
Метель, метель ты мне поверь,
Что мы безвременно стареем,
Не заматай мою ты дверь...

И на душе тоска вьюжится,
А сердцу больно от огня.
Метель, метелица кружится,
Укрыта снегом вся земля...

* * *

Лежу одна, и мне не спится,
Все думаю о нас с тобой.
Ведь лишь вчера краснели лица,
Мы глупо ссорились с судьбой.

Ночь на дворе, не смей скитаться...
Ведь дети спят уже давно.
Часы пробили срок – двенадцать,
И шелест ветра за окном.

Когда судьба нас испытует,
Нам волю нужно сжать в кулак
Не зря же мудрость Бог дарует,
Чтоб знали мы любить-то как...

На расстоянье друг от друга
Мы остро чувствуем любовь.
Рванём из замкнутого круга
И жизнь свою начнём-ка вновь.

* * *

мужу в Чечню

Муж мой милый, дорогой,
Я люблю тебя, родной!
Хоть далек ты от меня,
Помню каждый день тебя!

Пусть быстрее промчатся дни,
Злой разлуки без любви,
Чтоб скорей с тобой обняться
И к плечу щекой прижаться.

Чтоб в глаза твои смотреть,
Верить в счастье и робеть,
Чтоб о будущем мечтать,
Целоваться и летать!

Будь здоров, силен душой,
Буду я сильна с тобой!
Муж мой милый, дорогой,
Приезжай скорей домой...

Андрей КАНЕВ

**ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ
И ПРОЗЕ РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ
ЗЕМЛИ КОМИ, ВЫШЕДШИХ В СВЕТ В
2007 ГОДУ**

«Среди стихов и прозы, - написал в одной из своих статей «Война другая» доктор филологических наук Владимир Гусев, - повествующих о сложностях индивидуальной психики, о бессмысленности жизни молодой, о витиеватых сексуальных отношениях людей, которые вообще неизвестно чего хотят, вдруг попадаете вот такая книга, которая может сначала заставить вздрогнуть,

а потом глубоко задуматься о судьбе, выпавшей нашей стране, о пути, по которому идёт наш народ». Вот о таких книгах мне и хотелось бы сегодня поговорить.

Предварить свои нынешние филологические записки мне хочется четверостишием замечательного русского поэта Олега Чупрова. Написанное им о философии творчества, оно, как мне чувствуется, наиболее полно соответствует моему личному отношению к нашему региональному литературному процессу в Республике Коми, в коем я сам вот уже многие годы с удовольствием «варюсь»:

Ну, что ты молчишь, как печальный Пьеро?
Возьми себя в руки, а в руки – перо!
О том, что душа твоя слышит,
Никто за тебя не напишет!

Сегодня на моём рабочем столе лежат книги: трёхтомник прозы на русском языке народного писателя Республики Коми Геннадия Юшкова, роман, написанный в жанре иронического детектива, Бориса Тарбаева «Золото рыжих баронов», сборник очерков о северной природе «Остановись мгновенье!» Николая Терентьева, поэтические сборники Анатолия Вотякова «Я возвращаюсь...», Раисы Куклиной «Не спешите расставаться...», Вениамина Смирнова «Пора на крыло», Нины Обрезковой «Липа», Екатерины Соколовой «...И будет дом», Валерия Вьюхина «Родство», Нины Николаевой «Поток», Олега Чупрова «Светлое небо над жизнью моей», Владимира Олофинского «...Страшное слово – потом...», историко-приключенческий роман Александра Парначёва «Клад Аввакума», литературные альманахи «Сыктывкар», «Прекрасная и чёрная работа», «У камелька», сборник стихов «Сон о небесах», дайджест «Первое и впервые», сборник стихов-песен для детей Николая Тюрнина (в соавторстве с Марком Новосёловым) «Под морозный перезвон», ноябрьский выпуск журнала «Наш современник», поэтический сборник о долге, чести и мужестве «Я ещё не вернулся с войны...» и книга воркутинских литераторов «Высокие широты». О них и речь.

Редакция журнала «Арт» в 2007 году выпустила в свет трёхтомник прозы народного писателя Республики Коми **Геннадия Юшкова**. Составителем собрания сочинений выступил Павел Лимеров. В первый том вошли: роман «Чугра», повести «Маршрут», «Иван-чай с белыми цветами», «Медведица с медвежатами». Второй том включил в себя роман «Родовой знак» и повести «Право на жизнь», «Женщина из села Вилядь», «Живая душа». Третий том собрал под своей обложкой роман «Бива», и рассказы «Коно Семо», «Виноватая Настя», «В следующую субботу», «Перед окном – буровая», «Гора, похожая на чум», «За брусничкой», «Самый трудный пятый год», «Висар», «Парень с девушкой», «Два леща», «Месяц в городе», «Часовня», «Городская».

За последние годы это одно из самых полных собраний талантливых прозаических произведений знаменитого коми писателя на русском языке. Не преследуя никаких политических, или ещё, каких целей, хочется отметить, на языке, который понятен миллионам россиян, а также огромному числу жителей ближнего и дальнего зарубежья, и что не маловажно, понимающих этот язык иностранных переводчиков. Известен опыт издания многотомника Геннадия Юшкова на родном коми языке, в который вошли помимо прозы, драматургия и поэзия этого автора, востребованность которого даже спустя пять лет остаётся под вопросом. Стоит отдать дань благодарности переводчикам творчества известного коми писателя. Это Луиза и Александр Рекемчуки, О. Мирошниченко, Э. Шим, Т. Яковлева, С. Панкратов. Благодаря им с творчеством Г. Юшкова смогла познакомиться широкая русскоязычная аудитория.

И, как написали в своей статье «Нельзя быть безучастным к тому, что было или происходит с твоим народом...»: коми народ в творчестве Г.А. Юшкова», соратники по литературоведческому цеху и супруги по жизни П. Лимеров и В. Лимерова: «Философская и социальная зрелость писателя позволила ему увидеть жизнь коми народа в её исторических истоках и в перспективе современности. Нравственно-социальные вопросы, а особенно вопрос о судьбе коми народа, поставленные творчеством Г.А. Юшкова, ждут ответа, побуждают к диалогу и не могут оставить безучастным своего читателя». Трудно с ними не согласиться.

В московском издательстве «Маркетинг-Люкс» в 2007 году небольшим тиражом вышел в свет роман известного в республике писателя **Бориса Тарбаева**, назвал он его - «Золото рыжих баронов».

В этой книге не всё придумано. В ставшие уже далёкими времена среди тех, кто сидел за колючей проволокой, ходила будоражившая воображение легенда о золотом кладе неких таёжных промышленников – «рыжих баронов», а многие персонажи под кличками, близкими и вымышленными, существовали в реальности. Его действующие лица, будь то опер Валентин, Миша Флугман, вор в законе сэр Питер, полковник Свердловский или, скажем, профессор Гумакин – выписаны рукой мастера, их психологические портреты, словно «картины маслом», дают нам представление о людях той непростой эпохи сталинского периода истории нашей страны.

В романе много юмора. Неспроста сам автор обозначил своё произведение как иронический детектив.

Борис Тарбаев прожил интересную жизнь. За его плечами полная приключений бродячая судьба геолога в горах, тайге, тундре, исследовательская работа в стенах института геологии и вычислительного центра. Его жизненный путь пересекался с людьми, личности которых не могли не вызывать уважения и симпатии. Он был свидетелем больших и малых событий последних десятилетий ушедшего в прошлое столетия.

Роман геолога и писателя Бориса Тарбаева «Золото рыжих баронов» рассказывает о приключениях, связанных с поиском таинственного клада – золота рыжих баронов, спрятанного в сибирской тайге во время Гражданской войны в России в начале двадцатого века. Действие развивается на фоне реальных исторических событий на протяжении нескольких десятилетий. В поиск золотого клада вовлечены, иногда против их желания, учёные, представители официальных органов, заключённые ГУЛАГа и просто авантюристы. Захватывающий сюжет, яркий и образный язык, ироничность повествовательной манеры автора привлекут, на мой взгляд, внимание самой широкой читательской аудитории.

Очеркист **Николай Терентьев** хорошо известен читателям в Республике Коми. Несколько лет подряд он ведёт в газете «Красное знамя» тематическую страницу «Привал», так полюбившуюся рыбакам, охотникам, любителям пройтись по родным местам, таёжным просторам и уральским теснинам. Эти газетные страницы со временем воплотились в две книги очерков «Сорок привалов» и «Когда ухает филин». Хотя и много он успел порассказать правдивого, чем-то позабавить, а в чём-то, может, и пофантазировать, да не иссякли его родники...

В 2007 году в издательском отделе ОАО «Коми республиканская типография» вышла в свет новая книга его увлекательных очерков о северной природе под названием «Остановись, мгновенье!». В сборник вошли около ста очерков, книга разбита на несколько разделов: «Удивительное – рядом», «Был такой случай», «У костра», «Этюды о природе», «Советы бывалого», «Погода на завтра», а также «Человек и природа».

Редактором-составителем данного литературно-художественного издания выступил известный в республике журналист Авенир Низовцев. Книга получилась интересной и поучительной, патриотичной, искренней и увлекательной. За простотой авторского языка скрывается на её страницах ежедневная человеческая житейская мудрость и истинная любовь к родной северной природе.

В 2007 году вышел в свет сборник стихов сыктывкарского поэта **Анатолия Вотякова** «Я возвращаюсь...». Книжку отредактировал известный в республике бард и журналист Александр Виноградов, а оформила художница Полина Гайнерт. Вошли в поэтический сборник более сорока стихотворений. Он разбит на несколько тематических разделов «Дорога домой» (Кто устали от дороги – покиньте плацкарт...), «Вальс осенних гор», «Я уеду, уеду на несколько дней...» и другие), «Позови» («Ты позови, и я приеду к сроку...», «Выключили лето...», «Сотрутся краски лета, и осень неизбежно...» и другие), «Зима» («Бросают медяки осенних листьев...», «В лесу зимой», «Быстро зима настала...»), «Сеанс психотерапии» («Истоцилась до предела моя нервная система...», «Подружка», «Здоровая песенка» и другие), а также «Взрослые сказки» («Баллада об Иване-царевиче», «Былина о репе», «Сказочка о курочке рябее», «Колобок», «Баллада об истории Эрнотерры», «Сказка о некрасивой принцессе»).

Все стихи Анатолия Вотякова в основном посвящены его «скитальческой» судьбе, беспокойного по жизни человека, спортсмена и путешественника-любителя, а также общеизвестной по бардовским песням «романтике дальних дорог». Поэтический сборник «Я возвращаюсь...» начинается со стихотворения «Не так уж плохо иногда в дороге заблудиться...»:

Не так уж плохо иногда в дороге заблудиться,
Увидеть новые края и снова удивиться.
Какие чудные места бывают там, где не был!
Какие реки и леса! Смешались быль и небыль.
Но хуже выдумать нельзя – блуждать по жизни слепо.
Вот это, что ни говори, действительно нелепо...

Анатолий Вотяков родился в городе Батуми, вырос в Астрахани, живёт в Сыктывкаре. По профессии он – детский врач, работает на «скорой помощи», по жизни – спортсмен и путешественник. Занимался плаванием, восточными единоборствами, спортивным туризмом (водным и лыжным), немного альпинизмом, работая в альплагерях («Спят друзья, воркует печка...»):

Спят друзья, воркует печка
В нашем домике тряпичном.
Две медведицы в зените,
Как гирлянды в новый год.
Я опять сбежал туда, где
Горы, лес и воздух чистый,
Надышаться тишиною
Замороженных болот...

Автор книги «Я возвращаюсь...» является членом литературного клуба «У комелька», в его литературных альманахах он начал публиковать свои первые произведения. Публиковались они и в столичном альманахе «Сыктывкар». Писать стихи А. Вотяков, по своему собственному признанию, стал уже в зрелом возрасте и внезапно. Точнее, начал писать песни и петь их под гитару друзьям. Уже пять лет поэт участвует в различных фестивалях авторской песни, как в Республике Коми, так и в других регионах России. Сборник стихов «Я возвращаюсь...» получился интересным для всех категорий читателей, каждый найдёт в нём для себя созвучные душе мысли и строфы.

«Не спешите расставаться...» - так назвала свою новую книгу стихов сыктывкарская поэтесса **Раиса Куклина**, вышедшую в свет в 2007 году в издательстве «Эском». Солидный в твёрдой обложке сборник вобрал в себя около ста пятидесяти стихотворений. Примерно пополам делится он на русскую лирику и стихи, написанные на коми языке. Открывает русскую половину пронзительное своей нечеловеческой грустью стихотворение «Ты ушёл, и тихонько захлопнулась дверь...»:

Ты ушёл, и тихонько захлопнулась дверь...
Ты ушёл в мир огромной любви и потерь.
Сердце, стой, погоди, ты за ним не беги,
Только жди, тихо жди,
ведь любовь-то ещё впереди...

Несмотря на грустные нотки в стихах Раисы Куклиной, поражаешься той силе веры в «светлое будущее» её лирической героини, которая не даёт лирике поэтессы утонуть в болоте самого махрового «саможаления». Её лирическая героиня – сильна своими человеческими качествами добра и красоты души, она слаба по-женски, той слабостью, что испокон века привлекает мужчин к их избранницам. И это настолько естественно звучит и переплетается в лирике Раисы Куклиной, что стихи её запоминаются сердцем. Так происходит со многими стихотворениями автора, но особенно ярким, пусть и чуточку по-детски наивным, мне показалось стихотворение «Мы забудем все обиды...»:

Мы забудем все обиды
И друг другу всё простим.
Мы друг друга приголубим,
Приласкаем от души.
Будет нам тепло... и жарко,
Побываем мы в раю...
Стала нам любовь подарком
У наших судеб на краю...

Сборник стихов Раисы Куклиной «Не спешите расставаться...» состоит из лирических стихотворений на коми и русском языках, что придаёт факту его выхода в свет для регионального литературного процесса Республики Коми еще большее значение, чем кажется на первый взгляд. Важно то, что поэтесса отдаёт должное своей коренной коми языковой культуре и даёт возможность своим землякам насладиться настоящей литературной, образной, поэтической коми речью. А так же даёт возможность и огромной русскоязычной аудитории познакомиться со своим талантливым и своеобразным творчеством. Сама Раиса Куклина чувствует предназначение своей лиры, и не даром поэтический сборник завершается её программным, на мой взгляд, стихотворением «На поводе у слова»:

На поводе у слова
Иду... бреду... лечу...
От деланья – ни слова!
А я хочу! Хочу,
Чтоб слово стало делом –
Не разрывалась нить.
Каким таким уделом
Их мне соединить?..

Во многих стихах Раисы Куклиной отражается напряжённый поиск добра и света, гармонии с миром и людьми, выражен многообразный спектр чувств женской души. Недаром в своей книге «Литераторы земли коми» литературовед В.И. Мартынов отмечал о поэтессе «С 1997 года Раиса Куклина проявила себя как интересный поэт, автор стихов о любви, которые публикуются на страницах журнала «Войвыв кодзув» и газеты «Коми му». Стихи о любви Раисы Куклиной выходили в свет, как отдельной книжкой в 2005 году в издательстве «Геопринт» под названием «Ты и я», так и в нескольких номерах литературного альманаха «Сыктывкар». Пишет она об этом чувстве так легко и воздушно, что при прочтении в душе зарождается надежда, а это главное в её поэзии, а за спиной вырастают крылья («О любви ушедшей...»):

О любви ушедшей
Ни к чему грустить...
Вечно молодыми

Невозможно быть.
Закатилась юность
Солнцем золотым.
От любви остался
Только белый дым.
Утренней порою
Солнце вновь взойдёт...
Может, нам с тобою
В жизни повезёт?..

Представленная в стихотворном сборнике «Не спешите расставаться...» поэзия отличается задушевностью, доверительностью, профессиональным отношением к слову. В заключение хочется отдать должное талантливой и профессиональной работе редактора книги известного коми писателя Ивана Белыха и художника, оформившего сборник Геннадия Шарипкова. А самой книге стихов Раисы Куклиной хочется пожелать: добрый путь к заинтересованному читателю!

Во мне смеются белые берёзы,
Им треплет кроны ветер молодой,
Шумят леса, печальны и серьёзны,
И птицы говорят между собой,
И грустные неведомые песни
Поёт трава, осенняя трава,
И мир огромный, вечный и чудесный
Роняет наземь звёзды, как слова,
И столько здесь рассказано и спето,
И стонет море, строгое на вид...
Какая радость жить на белом свете
И умереть от счастья и любви! –

эти пронзительные своей выразительностью строки 25 марта 1978 года написал неизвестный ещё пока в Республике Коми поэт **Вениамин Смирнов**...

В русской литературе Республики Коми произошло замечательное событие, в ОАО «Коми республиканская типография» благодаря стараниям Министерства культуры и национальной политики республики, Национальной галереи, Воркутинского межрайонного краеведческого музея и Сыктывкарского госуниверситета вышла в свет книга стихов талантливого скульптора и графика Вениамина Смирнова. Она стала ярким подтверждением той аксиоме, что по-настоящему талантливый человек талантлив одновременно в нескольких направлениях искусства. Открывается обложка, и на читателя просто накатывает вал простых чувств и слов, но, не смотря на их простоту, может быть, самых важных в жизни, самых настоящих («Друг мой, пора на крыло нам...»):

Друг мой,
Пора на крыло нам!
Ждут нас иные края.
Скажем с последним поклоном:
- Время настало, земля!
Время нам в путь собираться.
Светит простор голубым.
Время прощать и прощаться,
И, попрощавшись, любить...

И радость, и печаль выхода в свет этой книги в 2007 году заключается в том, что сборник стихов «Пора на крыло» был подготовлен к изданию ещё в... 1981 году. И был опубликован в основном благодаря поддержке этого издания в рамках проекта «Пора на крыло», посвященного 70-летию со дня рождения Вениамина Смирнова, поэта Николая Герасимова. Теперь поэзия Вениамина Смирнова нашла своё материальное воплощение, подтвердив вечную истину в том, что рукописи, действительно, не горят. Теперь стихи поэта, ушедшего из жизни в 1996 году, как и он сам, принадлежат вечности, лишь с одной разницей, что нынче началась их настоящая литературная жизнь. Видимо, предвидя эту ситуацию Вениамин Смирнов философски набросал 14 августа 1977 года («И наблюдая птиц полёт...»):

И наблюдая птиц полёт,
Среди лесов, иль в тундре голой
Я сердце слушаю своё
И дум высокий грустный голос:
Благословенен каждый миг,
Несущий радость, боль, тревогу,
Благословенен этот мир
И эта звёздная дорога,

Навек останется с тобой
Земля твоя, всегда прекрасна,
И эта вечная любовь,
И это вечное пространство...

Как написала в своей вступительной статье к сборнику стихов «Пора на крыло» О. Орлова «Смирнов Вениамин Иванович (1937-1996)»: «Вениамин Иванович Смирнов – скульптор и график родился 30 августа 1937 года в Ленинграде. Учился в Ленинградском художественном училище имени В.А. Серова (1952-1957), в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (1957-1963), после окончания, которого приехал в Воркуту, навсегда связав свою жизнь с этим городом. В 1968 году был принят в члены Союза художников СССР. Участник многих художественных выставок в России и за её пределами.

В. Смирнов сформировался на исходе «хрущёвской оттепели», годы его учёбы пришлись как раз на это пробуждающееся время. Художник сразу определил основную тему произведений – Север, его природа и люди. Оригинальная форма, декоративность, монументальность, подчёркивающие эпический характер края, его некоторую космичность – всё это характеризует произведения В. Смирнова. Его творчество многогранно: он не только скульптор, но и график, автор керамических работ, произведений монументального искусства (мозаика, роспись, сграффито), занимался художник и росписью по тканям. Для творчества В. Смирнова характерно активное приобщение к интернациональным традициям, общеевропейским приёмам в области художественного языка».

Если можно так выразиться, лично у меня сложилось впечатление после прочтения книги, что у Вениамина Смирнова была даже своя «теория искусства». Свои размышления на тему зарождения в человеческой личности тяги к творчеству, творческого начала вообще, поэт изложил в своей опубликованной в книге поэме «Рана таланта» (Монологи Микеланджело). Поэму составили двадцать три главы, и все они в качестве эпитафии снабжены высказываниями великого зодчего. В некоторых главах поэт спорит с мэтром, в некоторых соглашается с ним, и даже идёт дальше, развивает мысль древнего скульптора.

Так, например, происходит в четвёртой главе. Микеланджело:

«Когда скалу мой жёсткий молоток
В обличия людей преображает, -
Без мастера, который направляет
Его удар, он делу б не помог...»

А вот что, как бы, отвечает своему античному учителю Вениамин Смирнов:

Послушай!
Ты – Человек,
А значит, можешь всё!
Тебе принадлежит бескрайнее пространство.
Твоя бессмертная душа красива и мудра.
Твои мечты прекрасны.
В своих твореньях
Ты отделяешь твердь от вод морских,
И в камне молчаливом
Поёшь ты песнь свободе...

После прочтения подобных строф становится ясно, почему сборнику не суждено было увидеть свет в то советское время начала восьмидесятых годов, когда он и был в основном написан.

Стихи о любви к женщине – это отдельная тема в лирике Вениамина Смирнова. В его поэтическом творчестве любовь представлена во всех её проявлениях. Есть в его поэтических строках и счастье, и измены, и горе от потери близкого человека, и радость новой встречи. Но по прочтении книги, складывается впечатление, что все они посвящены одной женщине, жене поэта («Ты у меня одна...»):

Ты у меня одна.
Ты перед Богом моя жена.
Если чашу горечи пьёшь до дна,
В том не моя вина.
Если совесть твоя кричит,
Если ночи и дни твои горячи,
Если боль в груди у тебя стучит, -
Ты об этом молчи.
Платим собой сполна.
Вечно платим собой сполна.
Словно миг весеннего сна,
Ты у меня одна...

Без малого тридцать лет прошло с момента создания стихов, вошедших в книгу «Пора на крыло». И, слава Богу, что река забвения и безвременья не унесла этот своеобразный поэтический ялик своим мутным потоком. А книга «встала на крыло» стараниями многих замечательных людей и поплыла на полных парусах в люди, такой, какой создал её художник, настоящий художник слова Вениамин Смирнов.

В заключение хочу привести написанное во вводной статье О. Орловой, потому что полностью согласен с её оценкой прочитанных стихов В. Смирнова: «В книгу вошли лирические, страстные, жизненные, философские стихи, погружающие в глубокий и утонченный мир художника. Они получили высокую профессиональную оценку писателей и поэтов Василия Белова, Семёна Ботвинника, Вячеслава Кузнецова, Валерия Тура, Риммы Казаковой, Николая Старшинова...». О творчестве поэта лучше его стихов и не скажешь («Я не писал стихов до странной той поры...»):

Я не писал стихов до странной той поры,
Когда меня коснулось мирозданье,
И мне открылись правила игры,
И ожили вдруг дали расстояний,
Когда впервые я узрел, поняв, в себе
Всю эту тяжкую огромность мира,
Причастность к этой лиственной земле,
Мне подарившей радость дня и мига,
Земле, таящей всё, всё зло и всё добро,
Все вечные вопросы и ответы,
И просто щедрость – и весенний гром,
И просто щедрость – и осенний ветер...

Приятно, что финно-угорская Программа Родственных народов работает и приносит свои плоды. Именно таким плодом и стала небольшая книжка стихов талантливой сыктывкарской коми поэтессы *Нины Обрезковой* «Липа» (несколько двусмысленное название, звучащее по-русски неоднозначно, но уже давно известно, что наши прибалтийские «соплеменники» относятся ко всему русскому без должного уважения, отсюда и разного рода казусы «по-русски», не будем придавать этому большого значения и мы), вышедшая в свет в 2007 году в Таллинне. Открывает её стихотворение, посвящённое малой родине – завораживающий лейтмотив всего творчества Нины Обрезковой, «Когда-то вернёшься домой...»:

Когда-то вернёшься домой
Ты большим человеком...
Смотри, не ударься, входя –
Наш косяк невысок.
Зайдя, ты пригнись на пороге...

Сборник интересен тем, что стихи коми поэтессы Нины Обрезковой, представленные в книге на коми языке, переведены составителями на эстонский и английский языки, что значительно увеличивает круг читателей и почитателей её таланта. Русские тексты представлены в авторском переводе (зачастую – просто подстрочник), может быть, поэтому к великому сожалению не всегда совершенны. Но это ни в коей мере не беда автора книги, скорее недочёт издателей, и опять таки пресловутое «чисто политическое» небрежение русским языком. Необходимо было поработать над текстами профессиональным переводчиком, русским поэтам, кои в нашей республике неумеренно присутствуют. Посему и некоторым стилистическим «огрехам» не будем придавать большого значения. Данное обстоятельство, на мой взгляд, не только не уродует поэтику книги, но и более точно доносит до читателя исконную мысль автора стихов. То есть самой Нины Обрезковой. Чтобы не быть голословным приведу небольшой отрывок из стихотворения «Бабушке»:

Тихо сядешь ты на крыльце своём.
Руки уставшие сложишь на коленях.
Поседевшие волосы – когда-то до пояса –
Ветру осеннему шепчут по-своему.
Всё уже сделано, всё приготовлено –
Лучшее платье твоё не **одевано**
(так в книге – *А.К.* – правильно: не надёвано),
И к платочку белому так и не привыкла ты.
Всё уж приготовлено...

Только подожди ещё...

Представляя поэтессу, Арво Валтон написал: «Нина Обрезкова (род. 1965) одна из самых интеллектуальных авторов среднего поколения в коми литературе, чьи стихи выделяются в поэзии восточных финно-угров своей лаконичностью и точностью. Они пронизаны любовью и горечью. Поэт любит свою маму, бабушку, дом, родную землю, жизнь, а горечь в её стихи привносит мысль о том, что всё родное и близкое уходит. Эта горечь проникается и в счастливые минуты, и даже в любовь,

заполняющую душу». И не согласиться с рецензентом не возможно. Вот что Н. Обрезкова пишет в стихотворении «Мне многого не надо...»:

Мне многого не надо,
Чтобы дети росли,
Мама не боялась,
Что когда старость согнёт,
Побелеет голова,
На земле ей места не найдётся.
Когда выйдет гулять
Молодая девушка,
Чтоб песнь её
Не была горькой.
Чтоб ожидающий её
Статный парень
Был как мама милый,
Как отец силён.
Чтоб у их детей,
Вырастут когда,
Жизни нить
Не оборвалась...
Опять я про это...
Простите меня.
Кого же просить?
До Бога далеко.
Забытая Богом
Коми земля...
Гаснет ясно солнышко моё,
Гаснет, гаснет.

Нина Обрезкова, как пишет в своей книге «Литераторы земли Коми» известный в республике и за её пределами литературовед Валерий Мартынов: «Первое стихотворение «Откалун» опубликовала в 1985 году в журнале «Войвыв кодзув», где позднее появились и другие её стихи. Они публиковались также в переводах на русский, эстонский, удмуртский, мордовский, болгарский языки...». И всегда её стихи полны точных жизненных наблюдений, философских оценок, как, например, это происходит в стихотворении «Если нечего сказать...»:

Если нечего сказать,
Конечно же, не скажешь.
Давно заледенела река жизни.
Давно затоплен жизни луг.
Заиндевелую душу долго не сохранишь.
Заиндевелую душу уже не растопишь.
По замерзшей реке далеко не уплывёшь.
У замёрзшей реки короткий век.
Скажи,
Если есть ещё что-то сказать.

Всего в поэтический сборник «Липа» вошли более тридцати стихотворений, более всего мою душу тронули: «Черёмуха около дома начала сохнуть...», «Я из твоего колодца полной горстью...», «Хочешь, лодкой тебе буду...», «Память моя мне все двери открыла...», «Когда-нибудь птицей в твоё окно...», «Может, давно уж пора отправляться...» и многие другие. Приведу одно небольшое стихотворение, посвящённое неизбежному женскому одиночеству «Перевези меня, лодочка, на тот берег...»:

Перевези меня, лодочка, на тот берег.
Слышишь – зовёт-кличет знакомый голос.
Слышишь – плачет-кличет знакомый голос –
Перевези меня, лодочка, на тот берег.
Перевезла меня лодочка на тот берег.
Ищу, зову-кличу знакомый голос.
Ищу, плачу-кличу знакомый голос –
Только эхо на другом берегу...

Далее в своём представлении Нины Обрезковой Арво Валтон отмечает: «Верю, что её поэзия, которая хотя очень личная, как любая поэзия, имеет, что сказать миру – что-то большее, чем личный восторг или личная боль». В том то и дело, что поэт становится настоящим лишь тогда, когда его личные переживания становятся отражением переживаний миллионов (естественно, в мерках

великой России, а не махонькой Эстонии). Хочу ещё сказать, что я лично давно знаком с поэтессой Ниной Обрезковой, ещё с самого её юного возраста, с самого начала её творчества. Судьба однажды нас даже сводила в одном коллективе объединённой редакции Министерства культуры Республики Коми в газете «Асыв» (Утро). И я очень рад творческим успехам Нины Обрезковой, она их заработала, трудно, с личными потерями, но заработала и обрела благодаря вышедшей в свет книге «Липа» мировое звучание.

Около тридцати стихотворений и небольшую поэму (цикл стихов) «Кочпон. Сон» включил в себя поэтический сборник *Екатерины Соколовой* «...И будет дом», вышедший в 2007 году в издательстве «Кола». Это дебютная книга молодого автора, которая была издана под эгидой «Года русского языка» при поддержке Министерства культуры и национальной политики Республики Коми. Открывает его, как мне кажется, программное стихотворение поэтессы, исполненное как одно предложение и наполненное глубоким, с позиций автора, философским смыслом «Говорить как в колодец...»:

Говорить как в колодец,
Склоняясь над тобой, чтобы вглубь
Уходили слова,
Внутри отдавались,
Отдаляли меня и в глубину отделялись,
Чтобы каждое слово росло
Вне звуков и букв,
И, ища где упасть,
Прорастая сквозь воду, плыло
Под упругую темень,
К жаркому центру земному,
К сердцевине воды,
К языку пробивалось иному,
Становясь узнаваемей
Всех человеческих слов.

Екатерина Соколова родилась в 1983 году в городе Сыктывкаре, окончила филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Неоднократно участвовала в семинарах для молодых авторов при Союзе писателей Республики Коми. Стихи публиковались в альманахах «Сыктывкар» (2007), «Белый бор» (2000), «Забыты запахи костров» (2000), «Дорога с грустным перекрёстком» (2002), поэтическом сборнике «Свет северной звезды» (2001) и журнале «Арт» (2006). Стихи Е. Соколовой всегда метафоричны («И на тополь: кора – узловатые перемычки...»):

И на тополь: кора – узловатые перемычки,
И на пар: превращается в дождь, опускаясь над ним,
Мне смотреть не мигая, и в эти зелёные птички.
Без движения стоя, прошедшее время длим –
До такой немоты, что «нет» обретает преграду,
Что свет осязаем – до слепоты такой.
Прошлое нет нигде, лишь рядом:
Обнимая тебя, касаюсь его рукой.

В настоящее время поэтесса Екатерина Соколова живёт в Санкт-Петербурге, учится в аспирантуре Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, готовится к защите кандидатской диссертации. Несколько стихотворений сборника, посвящены этому городу. Приведу одно из них («Двух недель довольно для превращения пейзажа в портрет»):

Двух недель довольно для превращения пейзажа
в портрет.
Перевезли старьё, чтобы выбросить ближе к заливу.
Здесь крепостные рыли графине пруд, и треть
Парка успели сделать, остальное взяли крапива,
Пяти- и многоэтажки с прудом тем во дворе,
Собачники утром в полсотне яблонь, позже –
Воронки ворон на траве в декабре. –
Лицо разорённой усадьбы на чьё-то ещё похоже.

О современной молодёжной поэзии сужу по немногочисленным публикациям и стихотворным сборникам вроде «...И будет дом». Если быть предельно честным, то меня не всегда впечатляет, то, что в них читаю. Блок как-то сказал, что большой поэт обычно ставит перед собой большие задачи. И лишь в этом случае он добьётся хотя бы маленьких успехов. Мне кажется, что современные молодые поэты, к числу которых и относится Екатерина Соколова, не ставят перед собой больших задач. Их установка – «мы никому ничего не должны». А вот «кто-то» должен. И этот мотив явно просматривается в стихотворении Е. Соколовой «Не снег идёт, а свет идёт над нами...»:

Во временном жилие прочней всего
Укореняемся, и в дате отправленья.
Не верим каждый раз переселенью,
Но ждём его.
И будет дом, по всем приметам судя,
Последний. Наконец поговорим.
И чья-нибудь рука тогда разбудит
Жуков в стогу. И стог подарит им.

Вот так, ни больше и не меньше – «подарит». И всё тут. Современные молодые поэты, складывается у меня такое впечатление, нарочито маргинальны. Одно дело, когда людей делала маргиналами сама общественная жизнь, выбрасывая их на обочину социума. Так было, например, с Венечкой Дорощевым, с Игорем Холиным, с Дмитрием Фроловым, поэзию которого я хорошо знаю и очень люблю, и другими. Но когда люди выбирают маргинальность в литературе по собственному желанию – это непонятно и удивительно, по крайней мере, мне удивительно, может быть, в силу моей «классической дремучести» и «непродвинутости». Как это было ранее с поэзией эжвинского стихотворца Игоря Худолея, но, не смотря на это, однажды вставил его подборку стихов в один из сыктывкарских литературных альманахов, составителем, которого являлся. Присутствуют его стихотворения и в литературном альманахе «Сыктывкар» 2008-го года. Правда, уже иные, более зрелые что ли, более сильные.

По сути, современным молодым поэтам (совершенно не о тех, кто в силу своих служебных обязанностей побывал в «горячих точках» страны и мира) не хватает в их земной жизни чего-то большого, трагичного, переломного. Ведь придуманные стрессы душу наизнанку не вывернут. Вот, например, что вспоминает о своей судьбе интереснейший поэт современности Евгений Евтушенко: «Когда в 1941 году началась война, мама отправила меня из Москвы на станцию Зима к бабушке. Так получилось, что я добирался туда четыре с половиной месяца. По дороге, чтобы прокормить себя, выступал перед людьми на перронах – пел песни. И помню, как за моё выступление одна женщина-крестьянка разломала свой кусочек хлеба и дала мне половинку, которую я тут же съел. Увидев, как я голоден, она отломала от своего кусочка ещё половинку и опять протянула мне. И я вдруг понял, что эта женщина олицетворяет для меня Родину, перед которой я в неоплатном долгу. Из этого чувства благодарности во мне и родился поэт. Я – ребёнок Великой Отечественной войны. Эта война отобрала у нас нормальное детство, но она и дала – драгоценное чувство народа, которого, на мой взгляд, напрочь лишены современные поэты». А о чём пишут современные поэты, что хотят донести до читателя, чем поделиться с ним, лично мне бывает совершенно не понятно.

Настоящий поэт, на мой вкус, всегда хочет выйти к людям, хочет быть услышанным. А когда ему всё равно, слушают его или не слушают, читают или не читают, обсуждают или не обсуждают, - я не верю в серьёзность их взаимоотношений с литературой. Ведь даже Пастернак, в последние годы своей жизни хотел быть услышанным. Поэтому к концу жизни он сделал свою поэзию такой прозрачной. Он хотел быть понятым. А в начале его творческого пути только единицы могли прорваться через его «кроссворды слов». Нарочитая непонятность и красота, как мне чувствуется, не являются новым словом в литературе и зачастую просто не тянут на индивидуальный стиль автора, так как все непонятности – это всего лишь повтор уже давно пройденного в литературных излишествах андеграунда начала двадцатого века.

Мне кажется, Екатерине Соколовой, путь в литературу которой начался с самого раннего возраста и не закончился, очень на это надеюсь, после моей рецензии на её первую книжку, а будет ещё тернист, плодотворен и долог, необходимо прислушаться к сказанному выше. Ведь может же она писать доступно и ясно, замечательно рифмуя и не ломая совершенно с литературных позиций необоснованно стихотворный ритм. Как, например, происходит это в замечательном и настоящем стихотворении «Какой подарок лет...»:

Какой подарок лет
Твоих не зачеркнёт?
Дарю тебе мольберт
Для песен, писем, нот.
И этот нотный стан
- станок для нот души –
Повелевает: встань
И осень напиши –
Вслепую, наугад,
Прищуриваясь так,
Как смотрит листопад
По-детски на закат...

Держу в руках небольшой сборник стихов «Родство», вышедший в свет в 2007 году в издательстве «Кола» при непосредственной финансовой помощи Министерства культуры и

национальной политики Республики Коми, профессионально оформленный талантливый художником Геннадием Шарипковым. Вот о ком эта книга («Перед веком»):

О вас, кому за пятьдесят
И уж тем более за сорок,
Кто в этой жизни всё подряд
Не принимал без оговорок.
Кто честь и совесть сохранил
И с двоедушьем не смирился,
Кто от отеческих могил
За сытый стол не открестился...

«Родство» - это шестой по счёту сборник стихов *Валерия Вьюхина*. Уже само название передаёт суть и содержание этой поэтической книги. Это родство с родиной, с северным краем, с его природой и людьми, родство со временем, в котором выпало сформироваться и жить автору («Родство»):

Снега Сыктывкара повинны,
Что севером пахнет мой стих.
Давно все друзья угро-финны,
И сам я, быть может, из них.
Сомненью уже не осилить
Возникшее в сердце родство.
Поблизости станция Виледь,
Где корни отца моего...

В целом это книга лирики, которой присуще тематическое разнообразие: от лирической миниатюры до глубокого философского обобщения, от романтического восхищённого взгляда на мир до трезвой и равнодушной оценки современности. Как, например, в стихотворении «Старые газеты»:

Газеты без давности срока
Просветят года, как рентген,
И станет, ясна подоплёка
Неясных пока перемен.
Храните иные газеты,
Как не было б стыдно читать.
В них есть кой-какие сюжеты,
Что могут возникнуть опять...

Не могу не согласиться с тем, что написал в своей вводной статье «По самой стремнине несёт...» поэт, член Союза писателей России Андрей Попов: «Валерий Вьюхин – поэт, нашедший свою интонацию, своё видение жизни и отношение к ней. Его стихи для меня чисты и прозрачны, светлы и многозначны. За этой лёгкостью и естественностью стихотворной речи стоит огромный труд, строгая взыскательность к поэтической работе.

Настоящая поэзия требует любви и жертвенности, требует судьбы. Найти силы на это в своей душе и в своём таланте удалось Валерию Вьюхину. Даже слово «удалось» не совсем точное. Поэт так смог определить основные жизненные ценности, что по-другому не могло быть». Вот что пишет он в одном из своих стихотворений, которое называется «Российская земля»:

Пока живу на свете белом,
Пока струится кровь моя,
Принадлежу душой и телом
Тебе, российская земля.
Без обязательств и условий,
Без оговорок – весь я твой,
Не мало родственной мне крови
С твоею связано судьбой...

Поэт Валерий Вьюхин, член Союза писателей России родился в 1941 году в Вологодской области. После окончания авиационно-технического училища до 1998 года летал бортмехаником на различных типах самолётов в Сыктывкаре. В 1974 году заочно окончил Литературный институт имени Максима Горького. В. Вьюхин автор пяти сборников стихов, многих публикаций в журналах и литературных альманахах. Вот что сам поэт пишет о своей судьбе («Вехи»):

Разве думал, что жизнь пролетаю
И почти что в расту в самолёт,
Что пройду не однажды по краю,
А, вернее, господь проведёт.
Разве думал, что дети и внуки
Станут как запасной парашют,

Что поэзии вещие звуки
Навсегда в мою душу вращут...

Он лауреат премии Коми комсомола, заслуженный работник культуры Республики Коми. Благодаря народному коми поэту Альберту Ванееву всегда деятельному Вьюхину не долго пришлось сидеть на лётной пенсии, он пригласил Валерия Николаевича в состав научной группы при Коми научном центре Уральского отделения Российской академии наук, которая занималась сбором и обработкой материалов для трёхтомной энциклопедии Республики Коми. Эти проникновенные строки В. Вьюхин посвятил Альберту Ванееву («Клесты»):

Совсем не уходят поэты
С прекрасной и доброй земли,
Врастают в стихи и в куплеты,
И в мир, что стихом возвели.
Свой мир в поэтической раме
Поставил и ты на мольберт,
Оправил, как вязью стихами,
Дал имя – Ванеев Альберт...

Поэтический сборник «Родство» включает в себя около ста пятидесяти стихотворений, структурно он разбит на четыре главы «Светлые храмы» (помимо других стихотворений включает в себя цикл из двадцати пяти восьмистиший под общим названием «Восьмистишия»), «Воздушные скитальцы», «Пёрышко любви» (помимо других стихотворений включает в себя цикл из двадцати пяти восьмистиший под общим названием «Строфы») и «Осенины». Сами названия глав говорят об их содержании. Вот что, например, В. Вьюхин пишет в начале последней главы сборника «Осенины», и строки его полны предчувствием возможной трагедии («Осенняя ночь»):

По пустынным задворкам,
Заведясь до утра,
Со звериным восторгом
Завывают ветра.
Чьи-то быстрые тени
И глухие шаги,
Окна, словно мишени,
И не видно ни зги...

Некую трагичность и неизбежность в стихах Валерия Вьюхина констатирует и Андрей Попов в своей статье «По самой стремнине несёт...». Вот что он отмечает: «Как пишет сам поэт:

Любить глубоко и негромко,
Прясть чувства заветную нить,
И знать, что душа скопидомка
Всё может в себе сохранить.
И знать, что святое не выдаст
На пошлую сплетню толпе,
Лишь зябкому чувству на вырост
Порушит барьеры в себе.

Сказано не без горечи, есть в этих строках и нотка трагичности – неизбежности выбранного пути, но есть и сила выбора, сила принять своё предназначение. Чем трагичней, тем светлее. На этой парадоксальности, противоречии и зиждется неподдельное поэтическое слово, а также любовь к людям и к Родине». С заключительной мыслью Попова в статье не поспоришь, ибо, как написано в одном из стихотворений («Непослушание»):

Пророк возвратился на Родину
И многое там не узнал,
И ею немало уж пройдено,
Он сам – уж не тот либерал.
Иначе страна обустроена,
Не так, как хотелось ему.
И с мудростью старого воина
Учил он сограждан уму...

Как уже говорилось выше, тематический ряд поэтического творчества Валерия Вьюхина многообразен. Есть в сборнике «Родство», например, стихотворения посвященные репрессиям конца тридцатых годов. В стихотворении «Коми земля» поэт констатирует:

На юго-запад строй за строем
На фронт катил людской поток,
Как перед этим под конвоем,
Другой – на северо-восток.
Надолго местные царевны

Надели ватники до пят.
Их плачи горестно-напевны
Поньне душу бередают.
Тогда, казалось, в целом мире
Не сохранилось красоты.
И здесь, быть может, стали шире
Районы вечной мерзлоты.

Именно, годы «гулаговского ада», как считает Валерий Вьюхин, и стали первопричиной развала великой мировой державы Советского Союза («Исход»):

Опоры великой империи
Разрушили не бунтари,
Самообмана бактерии
Разъели её изнутри.
Её погубили иллюзии
И двоедушье людей,
Да сумрачный пасынок Грузии,
К несчастью, посватался к ней.
Присвоив права государевы,
Он варварски правил в Кремле.
Поньне октябрьское зарево
Тревожит покой на земле...

Не обошла лира поэта Валерия Вьюхина и такую известную тему в российской литературе, как Великая Отечественная война 1941-1945 годов («Летописцы», «Давнее», «Стрельбы», «Чувство», «Коми земля» и другие). Отголоски войны зачастую догоняют лирического героя поэта в мирной жизни («Давнее»):

И на миг нам послышался гул,
Будто эхо былой канонады.
Кто-то голову в плечи втянул,
Словно сверху летели снаряды.
За окном проступал Ленинград,
Перезеды хрипели вдогонку,
И всё чаще отыскивал взгляд
Не заплывшую глиной воронку...

Теме любви мужчины к женщине, посвящено большинство стихотворений раздела сборника «Пёрышко любви». Основная масса поэтических текстов, самых лучших, разумеется, перекочевали сюда из пятого поэтического сборника Валерия Вьюхина «О тебе» (сто стихотворений о любви). У Вьюхина любовь всегда светлая и всегда счастливая («Зимние цветы», «О тебе», «На голос», «Богиня» и другие). Вот что, например, поэт пишет в одном из своих стихотворений, обращаясь к любимой («Зимние цветы»):

Я знаю, ты любишь цветы,
Но в наших лугах на полгода
Снегов голубые холсты,
Как в горнице, стелет природа.
Откуда же взяться цветам,
Когда всюду властвует холод.
Вот месяц и тот пополам,
Как будто ледышка расколот.
В короткие зимние дни
И к вечеру в сумерках блёклых
Цветам прошлогодним сродни
Мерцают узоры на стёклах...

Или в стихотворении «Две лыжни», поэт сообщает, посвящая свои светлые строки единственной и любимой:

Лесов и снега благодать!
Наш путь пошёл на половину.
Не бойся, милая, отстать,
Тебя я в мире не покину.
Зажглись вечерние огни.
На гребне жизненного круга
Петляют наши две лыжни,
Не отдаляясь друг от друга...

Тема природы, леса всегда занимала в творчестве Валерия Вьюхина одно из самых значимых мест. В основном стихи о природе были помещены автором в раздел «Осенины» - это «Осенняя ночь», «Зазимки», «Лесные тайны», «Весна очистила окошки...», «Осенняя осина опала на ветру...», «Сосны», «Вымские берега», «В глуши лесной» и многие другие. Вот какой непритязательной, но такой родной показана неброская северная природа в стихотворении «На реке»:

И стылый июль
За кустами тайком
Плещет воду
На белые ноги.
Вьются стайкой стрекозы,
Шуршат камыши,
Под корягу
Запрятался жерех,
Облаков отражённых
Пустые ковши
Задевают боками за берег.
Коршун круто кладёт
Над водой виражи,
Словно издали
Чувствует это:
Золотистым цыплёнком
У синей межи
В листья спряталось
Ранее лето.

Тема православной ментальности российского народа затрагивается Валерием Вьюхиным в таких стихотворениях раздела «Светлые храмы», открывающего сборник «Родство», как: «Звонари», «Светлые храмы», «Коридоры», «Исход», «Какие потери...», «Расплата», «Просьба», «Дай Бог» и других. Православие – это для поэта последняя инстанция и последняя истина, последняя надежда на защиту от творящегося в мире вокруг его лирического героя беспредела. В стихотворении «Молитва», обращаясь к Богу, поэт просит:

Вразуми, чтоб понять этот мир
И напрасно дверями не хлопать,
Чтоб любого, кто болен и сир,
Поддержать без усмешки под локоть.
Чтоб о зависть глаза не обжечь,
От беды не бежать за верёвкой,
Чтобы поле судьбы пересечь
Ни медведем, а божьей коровкой.

Столица Республики коми город Сыктывкар стал для поэта Валерия Вьюхина настоящей второй родиной. Он воспел его проспекты и площади в самых своих лучших стихотворениях: «Родство» (Снега Сыктывкара повинны, / Что севером пахнет мой стих...), «Начало» (Сыктывкар деревянный, / За окном петухи, / Коммуналка без ванной, / Под подушкой стихи...), «Возвращаюсь к тебе» (Сыктывкар, я к тебе возвращался, / Даже если терялись следы, / По излому небесного галса, / На мерцанье Полярной звезды...), «Мой город» (Вода и лес окольцевали / Тебя, мой город, навсегда. / Таковую ширь, такие дали / Не все имеют города...), «Ледоход» (Уходит лёд по Вычегде-реке, / Как по долине белая отара. / Уходит лёд, оставив вдалеке / Холмистые пейзажи Сыктывкара...), и, конечно же, в этом контексте невозможно не упомянуть своеобразный гимн столице, известное стихотворение «Сыктывкар»:

Годами – не молод,
Душою – не стар.
Серебряный город,
Родной Сыктывкар.
Закатов, рассветов
Сияет кольцо,
Хороших поэтов
Здесь знают в лицо...

Но самая главная тема в поэзии Валерия Вьюхина, которой он и вошёл исключительно своей отличительной от других черточкой в региональный литературный процесс Республики Коми – это описание чувств лётчика к небу, к земле «под крылом самолёта», лично его понимание жизни, связанной с небом, с самолётами, людьми другой, чем «остальные земляне закалки». Это и есть то самое пресловутое своеобразие, которое остаётся в «Антологиях одного стихотворения», спустя

десятилетия после... А есть ли таковое, нечто подобное, у других мастеров слова? Стоит, чувствую, задуматься.

В поэтический сборник «Родство» вошли несколько стихотворений данной тематики: «Багровое солнце качнётся на крыльях...», «Лётчики», «Колодец неба», «Аэродром», «Синеглазая авиация», «За миг до полёта...», «Линия крыла», «Взлёт», «Посадка», «Ночные самолёты», «Старый самолёт» и другие. Особенно сильно чувствуется романтика полёта в стихотворении Валерия Вьюхина «Багровое солнце...», приведу небольшой его отрывок:

Багровое солнце
Качнётся на крыльях,
Рванёт, словно тройка,
Горячий мотор.
Помчимся туда,
Где ветров изобилие,
Где взгляду подвластен
Небесный простор.
Порвём на лохмотья
Угрюмые тучи,
Натянем заката
Прозрачную нить.
Нас небо светлее
И чище научит
Прекрасную землю
Любить и ценить.

Новый сборник стихов Валерия Вьюхина «Родство» ещё одна возможность для читателя пообщаться с душевным человеком и тонким лириком. В добрый путь, книга!

А мне стихи – как поцелуй,
Бодрящий хмель внутри,
Гуляю я с утра в лесу
В объятиях зари.
Волнует розовый восход.
Вдыхаю дух земли
И отправляю мысли влёт –
Попробуй-ка, слови! –

эти замечательные строки «О поэзии» написала талантливая поэтесса **Нина Николаева**. Лёгкость, с которой даются ей стихи, подобна той же легкости, с которой они давались Сергею Есенину «...мне давалось ради шутки».

В творческой судьбе Нины Николаевой произошло замечательное событие, которое стало, очень на это надеюсь, и событием в литературной жизни нашей республики. В 2007 году в издательстве ООО «А-Формат» вышла в свет её полновесная книга стихов «Поток», под обложку которой легли двести сорок пять стихотворений. Прочитал сборник за один вечер, не устаю поражаться истинности поэзии Н. Николаевой («Звёзды - звёздочки, мне помогите...»):

Звёзды – звёздочки, мне подмигните,
Обласкайте мой взор синевой!
Береги меня, Ангел-хранитель,
Будь всегда и повсюду со мной!
Уплываю, плыву в Бесконечность
Посреди облаков кучевых...
Где-то здесь открывается вечность.
Но зачем она мне без живых?

Кандидат исторических наук Владимир Соловьёв так написал об авторе сборника «Поток»: «Н. Николаева поэт очень тонкой душевной организации. Поэтому не удивительно, что основной лейтмотив её творчества – любовь к Богу, к природе, любимому человеку, родным людям... Она поразительно тонко чувствует природу родного края и смену времён года...». Стихи о природе Нины Николаевой проникают в душу читателя, и вносит своей красотой – лад («В лесу»):

Похожу среди ромашек
И цветы не притопчу.
О стрекоющих букашках
И жужжащих поропщу.
В долгожданные минутки
Осмотрю полянку ту –
Медуницу, незабудки –
Голубую красоту.

Разноцветье пьёт росинки –
Расцветает в летний зной.
На высокую былинку
Муравей ползёт лесной...

Свой сборник стихов Нина Николаева, думаю, не зря назвала – «Поток». Её поэзия, действительно, словно стремительный горный поток, поглощает всё, что попадает на пути её лирической героини, вернее, вбирает в себя и придаёт образности и новых красок, некой отточенности мыслям с только её поэтической интонацией, поэтикой стихотворной строки. Философия жизни Нины Николаевой проста и ненавязчива («Оголилась душа...»):

Оголилась душа,
Камнем бросилась вниз.
Может жить не дыша
Только в сказке маркиз.
Мне глоточек вина
Зачерпни, Дионис!
Если «буря» сильна,
Ей по нраву стриптиз.
Сохрани, ангел нас
От разлуки-беды!
В мой колодец запас
Дай священной воды...

Душа поэтессы Нины Николаевой болит не только о своих личных переживаниях, но и за судьбу ставшей родной республики, за судьбу народа, её населяющего, частичкой которого и ощущает себя её лирическая героиня. В её стихах появляются «политические» мотивы («На злобу дня»):

Край суровый и богатый
И не хлебом, а рудой.
Кто – с машиной, кто – с лопатой,
А у власти – тот с казной.
Лес и золото имеет,
За границу всё везёт.
А народ в недоуменье:
Что, бесплатно отдаёт?
Здесь народ приезжий – стойкий
И талантливый во всём.
Пережили перестройку –
Хлеб едим и водку пьём...

Вот что написала о творчестве Нины Николаевой в своей вступительной к сборнику стихов статье «Поток» «Ах, жизнь! Ты – многолика...» известный в республике и за её пределами литературовед Раиса Куклина: «Каждый пишущий человек имеет свой особенный дар, благодаря которому его творчество озаряется неповторимым светом. Несомненно, поэтесса Нина Николаева, член литературного объединения эжвинских поэтов «У комелька», является обладательницей дара умиления. Судя по тому, что в молитвах православных христиан содержится просьба о подаянии умиления во очищение души, оно, по всей вероятности, является особым чувством. Наверно, именно умиленное сердце Нины Анатольевны помогает ей создавать в поэтическом творчестве лейтмотивы, отражающие состояние душевной гармонии лирической героини.

На земной мир дисгармонии и контрастов Н. Николаева смотрит умилёнными и восхищёнными глазами. Уроженка ярославской земли в поэзии она выражает свою чистосердечную любовь к Эжве, городу, ставшему ей родным, к Сыктывкару («Северный город, большая любовь»), к родной станции, где «воздух детства душу лечит» («Станция моя»), к природе, которая предстаёт как «святая тайна мироздания», «для души очарованье» («Мой живительный родник»).

О самобытном таланте поэта **Олега Чупрова**, заслуженного работника Республики Коми, лауреата многих литературных и песенных премий, читатели нашего региона знают давно. Но в вышедшей недавно в 2007 году в издательстве «Эском» в серии «Звёзды Севера» книге стихов «Светлое небо над жизнью моей» его творчество представлено наиболее полно – в неё вошли как стихи прежних лет (1989-2004), так и новые (2005-2007). Печорский Север, былинное село Усть-Цильма, где автор провел детство и юность, - это тот самый колодец, откуда он черпает свет для души и для стихов («В печке трещат дрова...»):

В печке трещат дрова,
В печке поёт огонь.
Слышу его слова:
«Родины нет другой!»

Родины нет иной,
Мысли о ней чисты.
Кто же всему виной,
Что потерялся ты?
Ветер, как из пращи,
В окна наотмашь бьёт!
За морем не ищи
То, что в тебе живёт...

В своей вступительной статье «Светлое небо поэта» народный коми поэт Владимир Тимин написал: «Небо Олега Чупрова действительно – светлое! Как и его талант. Несмотря на свой достаточно тернистый путь в литературу, поэт не растерял умения радоваться жизни, лукавой улыбки, сострадания к обездоленным, любви к природе, женщине, Отчизне. Самобытность Чупрова, конечно же, во многом от былинного края, в котором он вырос, от традиций старинного русского села Усть-Цильма. Однако важно: его стихи не воспринимаются как «сельские», в отличие от «городских». Просто его Усть-Цильма – часть России, наиболее знакомая, близкая, судьбой дарованная среда для раздумий о жизни, о мучительном и светлом тяготении души к родине». Сложно не согласиться с мыслями Тимина, тем более что в поэтических текстах О. Чупрова находится множество подтверждений им («Только приехал – на речку бегу...»):

Только приехал –
на речку бегу!
Крыльями
вёсла на плечи!
Лодка качается на берегу,
Вся – в ожидании встречи.
Северным греет меня холодком
Наше неяркое лето.
Сядем рядком,
Потолкуем ладком,
Речка моя, до рассвета!

Однажды блистательный русский певец Борис Штоколов написал: «Олег Чупров – поэт, по моему убеждению, глубоко национальный, опирающийся в своём творчестве, как на песенные русские традиции, так и на народную изустную речь». Песенный лад, истинная – по духу – народность, трепетность любовной лирики, естественность дыхания и мышления делают творчество Олега Чупрова заметным явлением в поэзии нынешнего времени («Над зелёным озером...»):

Над зелёным озером
Кружит уток стая...
Утро было розовым,
Вечер синим станет!
Сосны корабельные
В небо уплывают,
Песню колыбельную
Молча напевают...
И как будто слышу я
Голос мамы снова,
Под весёлой крышею
Ласковое слово!
И как будто вижу я,
Как сияет зыбка,
Словно солнце рыжее,
Мамина улыбка!

Олег Чупров – автор шести компакт-дисков на музыку разных композиторов «Мой Петербург», «Танго для двоих», «Преображение», вышедших в 2003 году, а также «Шёл солдат к победе» (2005), «Признание в любви» (2006), «Я иду по земле» (2007). Публиковался более чем в пятидесяти песенных сборниках. Участвовал в создании песен для телефильмов «Весна Победы» и «Мы – ваши дети», театральных спектаклей, представлений различных цирков страны. Поэт сотрудничает в написании песен с такими композиторами, как Д. Тухманов, А. Кальварский, Г. Портнов, А. Морозов, Я. Дубравин. Среди исполнителей песен – Ирина Богачёва, Эдуард Хиль, Сергей Захаров, Эдита Пьеха, Михаил Боярский, Игорь Скляр, Марина Капура. О. Чупров – автор слов Гимна города Санкт-Петербурга. Многие тексты стихов Олега Чупрова просто поются при прочтении, будучи в своём творчестве «традиционником» и «классиком» поэт искренне не приемлет современную «попсу» («Новая музыка – в новое время...»):

Новая музыка –

в новое время,
Ритмами взятое в плен!
Племя младое,
Как древнее племя,
С воплями скачет вдоль стен!
Куцые мысли
прокисли
как тесто,
От выделенья слюны.
Нагло выходит
на первое место –
Место пониже спины!

В своей статье В. Тимин пишет о Чупрове: «Простота его поэтики соответствует простоте красок северных широт, но это простота подлинного искусства. В большинстве его стихов выразительно каждое слово, наблюдателен эпитет, а главное – неотразимо обаяние интонации, принадлежащей одновременно и поэзии Чупрова, и традиции русского классического стиха. И ещё – непринуждённость как истинный воздух поэзии, внутренняя свобода размышлений о жизни, её восприятие через лучшие движения собственной души:

Пусть не вернёшь ни себя, ни судьбу –
Лыко завяжется в строчку.
Против течения к дому гребу,
Вот и вернулся к истоку...»

Первые стихи Олега Чупрова были напечатаны в сборнике русских поэтов нашей республики «Переключка», вышедшем в свет в Коми книжном издательстве в 1966 году. С тех пор поэт издал несколько поэтических сборников: «Свидание с отцом» (1989), «Оленёнок на асфальте» (1991), «Звезда на дне колодца» (1992), «Вот Россия моя» (1994), «Новолуние» (1997), «Окно в осенний сад» (2000), «Золотая карусель» (2004) и книжку стихов для детей «Танцующий осьминог» (2000). И буквально в каждой из перечисленных книг, не всегда много, но о малой родине стихи присутствуют, потому что («Давно говорю – ты в горе не ной...»):

Давно говорю –
ты в горе не ной!
На родину путь направь!
Шагаю лесною
угориной,
Как будто по воздуху
вплывь!
Берёзки так нежно
высвечивают
Далёкую юность мою...
И сосны столпились
доверчиво
У сердца
На самом краю!

Недаром новый сборник стихов Олега Чупрова «Светлое небо над жизнью моей» тоже издан в Республике Коми, несмотря на то, что поэт уже давно живёт в Санкт-Петербурге. В его новую книгу вошли около двухсот стихотворений. Связи поэта с каждым годом только крепнут с малой родиной, потому что здесь его корни, потому что здесь ему всё близко и знакомо («Каюров протяжное пенье...»):

Каюров протяжное пенье,
Неяркий северный свет...
В тундре – деревьев нет,
В тундре – одни олени.
Они неспешно плывут,
Глаза их полны доверья.
Маленькие деревья
На головах несут...

В своей статье «Светлое небо поэта» Владимир Тимин пишет: «Не только детство и юность автора связаны с Республикой Коми, с Печорским Севером, но, по сути, вся жизнь – в творчестве, по крайней мере. Стихи, посвящённые землякам, матери, отцу, старухе, которая «держит подушки в руках // бережно, словно внука», чередуются светлыми воспоминаниями об оленёнке, деревенской гармошке, Печоре, о которой автор пронзительно пишет: «Сердцем вдыхаю полночный покой, // сам становлюсь постепенно рекой». Это чередование закономерно, оно даёт ощущение движения жизни,

В танце закружу!
 Или вот ещё, например («Гуманная, обманная краса...»):
 Туманная, обманная краса,
 По озеру –
 полоскою в леса,
 Вглубь увлекает лунная дорога...
 Астролог, расшифруй
 Посланье Бога!
 И за руку отводит от воды,
 Как будто бы отводит от беды,
 Меня –
 Зеленоглазый мой астролог...
 Но гляну в высь:
 Там манит звёздный полог!

Олег Чупров – поэт любовной лирики, его любвибилия, в хорошем смысле этого слова, хватает на всё, с чем соприкасается взгляд, а, значит, и душа стихотворца. Тимин в своей статье замечает: «И, наконец, о любви. Стихи о ней разбросаны по всей книге. В наше время любовная лирика вообще, тем более такого высокого, классического настроения, как у Олега Чупрова, – явление редкое. Думаю, что она непременно найдёт не только читателя, но и обретёт своих исследователей, будет рассмотрена как прекрасный романтический образ жизни нашей эпохи, захлёбывающейся часто в омерзительных образчиках пошлости. Олег Чупров доказывает, что его современницы могут вызвать у поэта вдохновение такого же напряжения, как пушкинские или блоковские красавицы. В стихах поэт приближается к тем обобщениям, которые выводят его творчество на философско-обобщённый уровень: «И в битве, что смертельно хороша, // не плоть оплотом служит, а – душа!». Поражает та одновременно и лёгкость и ажурность поэтического слова, которым поэт доносит до нас любовные чувства своего лирического героя («Потерял я обручальное кольцо...»):

Потерял я обручальное кольцо
 В пьяных сумерках
 истоптанных дорог.
 Я впервые увидел твоё лицо,
 Лишь когда
 лицом к лицу
 прижаться мог!
 Помню – тихим летом
 вышла на крыльцо
 Недостроенного дома-шалаша...
 Я впервые увидел твоё лицо,
 Лишь когда
 под сердцем
 дрогнула душа...

Интересен цикл из шестидесяти трёх четверостиший, опубликованный в сборнике «Светлое небо над жизнью моей» под общим названием «Из ночного дневника». Четверостишия поражают завершёностью заложенных в них философских мыслей и открытий поэта. Они разнообразны тематически, посвящены и войне, и любви, и родине, и природе. Есть посвящённые политике. Вернее, раскрывающие политическое кредо поэта. Хочется отметить, что «политические» стихи стали появляться в творческом багаже Олега Чупрова всё чаще. Поэт не доверяет нынешним политикам:

На трибуну выходит вальяжно,
 Глазки щурит хитро и важно...
 А во тьме мозговых извилин
 Гулко ухаёт сонный филин!

И в заключение снова хочу обратиться к статье Владимира Тимина, в которой он пишет, лучше и не скажешь: «Стихи Олега Чупрова, в которых светлое небо и добрая земля образуют одно целое, вбирают в себя и суету современности, и величавую думу о былом, и ироническую усмешку городского знания, и лукавое простодушие деревенских понятий. Удивительная способность в одном стихотворении и улыбнуться, и погрузиться, и серьёзно поразмыслить придаёт поэзии Чупрова объёмность, духовную полноту, многозначность и никоим образом не разрушает единства поэтического мира, в котором он живёт и в который приглашает нас, своих земляков», а я бы ещё добавил и всех читателей. Доброй дороги тебе, поэт, ибо, он ещё, в который, правда, уже раз, в пути к своему читателю, так как сам пишет:

Над бумагою корпя,
 В суматохе буден
 Ухожу опять в себя –

Чтоб вернуться к людям!

Около сорока ярких, талантливых стихотворений вместил в себя вышедший в 2007 году в Воронеже в издательско-полиграфическом предприятии ОАО «Коммунар» поэтический сборник нашего земляка сыктывкарского автора **Владимира Олофинского** «...Страшное слово потом...». Открывает книгу написанное со свойственным ему оптимизмом о сложностях жизни в современной «суматохе буден» стихотворение «Сколько лет бегу, не упаду...»:

Сколько лет бегу, не упаду.
Упадёшь, наверное, не встанешь.
Словно в заколдованном кругу –
По нему ты время жизни тянешь.
Суетишься, плачешь и кричишь,
Думаешь, встречаешь, провожаешь,
Спать ложишься, или сидя спишь.
Часто на покой уже мечтаешь.
В шутку, видно, только не всерьёз,
Думаешь о смерти молчаливой...
Лучше, видно, быть живым до слёз,
Чтобы там про рай не говорилось.

Вот что написал о нём и о его творчестве в своей вступительной статье «Да! Я честь имею!» И.Н. Астрединов: «Владимир Николаевич Олофинский – удивительнейший человек. Потомок старинного боярского рода Олофинских. Врождённое, плоть от плоти, сочетание аристократизма, простоты в общении и величайшее чувство патриотизма и любви к России, особенно, к своей малой родине – селу Лосево Павловского района Воронежской области, где он родился, - резко выделяют его среди окружающих». У Владимира Олофинского достаточно много стихов о малой родине, к которой он стремится всей душой вернуться («Умру в деревне... Летом...», «Я закрыл глаза и вижу, как закончилась дорога...», «Первое мая – курица хромая...» и другие), вот и стихотворение «Такая стоит тишина...» тоже о ней, о малой родине, о селе Лосево:

Такая стоит тишина...
Что слышно, как падает снег,
Цепляясь за голые ветки.
Но!..
Скрипнула старая дверь,
Из бани выходит соседка,
Прикрыв наготу не спеша,
Стоит в клубах пара.
Вот мне бы такую жену,
Да вместе присесть к самовару,
Да выпить ведро воды,
Да семеро душ по лавкам.
Такая стоит тишина,
А жизни так мало...
Так жалко!

Есть в творчестве поэта Владимира Олофинского и место шутке, как, например, в стихотворении «Мне сегодня не везёт»:

Мне сегодня не везёт,
Я не в духе малость.
Может, встал не с той ноги,
Может, просто вялость.
Может, нет давно письма,
Где-то затерялось.
Знаю, что расстались мы,
Время постаралось.
Я в такое время пью,
Увлекаюсь малость,
А ещё стихи пишу,
Хоть и знаю – жалость.
По утрам читаю их.
Жизнь вот помогает.
Если голова болит,
Очень помогает...

Никогда не забуду случая, напрямую связанного с поэтическим творчеством Владимира Олофинского, начальника производственного отдела сбыта и маркетинга одного из исправительных

учреждений под Сыктывкарском, который произошёл со мной во время длительной служебной командировки в Чеченскую Республику. Был я там в качестве заместителя начальника оперативной группы ВОГО и П МВД России по Грозненскому району Чеченской Республики. В нашу группу сил и подразделений милиции входили несколько подразделений из разных регионов России: три отряда милиции особого назначения и три сводных отряда милиции. Я привёз с собой в командировку свою документальную книгу о Сыктывкарском ОМОНе «Нам выпала судьба служить в ОМОНе», которая вышла в свет в 2004 году. А, так как по роду служебной деятельности приходилось ездить с проверками по подчинённым отрядам, то брал с собой в ОМОНЫ и эту книгу, чтобы командиры почитали, прониклись идеей и, вернувшись на постоянное место дислокации, попробовали бы выпустить в свет подобные издания. Так вот, на удивление, более всего интерес из всей книги вызывала глава, посвященная стихам и песням о служебных командировках отряда в Чечню. И что уж совсем было для меня неожиданно, так это то, что стихотворение о матери погибшего в Чечне воина, написанное Владимиром Олофинским «Её забудут, уже забыли...», знававшие войну не по рассказам и не по книжкам омовцы записывали себе в блокноты и заучивали наизусть. Это, я вам скажу, настоящее признание поэта. Приведу отрывок из этого стихотворения:

Зимой снег холодный чистый.
Следы к крыльцу.
Приехал Слава...
А почтальон суёт конвертик,
И сына, как и не бывало.
Погиб герой, детей спасая
Детей чужих в России малой.
Её забудут.
Уже забыли...
Вчера к другой стучали в сенцы.
Листва шуршит: «Не забываете
Ту мать убитого «чеченца»...

О любви Владимир Олофинский пишет, как о некой катастрофе, бешеной гонке среди людей и от людей не всегда понимающих влюблённых («Есть у любви последний перекрёсток...»):

Есть у любви последний перекрёсток.
Кому налево, кому направо...
Есть у любви последний перекрёсток,
А нам бы только по жизни прямо.
А нам под знаки вперёд на красный,
Пусть бездумно, да и опасно.
И пусть судачат беззубо люди,
Закроем уши, не будем слушать,
Натянем глубже стальные шлемы,
Газ до отказа, вперёд из плена,
Любых законов, примет и мнений,
Любви безумной мы не изменим...

«Учился в Киевской художественной академии, - пишет в своей статье И.Н. Астрединов, - в Хреновском техникуме на отделении прикладного народного творчества и промыслов. Творческий человек, художник по призванию, профессионально занимающийся историей и археологией своей малой родины – с. Лосево, - он достиг и больших успехов в спорте – тяжёлой атлетике. Становился неоднократным призёром России и ряда международных соревнований. В силу обстоятельств, его судьба сложилась так, что он стал работать в уголовно-исполнительной системе Республики Коми, г. Сыктывкар, где служит и проживает сейчас». Несколько стихотворений сборника посвящены этой непростой стороне жизни российского общества («Утро, сумрак, умывальник...», «Верхний Чов – полу-лагерь, полу-посёлок...» и другие). В этих произведениях лирический герой Олофинского страдает оттого, что находится в жизни не на своём месте. Вот что, например, поэт пишет в стихотворении «Лагерем наколотые раны...»:

Лагерем наколотые раны
От звезды последней на погон,
Покидают зону ветераны
Как судьбы последний полигон.
Разменяли юность за колючкой,
Возмужали, ночи не доспав.
Занимали денег до получки,
Женам лишней ласки не додав.
Им, наверно, будет долго сниться
КПП и вышка у ворот...

Буду я за вас в ночи молиться,
За счастливый жизни поворот...

Стихи Владимира Олофинского выходили в свет не только в книге «Нам выпала судьба служить в ОМОНе», но и в литературном альманахе геологов Республики Коми «Дорога с грустным перекрёстком» («Вянут и красивые цветы...», «Был отлив, уходившее море...»), в милюстовском московском журнале «Преступление и наказание», а также в нескольких выпусках литературного альманаха «Сыктывкар» (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007). В одном из них В. Олофинский публиковал и свою прозу. Его стихи, посвящённые столице нашей республики Сыктывкару, в 2005 году выиграли объявленный еженедельником «Столица» конкурс и были опубликованы в этом издании. Он лауреат Всероссийского конкурса авторской песни среди сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей 2005 года. Лауреат Всероссийского конкурса памяти Анны Ахматовой среди сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей 2006 года. Сам Владимир Олофинский спортсмен-тяжелоатлет, офицер, мастер-прикладник, художник – не видит своей жизни без поэзии, ведь он, обращаясь к критику, искренне просит («О, милый мой критик, не думай и дальше...»):

Не злись, что мне в рифме
Сам Пушкин помог.
На то он учитель,
На то он и Бог.
Я в стол не пишу.
И не жду гонорара.
Бывает душа, как во время пожара.
Стучит по вискам
О судьбе быстротечной,
О Родине, женщине
Рифмой беспечной...

В своём программном стихотворении, давшем название сборнику, поэт приходит к простому философскому выводу, и этот вывод является принципом всей жизни его лирического героя («Страшное слово «потом»...»):

Страшное слово «потом».
Потом уже гаснут звёзды,
Потом уже будет поздно,
Потом не бывает потом...

Большая человеческая дружба связывала Владимира Олофинского с такими известными русскими поэтами как Александр Алшутков (Бейлин) и Виктор Кушманов. Если Алшуткову он посвятил свой проникновенный посмертный художественный очерк «Пиджак поэта», который был опубликован в одном из номеров литературного альманаха «Сыктывкар», то Кушманову поэт посвятил стихотворение «Просто о поэте»:

Он не знал, что я пишу стихи,
Я стеснялся мэтру в том признаться.
Брать уроки, думалось, грешно...
Но хотелось рядом оставаться.
Просто руку жать и пить вино,
Просто, в шутку что-то отвечая,
Жизнь поэта просто хороша,
И при этом просто никакая...

В заключение в своей вводной статье И.Н. Астрединов отмечает: «Тонкость его творческих чувств, сопереживание и боль за происходящее в России, твёрдая убеждённость и вера в неизбежности возрождения Великой России – привело к созданию этого сборника стихов, куда вошла лишь малая толика того, что им написано. Читайте их, вчитывайтесь – и вы поймёте, что этот человек – один из немногих, кто по праву, во весь голос может заявить: «Да! Я честь имею!». Полностью с ним согласен.

«Клад Аввакума» - так назвал свой историко-детективный роман сыктывкарский писатель **Александр Парначёв**. В этой книге автор не только вдумчиво исследует не только свои чувства и поступки, но и анализирует действия преступников, а также описывает прекрасную природу крайнего Севера. Читая, этот исторический детектив, волнуешься и переживаешь вместе с автором не только потому, что он доверчиво исповедуется в своих чувствах, но и оттого, что перед глазами встают живые, незабываемые картины нашей недавней российской действительности.

Автору этой книги есть что вспомнить, есть над, чем поразмыслить вместе с читателем. Его проза всегда носила в себе некий налёт мемуарности (рассказ «При очевидных обстоятельствах», знаменитая повесть «Поиски Ягморта», сборники повестей и рассказов «Кража из морга», «Только Лымва знает» и другие). Ещё в юности он участвовал в борьбе с карманниками и воровскими

шайками. В более зрелом возрасте – раскрывал тяжкие преступления, совершаемые на бескрайних северных просторах Республики Коми.

Имя Александра Парначёва хорошо знакомо читателям республики, да и за её пределами. Его рассказы и приключенческие повести печатались в журналах «Войвыв кодзув», «Советская милиция», литературном альманахе «Сыктывкар» и других российских и республиканских изданиях, коллективных сборниках выходили отдельными книжками.

Вот что написал о нём в своей книге «Литераторы земли Коми» литературовед Валерий Мартынов: «А.Н. Парначёв родился 24 июня 1947 года в селе Ыб Сыктывдинского района Республики Коми. В 1966 году окончил сыктывкарскую школу рабочей молодёжи. Служил в армии. С 1969 по 1974 год учился в Харьковском юридическом институте. С 1971 по 1976 год работал в уголовном розыске МВД Республики Коми. С 1978 года был заместителем начальника милиции Ижмы. В 1978-1980 годах учился в Академии МВД СССР, по окончании которой был назначен начальником Сысольского РОВД, затем старшим инспектором по особым поручениям при министре внутренних дел Коми республики. После выхода на пенсию начал профессионально работать в жанрах милицейского детектива и приключенческой повести».

«Клад Аввакума» - первый роман писателя. Закономерно назвать его романом двух потоков: утверждения древлеотеческой веры и перипетий сегодняшних контрастных человеческих отношений. В конечном счете, в подтексте романа отчётливо прочитывается извечная борьба Добра и Зла, в которой по версии А. Парначёва побеждает всё-таки Добро. Хочется отметить, что роман остро динамичен, легко читается и надолго остаётся в душе и памяти соприкоснувшегося с ним читателя.

Традицию исторической прозы в региональном литературном процессе Республики Коми поддерживали известные писатели Александр Чернецов (повести «Опала канцлера», «Последний наказ Стеньки Разина») и Юрий Ионов (роман «Сыны Ивана Сусанина. В царстве антихриста»). В этом же русле выступает со своим романом «Клад Аввакума» и Александр Парначёв.

Кандидат искусствоведения Александр Клейн так написал о романе Александра Парначёва «Клад Аввакума»: «Чем больше мы удаляемся от прошлого, тем сильнее стремление проникнуть в далёкое и недавнее, в тайники души человека, его целеустремлённости, поступков и отношении к окружающему миру. Жизнь и деятельность, трагическая судьба Аввакума, уже сама по себе необычна, и неудивительно, что обросла легендами.

Опаснейший соперник, любимец царя, всемогущего патриарха Никона, непокорный протопоп, - стал основателем и духовным отцом старообрядчества в России. После смерти Аввакума тысячи его фанатичных последователей противостояли официальной церкви и власти, сжигали себя целыми семьями, утверждая правоту его вероучения».

Факел церковного раскола, зажжённый Аввакумом, фактически не потушен до сих пор. Старообрядцы живут во многих краях необъятной России, особенно на Севере. Некоторые одарённые предприниматели, такие как Морозовы, Третьяковы, Рябушинские и другие стали богатейшими людьми, собрали за века огромные ценности, которые перед Октябрьской революцией якобы вывезли на малодоступный Тимман – между Мезенью и Печорой. Об этом кладе и повествуется в романе, который охватывает многовековую историю через жизнь и поступки своих героев, их понятий о духовных и материальных основах бытия. События романа вводят читателя в необычное и малоизвестное прошлое и настоящее приполярных глубин.

Коренной северянин Владимир Турышев – главный персонаж романа – раскрывается как тонкий психолог в общении с людьми разных положений и взглядов. Неторопливый, смелый и находчивый, он обладает незаурядным душевным тактом, наделённый лучшими чертами коми национального характера, располагает к себе людей разных возрастов и убеждений. Он не теряет самообладания и надежды в критических ситуациях. Упорно ищет выход из них.

Как уже говорилось выше, Александр Парначёв – профессиональный сыщик – стал ещё и профессиональным писателем. И для дальнейшего развития его творчества просто жизненно необходима оценка его работы бывшими сослуживцами. Вот что о творчестве писателя думает полковник в отставке В.Р. Киселёв: «Творчество А.Н. Парначёва мне близко знакомо, так как это часть и моей профессии бывшего старшего следователя, прокурора-криминалиста Прокуратуры Республики Коми, а позднее и начальника оперативно-технического отдела МВД Республик Коми. В его рассказах и повестях, в романе «Клад Аввакума» основной герой Владимир Турышев является прототипом многих сотрудников уголовного розыска.

Он весьма профессионален, как милиционер, с моей точки зрения и с точки зрения жизненных событий. Во многом его творчество автобиографичное. Об этом свидетельствует его профессиональный рост от рядового милиционера до начальника отдела внутренних дел. Его отношение к делу и принципиальность в решении профессиональных вопросов. Большую воспитательную работу роль его произведений несут среди молодых сотрудников милиции. На его произведениях воспитаны вот уже несколько поколений молодых сотрудников Сыктывкарского филиала Московской специальной средней школы милиции».

Все критики отмечают, что большое место во всех произведениях Александра Парначёва занимают описания природы, в них раскрывается глубокое чувство прекрасного, иногда борьба за сохранность флоры и фауны переходит, казалось бы, дозволенные рамки и грани критики. Это особенно видно в повести «только Лымва знает», не лишён подобного лейтмотива и роман «Клад Аввакума». Некоторые персонажи произведений Александра Парначёва незабываемо ироничны, а его рассказы носят шуточный характер: «Кража из морга», «Техосмотр», «Плановое мероприятие», «Особые приметы» и другие, есть доля иронии и в романе «Клад Аввакума». Особенно хочется отметить, что творчество этого автора отличает глубокое знание того, о чём он пишет, как в теоретическом и психологическом знании вопроса, так и в практическом отношении.

И как далее пишет в своей статье Александр Клейн: «В романе с любовью описаны девственная природа и животный мир Тиммана, ещё не тронутые цивилизацией: его горы, лесные урочища, реки и озёра, так привлекающие столичных и местных браконьеров. Запоминаются и речевые характеристики персонажей, их язык, верный времени и социальному положению. Из романа становится ясно, в чём же есть цель и смысл жизни столь различных героев. Это мы узнаем из их слов и поступков, в увлекательной форме нанизанных на основной стержень повествования – поиск и завладение кладом».

В заключение хотелось бы отметить, что роман снабжён словарём устаревших слов XI–XVII веков и словарём лагерно-воровского жаргона. Вышла книга в издательстве «ООО «Типография «Полиграф-Сервис». Отредактировал текст романа известный писатель Алексей Иевлев, фотографии сделал С. Гавриленко, а художественно оформила книгу С. Демидова.

Литературные альманахи, как известно, являются определённым пособием для преподавателей филологии всех уровней по современной литературе, рождённой в умах писателей того или иного региона. Они чётко обозначают своим внутренним содержанием, так называемый, срез современной литературы.

Вышел в свет очередной шестой выпуск литературного альманаха эжвинских поэтов и писателей «У камелька». Радует, что его выход стал ежегодно ожидаемым событием и приобрел уже традиционные формы. И, как написал кандидат исторических наук Владимир Соловьёв в своей статье «Камелёк» разгорелся. Литературный обзор»: «Вообще, надо заметить, ежегодный выход сборников «У камелька» - это своего рода вехи и своеобразная летопись самого литобъединения эжвинских литераторов. Даже по внешнему оформлению этих выпусков, не говоря уже о содержании, можно проследить заметный рост камельковцев, как в количественном, так и в качественном уровне».

Как отметил во введении руководитель администрации Эжвинского района МО ГО «Сыктывкар» Николай Сосновский: «Шестой выпуск вырос не только в объёме, но и стал более содержательным. На своих страницах объединил двадцать девять человек. В данный выпуск альманаха вошли: поэзия, проза, литературоведческие статьи. Нашлось в нём место для первых поэтических опытов учащихся эжвинских школ. Литературное объединение вносит значимый вклад в развитие культуры нашей Эжвы».

На этот раз над составлением сборника потрудились редколлегия в составе Людмилы Ханаевой, Маргариты Прилуцкой, Людмилы Чебыкиной и Екатерины Пипченко. Структурно литературный альманах «У камелька» разбит на несколько разделов: «Поэзия и проза», «Наши гости», «Дебют», «Детская страничка». Дебютировали в сборнике со своими произведениями Фёдор Феофилактов, Лилия Харатова, Людмила Майбурова, Сергей Ладанов, Зинаида Сидорова, Светлана Зибен, Фаина Шарикова.

Литературоведческий и критический блок литературного альманаха эжвинских литераторов составили статьи *Людмилы Ханаевой* «Литературы без читателя не существует...», вступительная статья *Николая Сосновского*, отрывок из статьи *Андрея Канева*: «Обзор художественной литературы, вышедшей в свет в 2005 году: поэзия, проза, очерки...», *Владимира Соловьёва* «Камелёк» разгорелся. Литературный обзор», *Алексея Карпова* «И не писать уже не в силах я...». Все они отмечают высокий уровень литературных произведений, публикуемых в пятом и шестом выпусках «У камелька». Алексей Карпов напечатал в альманахе своё стихотворение «Ночь в лесу», оно посвящено замечательной северной природе, порой связанной со сказочными персонажами:

Среди замшелых елей
Над медными борами,
Где сосны вековые
Свершить, готовы взлёт,
Где люди не ходили
Артелью с топорами,
Лихой хозяин-ветер
В ночи опять поёт.
Уж до утра замолкло
И птичье щебетанье,

И карканье воронье,
Тревожащее лес.
Укрылись на болоте
В осоке – словно в зданье –
Утиные семейства...
И никаких чудес.

Прозу в литературном альманахе «У камелька» представили: *Людмила Чебыкина* (рассказ «Маленький принц»), *Татьяна Барышева* (рассказ «Незабываемая встреча»), *Олег Рочев* (рассказ «Королева»), *Людмила Ханаева* (рассказ «Уроки этики»). Все эти рассказы объединяет удивительная жажда жизни, они о нас с вами, о наших соседях, о настоящей любви между мужчиной и женщиной и сложном мире человеческих взаимоотношений.

Философское осмысление окружающей действительности, несомненно, пришло в стихи *Натальи Зоной*. Её поэтический голос окреп, в стихах появилась самобытность слова, свойственная только этому автору («Солнце упало за горизонт»):

Солнце упало за горизонт
Огненной брошкой.
В небе луна распахнула зонт
Звёздную крошку.
Чёрные тучи дрёмы полны
И покаяния.
Где-то остались лёгкие сны,
И в ожидании –
Время, повисшее над головой.
Часики тикают.
Север вдали, но до боли свой:
Странное, дикое
Чувство, щемящее душу в такт
Сердцу горячему.
Видимо, жить суждено мне так –
По-настоящему...

Её подборку стихов составили семь бережно написанных стихотворений. Лирическая героиня Наталья Зоной, в которых страдает от неразделённой любви. Она как бы горда своим одиночеством, однако («Соскучишься. Придешь – тебя утешу...»):

Соскучишься. Придешь – тебя утешу,
Но звать не стану. Холодно в ночи.
Я для тебя вчера казалась вещью,
Сегодня голосом, который всё молчит.
Открою дверь и сяду у порога,
Не для того, чтоб думать о тебе,
А для того, чтоб вымолить у Бога
Прощенья и участия в судьбе...

Замечательное стихотворение Наталья Зонова («За всё, что создано, записано, забыто...») опубликовала в 2007 году в литературном альманахе геологов Республики Коми «Прекрасная и чёрная работа».

Подборку из шести, как всегда, ярких стихотворений представили в литературном альманахе «У камелька» талантливая поэтесса *Людмила Чебыкина*. Её лирическая героиня, пройдя все жизненные перипетии, связанные с жизнью целого поколения россиян, подведя некий итог своего земного существования, когда чувство времени «собирать камни» уже настало, восклицает («Марина! – осень, Марина! – птицы...»):

Марина! – осень,
Марина! – травы
Уже пожухли и смолкли птицы.
Пойдём же к светлым российским храмам,
Чтоб животворной любви напиться!

Её лирическая героиня через страдание и одиночество приходит к пониманию истинных ценностей, к приятию единственного Отца всего человечества, взрослый, состоявшийся, сильный человек – созрел до просьбы о помощи («Хочется к маме в колени...»):

Хочется к маме в колени,
Хочется к папе под локоть.
У грусти глаза оленьи
И тонкий кошачий коготь.
От городской разрухи

Хочется ближе к лесу.
У грусти лицо старухи.
У грусти платок белёсый.
У грусти глаза разлуки –
Заплаканы изначально.
Упасть бы в Отцовы руки,
Утешить души печали...

Творчество Людмилы Чебыкиной нашло своё отражение и в альманахе геологов нашей республики «Прекрасная и чёрная работа», в котором этот талантливый автор опубликовала стихотворение: «Дай мне имя скорей, а не то я с рассветом исчезну...».

Поэзия стихотворца и барда *Анатолия Вотякова* уже давно перешагнула пограничные рамки обычного шансона. Хотя стиль исполнения поэтического текста остался прежним – песенным. И это очень чувствуется в его стихах, они поются при чтении. Осмысление жизни – вот главная тема стихов этого автора («Билет почти счастливый в автобусе кондуктор...», «...И с каждым годом, с каждым днём...» и другие). Грусть, одиночество, круговерть приевшихся своей одинаковостью дней – звучат в его произведениях («...И с каждым годом, с каждым днём...»):

...И с каждым годом, с каждым днём
Всё недоступней окоём,
Всё меньше ходим – больше пьём,
И словно не живём, а ждём.
Что, может, кто-нибудь придёт
И вновь в дорогу позовёт.
Или зайдёт поговорить
О прошлом и как дальше жить.
Но всюду клин, куда ни кинь,
И снова – через магазин.
И за здоровье первый тост,
А далее регламент прост:
О производстве и о ней,
И о делах минувших дней,
И что не ставит нас ни в грош
Жена, а также молодёжь...
А утром – кофе, бутерброд.
...И скучных дней круговорот...

Душа поэта рвётся на волю из ограничивающих рамок определённой рутинной жизни. Дом, работа, дом, работа – вот он замкнутый круг. Он сравнивает своего лирического героя с бродячим псом («Пёс одинокий бредёт в поношенной шубе...»), посаженным на хозяйскую цепь, во время весенней собачьей свадьбы («Собачья жизнь»):

Собачья похлёбка сытна и вкусна,
И кормят всегда регулярно.
Но за неприступным забором весна,
Собаки гуляют попарно.
На цепь не сажайте бродячего пса,
В неволе он будет несчастен,
Ни кость не заменит и ни колбаса
Хозяйская жизни собачьей...

Природа в поэзии Анатолия Вотякова в большинстве случаев экстремальна, именно такая и импонирует лирическому герою автора («В конце периода метелей...», «Дождь морозящий привычен и нуден...»). Именно в такой среде и находит отдохновение его исстрадавшаяся душа («Зима»):

Над заснеженной тайгою
Солнце ватт на двадцать пять
Тускло светит и погода,
Видно, портится опять.
Это верная примета:
Солнце в дымке – быть пурге.
А зимой, не то, что летом,
Заметёт тропинки снег.
Не пройти потом по чаще
Человеку никуда.
Зверю дикому, тем паче,
От бескормицы беда.
Хорошо б найти избушку,

У охотников приют,
Выпить стопку, чая кружку
И послушать, как поют
Ветры зимние за стенкой...

Лирический герой Анатолия Вотякова – личность ищущая, которой всегда не хватает для счастья некоей малости, потому она и мечется по жизни. Но сам поэт знает чего ему нужно, ему нужен друг («Разговор» и другие), и уже кажется неважным, без двусмысленных намёков, мужчина это будет или женщина, главное «чтобы человек был хороший» («Билет почти счастливый в автобусе кондуктор...»):

И в жизни нашей так же почти всегда бывает:
Есть дом, работа, дача, и дети, и жена.
И всё-таки для счастья чего-то не хватает,
Как пьянице – последнего стаканчика вина.
Где капельки, где грамма, секунды до успеха,
Всего на единицу у счастья дефицит.
Нам часто не хватает всего лишь человека
В толпе, что безразлично вокруг тебя кружит...

Большой подборкой талантливых стихов в восемь произведений («В Европе наводнение, Японию трясёт...», «Город детства», «Мы жизнь, как песню сочиним...», «Я бегать отвык – это плохо...», «К другу старому давно хотел зайти...», «В автобусе кондуктор билет почти счастливый...», «Ты позови, и я приеду к сроку...», «Как много камней разбросал я, пора собирать...») было отмечено поэтическое творчество Анатолия Вотякова в литературном альманахе «Сыктывкар» (2007 года). В этой подборке стихов поэт Анатолий Вотяков остался верен своим поэтическим темам, его лирический герой – это тип свободолюбивой, беспокойной и мягущейся по жизни личности.

Почти дюжиной стихотворений *Евгения Суворова* порадовал читателей республики литературный альманах «У камелька» («Белый ангел», «На дальней зимовке, где всё мне знакомо...», «Всё бродил бы и бродил...», «Закатилось солнце за лесок...», «В тишине, среди лесной тиши...», «На небе серп луны золотые звёзды косит...», «Сонное царство – застывшие ели...», «Я брожу по лесу пьяный...», «Закружила осень в небе карусели...», «Звёзды ярко блестят, млечный путь...», «Плывут по небу облака...»), в которых два жизненных для поэта потока с живой водой для его творчества «Бог» и «Природа» сливаются воедино («Плывут по небу облака...»):

Плывут по небу облака
Над дремлющей рекой,
И кажется, что на века
Застыл хмельной покой.
Что будет вечно тишь, да гладь,
И Божья благодать,
Что никогда никто из нас
Не будет умирать.
Плывут по небу облака,
Вода течёт, течёт,
Играет бликами река,
И солнышко печёт...

Большую подборку замечательных стихотворений Евгений Суворов представил и в литературном альманахе «Сыктывкар», вышедшем в 2007 году. Отраднее, что в последнее время поэт перестал «чураться» своей интереснейшей «мирской» лирики. И эта, на мой взгляд, положительная тенденция в его творчестве проявилась в стихотворной подборке, напечатанной «У камелька» («Звёзды ярко блестят, млечный путь...»):

Звёзды ярко блестят,
Млечный путь
Белой линией тянется в горы...
Я забуду, и ты позабудь
Все обиды и глупые споры.
Ты одна.
Я один, словно перст,
Мы с тобой далеко друг от друга,
Между нами на тысячу вёрст
Разгулялась свирепая вьюга.
Всё метёт, и метёт, и метёт,
И не видно конца ей и края.
А в горах Марьян корень цветёт,

Солнце яркое в небе играет...

В 2007 году в издательстве «ООО «А-Формат» *Нина Николаева* выпустила в свет талантливый сборник стихов «Поток». Подборку из четырёх её стихотворений («Новые ритмы», «Однажды в конце августа», «В зимней россыпи», «Одна») опубликовал и литературный альманах эжвинских писателей «У камелька». Чувствуется, что поэтессе стали привлекать мотивы осмысления пройденной жизни. Прежний жизненный путь, причём, кажется ей намного привлекательней и интересней нынешнего, но два раза в одну воду, как говорится, не войти и лирическая героиня Нины Николаевой это понимает («Новые ритмы»):

Новые ритмы, совсем незнакомые,
Разволновали, наполнили грудь.
Прежние чувства, любовью влекомые,
В юность позвали, а где этот путь?
Он позабытый, пургой запорошенный,
Ориентиров к нему не найдёшь.
Сочные травы давно уже скошены,
А возвратиться так хочется всё ж...

Вообще, хочется отметить, что участники литературного объединения эжвинских поэтов и писателей «У камелька, очень активно печатаются и в литературном альманахе столичных авторов «Сыктывкар», а так же в литературных альманахах геологов Республики Коми (в последнем по времени, например, «Прекрасная и черная работа»). Из их числа и представившие свои произведения в литературный альманах «У камелька» эжвинцы *Екатерина Филипченко* и *Виктор Бурдин*, *Татьяна Асафьева* и *Олег Рочев*. *Маргарита Прилуцкая*, представила в эжвинский альманах подборку из одиннадцати стихотворений. Гражданственность – это свойство поэзии Маргариты Прилуцкой воспринимать окружающую действительность и изображать её с глубокой личной заинтересованностью. Духовная сила её лирической героини – это сила, способная возбуждать активное отношение читателей к повседневной жизни, стремление сделать её лучше, содержательнее («Крики в ночи, суматоха и брань...»):

Крики в ночи,
Суматоха и брань.
Встану, окошко закрою.
Угомонись ты, российская пьянь!
Дай хоть немного покоя.
Этот набор омерзительных слов
В сумраке мертвенно-синем –
Песня заблудших чумных мужиков.
Гнев и проклятье России!

Широкий охват своим взором всего этого видимого и невидимого мира от какого-нибудь пшеничного зёрнышка до звёздных миров и океана вселенной свойственен Маргарите Прилуцкой («Я не знаю на миг, или надолго...», «Ржаное поле, светлая река...», «Располосовано небо дождями...» и другие). Причём обозреваемые поэтессой предметы и явления выступают не только как данные иллюстрации, но и вполне реально, вытекают из жизненного опыта её лирической героини («Под серым небом – серый дождик...»):

Под серым небом – серый дождик,
Но лес – нарядный и живой,
Как будто радостный художник
Набрызгал краски золотой.
Наполнил светом стан берёзы,
Ветлы тигриные глаза.
Для украшения по откосам
Багровых листьев набросал.
Надену плащ и зонт раскрою,
Пойду по стёжке луговой,
Туда, где пласт опавшей хвои
Лежит под спелой травой...

Душу поэтессы тревожат сложные взаимоотношения с близким любимым человеком («Не мучай меня, помолчи, не трави мою душу // И в стынущий круг пепелища меня не влеки...»), однако её лирическая героиня всё ж таки надеется на лучший исход взаимоотношений («Не спрашивай, тебе я не отвечу...»):

А впереди – предзимнее безлюдье
И непереносимость пустоты.
Но мы с тобой друг друга не осудим,
В разладе не унизим до вражды.

Твоих волос заиндевелых прядки.
Морщинки горькие у губ моих.
Но сумрак сердца послелистопадный
Не разделить, как ломоть, на двоих...

Людмила Ханаева представила в литературном альманахе «У камелька» поэтическую подборку из двух стихотворений («Я рада теплу, лучезарному небу я рада...», «То мечтает, то мучат сомненья...»). Её поэзия полна любовью к северному краю, ставшему ей второй родиной («Я рада теплу, лучезарному небу я рада...»):

Под вечер усталое солнце
Ложится на ели,
И ложе его
Озаряет оранжевый свет...
И кажется мне,
Что нет места для сердца милее,
И кажется мне,
Что земли лучше Севера нет!

Героиня стихотворения Людмилы Ханаевой «То мечтает, то мучат сомненья...» - зрелая женщина, у которой и дочь есть и внуки есть, она занимается хозяйством («И отложит подальше газету, // Шарфик станет кому-то вязать...»). Но такая одинокая жизнь не устраивает женщину и она пишет объявление в газету для того, чтобы ушло из дома женское одиночество:

Как вместятся в те скудные строчки
Одинокие все вечера?
Недовольно бросает листочки.
Для невесты решит, что стара.
Нет же, главное в жизни не это!
Дочка есть у неё, внук и зять.
И отложит подальше газету,
Шарфик станет кому-то вязать.
Но опять одолеют сомнения
И почувствует жалость к себе...
И вернётся она к объявлению
С вечной верой в удачу в судьбе...

Знакомясь с творчеством «камельковцев» на протяжении многих лет, наблюдая творческий рост основного «костяка» этого литературного объединения, в который входят однозначно Олег Рочев, Евгений Суворов, Александр Лобанов, Людмила Чебыкина, Маргарита Прилуцкая, Нина Николаева – разные, талантливые, творческие личности, давно выросшие из хора «камельковских штанов», самостоятельные поэты-солисты. Несомненно, и руководитель литературного объединения «У камелька» Людмила Ханаева из их числа. Все уже со своими отдельными сборниками стихов, некоторые и не с одним. Меня всегда удивлял, тот талант руководителя коим Л. Ханаева обладает. Это ведь, сколько энергии и силы духа необходимо для того, чтобы удерживать этих разных людей в одном общественном коллективе. Сплотить всех их гордых своим творчеством вокруг литературного альманаха, удержать от неминуемых творческих склок и распрей, да ещё и самой создавать интересную актуальную прозу, писать замечательные зрелые стихи. Решить вопрос с помещением для встреч, убедить руководство района и руководителей организаций культуры, будь то библиотека или музей, в необходимости издания следующего выпуска литературного альманаха «У камелька», заниматься просветительской деятельностью с творческой молодёжью... Да мало ли дел у руководителя литературного объединения? Много. За них и снискала у эжвинцев, да и не только у них заслуженное уважение Людмила Ханаева, а её самобытное творчество нашло исключительно свою дорогу к читателю.

Владимир Гоголь – имя в региональном литературном процессе новое. Он совсем недавно стал публиковать свои стихотворения. Помню, как его, считавшего занятие литературным творчеством делом абсолютно несерьезным и для него человека солидного почти что – постыдным, привела буквально за руку на одно из заседаний литературного клуба «У камелька» поэтесса Людмила Чебыкина. С его поэтическими работами я впервые познакомился, прочитав в одном из прошлых выпусков литературного альманаха «У камелька» литературные пародии этого автора. Тогда они мне показались достойными жизни в опубликованном виде, только чуть «переперчёнными» на мой литературный вкус сарказмом.

В шестом выпуске литературного альманаха «У камелька» В. Гоголь представил на суд читателей подборку из трёх стихотворений («Осень», «Весна», «Начав всё с утренней зарёю...»). Оба стихотворения, посвященные временам года – это своеобразный философский анализ пожизненной связки природы и человека, тех природных процессов, которые непосредственно влияют и на жизнь-

бытьё современного «хомосапиенса». Его лирический герой, осознавая себя зрелым человеком («Осень»), и любит по зрелому, не представляя своей жизни без дорогого сердцу человека:

А, затем, кислородом насытившись,
Подував от природных красот,
По тебе и комфорту соскучившись,
Я дойду до знакомых ворот.
Я поставлю корзину с грибами
И с брусникою пестерь в снях.
Плащ, ветровку, гремя сапогами,
Я развешу сушиться впотьмах.
Я войду и твой сон потревожу
Поцелуем, но то не беда.
Осень пахнуть по-разному может,
Но тобой она пахнет всегда!

В стихотворении «Весна» вместе с природой оживают, и силы человеческой души, для которой весна – это чудо:

Проснусь с утра от грохота капли,
Меж серых туч – луч солнца, небеса.
Была зима – денёчки пролетели.
И вот весна. Вот это чудеса!...
...Цветы, улыбки, радостные лица:
Прощай, зима, морозить нас кончай.
Пришла весна – апрельская царица
И муж её – предвестник лета – май.

Не обошлось без искромётного юмора, с которым написано стихотворение «Начав всё с утренней зарёю...». Создано оно по мотивам китайской сказки «Как Бог создал женщину» и снабжено эпиграфом из Самуила Яковлевича Маршака: «Сперва мужской был создан пол, // Затем, окончив школу, // Творец Вселенной перешёл // К прекраснейшему полу...». С присущим автору юмором в стихотворении изложено, из чего создана современная женщина:

Тепло мехов, магнита силу,
Журчанье вод и жар огня,
И лебединый стан красивый,
И гриву рыжего коня,
Добавил ласковость котёнка
С когтями сильного тигрёнка,
И грациозность стрекозы,
И гибкость ветреной лозы.
Взял хрупкость льва и трепет лани,
Смешал всё это в Божьей длани.
Лизнул, попробовал породу,
Добавил чуть нектару, мёду.
Задумался над вкусом этим,
Добавил то, чем звёзды светят,
Ещё метущегося ветра,
Туч грозowych два кубометра...

Как уже говорилось выше, литобъединение «У камелька» в лице его руководителя, ведёт большую просветительскую работу среди творческой школьной молодёжи. Результатом её стала «Детская страничка» литературного альманаха. В её рамках опубликованы стихотворения Юлии Донченко, Ивана Туркина, Светланы Корычевой, Ирины Сапуновой, Анастасии Дуксо, Марины Старцевой. Дело, конечно, неплохое, однако, хочется предостеречь составителей альманаха от преждевременных незрелых публикаций, которые катастрофически снижают художественную ценность всего издания. Пусть «Детская страничка» будет восьмистраничным приложением к литературному альманаху «У камелька», но отдельным, что важно, приложением.

На этой не совсем радужной ноте не хотелось бы заканчивать литературный разбор шестого выпуска альманаха эжвинских поэтов и писателей. А наоборот, хочется отметить достаточно высокий уровень представленных в нём художественных произведений. Так держать, уважаемые эжвинцы. А в заключение процитирую состоявшееся стихотворение одного из дебютантов **Фёдора Теофилактова** под названием «Огонь», пусть так же живо и трепетно горит и дальше творческий огонёк эжвинского камелька:

Язык костра
Лениво воздух лижет.
Трещит сухими старыми ветвями.

Вздыхает,
Горьким дымом мерно дышит.
И вдаль глядит горячими углями.
О чём ту думаешь,
Мой спутник молчаливый?
Мне намекни: о ясном или грустном?
Твои же мысли
Тихо и красиво
Дымком кудрявым над рекою вьются...

Восьмой выпуск альманаха «Сыктывкар» порадовал читателей не только новым дизайном оформления и твёрдой обложкой, но и более жёстким отбором опубликованных на его страницах текстов. Видимо сыграло не последнюю роль в таком отношении общественной редколлегии к составлению книги то, что альманах был, выдвинут на государственную премию Республики Коми. До этого выходили в свет «Звезда забытого завета» (1994), «Авария» (1994), «На изломе» (1995), «Берега» (1996), «Открытая дверь» (1997), «Выбор» (1999). С 2000 года с лёгкой руки доктора филологических наук В.Н. Дёмина сборник обрёл своё нынешнее имя: литературный альманах «Сыктывкар» (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007). Все они увидели свет благодаря финансовой поддержке Управления культуры администрации МО ГО «Сыктывкар». В общественную редколлегию альманаха вошли известные в республике и за её пределами люди В. Шевцов, А. Бернштейн, Г. Нечаева, В. Демидов, А. Канев, А. Иевлев, М. Курочкин, В. Полещиков, А. Ульянов, И. Бельх.

Традиционно в сборнике были представлены поэзия, проза, литературная критика, художественные очерки, статьи, посвящённые истории литературы и Коми края. На суд читателей свои поэтические тексты представили Владимир Силкин, Андрей Канев, Николай Тюрнин, Аркадий Калимов, Александр Лобанов, Раиса Куклина, Валентин Охапкин, Владимир Олофинский, Евгений Суворов, Алексей Иевлев, Николай Герасимов, Валентина Капшина, Мария Кузьмина, Андрей Попов, Анатолий Вотьяков и другие.

Патриотизм и неизбывная любовь к малой родине всегда были присущи стихам *Владимира Силкина*, не обманул он ожидания читателей и в этот раз («Моё село»):

Хотелось краешка земли,
Коней и сеновала.
А мама, чтобы не ушли,
Нас дома закрывала.
И выше не было тоски:
Из маминого плена
Смотреть, как возят мужики
На край на этот сено.
Воды немало утекло,
Узнал я, края нету,
Но есть хорошее село,
Где постоянно лето.

Светлая лирика *Раисы Куклиной* направлена на изучение, если можно так сухо выразиться о стихотворном творчестве вообще, отношений между мужчиной и женщиной всегда непростых, всегда связанных с какой-то преградой, мешающей влюблённым воссоединиться в счастливой и безоблачной жизни. Этой теме трагической любви посвящены её стихотворения «Мы забудем все обиды...», «Нам с тобою надеяться не на что...», «Бескрылой птицей страшно быть...», «Вуаль разлуки так тяжела...», «Горькая истина...»:

Вуаль разлуки
Так тяжела!
Шепчу от муки:
«Я умерла...»
Угасли звуки.
Спустилась мгла.
Какие муки...
Я умерла...

Тема духовности и православия в стихах эжвинского поэта *Евгения Суворова* раскрылась ярким проявлением восприятия мира этим стихотворцем через призму божественного почти молитвенного слова простого обывателя, обращённого к Создателю с мольбой о помощи и понимании, особенно сильно звучит в последние годы его творчества. Творческое начало этого автора всегда основывалось на пропаганде православной веры, на его стремлении донести до простого читателя светлый образ Иисуса и Создателя. Так, например, в своём стихотворении «Небесный град, святой Иерусалим...» он пишет:

Так хочется припасть к ногам Христа,
Молить о милосердье и спасении,
И в храме Гроба,
около креста
Принять огонь святого Воскресения.

Этой теме в литературном альманахе «Сыктывкар», посвящены стихотворения поэта: «Ангел», «Небесный град, святой Иерусалим...», «Прости нас грешных, Боже, и спаси...». Рука об руку с темой православия в поэзии Е. Суворова идёт тема негативного влияния Запада на российскую народную ментальность. Он не согласен с политикой последних лет, проводимой в стране, разрушающей русскую душу. Так, в одном из своих стихотворений («Вгляжусь в синь небес – васильковые дали...») Суворов пишет:

Дурманит нас Запад смертельной отравой,
Пытаясь свободой грехов искусить.
Ну, кто им дал право считать себя правым,
И править разврат в православной Руси?!

Тема своеобразной неброской северной природы всегда была близка лирике поэта. Уделил он своё внимание ей и в представленной в альманахе подборке стихов («Я брожу по лесу пьяный...», «Летняя, волшебная пора...»):

Все засыпаны дорожки
Золотистой листвою.
Ворох листьев на сторожке, -
Дух медовый и густой.
Отзвенело бабье лето,
Кружит листьев хоровод.
На Покров по всем приметам
Снег на землю упадёт.

«Карлики не видят великанов» - так озаглавил свою подборку, как всегда искренних и замечательных своим профессионализмом по сути исполнения, стихов сыктывкарский поэт *Алексей Иевлев*. И он прав, его философия жизни, как всегда основывается на своём собственном опыте проб и ошибок, его лирический герой не меняет своей нравственной позиции вот уже на протяжении многих лет:

Карлики не видят великанов
И живут особенной судьбою,
Занимаясь разведением тараканов
И, опять же с тараканами, борьбою.

Зная, например, писательскую жизнь нашего региона, можно воскликнуть: «Боже, в самую точку!». Вообще, его философская лирика ввергает современного читателя в некий ступор. Всё вокруг сложно и неоднозначно, «хороший» снаружи человек может оказаться подлецом, и наоборот:

Я ещё не умею не верить.
Но твердят, что это пройдёт.
И проснутся спящие звери,
Где сейчас человек живёт.
Жизнь дохнет перегаром смрадным.
Душу вывернет, как носок.
И ударит маршем парадным
Опьянённый кровью висок.
Гляну в окна – какие рожи!
Гляну в зеркало – человек?
Под сукном человеческой кожи
Не найти библейский ковчег.

Мир человеческих взаимоотношений в его стихах подвергается жёсткой проверке на правду жизни, образность поражает своей чёткостью философской мысли, тревожит воображение восприимчивого читателя:

Канун зимы – смешенье красок
От жарко-красных до седых,
Как будто лица молодых
Ворует старость смертных масок...

Душа поэта ищет отдохновения, уставшая бороться с жестоким миром человеческого бытия, его лирический герой находит утешение лишь ночью, когда:

И только ночь меня спасает...
Она награды не попросит.
И неудобные вопросы

До лучших дней перенесёт.
Как счёт минутам скоротечен,
Когда на улице темно.
Как отрезвляюще беспечен
Дождь, колотящийся в окно...
Словам и разуму не властны
Ни дождь, ни темень за окном...
Ночь награждает только сном.
Во сне вопросы не опасны.

А ещё для лирического героя Алексея Иевлева очень важна его семья. Жена и сын – тот оплот, который и даёт душе поэта настоящее не иллюзорное, как ночью, отдохновение. Два стихотворения в подборке литературного альманаха «Сыктывкар» посвящены знаменитой певице и супруге поэта Альфии Коротаевой, в одном из них говорится о сыне: «Сын подрастает... Куда нам от времени деться? Крутит педали его трехколесное детство. Может, догоним? Какая смешная затея... Что мы навеки теряем, навеки взрослея?...». Но Альфия для поэта – это то самое «всё», ради чего живут и творят настоящие стихотворцы:

И мир раскрылся для сердец,
И стало непривычно взгляду
Не видеть, что хотел Творец
Создать,
И высшую награду
Мы получили для себя –
Не брентную, не золотую –
А ту, которую, любя,
Хранят безмолвно, как святую.

Имя поэтессы **Валентины Капшиной** давно уже известно республиканскому читателю по публикациям в журналах, литературных альманахах, поэтических сборниках и печатных средствах массовой информации. Ещё совсем недавно она возглавляла студенческий культурный центр при Сыктывкарском государственном университете. Сейчас В. Капшина, к сожалению, для республиканского литературного процесса сменила своё географическое место жительства, найдя личную счастливую судьбу на берегу Азовского моря. Но будем надеяться на то, что связи её с республикой не прервутся, и читатели литературного альманаха «Сыктывкар» ещё не раз смогут насладиться её поэтическим творчеством.

Представленная поэтессой подборка состоялась из десятка стихотворений, написанных недавно. Это снова любовная лирика – светлая и добрая по своей сути и внутреннему содержанию. В отличие от любовной лирики Р. Куклиной в стихах В. Капшиной у её лирической героини уже всё состоялось, несмотря на кажущуюся неуверенность:

Песня льётся, сердце бьётся,
Но сжимается в кулак.
Будто что-то не срастётся,
Не распустится никак.
Душит веру плоть немая.
Лишь меня не обмануть.
Что даёшь – всё принимаю,
Не заглядывая в суть.

Поэзия **Марии Кузьминой** – это гимн родине как малой, так и великой имя которой – Россия. Понятие родина включает в себя для поэтессы не только географические просторы нынешнего государства России, но и солнечные берега полуострова Крым. И в этом нет ничего политически воинственного, просто так уж повелось у нашего, среднего поколения ассоциировать свою большую родину с той ещё самой одной шестой частью планеты – Советским Союзом. Вот и читаем ностальгические строки:

Будь ты русский или казах,
В Крым приехать всегда есть причина:
На закате там смотрит в глаза
Раскалённое солнце Крыма!

Лирическая героиня М. Кузьминой сопереживает вместе со всеми нами те события, которые происходят в жизни народонаселения России. Стоит, на мой взгляд, задаться вопросом: «А, может быть, это и есть тот самый настоящий патриотизм, не «высокие» слова о любви к родине, а простое сопереживание соотечественникам?» Мне кажется, именно об этом стихи М. Кузьминой («Солнце Крыма», «На рассвете», «Русская рубашка», «Пожелание») в одном из которых она искренне пишет:

Растеряла русскость ты в дороге,

Без поводыря бредёшь, куда?
Все твои надежды и тревоги
Уместились в сердце у меня.
Многим на Руси сегодня тяжко,
Будто бы без боя, от границ...
Всё-таки я русскую рубашку
Закажу у старых мастериц!

Это то, что касается поэтического творчества сыктывкарских авторов, опубликовавших свои стихи в прошлом выпуске альманаха. Перейдём к следующему.

Литературоведение в альманахе «Сыктывкар» 2007 года представлено статьями и рецензиями Галины Нечаевой «Сыктывкар» сыктывкарцам» (о городском столичном литературном альманахе), Андрея Канева «О Сталине, о партии и о земле Коми» (о первом поэтическом сборнике коми поэтов, вышедшем в свет в Москве), «Великое слово писателей наших...» (обзор региональной литературы, вышедшей в Республике Коми в 2006 году), Алексея Карпова «И не писать уже не в силах я...» (о пятом выпуске литературного альманаха эжвинского литобъединения «У камелька»), Алексея Иевлева «Энциклопедия литературной Воркуты» (о поэтическом сборнике литобъединения города Воркуты «Высокие широты»).

Хочется отметить высокий профессионализм написания статей подобного направления, их «незашоренность» в сравнении с официальным отношением к литературному процессу чиновничьей братии от литературы. Вообще, литературная критика республики, необходимо, видимо, признаться переживает в последнее время не лучшие времена. Однако хочется верить, что с приходом на пост литконсультанта в Союз писателей Республики Коми Андрея Гелиевича Попова, человека не только бойко пишущего на литературные темы, но и имеющего, что согласитесь не маловажно, филологическое образование, повернет процесс от регресса к прогрессу. Его рецензии и статьи в печатных средствах массовой информации обратили на себя внимание любителей литературы. В девятом с 2000 года (и пятнадцатом юбилейном с 1994 года) выпуске литературного альманаха «Сыктывкар», который, уважаемый читатель, ты держишь в руках, этот автор представил свои работы.

Проза представлена в альманахе рассказами, литературными очерками и повестями разных авторов. Рассказы опубликовали Андрей Канев («Сёмка-Рэкет», «Женихались старик со старухой», «Зинка-Шалава»), Николай Мальцев («Шпана»), Иван Белых («Сучки на потолке» - в переводе с коми языка на русский Алексея Иевлева), а так же Екатерина Ширшова («Пятница, тринадцатое»). Рассказы в основном посвящены современной жизни простых людей. И. Белых традиционно пишет о детстве, проведённом в середине прошлого века в коми деревне, исследует жизнь коми деревни и Н. Мальцев. Марк Каганцов выступил в жанре короткого юмористического рассказа («Байки скорой помощи»).

Драматург, художник и писатель *Ирина Величко* напечатала в альманахе повесть «Моё отношение к герою», в которой с чисто женской саркастичностью «препарирует» современные взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Повесть *Валентины Цой-ха-ри* «Тихое счастье» посвящена «второму дыханию» жизни, полученному вдовой Анной, вырастившей детей и её новой любви. Видимо, такова «женская планида» в литературе – решение извечного вопроса в сюжетной линии повествования «Что же такое есть любовь и с чем это «первое» в жизни любого нормального человека блюдо едят?».

Документальная повесть *Альберта Бернштейна* «Встречи с Марионеллой Георгиевной» пронизана светлыми человеческими взаимоотношениям. Взаимоотношения доктора и смертельно больного пациента возводятся Бернштейном почти, что в ранг общения с Богом, которое, в конце концов, всё-таки сводится к «земному»: «А в Воркуте ещё долго будет длиться полярная ночь. И, может быть, уже этой ночью Марионеллу Георгиевну снова вызовут к неотложному больному, и она снова будет спасать ещё одну чью-то жизнь, отдавая тихие команды ассистентам своим удивительным голосом. И пусть это великое служение родному городу продлится, как можно дольше».

Алексей Иевлев в своей повести «Выстрел из прошлого» затрагивает наболевшую в современной России проблему, так называемых, «чёрных копателей». В остросюжетной детективной форме в повести переплетаются интересы многих. Например, «положительных» скаутов, добывающих в основном медальоны погибших в Великую Отечественную войну солдат, а так же их останки, и таким образом помогающих найти родственникам «пропавших без вести» на полях сражений. «Отрицательных» скупщиков огнестрельного оружия времён второй мировой войны, пускающих их на продажу столичным преступным группировкам. Местных жителей деревень, в районе расположения которых в начале сороковых годов прошлого века проходили жесточайшие бои. Для них добыча военных раритетов является единственным заработком для более или менее сносного существования. А также местных и столичных властей, которые заинтересованы в том, чтобы и криминальный бизнес продажи стрелкового оружия прекратить и военно-патриотическую работу по

поиску солдатских захоронений поднять на более высокий уровень. Тема в русской региональной литературе новая и, на мой взгляд, своей неосвоенность – благодатная.

Писатель Пётр Пантелеймонович Потапов из плотников – главный герой повести **Митрофана Курочкина** «Процесс пошёл». История страны и жизненные перипетии личности писателя Потапова прочно переплетаются в повести со свойственным только Курочкину восприятием окружающего мира. Каждое слово в повести начинается с буквы «п». Подобного рода произведения можно просто назвать – гимнастикой для ума. Но в случае с повестью М. Курочкина «Процесс пошёл» подобное восприятие данной литературы не проходит. Потому что повесть нельзя назвать ни ёрничаньем в чистом виде ни «пустышкой» в смысле художественности отображения окружающего мира. Повесть Курочкина «Процесс пошёл», несмотря на необычность исполнения, на мой взгляд, это настоящее без экивоков художественное произведение о жизни простого российского народа. Этим повесть и интересна.

Необходимо ещё отметить тот нестандартный писательский юмор, с которым повесть исполнена. Огромный опыт работы писателя М. Курочкина в различных российских юмористических журналах («Крокодил», «Чаян», «Почемьш», «Чушканзи» и других) даёт о себе знать на протяжении всего литературного произведения. Чтобы подтвердить свои умозаключения, приведу небольшой образчик авторского текста: «Пиво побулькивало, пузо пучило... Поликарп Поликарпович почти плакал:

- Перебрал, Поликарпыч? – преградил путь профессору подвыпивший плюгавый паренёк, поддерживая пошатнувшегося Полонского.

Прорвавшее преграду пиво пенным потоком потекло по полу.

«Похоже, прободение полости...» - подумал профессор, потом последние проблески померкли...

Предприниматели Приморья, посоветовавшись, порешили просить Президента посмертно присвоить Полонскому почетное прозвище «поборник пивного производства»...

Художественный очерк – это всегда интересно и с точки зрения филологии и с познавательной-информационной точки зрения. В этом литературном жанре выступили в альманахе **Валентин Охалкин** («Сними с меня усталость»), **Вениамин Полещиков** («Женщина Виктора Корчного»), **Виктор Демидов** («Крещение у Северного полюса») и **Анатолий Попов** («Брежнев: «Не люблю стоять на мавзолее...»), **Антонина Пылаева** («Глава из книги...»), **Яков Юдович** («Штрихи к портрету свободного человека»).

Очерк «Сними с меня усталость» посвящён известному в республике государственному и политическому деятелю Сергею Афанасьевичу Каракчиеву, который открывается читателю с неизвестной стороны – простого земного человека со своими болезнями и причудами. Когда читаешь очерк, оторопь берёт от той обнажённости жизненного нерва, с которой В. Охалкин описывает последние дни жизни «ракового» больного Каракчиева. Я. Юдович посвятил свой очерк «Штрихи к портрету свободного человека» жизни, научной и правозащитной деятельности репрессированного в Коми край диссидента Револьта Пименова.

В. Полещиков в очерке «Женщина Виктора Корчного» открывает «государственную тайну» возникновения множества юридических, политических, психологических проблем во время подготовки и проведения сложнейшего шахматного поединка за корону чемпиона мира между Карповым и Корчным. Очерк Виктора Демидова «Крещение у Северного полюса» посвящён путешествию учёного Александра Попова на Северный полюс и к островам архипелага Земля Франца Иосифа. «Глава из книги...» А. Пылаевой посвящена творчеству известного художника В. Пылаева, связанному с темой ГУЛАГа. Известный в республике историк литературы А. Попов в своём очерке «Брежнев: «Не люблю стоять на мавзолее» анализирует известные и неизвестные факты из жизни Леонида Ильича Брежнева.

Таким образом, анализ литературных произведений, представленных в столичном альманахе «Сыктывкар» 2007 года, говорит о том, что творческое начало в сердцах и душах сыктывкарских писателей не только не угасает с годами, а наоборот – прогрессирует. Это в двойне приятно потому, что литературный процесс дело тонкое и непредсказуемое. А когда в околосыктывкарских кругах появляются новые имена талантливых авторов, а самое главное им есть, где публиковать свои произведения – это говорит о бурном росте литературного потенциала столичной интеллигенции. И не смотря на то что, Коми книжное издательство практически приказало долго жить, литературный процесс и издательская деятельность продолжают в республике процветать.

Ещё одним замечательным явлением в литературном процессе нашего региона явилось издание очередного литературного альманаха геологов республики «Прекрасная и чёрная работа». В него вошли прозаические, поэтические и мемуарные произведения геологов, журналистов, писателей и людей, неравнодушных к литературному творчеству. Этот альманах выходит по инициативе сотрудников института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, он двенадцатый по счёту, продолжает многолетнюю традицию издания литературных

альманахов, основу которых составляют произведения геологов нашей республики. В редакционный совет издания входят известные люди: А.А. Иевлев, Н.Н. Герасимов, А.П. Боровинских, М.Б. Тарбаев, Н.П. Юшкин и С.И. Плоскова.

В прежние годы увидели свет: «Моя звезда была Полярной» (1995), «Давно пора остепениться» (1996), «Прервана точкой строка» (1997), «Благослови идущих по земле» (1998), «Романтикам нехоженых дорог» (1999), «Забыты запахи костров» (2000), «Не ждите нас, жаркие страны» (2001), «Дорога с грустным перекрёстком» (2002), «Уезжают друзья с Северов» (2003), «Был у меня хороший друг» (2004), «полное собрание разлук» (2005), и вот теперь нынешний «Прекрасная и чёрная работа», обозначенный 2006 годом, но увидевшим свет из-за финансовых неурядиц лишь в 2007 году.

Сборник традиционно состоит из нескольких текстовых блоков – это проза, поэзия, очерки о коллегах, друзьях и близких, а так же отзывы и рецензии. В разделе «Проза» свои произведения напечатали Владимир Хлыбов (повесть «От конюшни до...»), Юрий Ткачёв (рассказы «Демон», «Горняк», «Кто и как открывает месторождения»), Яков Юдович (эссе под общим заголовком «Якутские зарисовки»: «Рассказ неизвестного», «Очередь в женской консультации», «Толик Поляков», «Моисей Соломонович Штриль», «Об Иване Ляхове», «Пьяный еврей»), Анатолий Плякин (документальная повесть «В конце сезона»), Геннадий Трофимов (рассказ «Василий Трошин»), Андрей Канев (рассказ «Лысая башка, дай пирожка...»), Иван Белых (в переводах с коми языка на русский Алексея Иевлева: «О чём шепчутся берёзы», «Степан и Степанида», «И опять кто-то стучится»), Юрий Юровский (рассказ «Тили-тили...»), Мария Кузьмина (повесть «Моя война»), Александр Парначёв (главы из романа «Клад Аввакума»: «Бытие Турышева. Погоня. Скрытое наблюдение», «Бытие Турышева. Трудное решение»), Владимир Митяков (рассказы: «Без романтики», «Верхом на... самолёте»), Людмила Ханаева (рассказы: «Талоны на любовь», «Член семьи»), Михаил Тарбаев (рассказ «Туман»), Алексей Иевлев (рассказ «Железная логика») и Елена Филипченко (рассказ «Куртка»).

Настоящим откровением для меня, человека искущённого в литературе стали рассказы **Юрия Ткачёва**, опубликованные в альманахе «Прекрасная и чёрная работа». Особенно взяли за душу «Демон» и «Горняк».

«Демон» - рассказ, посвящённый описанию юности автора, которую он провёл в столице Киргизии городе Фрунзе. Интересно мне было читать этот рассказ ещё и потому, что я бывал в этой азиатской жемчужине. «Демон» - это рассказ-портрет с ясно изложенным образом главного героя повествования, подробнейшим описанием его странного демонического облика (чёрный костюм, чёрная борода, грива смоляных волос, исключительно белая манишка и манжеты, изящная трость).

В своём рассказе Ю. Ткачёв описывает семью старых интеллигентов с царских времён Кологривовых Александра Юрьевича и его сестру Марию. Александр Юрьевич – «домашний монархист» и его сестра «бывшая эсерка» прожили всю свою жизнь вместе. Прочитав рассказ, понимаешь, откуда появилось советское выражение: «Вшивый интеллигент». Однажды рассказчик встретил всегда изящно одетого Кологривова в бане и увидел, как тот одевается, увидел, что под идеальным фраком и исключительно белой манишкой скрываются истёршиеся сатиновые чёрные трусы и рваная во многих местах майка, давно потерявшая свой изначально белый цвет.

Александр Юрьевич ведёт в городе бескорыстную просветительскую работу, читая лекции по культурологии и музыковедению в летнем кинотеатре городского парка. Собирает уникальную коллекцию грампластинок, которую в своём завещании отписывает музею. Через много лет рассказчик приезжает в город своей юности и с удовольствием узнаёт, что старания Кологривова (Демона) не остаются незамеченными властями столицы Киргизии, и им с сестрой под давлением общественности дают двухкомнатную квартиру.

Рассказ «Горняк» очень силён своей сюжетной линией. Ю. Ткачёв описывает в нём поход семьи, приехавшего в отпуск, учёного на яхте по озеру во время надвигающейся бури. И лишь к концу повествования понимаешь, что рассказ-то, в сущности, не об этом. А о людской памяти. Высадившись, на неизвестный ранее путешественникам мыс, чтобы переждать грозу, они с удивлением обнаруживают на нём самодельный памятник из песчаника доктору наук, профессору старой закалки, крупному ихтиологу Фёдору Ивановичу Турдакову, а ещё, как его характеризует дед главного героя «крепкому горняку».

Рассказ **Геннадия Трофимова** «Василий Трошин» посвящён несправедливости жизни. Несправедливости начальства к неординарным личностям. Ведь шофер на буровой Василий Трошин может и в стельку напиться на полученный им аванс и... решиться наперекор решению руководства главного инженера А.А. Захарина, погнать в бурю машину, чтобы спасти попавшего в беду студента-практиканта. Парнишка выжил, а Василий получил за своё геройство строгий выговор.

Документальная повесть **Анатолия Плякина** «В конце сезона» (вернее, как обозначено в альманахе, её первая часть) - это повествование-воспоминание немолодого уже человека Павла Андреевича Векшина о работе в геологических экспедициях, о товарищах-геологах. Повесть многогранна теми жизненными ситуациями, которые происходят с людьми в экстремальных

условиях, она населена сильными и счастливыми своей работой людьми. В ней есть практически всё о геологии и о том, что с ней связано, даже «инструкция для молодых», что необходимо сделать первым делом, прибыв «в поле»:

«В эмалированные кружки, звонко булькая, полилась прозрачная, холодная горячительная жидкость, умело направляемая опытной рукой Вадима.

- Стоп, а салют? – вспомнил Виктор и, зарядив ракетницу, вскинул руку и выстрелил. Ракета оставила в небе дымный вертикальный след, затем где-то в вышине послышался слабый хлопок, и появился красный светящийся клубок, который, искрясь и шипя начал сначала медленно, а потом всё быстрее приближаясь к земле. Не долетев до земли, он погас и превратился в сгусток дыма.

Все подготовительные мероприятия были выполнены полностью. Предстояло приступить непосредственно к делу».

Повесть написана простым доступным языком без излишних, в подобного рода литературных произведениях, совершенно неуместных заумностей и вычурных изысков. О профессионализме писателя говорит его умение правильно выстроить диалоги персонажей, уверенной рукой мастера в повести сделаны описания природы, портретные характеристики действующих лиц. Схематически повесть выстроена в традиционной манере, в ней есть завязка, кульминация действия. Ткань самого повествования состоит из нескольких глав: «Действующие лица», «Главные геологи», «Задание на открытие», «Спецрейс», «Поехали...», «С приездом!», «С добрым утром и хорошим днём!», «Начали...», «Делу – время...». Повесть интересна для чтения не только искушённым в «материале» профессионалам геологам, но и обычному читателю.

Не спроста рассказ *Юрия Юровского* «Тили-тили...» снабжён аж двумя эпиграфами из Пауло Козльо «Тебе не надо учить, ты слышишь голос своего сердца» и из уличного фольклора «Продав азбуку, Буратино был вынужден искать золотой ключик», ибо своё произведение он видит не менее значимым, чем труды неизвестных Макаренко, Кассиля и Помяловского. Автор в юмористическом ключе, анализируя своё обучение в школе, сначала в Симферопольской потом в Ленинградской, выступает против российской системы обучения и школьного образования вообще. И надо признать, что к концу повествования ему начинаешь искренне верить. Рассказ снабжён эпилогом, в котором Ю. Юровский отмечает: «Всё полезное, что мне удалось сделать в жизни случилось не благодаря, а вопреки школе... Школа, как и армия, стремится поставить всех в один ряд, обезличить, забить голову прописными истинами, уставами и казённой мишурой...». Каждый прочитавший рассказ в праве согласиться или нет с его трактовкой школьного образования у нас в стране.

Достоинным образчиком высокой мемуарной прозы в литературном альманахе «Прекрасная и чёрная работа» является повесть *Марии Кузьминой* «Моя война» (не путать с первым томом воспоминаний «афганцев» и «чеченцев» «Моя война» и с «Майн кампф» Адольфа Гитлера), которую для усиления впечатления мемуарности сама автор обозначила как «Репортаж из детства». От публикации этого произведения сборник сильно выиграл. Если в отношении других прозаических произведений альманаха (исключение, пожалуй, составляют рассказы Ивана Бельха в переводах с коми языка Алексея Иевлева), такое литературоведческое понятие как «поэтика текста» не совсем уместно, то, когда читаешь повесть М. Кузьминой, порой просто купаешься в богатом, красивом русском языке. Приведу небольшой отрывок авторского текста:

«...Рыжко без понукания легко трусил по укатанной, песчаной дороге, изредка косясь на треснувшую сухую ветку или жестяной шорох дубовой листвы, не облетающей до самого снега. Этот лес был знаком старому коню так же хорошо, как и его хозяину. Ещё совсем молодым, только-только объезженным в первую военную зиму, бегал он, запряжённый в лёгкие санки, развозя разных уполномоченных, налаживающих в округе довоенные порядки. Вот и мост через глухую лесную речку Весячу. Телега прогромыкала по ней так, будто Илья-пророк по грозovому небу проехал. А вот и развилка...»

Повесть «Моя война» - о Великой Отечественной войне. Хотя основное действие повествования происходит в начале пятидесятых годов прошлого века, дыхание войны чувствуется в любом эпизоде тогдашней жизни. Это и воспоминания отца и матери главной героини, от лица которой ведётся повествование, девочки Маши, и найденные ею с товарищем по детским играм Серёжей гранаты лимонки, и многое другое. Отец Маши, не попавший в действующую армию из-за слепоты одного глаза, помогал партизанам, в его сарае был оборудован склад вооружения и боеприпасов. А мать, так уж получилось, в конце оккупации взяла в плен отступающего немецкого солдата. Страшной тенью проходит через всю повесть тема постоянной борьбы с голодом послевоенных лет.

Есть в повести и описание дореволюционной жизни в родной деревне с добрым всё понимающим помещиком Чириковым, который в восемнадцатом году уехал в своё второе имение под Севастополем, да и умер там. Усадьбу, как положено, было в те смутные времена, хоть и очень уважали бывшего барина, разграбили. Кое что из вещей на сохранении, в том числе толстенную книгу произведений графа Льва Николаевича Толстого, взял в свой дом дед Марии, служивший в усадьбе

сторожем. Чтение романа «Война и мир» было для деда всю оставшуюся жизнь определённым ритуалом.

Был в семье Марии подлинник картины итальянского художника семнадцатого века болонской школы Рении Гвидо «Портрет Беатриче Ченчи», копию, которой спустя двадцать лет в 1972 году, будучи по студенческому обмену опытом журфака МГУ в Лейпцигском университете главная героиня обнаружит во время экскурсии в доме Гёте. Как пишет М. Кузьмина: «В конце 1941-го года его (портрет – **А. К.**) подарила моей сестре, умершей в марте 1944 года после попадания в наш дом немецкой авиабомбы, беженка из Ленинграда за то, что носила ей Маша (главная героиня Машей была названа в честь этой старшей сестры – **А. К.**) из дому молоко, картошку, хлеб... А какая картина могла тогда сравниться по стоимости с едой? Шла большая, страшная война» - этими строками повесть Марии Кузьминой «Моя война», написанная ещё в восьмидесятые годы прошлого века, а опубликованная впервые, к великому сожалению, только теперь, и заканчивается.

Замечательная русская проза была опубликована в альманахе «Прекрасная и чёрная работа», написанная в классической традиции Василия Шукшина и Василия Белова. Это талантливые рассказы **Ивана Белыха** в высоко профессиональных переводах не менее талантливого русского писателя Алексея Ивлева «О чём шепчутся берёзы», «Степан и Степанида», «И опять кто-то стучится». Проза И. Белыха берёт за сердце читателя, вводит его в сложный и одновременно простой мир коми деревни. Знакомит с простыми, чистыми и светлыми коми людьми, жившими в двадцатом веке. Давно уже слежу за творческим развитием этого писателя, и обратил внимание на то, что рассказчик, будто бы, специально навсегда задержался в том времени «добра и справедливости» и намеренно не хочет, чтобы персонажи его произведений перешагнули вместе с ним и его современниками порог двадцать первого века.

Сюжеты прозы И. Белыха просты и незамысловаты, но за ними порой кроется вся жизнь не только нескольких поколений людей, но и сложные своей исторической правдой периоды российской государственности. Так, например, происходит в рассказе «О чём шепчутся берёзы». Читатель вместе с автором при прочтении этого произведения тоже задаётся вопросом: «Так о чём же?». И получает ответ. Рассказ выстроен в виде диалога между деревьями, растущими вокруг заброшенного деревенского дома. Они то и вспоминают историю, связанную с этим недавно ещё полным жизни строением.

Оказывается, что возвёл его вернувшийся с гражданской войны работающий солдат, которого в деревне за «кротовье» трудолюбие прозвали «Усердным Оськой». Он то и посадил возле дома эти берёзы. И в благодарность за жизнь в своих воспоминаниях они называют Оську – «хозяином». Вскоре Оська привёл в новый дом, такую же, как и он, трудолюбивую хозяйку Агафью. Зажили они в труде, любви и согласии, наживая добро и детей. Старший Павел повзрослел и привёл на радость родителям невесту Аглаю. Но завистники, деревенские бездельники, записали Оську в кулаки. Время было Гулаговское, страшное. Семью, имевшую несколько коров и лошадей, раскулачили и сослали на Север, где и Оська и Агафья сгинули в лагерях. Получил свой срок и взрослый уже Павел. Остальных детей раскидали по детским домам.

Только Павел вернулся уже стариком в отеческий дом, попытался приохотить к жизни в нём своего сына, тот не понял отца. Вскоре Павел умер, с тех пор дом и опустел... Деревья всегда играли большую роль в жизни коми народа. Неспроста и в этом рассказе речь обо всех событиях ведётся от лица берёз, по мысли Оськи, защитниц его семейного крова. Читая рассказ, понимаешь, что для писателя Белыха, опустел не только дом конкретного сельского мужика Оськи, все коми деревушки погибли и опустели, об этом и болит сердце талантливого коми писателя Ивана Белыха.

Не последняя роль в прозе этого автора отводится деревьям, как хранителям очага ольхе и берёзе. Таковыми они являются и в рассказе «Степан и Степанида». И снова жизнь простой деревенской семьи тесно связана с жизнью страны. И в этом рассказе история страны вмещается в человеческую жизнь и несёт с собой трагедию. Все рассказы Ивана Белыха, и этот не исключение, говоря современным молодёжным сленгом, «цепляют» за живое.

Парень и девушка оба почти сироты Степан и Степанида встречаются на дискотеке в местном клубе. С первого дня знакомства они начинают испытывать друг к другу светлое чувство любви. Вскоре играют свадьбу. Молодые остаются жить в доме матери Степаниды, одной поднявшей дочь, Дарьи. Живут они душа в душу, кажется, счастьем не будет конца. Под окнами дома сажают деревья-«обереги». Степан – лиственницу, а Степанида – берёзку. Но судьба Степана понадобилась стране, из военкомата пришла повестка на его призыв на действительную военную службу. Оборвалось сердце у Степаниды, но муж её успокаивал, что ничего плохого не произойдёт, и он вернётся домой. Степанида почти ежедневно получала от мужа письма, потом сообщила ему, что скоро родит ребёнка. По стечению обстоятельств, Степан попадает служить после «учебки» в Афганистан. Жена рождает ему сына. В одной из спецопераций Степан погибает от пули душманского снайпера. Лиственница, посаженная им, засыхает. Степанида очень сильно переживает потерю мужа, называет сына Степаном и однажды понимает, что надо жить ради него, на месте засохшей лиственницы мужа, сажает лиственницу-«оберег» для сына. Этот рассказ, на мой взгляд, может стать

отправной точкой для повести или романа. До большей прозаической формы, имею мнение, талантливый писатель Иван Белых уже давно созрел.

Произведение писателя «И опять кто-то стучится» можно назвать рассказом-портретом. Скупыми красками Иван Белых описывает личность простого коми мужика, живущего на окраине деревни в не самом богатом доме отца мальчика Петруши – Ивана. Это человек исключительной сердечной доброты, привечающий у себя в избе припозднившегося в дороге путника. Путники идут в рассказе разноликой чередой, каждый со своей судьбой, каждый со своей правдой жизни, будь то командировочный чиновник, семья кочующих цыган или полоумный «богоугодный великан» - всех Иван выслушает, всех его жена накормит, постелет им спать. И люди остались благодарны хлебосольному Ивану, таким он и остался в памяти людской. Но самое главное для писателя таким, как отец, стал и его сын Петруша, тоже всегда рад гостям, тоже умеющий помогать окружающим людям.

Без преувеличения хочется отметить, что талантливая проза Ивана Ильича Белыха коми писателя от года к году его просветительской деятельности становится всё лучше и крепче словом, всё интересней и востребованней для простых читателей и значимей для регионального литературного процесса. И огромная благодарность переводчику Алексею Иевлеву, который доводит до русского читателя тонкое, негромкое, но такое важное и нужное слово замечательного коми писателя Ивана Белыха.

Свою документальную повесть «От конюшни до...», ранее не известный для меня автор, **Владимир Хлыбов** посвятил памяти замечательного учёного Константина Генриховича Войновского-Кригера, его ученикам геологам и многим людям, получившим в годы сталинских репрессий клеймо «врага народа», с которыми В. Хлыбову довелось работать на заре трудовой деятельности. Писатель снабдил повесть очень уместным в данной литературной ситуации эпиграфом из стихотворения Анны Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Высокохудожественным произведением документальную повесть «От конюшни до...» назвать сложно, но не в этом её основная цель. Главная задача данного произведения донести до читателя историческую информацию, ту правду жизни, которой автор с читателем хочет поделиться.

В документальной повести практически нет диалогов, по формату исполнения она написана, как художественный очерк, более склоняющийся по задачам и качеству их исполнения, а так же стилю изложения материала к журналистскому расследованию на заданную тему, претендуя на нечто среднее между популярной газетной статьёй и научным исследованием. Подобного рода литература обозначенной «гулаговской» тематики лично мне была всегда интересна в силу того, что моя кандидатская диссертация затрагивает судьбы репрессированных российских писателей, а их судьбы, в свою очередь, зачастую были в силу ряда объективных причин связаны с геологией и горнодобывающей промышленностью республики.

Конструктивно документальная повесть «От конюшни до...» состоит из краткого пролога, нескольких глав («От Вятки до Урала», «Вместе с «бывшими»», «Спецгруппа ГРУ», «Новоселье в... конюшне», «В разведку с радиометром», «Гости в кожанках», «Лёша «африканец» и бесправные корейцы», «Вынужденная стройка», «В районе аномалии», «Новый год», «Охота на Куропаток», «Подземная каторга», «На тренировку», «Влюблённые в театр», «Ожившая фотография», «В поле с Войновским», «Неудачная шутка и бедный Орлик», «Черёмуховая река», «На лошадях», «На наших лошадях», «В женском остроге», «В теории и на практике», «Как меня «рассекретил» Войновский», «Голоса» из палатки», «Случай на перекате») и «Маленького эпилога».

Повесть крайне интересна не только жизнеописанием Войновского, его портретными и деловыми характеристиками, но и той фактурой жизненного материала, который использован автором.

Поэтический блок литературного альманаха «Прекрасная и чёрная работа» составили подборки стихов Николая Герасимова, Алексея Иевлева, Чупчикея, Андрея Попова, Людмилы Чебыкиной, Геннадия Легезина, Андрея Канева, Александра Лобанова, Владимира Силкина, Олега Рочева, Павла Комисарова, Маргариты Прилуцкой, Веры Мартыненко, Евгения Текуча, Людмилы Кочевой, Николая Калмыкова, Тамары Курочкиной, Натальи Осиповой, Натальи Зоной, Эрика Калинина, Митрофана Курочкина и других.

Поэтическая подборка **Николая Герасимова** была составлена из трёх стихотворений («Прекрасная и чёрная работа», «То ли Дон Кихот, то ли Санчо...», «Когда про перестройку говоришь...») и мини-поэмы «Стихи о разлуке». Название одного из стихотворений Н. Герасимова «Прекрасная и чёрная работа», которое он посвятил Н.П. Юшкину, и дало название всему литературному альманаху геологов республики. В нём автор пишет:

Выводит речка вечный свой мотив.
На берегу – палаток вереница.
Я, от дороги чуточку остыв,
В дневник впишу прожитых дней страницу.
Про чёрный крепкий чай, солёный пот,

Шальной маршрут и ранних рос моницы,
Про то, не приходит вертолёт
Неделями. Про жар избитых истин.

Стихотворение написано в верховьях Лемвы в 1983 году и не потеряло своей актуальности в описании геологического быта в экспедиции. Труд геолога зачастую романтизируется авторами, анализирующими эту тему. Зачастую геолог представляется рыцарем полевых дорог об этом в стихотворении «То ли Дон Кихот, то ли Санчо»:

То ли Дон Кихот, то ли Санчо.
Не Ламанча, а Севера.
Где твоё родовое ранчо?
Тундра, снег – ни кола, ни двора.
Ну, а, может, Маленьким Принцем
Проживёшь на своей Звезде.
И Сияний полярных ситцы
Будут рампой служить везде...

Тяжкий геологический труд в поле невозможен без настоящей мужской дружбы, поддержки, плеча, на которое можно опереться в полной мере при случившейся чрезвычайной ситуации. Этой теме посвящено стихотворение «Когда про перестройку говоришь», поэт пишет:

Хлеб пророка и чёрств и горек.
Горизонт, словно лес, дремуч.
Выше голову, главный геолог,
В тёмном царстве надежды луч...

Любовная лирика – обычно «завязана» во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной на разлуке. Тогда любовный нерв взаимоотношений достигает наивысшей оголённости. Это и происходит с лирическим героем Николая Герасимова в маленькой поэме «Стихи о разлуке». Есть в её главах и переживание самой разлуки, и осознание непрочности человеческой жизни вообще, и восторг возвращения любимой из дальней поездки. Поэма (цикл стихотворений) написана ярким, образным языком, что впрочем, отличает всё поэтическое творчество Н. Герасимова:

У меня украли любимую
Ночи белые, ленинградские –
Я от этой разлуки насквозь продрог.
Жизнь моя –
Притчи Камбуровой да музыка Градского,
Да половодье корявых, терзающих душу строк.
Тусклые дни телегой скрипучей тянутся.
К телефону молчащему прикованы вечера.
Не умею жить без тебя,
Жёнушка, сказка, странница, -
Как же бездарно с тобою ссорился я вчера...

Разнообразен тематический ряд стихотворной подборки *Алексея Ивлева*. В его стихах читается и мотив нелёгкого труда геологов («По болотам и кручам...»), и любви к сыну («Сын подрастает...»), и национального единства нашей страны (Может, выбелен взгляд морозом. / Может, ветер рождает грусть. / Но я знаю, здешним берёзам / Снится дальняя Беларусь... - стихотворение посвящено Митрофану Курочкину), и религиозно-патриотический:

Душа, как колокол, пуста.
Но только тронь, зайдётся криком
И выплачется перед ликом
Взошедшего на крест Христа.
Душа, как колокол, полна
Тревожным голосом набатным,
Как будто вновь в мозолях ратных
Ладони, плечи и страна...

Но более всего силён в лирике Алексея Ивлева мотив любви к женщине, которая и мать, и, самое главное для поэта, любимая женщина:

И пусть наполнят вам бокалы
Мужчины
И несут к ногам
Цвет, сердца и... даже в малом
Сегодня угождают вам.
Не все из нас пока поэты...
Но мы сегодня не о том!
Мы все – Ромео,

Вы – Джульетты!

И это главное...

Весомой подборкой в тридцать шесть стихотворений выступил в альманахе известный поэт **Андрей Попов**. Его подборка начинается стихотворением, в котором поэт рассуждает о своей душе, о её приземлённости:

О чём поёт гиперборей?
Об упоительных туманах,
О кораблях и капитанах,
О страсти северных морей.
А что найдёшь в душе моей? –
Каких-то русских тараканов,
Друзей, растерянных и пьяных,
В снегу, без денег и вещей.

В концовке этого стихотворения поэт восклицает: «Как будто бы гиперборей / Разбил стакан с душой моей...». Грустные мотивы, приближающиеся к истинному трагизму, слышатся и в стихотворении «Ограбили мою квартиру», в котором для поэта не важны материальные потери, его по-настоящему печалит следующее: «Но для чего забрали лиру – печаль и свет души моей...», и происходит это, потому что где-то «в дебрях мира»:

Среди громад и мелочей
Молчит похищенная лира –
Печаль и свет души моей...

Лирический герой Андрея Попова, не смотря на устоявшуюся жизненную позицию, возраст, когда уже не разбрасывают, а собирают камни, продолжает искать «свой философский камень» («На озере»):

Напрасно погружаясь в глубину,
И не хватал неюными губами
Лукавой мысли мёртвую блесну.

В его стихах слышится православная тема, она умело вплетена в ткань стихотворений вроде бы и не о религии, а просто о «простой» жизни «простых» людей («Качает время вправо, влево...», «И алтарям показывали спины...»):

И сочиняли новые стихи.
В них удивлялись, что сердца разбиты,
Что благодати не было в огне,
И вдруг вздыхали честно, словно мытарь:
«О, Боже, буди милостив ко мне,
Грешному...»

Вообще, когда читаешь стихи Андрея Попова, складывается такое впечатление: они все написаны «с оглядкой на Бога», потому что поэт справедливо понимает, - «За каждое неверное слово придётся отвечать, за каждое слово держать ответ перед Богом – подумал я и испугался своей мысли». К теме православия он обращается в стихах «В норе греха я утолю печали...», «Последний монах», «Плачь Иеремии», «И наши скорби Богу не чужды...», «Исповедь Моисея», «Первый день Великого поста», «Ненавидящих мя не боюсь...» - эта тема так широко представлена в творчестве поэта потому, что:

Правду Божию
Не прочитаешь,
Ей не научишься,
Её надо вымолить.

Судьбы малой («Друзья мне пишут, снится Воркута...», «Провинция искренне губит...», «Глубинка жалеет бомжей...») и большой («Историография», «И если Русь им – не жена...») родины тревожат и бередают душу поэта. Его стихи («Судьба безжалостна к богатым...», «Не вышло из нас генералов...») не чужды политики. Но реальнее и трагичнее всего для Андрея Попова подлая «потрава» русской ментальности («Деревня Потрава. Июль. Пять утра. / Названье деревни что надо! / Обочина жизни. Понятно, дыра. / Хотя автотрасса и рядом...»), уничтожение русской деревни и сельского, не путать с колхозным, уклада жизни в современной России. Ситуация, когда «однорукий бандит» заменил людям последний свет в окошке, насильная «американизация» - вот истинная трагедия для русского патриота, каковым всегда был лирический герой Андрея Попова:

Кидают монеты, забыв трактора,
Овины и фермы, и гумна.
Деревня Потрава. Июль. Пять утра.
Российский Лас-Вегас безумный.
Кидают монеты, не ведая сна,
Забыв про страду и про Бога...

Мы в странные игры играем, страна,
С деревней больной и убогой –

Голос поэта звучит как предупреждение нам всем, нашим руководителям страны, дай Бог, чтобы он был услышан!

Павел Комиссаров – имя в поэзии Республики Коми новое, по крайней мере, для меня. Раньше я стихов этого автора не читал. Впервые увидел подборку стихов в геологическом литературном альманахе «Прекрасная и чёрная работа». Я знал этого человека давно, ещё с конца восьмидесятых годов прошлого века, как всегда уверенного в себе молодёжного лидера, и, честно говоря, не ведал, что под видимой бронёй «функционера» притаилась тонкая, поэтическая натура.

Поэтическую подборку составили шесть стихотворений: «Восьмое мая», «Завтра», «Я буду врать!», «Ты, как мокрый снег...», «Детский парк для недетских прогулок...» и «А, может, в раю?». Открывает ее стихотворение «Восьмое мая», в котором поэт со свойственным его перу своеобразием и сложной порой рифмовкой затрагивает никогда не устаревающую тему российской лирики, тему Великой Отечественной войны. В стихотворении прочитывается между строк «высокая жалость» к ветерану, для которого вся его нынешняя жизнь от года к году умещается в один день – в День Победы. И готовится он к этому дню, к параду весь год, особенно бессонной ночью с восьмого на девятое мая:

Сквозь тонкие шторы луч упал на значок
«Ворошиловский стрелок».
Его получил он, словно вчера,
И со всего двора детвора
Сбегалась, протягивала руки потрогать,
Смотрела восхищённо и гордо за свой дом,
А в сорок первом – Дон.
Ночные пожары и артобстрелы,
Вода вперемешку со льдом.
«Красной звезды» кавалеры,
Вчетвером...
Ну, всё.
Солнце встало,
Медали начищены, сапоги блестят,
Как тогда, в сорок пятом...
Пора на парад.

Как у большинства «начинающих» в любом возрасте поэтов у Павла Комиссарова в значительной части поэтических текстов превалирует любовная тематика («Я буду врать!», «Детский парк для недетских прогулок...», «А, может, в раю?»). Наиболее всего из них мне понравилось своей образностью стихотворение «Ты, как мокрый снег...»:

Ты, как мокрый снег –
Ещё не лёд,
Но уже не дождь,
Только лишь во сне
Иногда придёшь...
Сядешь в изголовь,
Смотришь пристально,
Изогнувши бровь.
Может, всё придумано?
Любовь – не любовь...

Известно, что профессия геолога – связана не только с романтикой полевого палаточного бытия, порой с риском для жизни, крепкой настоящей мужской дружбой (это касается и прелестных «геологинь»), но самое главное в ней: ежедневный тяжкий «труд рудокопа». Тема физического труда является основной в поэзии **Чупчикея** (псевдоним). Вот что он пишет в стихотворении «Юшкинская академическая»:

Надо идти, надо
Надо рюкзак на плечи.
Надо сапог заклеить.
Надо мозоль забыть.
Надо идти, надо.
Надо шагать с потом.
До комариного писка.
Надо ещё дойти.
Надо идти, надо...

Труд геолога тесно связан с природой, причем в стихах Чупчикея исключительно с природой Севера («19 октября»):

Ещё не все листы берёз
Упали наземь.
А вечность,
Как принцесса грёз,
Глядит, что делает матрос,
Своими водянистыми очами.
Команда – то ли тянет сеть,
То ли спасает свою честь.
Здесь Врубель замер.
Мы все
Плывём на корабле.
В одной
Большой, большой семье.
И ветер с нами.

Если Чупчикея даёт портретную характеристику близкого его лирическому герою человека, то для большей красочности он обычно сравнивает его с представителями флоры или фауны («Как золотой осенний клён, красив и строен и умён...»). Любовь к природе, бережное отношение к ней – вот то главное, что связывает настоящего геолога с окружающим миром («Поединок»):

Охотник рыбу добывал.
И каждый день, и каждый час
За ним следил какой-то зверь,
И рыбу крал и портил снасть...

Не секрет, что «в поле» для того чтобы нормально прокормиться геологу (консервы надоедают быстро) просто жизненно необходимо ловить рыбу и охотиться. Вот и в стихотворении «Поединок» геологу пришлось отстаивать своё право на добычу перед хозяином леса медведем, который ничтоже сумняшея уничтожил человеческие запасы. Геолог засел в засаду с ружьём, но когда зверь явился на «их общее» рыболовное место на реке, красота медведя в водных брызгах настолько поразила охотника, что тот не стал его убивать.

Возвышенное и «низменное» земное тесно переплетаются в стихах Чупчикея, этим его поэзия и привлекательна:

О, Рыцарь гор!
Рюкзак твой стар.
В тебе живёт ещё корсар?
Да нет, дыряв сапог.
А до вершины в облаках
Дойти бы смог?
Он шёл и шёл,
Взяв молоток.
А я болтал,
И грыз сухарь,
И салом заедал,
И запивал водой,
И был спокоен за судьбу...

Однако и у Чупчикея геология в поэзии традиционно романтизируется, как говорится, от песен у костра никуда не уйти, потому что и в жизни его конкретного лирического героя:

Всё начинается
С палатки у реки.
Горит костёр,
Здесь греют Душу
Люди.
И в двадцать первый век...

Ещё одна интересная деталь, характеризующая поэтическое творчество Чупчикея. Все его стихи «не безлики», а посвящены конкретным, живущим и работающим рядом с ним людям: академику Н.П. Юшкину, Владимиру Ракину, Василию Филиппову, Петру Юхтанову, Анатолию Попову, В.М. Винокурову. Для людей давно живущих в геологии, знающих этих людей стихи Чупчикея приобретают иное, более яркое звучание. Как-то я уже писал об этом, повторюсь ещё раз: поэту пора уже расшифровать свой псевдоним.

Юмористическая поэзия *Митрофана Курочкина* достойно завершает поэтический текстовый блок литературного альманаха «Прекрасная и чёрная работа». Его подборка состоит из пяти небольших стихотворений («Паника», «Молния», «Комар», «Ремень», «Счастливики»).

Искромётный юмор всегда был присущ этому известному в республике и за её пределами автору, порадовал читателей М. Курочкин и в этот раз:

Комар наш отличался добрым нравом, -
Летал в лесу он вольной птицей,
Считал, конечно, с полным правом
Свою жену поганой кровопийцей.

Литературный процесс в Республике Коми знает ещё двух представителей работавших и работающих в подобном поэтическом ключе, это эжвинский поэт Александр Вахнин, несколько лет назад ушедший из жизни, и воркутинец Марк Каганцов. В России особенно ярко в данной поэтической традиции работает небезызвестный Игорь Губерман. Приведу ещё одну миниатюру М. Курочкина:

Был взгляд у молнии и ярок, и коллоч,
Она мечтала, кто б подумать мог,
Блестать среди чёрных туч.
Увы, пришлось сверкать ей между ног.

В литературном альманахе «Прекрасная и чёрная работа» опубликованы очерки и статьи под общим заголовком «О коллегам, друзьях и близких». Это произведения Виктора Демидова «Георгий Чернов: годы и судьбы» и «Пять золотинок Данилы Шишкина», Алексея Иевлева «Я – ученик Фишмана», Альберта Бернштейна «Первый доктор наук», Якова Юдовича «Прощание с учителем», Андрея Канева «Разум сердца и души Александра Ульянова», Митрофана Курочкина «Альфия – наш звонкий северный соловей» и другие. Завершают альманах «Отзывы, рецензии». В этом разделе опубликованы статьи Андрея Канева «Литературные альманахи Республики Коми 2005 года», а также Алексея Иевлева «Река памяти» и «Свежий ветер в наших парусах».

В ООО «Издательство «Кола» в 2007 году вышел в свет сборник стихотворений ведущих русских и коми поэтов Республики Коми. Вот что об этой книге написал в предисловии поэт Андрей Попов: «Ещё не все, возможно, знают, что 21 марта Всемирный день поэзии, но думаем, что этот праздник уверенно входит в нашу жизнь. Решение ЮНЕСКО таким образом отмечать феномен поэзии, формулирующей «самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека», становится для Республики Коми хорошей традицией.

Было бы странным, что стихотворцы в этот день проводили бы только в творческом одиночестве, терпеливо созерцая звёзды и переводя тонкие душевные переживания в бессмертные строки и строфы. Желание русской и коми лирики поделиться своим праздником с окружающими второй год подряд выразилось в организации поэтической эстафеты. С утра до полуночи – без перерыва! – поэты Республики Коми, сменяя друг друга через каждые полчаса, читали свои лучшие стихи. Организаторами мероприятия стали Союз писателей РК, Министерство культуры и национальной политики РК, Республиканский Дом творчества. Перед благодарными слушателями выступили Валерий Вьюхин, Александр Журавлёв, Вячеслав Бабин, Василий Лодыгин, Анжелика Елфимова, Татьяна Канова, Сергей Журавлёв, Николай Щукин, Надежда Мирошниченко, Владимир Подлuzский, Евгений Суворов, Юрий Ионов, Александр Некрасов, Нина Обрезкова, Владимир Тимин, Владимир Цивунин, Андрей Канев, Алёна Ельцова, Александр Суворов, Андрей Попов, Алексей Иевлев, Галина Бутырева. Двадцать два поэта – одновременно хорошие и разные. Выступали они в названном порядке, и именно согласно ему представлены в этом сборнике, который позволит многим любителям литературы познакомиться со стихами, прочитанными во Всемирный день поэзии в Сыктывкаре в 2007 году».

Сборник стихов «Сон о небесах» - получился действительно замечательным. Интересен он возможностью увидеть «срез» современной поэзии нашего региона, ознакомиться с творчеством лучших её представителей. В сборнике опубликованы поэтические тексты, как на русском, так и на коми языках (Вячеслав Бабин, Василий Лодыгин, Анжелика Елфимова, Николай Щукин, Александр Некрасов (одно из стихотворений подборки), Нина Обрезкова, Владимир Тимин (помимо своих стихов представил переводы на коми язык русских поэтов Андрея Попова, Анатолия Илларионова, Александра Суворова), Алёна Ельцова и Галина Бутырева). Вследствие не знания родного коми языка в том объёме, который бы позволил правильно анализировать их тексты, - данных поэтов просто упомяну в своей статье. Да и из русских поэтов уделю внимание лишь тем, о ком мало пишет литературная критика, а также, чьи произведения мне очень понравились, и не стану анализировать стихи тех, о чьём творчестве уже развёрнуто упоминается в этой статье.

Так, например, в поэзии **Татьяны Кановой** человеческая жизнь по мысли автора накрепко связана с окружающей природой («Я рябиновые грозди...»):

Я рябиновые грозди
До мороза соберу.
Зазывая, праздник в гости,
Избу скромно уберу.
Я, оранжевого цвета,

Как смогу, сплету венки.
Пусть подольше бабье лето
Свой отсчитывает срок...

Тринадцать стихотворений составили её поэтическую подборку («21 мая», «Горький дым нежилой избы...», «Вот и всё, я вернулась домой...», «Опрокину чашу неба на себя...», «На расплавленном асфальте обгоревшего июля...», «Ложится август молоком тумана...», «Я рябиновые грозди...», «14 октября», «Я по разным кастингам не бегаю...», «Ночь весеннего равноденствия», «Устав, часы сочли ненужным тикать...», «Второе января. Рассвет. Начало года...»). Щемящее чувство малой родины присутствует почти в каждом стихотворении представленной подборки («Горький дым нежилой избы...»):

Горький дым нежилой избы,
Сладкий дым своего гнезда...
Я по воле земной судьбы
Тороплюсь каждый год сюда,
Где с отцом нам уже не спеть,
Где за мелочью каждой – мать.
Как легко мне сюда лететь!
Как невысказано – улететь!

«Незабудки» - так назвал свою «Поэму мгновений» сыктывкарский поэт *Сергей Журавлёв*, которую представил на суд читателей в поэтическом сборнике «Сон о небесах». Поэма состоит из двадцати двух глав («Время гнездовий», «След вчерашнего дня», «Начало прилёта», «Отрочество», «Осознание небытия», «Боль страха», «Жене», «Утро кутейника», «Осознание слова», «Соло метели», «Шаг в познание», «Расставание с летом», «Эпитафия деду Ивану», «Чародейка-великанша», «Бросил пить...», «Наказание», «Могильщик», «Любимой», «Варвар», «Июнь. Слепой дождь», «Зрачок луны...», «Вместо эпилога»). В этом произведении поэт касается разных сторон жизни мыслящего человека от сугубо бытовых («Бросил пить – в одиночку не справиться...») до сугубо возвышенных («Могильщик»):

Листья осин –
Тусклые пятаки
В мёрзлых глазницах
Луж.
Спокоен октябрь.
Нетороплив.
Размеренно чеканит
Монеты прощания
Для осени...

На мой взгляд, эта поэма, несомненно, украсила собой сборник. Вообще, лирика Сергея Журавлёва, особенно последних лет, тяготеет к эпичности поэтических образов, к философскому осмыслению собственного «я» лирического героя. Так, например, в «Вместо эпилога» поэт замечает:

Путь мудреца –
Двуострый нож:
Речь – клевета,
Молчанье – ложь.
И нет
Опаснее вины,
Чем путь
По краю тишины...

«Пусть говорят, что это проза, // Что слёзы женские – вода, // Мои пронзительные слёзы // Тебя пронзили навсегда...» - разве можно сказать пронзительнее и проще о трепетном чувстве любви одного человека к другому, чем это сделала поэтесса *Надежда Мирошниченко*. Да, она такая, за поэзией в карман не полезет, она у неё всегда на виду, в слове, в жесте, в поэтической строке... Не даром её лирическая героиня восклицает («Я у всех научилась великому таинству слова...»):

Я у всех научилась великому таинству слова.
Я у всех научилась щемящему чувству любви.
И теперь я могу говорить, как дитя, бестолково,
Но со светом, струящимся искренностью изнутри.
Вы простите меня все, кого по пути обижала.
Я сама обижалась, гордынею путь серебра.
Это дорого стоит – душой обретенная жалость,
Где жалеешь любого и вовсе не жалко себя...

Её поэтическую подборку составили восемь искренних стихотворений («Вальс», «Мама моя», «Пусть говорят, что это проза...», «Я у всех научилась великому таинству слова...», «Шляясь по

хлябям отечества...», «Ой, какая произошла беда...», «Русский гимн», «Русский манифест»). После прочтения стихов, сразу становится ясно, что великая любовь присутствует в каждом поэтическом слове, пусть это любовь к мужчине («И нам в объятьях Аполлона // Все испытанья хороши...») или к Отечеству, той самой Родине, которая («Вальс»):

Один простор, один сквозняк, один намёк на то,
Что хоть и ветрен порожняк, да выгоден зато.
Когда захочешь, заполняй хоть рожью, хоть овсом.
Любую песню сочиняй над быстрым колесом.
А что мне ветер и пурга?! А если это мне
И есть и радость, и тоска, и белый свет в окне.
А если слова одного, сказать не побоюсь,
Хватило больше, чем всего. И это слово Русь!

Такова уж, мне кажется, творческая планида-судьба этой поэтессы: она настолько восхищена миром и воздушна, что не пишет стихов ни о чём, они всегда посвящены какому-то конкретному чувству, событию, человеку (О.К. Калугиной-Мирошниченко, Анатолию Федулову, Левону Хечояну, Станиславу Куняеву, Валентину Распутину). Однако, не смотря на всю кажущуюся пылкость и наивность строки, стихи Н. Мирошниченко, как она сама это признаёт, бывают («Шляясь по хлябям отечества...»):

...Байки мои бесполезные
Да прописные, да красные,
Ворогу небезопасные...

Литературоведы и критики всегда в один голос отмечали высокую патриотичность стихов Надежды Мирошниченко, не обманула она своего читателя и на этот раз, лично мне, ветерану боевых действий, следующие строки поэтессы, как бальзам на фронтные раны («Русский манифест»):

Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь не выстрелит,
Всё вернётся стрела и убьёт самого же стрельца.
Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы ни лучше, ни хуже. Мы просто такие одни...

Автор нескольких сборников стихов *Владимир Подлuzский* представил в «Сон о небесах» небольшую поэтическую подборку в шесть стихотворений («Гудит труба», «Гость», «Другие», «Узлы», «Судьба поэта», «Атаман»). Вот что написал однажды о нём поэт Станислав Куняев главный редактор известного во всём славянском мире журнала «Наш современник»: «Стихи Владимира Подлuzского не раз публиковались на наших страницах. Появление на страницах журнала, осенённого авторитетами В. Распутина, В. Белова, Ю. Бондарева и В. Астафьева, - это своеобразное свидетельство зрелости таланта и права писателя занять достойное место в литературе...». Трудно не согласиться с мнением этого человека. В подтверждение приведу несколько строк из стихотворения «Атаман»:

С войны невесёлый народ ерепенится
И протирает на лавке сукно.
В России не раз ещё всё перемелется,
Кто бы ни сунулся с дуру в окно.
Не зря атаману родами завещано
Шашкой взрываться вдоль красных лампас.
Уже нарожали былинные женщины
Тех, кто вождёт нас не хуже лампад...

Владимир Подлuzский обращается в своём творчестве к соплеменникам и соратникам по творческому цеху Николаю Рубцову («Гудит труба») и Виктору Кушманову («Судьба поэта»). Их жизнь и уход из неё подтверждают давнишнюю русскую истину: «Нет пророка в своём отечестве...». И если, поэтизируя человеческую судьбу Рубцова Подлuzский возмущён трагизмом смерти русского поэта, ушедшего из жизни от рук сожительницы малоизвестной поэтессы:

А я другую вспоминаю пару
С судьбой обоих бешеной такой:
Убийцу белокурую на нарах
И бронзовую жертву над рекой, -

то в стихотворении, посвящённом жизни и творчеству Виктора Кушманова литератор бичует его неумеренную привязанность к пьянству, которая, может к сожалению, а может к радости, не только не мешала его творчеству, а даже наоборот, помогала:

Отсюда русские, залейсь-загулы

И мрачная языческая бездна,
Обилие весёлых загогулин,
И плач лесного гиблого оркестра.
Ты был поблагородней есаула,
Обидчивей глухого самоеда.
Не мог мечтать без водки и без сура
О родине рябиновой поэта...

Поэт **Юрий Ионов**, ранее часто публиковавшийся на страницах печатных средств массовой информации, а так же в литературном альманахе «Сыктывкар» в последние годы как-то «выпал» что ли из моего поля зрения, как литератор. Тем более своей искренностью и чистотой стиха меня порадовала его поэтическая подборка из восьми стихотворений («По-разному принято жизнь проживать...», «Темно-русый мальчишка, я полночью чёрной...», «Фронтовикам», «Полевые цветы... Я их с детства знал...», «Как земляне миллениум ждали...», «Одинок был я раньше. Однако...») в книжке «Сон о небесах». В своих стихах поэт всегда отмечал своеобразие русской ментальности («По-разному принято жизнь проживать...»):

По-разному принято жизнь проживать.
И более чем у полмира
Издревле «любить» означало – желать
Любимого друга-кумира.
Но часть человечества столько же лет
Любовь понимает иначе:
«Любить» на Руси означает – жалеть,
Лелеять до самоотдачи...

Лирический герой Юрия Ионина склоняет свою голову перед фронтовиками, которым обязаны жизнью нынешние поколения россиян («Фронтовикам»):

Мирные российские рассветы
Столько навевают добрых снов.
Но артиллерийские лафеты
Прах солдат увозят вновь и вновь.
Выплыли из Одера и Шпрее,
Сквозь огонь пробились их штыки;
Только вот позиции, старея,
Возрасту сдают фронтовики.
Комья снега на виски осыпав,
По лицу хлестнув облойей лет,
Это в них стреляет ненасытный
Старости бесшумный пистолет.
Старость, смерть, губить солдат не смейте!
 Попрошу я от лица веков
В виде исключения – бессмертия
Для ещё живых фронтовиков!

Семь стихотворений («Ох, красивые леса...», «Рай», «Дуновенье бриза», «Был я молод», «В лучах весеннего заката», «Мила», «Поэзлом» - на коми языке) составили поэтическую подборку известного в республике и за её пределами литератора **Александра Некрасова**. 4 ноября 2007 года ему исполнилось 55 лет. Родился Некрасов в селе Палевицы, окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал корреспондентом газет, редактором и главным редактором Коми книжного издательства. Выпустил в свет сборники стихов: «Рябины кисть в моей руке», «Горсть морошки», «Себе я царь и господин», «Земли российской сыновья – россияне», «Звёзды в росе», а также талантливый документально-мемуарный роман «Как стать великим». Подборку стихов в сборнике открывает пронзительное звонкостью светлого слова стихотворение Александра Некрасова «Ох, красивые леса...»:

Ох, красивые леса,
Сосны всё да ели!
В них черничные глаза
Синью льются спелой.
Ох, раздольные луга,
Сочны травы в росах!
В них молочная река
Дремлет до покоса.
В реках плещется вода,
Не хватает взора!
Рыбой полны невода.

Лебеди – в озёрах.
Красоту всю эту пил
С детских лет, взрослая.
Потому, наверно, сил
Сердцу жить хватает...

Вот что написал о коми-русском поэте Александре Некрасове классик российской литературы Владимир Фирсов: «Поэт не мыслит себя вне родного ему народа коми, народа застенчивого и доверчивого, живущего с душой нараспашку... Александр Некрасов, конечно же, вырос на лучших образцах поэзии своего народа и, безусловно, на великой поэзии России. Он пишет на родном языке и, что потрясает, сам себя переводит на русский. Этот труд сродни каторжному...». Родина для него ассоциируется с махонькой деревушкой детства под названием Рай («Рай»):

Не в раю, в деревне Рае,
В родниках вода играет.
Ох, вкусна, как мёд, водица,
Как в раю, жизнь в Рае мчится.
Сенокос – в поту и дыме.
Вечер – в бане жар и всплески.
Ах, мы парни удалые,
Рождены в любви и песнях...

В своей статье «Поэту – 55 лет» другой замечательный русский поэт Виктор Демидов написал: «Потрясает тот факт, что именно Александр Некрасов – а не кто-то другой! – перевёл, и очень даже талантливо перевёл на коми язык и, более того, издал великолепной книжкой стихи своего любимого поэта Сергея Есенина. А попробуй-ка, переведи хотя бы одну такую строфу: «Несказанное, синее, нежное, тих мой край после бурь, после гроз...» А Некрасов нашёл прекрасно звучащие эквиваленты в россыпях языка коми – и переводы его звучат точно, светло и музыкально». Музыкальность вообще свойственна природе стиха Александра Некрасова, вчитайтесь («Мила»):

Ты пришла, как звёздочка, в морозы
С голубых божественных высот.
Жгучий ветер рисовал на окнах розы,
Чтоб под утро нежил их восход.
И когда звенит твой голос звонкий,
Как ручей, бегущий по весне
Видится душа берёзки тонкой,
В золотых снежинках чистый снег...

Владимира Цивунина, автора нескольких поэтических сборников, представившего в книге «Сон о небесах» подборку из тринадцати стихотворений («Трава под окнами всё гуще...», «Не дорог нарочитый мне приём...», «Век замкнулся в своём торжестве...», «Недолги дни багряной желтизны...», «Поздняя радость. Доверчивый свет...» «Дети растут. Фотографии стали цветными...», «Скромность – в иных делах – что беда...», «Возлюбил Ты меня, и, как знак, прикасаешься Руцой...», «Если праздник, так первый гость у меня – тоска...», «К вечеру – всегда усиливается тревожность...», «От любви до любви не провал, ну а всё же потери...»), волнует собственная «писательская кухня» творчества, он анализирует свой собственный литературный процесс и делится наблюдениями с читателем («Трава под окнами всё гуще»):

Трава под окнами всё гуще.
Могучий катится июль.
И тени тополёвой кущи
Ложатся на ажурный тюль.
И пахнет в комнате цветами.
И, неожиданно – легки,
Вдруг обращаются стихами
Вчерашние черновики.

Его отношение к слову вызывает уважение ответственностью за каждую «зарифмованную» мысль («Не дорог нарочитый мне приём...»):

Не дорог нарочитый мне приём.
С достоинством мастерового
Пишу обыкновенным языком –
И тем ответственнее слово,
Когда, с душой в одно соединяясь,
Державный дух словам дарует связь...

Помнится мне Владимиру Цивунину, ещё лет десять назад в узком писательском кругу называли на манер Пьеро из известного пересказа Алексея Толстого народной итальянской сказки о Пиноккио – «плачущим поэтом». Трагические нотки присутствуют почти в каждом стихотворном

тексте этого автора, порой их надуманность раздражает, а порой заставляет задуматься о смысле жизни, как например, в стихотворении «Опадают тихо листья...»:

Опадают тихо листья,
Лишь едва-едва шурша.
Небо с каждым днём всё мглистей,
И грустит, грустит душа.
Но в печальный миг осенний
Принял словно благодать
Я умение растений
Тихо-тихо умирать...

В подборке стихов сыктывкарского автора *Александра Суворова*, как всегда (Не скупясь, даёт судьба в займы...// И отсрочки у судьбы не жди - // Все сполна и во время ей платят...) достаточно много морализаторства. Он автор нескольких сборников стихов всегда, на мой взгляд, был склонен к философской поэзии, а отсюда следует, что и к завуалированному поучительству («Шипы крыжовник заострил...»):

Шипы крыжовник заострил,
Чтобы нам ягод не досталось.
Он полон агрессивных сил,
Ему не свойственна усталость.
Но и садовник терпелив:
Царапины перевозмогая,
Он и с таких колючих нив
Снимает вёдра урожая.
Его настойчивость – упрёк
Тем, кто всю жизнь бежит от тягот,
Ведь Бог в достатке приберёт
Среди шипов вкуснейших ягод.

Дюжина стихотворений представила современное творчество поэта Александра Суворова в поэтическом сборнике «Сон о небесах». Это «Предшествование эпох, времён, народов...», «Шипы крыжовник заострил...», «Не скупясь, даёт судьба займы...», «Телебомбардировка», «На огне счастливой страсти...», «Смеётся слякотник стылый...», «Предощущение», «Ах, не мани, судьба, пустой удачей...», «Торопимся! Хрустит вчерашний снег...», «Мысли», «Лёгкой походкой идут по земле...», «Уже тепло не возвратится...». Его поэзии всегда была свойственна некая «угрюмость», некое «вечное предсказание апокалипсиса», особенно в этом плане выделяется стихотворный сборник «Чёрный ящик». Силён «чёрный» мотив неизбежного «Страшного суда» и в представленной в книге «Сон о небесах» подборке А. Суворова. Вот, например, что пишет автор в стихотворении «Предшествование эпох, времён, народов...»:

Предшествование эпох, времён, народов,
Огни начал и сумерки исходов –
Мы все из прошлых человечьих руд...
Куда спешат события и судьбы,
О чём молчат божественные судьи,
Готовя нам последний, Страшный суд?

Андрей Попов искренне полемизирует с этническими посланиями известного стихотворения Александра Блока «Скифы» («Мы – не скифы, мы русские, дело не в скулах, а дух...»):

Мы – не скифы, мы русские,
дело не в скулах, а дух
Православный нас зиждет,
хранит девяностый псалом.
Нас не тьмы азиатские –
несколько древних старух,
Иерей и епископ –
но мы никогда не умрём,
Не исчезнем в пыли новостроек
побед и разрух,
Третий Рим обращающих в скучный
всемирный Содом...

«Точка кипения» неприятия жестокого, порой необоснованно жестокого, к лиричной человеческой личности окружающего мира дошла для лирического героя Андрея Попова до последнего предела («Живёт душа моя на войне...»):

Живёт душа моя на войне,
Военный твердит мотив,

А люди думают, я вполне
Терпим и миролюбив,
Что я любому привету рад,
Что пьяных драк не люблю,
А я хочу купить автомат,
И кажется, что куплю.
На тихом складе среди корыт,
Кастрюль последних систем
Предложат мины и динамит,
И новенький АКМ...

В общем, если в двух словах резюмировать вышесказанное, то сразу напрашивается вывод о том, что поэтические сборники подобного плана просто жизненно необходимы для регионального литературного процесса Республики Коми. Они есть материальное воплощение сказанного в эфир поэтического слова творческого потенциала Коми писательской организации, большой поклон за это Министерству культуры республики.

Сыктывкарская центральная городская библиотека и в 2007 году проявила активную издательскую активность. Но мне хотелось бы особенно остановиться на двухсот пятидесяти пяти страничном издании под названием «Первое и впервые». Это дайджест, в котором профессионально и кропотливо составителями Ю. Аргентовой, М. Першиной, В. Пипуныровой, были собраны статьи, рассказывающие о первых открытиях, изобретениях Коми края. Материалы, помещённые в дайджест поистине интересны всем, кто увлекается историей родного края, они же помогут в учёбе, как школьной, так и студенческой молодёжи.

Этот сборник статей содержит в себе следующие разделы: «Как всё начиналось», «Банковский сектор», «Городское управление», «Городское хозяйство», «Здравоохранение», «Искусство», «Культура», «Народное образование», «Пожарное дело», «Правоохранительные органы», «Промышленность», «Связь», «Сельское хозяйство», «Социальная защита населения», «Страхование», «Строительство», «Типография, печать», «Торговля», «Транспорт», «Электрификация», «Хроника важнейших событий», «Алфавитный указатель», «Список использованной литературы», которые в свою очередь подразделяются на подразделы определённой внутриведомственной тематики. Так, например, раздел «Культура» состоит из подразделов, посвящённых библиотекам, музеям, театрам и филармонии.

Как написано в предисловии дайджеста: «Однажды, давным-давно, один человек, сосредоточенно и упорно размышляя над тайнами природы, раскрыл секрет добывания огня. Этого человека звали Нур. Нур решил поделиться с людьми своим открытием. И для этого он стал путешествовать от общины к общине. Он передавал свой секрет многим группам людей. Некоторые воспользовались этим знанием. Другие, не дав себе труда подумать, каким полезным оно могло бы оказаться для них, поняли только то, что Нур опасен для них, и прогнали его. В конце концов, люди какого-то племени, перед которыми он продемонстрировал своё искусство, пришли в дикую панику и убили его, видя в нём исчадие ада...» - так начинается одна из Суфийских притч, повествующая о пытливом уме человека, его желании облегчить жизнь людей, сделать её прекрасней. И история знает не мало тому примеров. И одни этот опыт принимают, другие отвергают, - таково развитие эволюции. Пытливый ум человека изо дня в день, из года в год, из века в век искал ответы на простые насущные вопросы и благодаря этому на свет рождались новые изобретения, разрабатывались земли, выращивались новые культуры, строились заводы. О том, как рождались такие идеи, что нового было построено, а самое главное, когда впервые это было сделано в нашем крае, а в частности в Усть-Сысольске, столице зырянского края, и рассказывает дайджест «Первое и впервые». В этом издании собраны статьи краеведов, историков, писателей, журналистов опубликованные в разные годы на страницах периодических изданий и в книгах. Из них вы узнаете: о рождении города Сыктывкара, его первом упоминании в письменных источниках, о том, кто такие «городские бюрократы», о первом банке, больнице, библиотеке, о первой школе, самолёте, автомобиле и многое, многое другое...»

Думается, что читателей заинтересуют статьи известных в республике Коми и за её пределами очерки и статьи писателей Александра Клейна «Театр оперы и балета», Митрофана Курочкина «Моя милиция» и «В борьбе с бездорожьем», а также Андрея Канева «Из истории пенитенциарной системы и первых тюрем в Коми крае: Без грифа «секретно».

С читательским удовлетворением хочется отметить, что региональный литературный процесс Республики Коми силён не только «взрослой» литературой, но и литературными произведениями для детей. **Николай Тюрнин** – человек прошедший тяжёлую школу жизни от простого сельского мальчишки до заслуженного работника культуры Республики Коми, служивший в ВДВ, ныне сотрудник республиканского журнала для детей «Би кинь», сильный, творческий, профессиональный человек, в соавторстве с композитором Марком Новосёловым (музыка) выпустил в свет в 2007 году в издательстве «Кола» замечательную книгу стихов-песен для детей «Под морозный перезвон», и получил за неё заслуженное признание в финно-угорском мире, став лауреатом конкурса

«Литературная Финно-Угрия» международного фестиваля финно-угорской книги «Тиринь-тядянь вал» («Родное слово») в номинации «Лучший сборник детских песен» в городе Саранске. Честно говоря, я горд знакомством с этим удивительным человеком. Начинается она со стихотворения, давшего названием всему сборнику «Под морозный перезвон»:

Угли осени. Их горсть
Не согреет – зябко.
В наковальню бьёт мороз,
Требуя порядка.
До колодца по тропе
В брод – через сугробы!
За водою ключевой
Ты сходить попробуй.
Будит скрип жердей зарю,
А в снегу, как птицы,
Под морозный перезвон
Мечутся зарницы...

Как написал в своей статье «У доброй песни два крыла: поэт и композитор» известный в республике и за её пределами поэт Виктор Демидов: «В номинации «Лучший сборник детских песен» самую высокую оценку получили сыктывкарский поэт Николай Тюрнин и композитор из Койгородка Марк Новосёлов. В Сыктывкаре и окрестностях давно известен этот творческий дуэт. В стихи Тюрнина из сборника «Под морозный перезвон» его давнишний и созвучный партнёр Новосёлов, что называется, вдохнул певчую душу. «Перезвоны» в полный голос зазвучали баянными переборами-переливами. В канун новогодья песни-перезвоны поставят на крыло в детской музыкальной школе посёлка Троицко-Печорск. На премьеру приглашены авторы. У троичко-печорцев принимают эстафету юные корткеросцы – в районной школе искусств юные земляки Николая Тюрнина, выпускника здешней средней школы, готовят большой концерт на двух языках – коми и русском. Сборник «Под морозный перезвон» выпущен издательством «Кола». Как говорится, вперёд и с песней в Новый 2008 год!». Сборник «Под морозный перезвон» интересен взаимосвязью русского и коми языка, отсюда игра слов, так, например, у коми народа название месяца март и ворона обозначены одним именем – «рака» («Март – вороний месяц»):

Крылья – серый пепел,
Голова, как шишка,
С дерева сердито
Смотрит на мальчишек.
Снег хвостом сметая
С зимнего суслона,
День рожденья – месяц
Празднует ворона...

Николай Тюрнин является постоянным автором литературного альманаха «Сыктывкар», его стихи печатаются на его страницах в переводах известных поэтов Андрея Канева и Сергея Журавлёва. Николая Тюрнина знают в республике как поэта, пишущего и на коми и на русском языках. Его лирические произведения публиковались в таких изданиях, как «Звёзды над Вычегдой» (1988), «Нежности нет предела и границ» (1995), «Зарубки» (1999), выходящих на коми языке. Печатались они и в русских стихотворных сборниках, таких как «Это я тебя люблю» (2004), «Строка, летящая в огонь» (2005), «Летящей мысли яркий луч» (2005), «След на северной земле» (2006). Подборки стихов поэта выходили в свет в разные годы в московском журнале «Парма», республиканских «Войвыв кодзув» и «Би кинь», в переводе на удмуртский и татарский языки в детских журналах «Кизили» (Ижевск) и «Сабыйга» (Казань). В 2001 году стихи Николая Тюрнина были включены в общеобразовательную программу («Хрестоматия по занимательной математике для детей дошкольного и младшего школьного возраста», утверждена Министерством образования и высшей школы Республики Коми и выпущена в свет московским издательством «Вита-пресс»). В 2006 году в юбилейный для поэта год в издательстве ООО «Полиграф-Сервис» вышел в свет его первый самостоятельный сборник стихов «Время вечно для любви». Книга вызвала положительную реакцию литературных критиков и литературоведов, которые в один голос отметили, что поэтическое творчество Н. Тюрнина по тематическому ряду сравнимо «с хрустальным словом поэзии Сергея Есенина и Николая Рубцова, а в региональном литературном процессе нашей республики – с лирой Виктора Кушманова». В сборнике под «Морозный перезвон» стихи Н. Тюрнина представлены в пересказе с коми С. Журавлёва. И он, на мой взгляд, замечательно справился с этой задачей, вот как, например, он перевёл достаточно сложный для этой манипуляции материал, загадки:

Ночью добежит до площадки,
Выпьет молоко у кошки.
Серая такая, серая такая...

- Почему молчишь?
Почему молчишь?
Попытайся отгадать ты!
- Это - ... (мышь)

Свою творческую деятельность Николай Алексеевич Тюрнин начал во время прохождения службы в Белоруссии (1974-1976), будучи слушателем заочной школы военкоров, в Витебской воздушно-десантной дивизии. С 1977 года он трудится в коми газетах и журналах. Долгое время был редактором в телерадиокомпании «Коми гор». Последние четырнадцать лет Николай Тюрнин работает в детском литературно-художественном журнале «Би кинь» (Искорка). Ему известно, что интересно юному читателю, ему известно о том, что его заботит, поэтому и стихи получаются такие добрые и с доброжелательным юмором («Соня-засоня»):

На кровати не клубок,
В одеяло Василёк
Завернулся и молчит.
- Встань, поешь!
- Рука болит!
...Как же мама не поймёт,
Что сказать совсем не сложно:
Вот конфеты, сынок,
Только ешь их осторожно!
...Сразу сон мой пропадёт...

За успешную работу в средствах массовой информации награждён Почётными грамотами Союза журналистов России, Президиума Верховного Совета Коми ССР и Управления печати Республики Коми. Он удостоен почётного звания Заслуженный работник Республики Коми. Николай Тюрнин дипломант XIУ Международной профессиональной выставки «Золотой фонд прессы – 2007». Он член профессионального Союза журналистов СССР (России) с 1980 года.

Стихи Николая Тюрнина образные, они полны лиризма. Много произведений им написано для детей младшего возраста. Большое количество стихотворных текстов посвящено описанию неброской, но такой дорогой сердцу северной природы. По-видимому, эта особая лирическая нотка, которая звучит в стихах Николая Тюрнина и притягивает коми композиторов («Белобокий удалец»):

Ночью в зимней тундре
Ветер воет-плачет.
Тихо ткёт метелица
Снежное сукно
Ночью в зимней тундре
И олень не скачет,
Куропатка прячется
В лунку под сугроб...

Книжку Николая Тюрнина «Под морозный перезвон» для детей младшего школьного возраста замечательно оформил художник В.А. Клейман, её составили более двадцати стихотворений-песен («Под морозный перезвон», «Рыжая плутовка», «По таёжному закону...», «Я болею», «Пусть без крыльев», «Рыбачек», «Охотницы лучше в тайге не найти...» и другие). Детская литература республики пополнилась ещё одной так нужной для юного читателя книжкой.

«Будто потянуло дымом с полей 1942 или 1943-го... - написал в своей статье «Война другая» доктор филологических наук Владимир Гусев, - Встают перед глазами образы поэтов той далёкой войны, образы Луконина, Недогонова, Гудзенко... Вновь скрежещет сталь, и сотрясается земля от взрывов, и ноет сердце. Снова мелькают в уме слова «мужество», «воля», «смерть», «победа». Да и называется книга «Я ещё не вернулся с войны»... В ней преобладает тот жестокий стиль, который когда-то определили как «интонацию воли». Но если в стихах Киплинга, Гумилёва, Тихонова, Суркова на первом плане – волевое, цельно-действенное, то здесь всё сложнее. Волевое преобладает всегда, цельное – не всегда. За плечами авторов – жизненный и литературный опыт отцов, их собственный опыт». Это В. Гусев написал о поэтическом сборнике министерства обороны России «Я ещё не вернулся с войны...», вышедшем в свет в 2007 году в московском издательстве «Граница», в котором опубликовали свои стихи Владимир Силкин (постоянный автор литературного альманаха «Сыктывкар») и автор этих полемических записок Андрей Канев («Письмо сыну»). Пользуясь прерогативой автора, приведу его текст в редакции Владимира Силкина:

Напиши мне сынуля письмо,
Чтоб оно успокоило душу,
Пусть оно доберётся домой
Тёплой пеной морскою на сушу.
Словно бронезилет на войне,
Пусть живёт оберегом для сердца,

Пусть Кавказ вспоминается мне
И друзья твои в стоптанных берцах.
Ты погоны надел неспроста:
Дед носил их, и я с ними пожил.
Не свернуть нам до срока с поста,
Что мужчинам в России положен.
Но прошу тебя, Господи мой,
Если в сына прицелится пуля,
Пусть – в меня, пусть вернётся домой
Мой единственный в мире сынуля.

Войны – вечно не заживающие раны России. В сборнике представлены стихи, посвящённые этой теме в новейшей истории России. Почти четыре десятка авторов объединяет помимо чувства любви к своей стране ещё одно чувство – чувство боли. Иногда оно выражено довольно зримо, порой пробивается из глубины строк о неунывающем герое, по-тёркински находящем выход из самой безнадежной ситуации (О. Гегельский: поэма «Летопись сержанта «Мангуста»), глава «На базе»:

- Ах, сукин сын! Ах, сукин кот!
Воюешь ведь не первый год.
Своих отбил – хвалю «пятёрка».
Но кто тебя просил встревать?! –
Устроил, как пацан разборки.
(Тут командир ввернул про мать,
Орал, как кочегар в трубу):
- В хозвзвод, сто суток на «губу»!
Стучал по сейфу кулаком,
Назвал на «м», блин, чудачком,
И кое-как ещё крестил,
Потом немного поостыл,
И перешёл на наш, на русский:
- Дневальный, принеси закуски...

Сердце русского поэта всегда чутко воспринимало переживания всех народов России, сострадало им, откликалось на них. Сострадание не расслабляющее, а укрепляющее мужество – таким должно быть творчество современного поэта. Наиболее яркий пример мощи поэтического отклика на события последних лет строки М. Струковой:

Ночь. Вокзал. Пути и перегоны.
Снова Грозный в огненном венке.
С трупами забытые вагоны
Мертвенно застыли в тупике.
Во время солдат не опознали,
Не истает прах в родной стране,
Ищут их и письма, и медали,
Видят их родители во сне.
Бедные блуждающие души,
Мальчики, не помнящие зла,
Вечно бродят по воде и суше.
И темнеют мёрзлые тела...

«Нынешние две войны – афганская и чеченская – не менее, а иногда и более жестоки, чем та, закончившаяся майской победой 1945 г. – Написал в своей статье В. Гусев. - Но к мотивам жестокости и героизма примешивается некое особое горькое начало. Столь же трагическое, как и тогда, но горькое. Нынешние войны не несут в себе той цельности, что прошлая, Великая. Та была Отечественная. Вот Родина, вот враг. Вот захватчик – фашист, вот я, борец за Родину, за несомненно высокое и справедливое дело. Нынешние войны иные. Они идут иногда и на своей территории, и нередко – между своими: своими как таковыми и своими отчуждёнными, отринутыми... Или «Афган»: там афганцы – свои для своих, а мы?..»

Самая общая атмосфера современных «военных стихов» по В. Гусеву, иная, чем во «Вставай, страна огромная». Вот, например, проводы в армию Владимира Силкина в русской деревне:

Но матери плачут, кого-то кляня,
Отцы в одиночестве курят...
- Храни тебя Бог... Только, чтоб – не Чечня...
- Смотри, не погибни по дури!..

Всего поэтическую подборку в сборнике «Я ещё не вернулся с войны...» *Владимира Силкина* составили четыре стихотворения «Проводы в армию в русской деревне», «Жена», «На

Кавказ» и песня «Воюющий спецназ». В его стихах на первый план выходит трагическое начало («Жена»):

Нет письма соседке Таньке.
Трудно почте в наши дни.
Месяц носится на танке
Муж в селениях Чечни.
Были б дети, было б легче
В сотни раз на свете жить.
Говорят, разлука лечит.
Ну, а ей чего лечить?

Порой трагическое начало становится почти физической болью («Жена»):

Танька рада и не рада...
Вон, вернулись мужики –
Кто с осколком от снаряда,
Кто и вовсе без руки.
Целый день сидят у штаба,
Увольняются в запас,
И беременные бабы
С них, живых, не сводят глаз.
Танька рядышком присядет,
Чтоб послушать чью-то весть,
И живот украдкой гладит,
Будто впрямь там кто-то есть.

Словом, война – всегда война; но морально всё сложнее и напряжённей, чем было когда-либо даже в XX веке («Проводы в армию в русской деревне»):

Ещё рассвет, а птицы кричат,
Спросонок глаза продирают:
Красивых ребят у красивых девчат
России служить забирают.
Как в русско-японскую, как с немчурой...
Возможно, такой же порою,
Вернётся в деревню за дальней горой
Представленный к званью Героя.

И всё-таки героизм, мужество, военная собранность, выдержка – превыше всего («Воюющий спецназ»):

Ночь короткая в июле.
Ни патронов, ни гранат.
Ловят грудью в поле пули
Капитан и лейтенант.
Мы с войной играем в прядки,
Мы от пуль не прячем глаз.
Мы рабочие лошадки,
Мы воюющий спецназ.
Чистым полем, диким садом
Возвратимся в Тёплый стан.
- Лейтенант! Ты слышишь? Надо!
- Есть, товарищ капитан!

Немало и других поэтов растревожат сердца и совесть читателей поэтического сборника «Я ещё не вернулся с войны...». Как уже говорилось выше их опубликовано около сорока человек. Особенно мне понравились стихи М. Алексеевой, протоирея В. Бороздинова, Н. Бураковой, Ю. Гладкевич, О. Дубовой и других. Стихотворный сборник действительно получился о долге, чести и мужестве русского солдата.

В ноябре 2007 года традиционно вышел в свет одиннадцатый номер журнала «Наш современник», оплаченный Республикой Коми, с опубликованными в нём произведениями наших авторов. Интересную по силе авторского слова прозу в журнале представили *Александр Лобанов* (рассказ «Четыре точки»), *Мария Кузьмина* (отрывок из повести «Моя война») и некоторые другие.

Если блок прозы выглядит достаточно слабовато и несколько не соответствует, на мой взгляд, столичному уровню (А. Лобанов и М. Кузьмина – не в счет), то поэтический раздел настолько же разнообразен и талантливо профессионален. «Возглавила» его тоже традиционно поэтесса *Надежда Мирошниченко*. В её поэтическую подборку под общим названием «Русской доле присягаю...» вошли восемь стихотворений («Из голубого стакана земли...», «По улочке серебряной и узенькой...», «Ой вы, песни, ой вы, реки...», «Уроки французского», «Не дождётесь, не покаюсь...», «Марине», «Я

шла куда-то бесконечным полем...», «Пусть говорят, что это проза...»). Программным в подборке смотрится стихотворение «Не дождёте, не покаюсь...», посвящённое Василию Белову:

Не дождёте, не покаюсь,
Что люблю родную мать.
Ни стареть не собираюсь,
Ни Россию продавать.
А чтоб было интересней
Мне сражаться на веку,
Присягаю русской песне
Да Ивану-дураку...

Ухтинский литератор **Анатолий Паинев** представил в одиннадцатом номере журнала «Наш современник» поэтическую подборку «Как долго, как нежно, как странно...» из шести стихотворений. В неё вошли: «Спутники вечные, маги дорожные...», «Слышал и видел лишь сердцем одним...», «Возвращение», «Я жизнь почувствую острее...», «Звуки плывут и плывут...», «Посмотрим сегодня на ранний осенний закат...». Его лирика наполнена патриотизмом и любовью к родине «Звуки плывут и плывут...»:

Родина! Светлый покой.
Синяя тень на глаза.
Это не тронуть рукой,
С этим расстаться нельзя.
Долгим забудешься сном,
Горький почувствуешь дым,
Если склониться лицом
К древним одеждам твоим.
И проследить длинный путь,
Словно над бездной скользя.
Как это больно вдохнуть!
Выдохнуть это нельзя...

Четыре стихотворения («Вместе», «Предки», «Поворот», «Взлёт») составили поэтическую подборку «Самолёт, на Россию похожий...» в журнале сыктывкарца **Валерия Вьюхина**. В последние годы лирика этого поэта, на мой взгляд, стала отличаться резкой политической окрашенностью («Вместе»):

Выйду во поле – сквозит,
Тишина, как в яме.
Наш народ по горло сыт
Лживыми речами.
Опрокину рюмку в рот
С чёрствым бутербродом.
Наш народ бывает, пьёт –
Вот и я с народом.
Наш народ ещё поёт,
Но всё реже хором.
Всё равно такой народ
Не возьмёшь измором...

«Ветер памяти» - так назвал свою поэтическую подборку («Снежно-белая равнина...», «Эту женщину Бог предназначил не мне...», «Старая лошадь», «В Парме») народный поэт Республики Коми **Владимир Тимин**. Его стихи почти всегда посвящены любимым женщинам и любимой северной природе («Снежно-белая равнина...»):

Снежно-белая равнина –
Замороженный покой...
Скоро ль Вычегда, как сына,
Позовёт меня домой?
Там длинны под вечер песни,
Парма сказками полна,
Дремлет в холоде небесном
Круглоликая луна.
Там смиренная избушка –
Свет задумчивый в окне.
Мама, милая старушка,
Вспоминает обо мне...

Автор поэтического сборника «Осиновая осень» **Татьяна Канова** тоже выступила в журнале с поэтической подборкой «Имя на снегу» с четырьмя стихотворениями («Я выучу сама свои уроки...»,

«Мела метель угрюмая и злая...», «Неброский плат над сумеречным лесом...», «Сколько слёз унесла океану река...»). Проникновенные строки о природе выдают в ней деревенскую жительницу, знающую северный лес как свои пять пальцев («Неброский плат над сумеречным лесом...»):

А Божий свет ещё дрожит неверно,
Но в суете вечерней фонари
Уже зажгли. А там, в лесу, наверно,
В глубокий снег нырнули глухари,
И затаилась темень меж деревьев,
И снова входит ночь в свои права...
А за спиной моей дымит деревня,
Да и сама я вышла по дрова...

В рубрику журнала «Поэтическая мозаика» вошли стихи наших земляков Андрея Попова («Днём или, может, порою полночной...», «Душа опять глядит в одну беду...», «Хождение по водам»), Александра Суворова («Смеётся слякотник стылый...», «По сердцу нам роскошь слога...», «Деревенское»), Владимира Цивунина («Всё – проходит... Пора успокоиться...», «Дети растут. Фотографии стали цветными...», «Поздняя радость. Доверчивый свет...»), Игоря Вавилова («Картофель вырыли – в полях по горло воли...», «Текла Печора, лилась Двина...», «Хлётко хлопнула калитка...»), Алексея Иевлева («Из ничего создать вселенную...», «Есть город, чьё имя впервые...»), Владимира Подлuzского («Рубцов в Сочи», «Вновь молчаливо, холодно, и сыро...»).

Воркутинское городское литературное объединение «Сполохи» всегда выделялось в нашей республике на фоне остальных. За время его существования было издано четыре полновесных в твёрдой обложке поэтических сборника. Это: «Под Полярной звездой» (1958 г. – редактор-составитель Александр Клейн), «Сполохи» (1974 г. – редактор-составитель Валентин Гринер), «Под полуночным солнцем» (1994 г. – редактор-составитель Дмитрий Стахорский) и «Активированный день» (2004 г. – редакторы-составители Валерия Салтанова, Андрей Попов). И вот, наконец-то, в 2007 году вышел в свет в Кирове полновесный без малого пятисотстраничный фолиант: литературный альманах «Высокие широты». Начинается он стихами Аллы Зиминой (Ольга Григорьевна Олсуфьева) «Гимн старых воркутян»:

Пускай нам грустно от того,
Что многих с нами нет.
Споём, друзья, о тех, кого
Мы знали столько лет.
Одна судьба, одна беда
Связала крепко нас.
Забыть не сможем никогда
Той дружбы без прикрас.
Вернулись мы под мирный кров,
Но в сердце образ ваш.
Он был и жалок и суров,
Как северный пейзаж...

В этом сборнике представлены стихи, проза и драматургия авторов, волей или неволей творивших на воркутинской земле. Воркутинское литобъединение ведёт свою летопись от трагических времён ГУЛАГа. Цель этой книги – ещё раз отдать дань памяти всем, не только не согнувшимся под гнётом судьбы, но и сумевшим выстоять, благодаря врачующей силе Слова; а также показать целую плеяду замечательных авторов, состояться которым помогла стылая природа Заполярья. Как, например, известному в советское время прозаику и мемуаристу, работавшему в газете «Известия» и журнале «Новый мир», пять лет отсидевшему в Воркуте Николаю Смирнову, в книге опубликовано лишь одно его стихотворение «Спас»:

На пыльной полочке – засохнувшая верба.
Пахучий воск – сгоревших свеч слеза.
Нежней апрельского безоблачного неба
У Спаса благодушные глаза.
А на плечах – прозрачный шёлк хитона.
И прядь волос нежнейшим светит льном,
И перевита ласково икона
Поблёкнувшим ромашковым венком...

Книга вышла в свет в твёрдом переплёте в оригинальном оформлении художника Виталия Трошева. Её составителями выступили Марк Каганцов, Андрей Попов, Ольга Хмара и Дмитрий Сиротин. Произведения без малого ста авторов легли под обложку этого альманаха, структурно он разбит на три тематических раздела: «Моя муза была каторжанкой» (авторы: Моисей Тейф, Александр Клейн, Валентин Соколов, Василий Фирсов, Наталья Успенская, Борис Басков, Ринат Гизатулин, Виктор Савин, Лев Драновский, Сергей Малахов и другие), «Эта белая боль не пройдёт

никогда», (авторы: Вячеслав Кузнецов, Валентин Гринер, Альберт Бернштейн, Юрий Гринько, Дмитрий Стахорский, Владимир Ботовкин, Людмила Семигина, Валерия Салтанова, Николай Кузьмин Николай Герасимов, Анатолий Попов, Владимир Сумароков и другие), «На краю разлуки» (авторы: Андрей Попов, Марк Каганцов, Ольга Хмара, Вячеслав Ирин, Наталья Радостева, Дмитрий Широтин, Андрей Шабанов и другие). Завершает сборник перевод с коми из Ивана Куратова, сделанный Андреем Поповым «Лодка»:

Поднимаюсь по реке я,
Только медленно движенье,
Даже с места не сдвигаюсь,
Сносит быстрое течение.
Эту ель на берегу я,
Что приметил, вижу снова.
А гребу, гребу... Наверно,
Злая шутка водяного?..

Вот что написал о ней председатель совета северных городов Игорь Шпектор: «Вы держите в руках удивительную книгу, в которой собраны лучшие произведения воркутинских авторов разных лет. Они – гордость и совесть Воркуты, необыкновенно талантливые, прекрасно образованные, и одновременно, очень мужественные люди, искренне и беззаветно влюблённые в наш город. Для меня этот сборник – настоящее объяснение в любви беззащитной арктической природе, уникальному городу за Полярным кругом и его потрясающим жителям»... Как некий символ любви приведу в пример отрывок стихотворения известного скульптора Вениамина Смирнова, автора книг «Край сердца» и «Чукотка» («В Воркуте»):

Я люблю этот город ночной,
Тишину этих белых созвездий,
Распростёртыхверху надо мной,
И знакомых, и неизвестных.
Я в апрельскую белую ночь,
Отдыхая от всех снегопадов,
Выйду в город, окутанный сном,
Словно в давнюю белую радость...

«Число «семь», - написано в статье от составителей сборника, - стало знаковым в создании этой книги. Наступивший 2007-й мы соотнесли с российскими стихиями 1917-го и жестокими их последствиями в 1937-м. Нашей целью было не просто издание книги, а возвращение к жизни некоего духовного завещания, оставленного поэтами и прозаиками, кого бедой или радостью коснулась Воркута. Особенно сложной была работа над первым разделом книги – в гулаговские времена «вакансия поэта» многим стоила жизни. Время постаралось забыть их. Приходилось по крупницам собирать материал. Сколько имён заговорило из небытия! Слово по вековечной традиции идёт путём зерна – прорастает, рано или поздно». Как, например это произошло с Генриеттой Карловной Дерман, латышской революционеркой, первым директором Московского библиотечного института, погибшей в «Воркутлаге» в 1953 году, в альманахе напечатано её стихотворение «Никогда не стареть духом»:

Никогда
Не стареть духом,
Не становиться мелочным.
Что бы ни произошло,
Будь мужественным
И в беде
И в трудностях.
По-настоящему
Нравственный человек
Не поддаётся никаким
Обстоятельствам
И не даёт себя подавить.
(построчный перевод с латышского)

Наперекор всему для многих Воркута сумела стать родным домом. Самые разные люди обрели здесь свой поэтический голос, закалили талант. Литераторы, чьи судьбы связаны с нашим городом, давно живут за его пределами, в Сыктывкаре, в Москве, по всей России, да и по всей планете: на Украине, в Германии, во Франции, в Израиле, в США, в Новой Зеландии. Но притяжение Воркуты редко кого отпускает. Прочтя книгу, это сразу можно почувствовать. Самые теплые слова благодарности выражаем всем, принявшим живейшее участие в осуществлении этого проекта. Неоценимую помощь в составлении книги оказали: мэр города И.Л. Шпектор; воркутинский межрайонный краеведческий музей; центральная библиотека имени А.С. Пушкина; юношеская библиотека имени Ю.А. Гагарина; Е.А. Лисовая, познакомившая с творчеством репрессированных

украинских поэтов; Л.Н. Петрова, предоставившая материалы о своём деде, талантливом поэте М.Д. Байтальском; Р.А. Баранов, помогший разыскать лагерный цикл стихов М. Тейфа; М.И. Смирнов, оказавший содействие в поиске материалов о Г.И. Прейгерзоне; предоставившие много интересных материалов А.Е. Бернштейн; сыктывкарский краевед В.М. Полещиков; бывший воркутинiec А.А. Попов». Благодаря стараниям составителей в сборнике «Высокие широты» появилась, например, пронзительная подборка из пяти стихотворений патриарха русской коми литературы Александра Клейна («Санкюлот», «Так тихо. А мне, будто прежде...», «Пленные», «Ирония судьбы», «Чудо»). Стихи этого замечательного литератора всегда полны истинного трагизма, будь то его лирические воспоминания о чёрном времени, проведённом в сталинских лагерях или юности, опалённой войной («Так тихо. А мне, будто прежде...»):

Так тихо. А мне, будто прежде,
Здесь слышится выстрелов треск;
За этой дорогой проезжей
Дымится расстрелянный лес.
И потом и кровью солдата
Пропитана злая жара.
Да, всё это было когда-то,
А кажется – только вчера...

«И в жизни есть место подвигу...» - отметил в своей статье «Энциклопедия литературной Воркуты» литературовед А.А. Иевлев. Это когда-то изрядно избитая, а ныне порядком подзабытая истина неожиданно пришла мне на ум после прочтения потрясающей книги «Высокие широты», подготовленной к изданию литобъединением Воркуты. Её составители – Марк Каганцов, Андрей Попов, Ольга Хмара и Дмитрий Сиротин – действительно совершили невероятное: они фактически создали литературную энциклопедию заполярного города, широко известного своей лагерной и шахтёрской судьбой. И если о трагичной и героической планиде Северной Голгофы в последнее время пишут широко и разносторонне, то о её культурной жизни и истории известно гораздо меньше.

Начиная знакомство с книгой, я первоначально был настроен на более «узкую» тематику этого издания, которая заявлена и в его аннотации, и в предисловии. «Высокие широты» 2007-го года составители, по их замыслу, соотнесли с политическими стихиями 1917-го и жестокими последствиями 1937-го и поставили цель ещё раз отдать дань памяти всем, сумевшим выстоять в немыслимых условиях ГУЛАГа благодаря врачующей силе Слова. И эта задача ими выполнена в полной мере. Целая плеяда блестящих поэтов и прозаиков, творивших в сталинских застенках, представлена на страницах книги не только своими произведениями, но и биографическими сведениями, и фотографиями. И, слава Богу, что рукописи не горят и не теряются, благодаря усилиям всех, кто их создавал и оберегал! И не только проклятия мучителям, тюрьме и каторге звучат в строках невольников – там и Любовь, и Жизнь, и Надежда. И обрётённая, наконец, Свобода тоже по праву прописана в произведениях бывших узников». Вот как она звучит в стихах Игоря Михайлова:

Сады, дороги, улицы, дворы –
Всё - насыпное...
Всё – с рывком,
Всё – с бою
Щедры ли здесь природные дары?
Лишь топь, спрессованная мерзлотою!
Здесь миллион чудес.
Здесь - в мерзлоте –
И каждый дом, и каждый дворик – диво.
Но чуду Человека в Воркуте
Должны мы поклониться особливо...

Этой же самой Свободе патриарх русской литературы Республики Коми Александр Клейн посвятил следующие строки («Чудо»):

Иду – и не верю: один, без охраны?!
И радость, и нежность, и робость во мне,
И всё удивляет, и кажется странным,
Что номер не надо носить на спине.
Иду – и не верю, что с лагерных вышек
Зрачки автоматов за мной не следят,
Что я конвоиров не вижу, не слышу
Напоминание: «Руки – назад!»
Иду – и не верю, что долгие годы
Жестокой неволи расстались со мной,
Что выжил, что вышел... дождался свободы?!
...А руки привычно держу за спиной...

Далее в своей вступительной статье Игорь Шпектор пишет: «Особенность этого сборника ещё и в том, что он впервые представляет целую плеяду поэтов, чьи имена и творчество десятилетиями хранилось под грифом «совершенно секретно». Вы найдёте здесь трогательные и проникновенные стихи, авторы которых жили и творили в застенках Воркутлага. Публикуя произведения лагерных поэтов, мы выполняем свой гражданский долг, сохраняя и передавая будущим поколениям память о страшной трагедии сталинизма и о людях недюжинной силы духа. Их талант раскрылся, несмотря на страдания и лишения. И даже наш суровый северный край пробудил в их душах не ожесточение и злобу, а самые чистые, светлые и возвышенные чувства.

Воркутинских поэтов и писателей отличает необыкновенная доброта, необыкновенное чувство любви к городу, необыкновенный патриотизм, и вместе с тем, трогательное отношение к близким людям, любимым, детям. В их произведениях есть и тонка лирика, и неожиданная философия, и обаятельная непосредственность, и добрый, озорной, искромётный юмор, злободневный и нужный людям. Плеяда воркутинских литераторов, ушедших от нас и ныне живущих за пределами Воркуты и в Воркуте, - это талантливое особое племя настоящих Человеков! Уверен, вы получите огромное удовольствие и сделаете для себя массу приятных открытий...», прочитав литературный альманах «Высокие широты».

Григорий Литинский, сидевший в Воркуте, был одним из инициаторов создания при газете «Заполярье» литературного объединения. Он долгое время работал завлитом Воркутинского музыкально-драматического театра. В 50-е годы прошлого столетия заинтересовался судьбой коми народного поэта И.А. Куратова. Написал о нём пьесу «Уездный плен» (в постановке театра «Иван Куратов»). В альманахе «Широкие высоты» опубликована первая картина 3-го действия этой пьесы, обнаруженная В.М. Полещиковым в «Литературной странице» газеты «Красное знамя» в мае 1960 года.

«И Свобода – пишет далее в своей статье «Энциклопедия литературной Воркуты», - дитя Любви и Надежды – не могла остаться бесплодной. Поколения Воркуты послелагерной оказались не менее талантливыми. И в этом – главная удача книги: она показала всю историю литературной Воркуты с её истоками и её будущим. Именно в будущем есть понимание и даже, может быть, в какой-то мере прощение прошлого.

Не могу не подчеркнуть ещё раз особенность этой книги. Легко писать гимн своему городу, у которого есть великое прошлое и очевидное будущее. А у Воркуты на сегодняшний день будущее очень проблематично. Пока очевидно, что город пытаются свернуть до положения вахтового посёлка, обслуживающего интересы крупной металлургической компании в части снабжения её энергетическим сырьём. Дело дошло до того, что воркутинская молодёжь не видит перспектив проживания и работы в родном городе. А это – неизбежная смерть Воркуты. И противопоставить этой перспективе сегодня можно только одно – любовь воркутинцев к своей родине. И это не мало. Любовь, если она настоящая, может оказаться сильнее и экономических, и конъюнктурных соображений».

Прозу в сборнике «Высокие широты» опубликовали Михаил Байтальский (очерк «Памятник Сталину» - из книги воспоминаний «Тетради для внуков»), Леван Готуа (отрывок из документальной повести «В мире Важа Пшавела»), Цви Прейгерзон (рассказ «Иврит»), Генрих Альтшуллер (литературный псевдоним Генрих Альтов) (рассказ «Клиника «Сапсан»), Александр Клейн (очерки: «Что значит «Ахнуть по-женски», «Общественное мнение», «Шеф-повар «Континенталья»), Валентин Гринер (отрывок из повести «Сага о снежных евреях»), Дмитрий Стахорский (рассказ «Виктор Николаевич»), Эдуард Даныщиков (рассказ «Здравствуй, тундра!»), Людмила Семигина (рассказ «Бешеная»), Илья Левитин (очерк «О роли испражнений в истории, о том, как впервые блеснул разведчик Майнерцхаген, и о последних рыцарях на земле»), Анатолий Родионов (рассказ «Сказка»), Владимир Сумароков (повесть «Не только Париж...»), Марк Каганцов (рассказы «Индийский еврей», «Рыжковская пурга», «В пятницу») и Валентина Францишко (рассказ «Письмо десятое»).

А для читателей книги немаловажно и то, что она прекрасно оформлена – её просто интересно рассматривать как удачный пример дизайнерского и полиграфического искусства. Несомненно, что в этом главная заслуга художника издания Виталия Трошина». Хочется отметить просто огромную исследовательскую работу, проведённую составителями в написании литературно-биографических справок об авторах сборника «Высокие широты».

В заключение хочется сказать, что, на мой взгляд, Республика Коми – это один из самых сильных литературной традицией регионов России. В котором не только «писательский потенциал» не сидит, сложа руки, но и просто процветает издательское дело. Напомню, сегодня на моём рабочем столе лежали книги: трёхтомник прозы на русском языке народного писателя Республики Коми Геннадия Юшкова, роман, написанный в жанре иронического детектива, Бориса Тарбаева «Золото рыжих баронов», сборник очерков о северной природе «Остановись мгновенье!» Николая Терентьева, поэтические сборники Анатолия Вотякова «Я возвращаюсь...», Раисы Куклиной «Не спешите расставаться...», Вениамина Смирнова «Пора на крыло», Нины Обрезковой «Липа», Екатерины Соколовой «...И будет дом», Валерия Вьюхина «Родство», Нины Николаевой «Поток», Олега

Чупрова «Светлое небо над жизнью моей», Владимира Олофинского «...Страшное слово – потом...», историко-приключенческий роман Александра Парначёва «Клад Аввакума», литературные альманахи «Сыктывкар», «Прекрасная и чёрная работа», «У камелька», сборник стихов «Сон о небесах», дайджест «Первое и впервые», сборник стихов-песен для детей Николая Тюрнина (в соавторстве с Марком Новосёловым) «Под морозный перезвон», ноябрьский выпуск журнала «Наш современник», поэтический сборник о долге, чести и мужестве «Я ещё не вернулся с войны...» и книга воркутинских литераторов «Высокие широты».

Анализ указанных литературно-художественных изданий показал, что два основных литературных потока: проза и поэзия развиваются в республике быстрыми темпами. Немаловажную роль в региональном литературном процессе играют издаваемые в республике литературные альманахи. Именно они являют читателю современные произведения профессиональных и начинающих авторов. Оживилась работа и общественной писательской организации республики, что немаловажно для развития литературного процесса. Короче говоря, в республике всё делается для того, чтобы писатель писал, издатель издавал, а читатель читал настоящую качественную по современным меркам литературу.

СОДЕРЖАНИЕ

- Г. Нечаева. Писательское слово, доступное народу
 Н. Мирошниченко. Шумите сосны в своём бору... (стихи)
 В. Силкин. Русское поле (стихи)
 В. Гринер. Синдром отмены (повесть)
 А. Клейн. Два брата (авторизованный перевод из Гейне, стихи)
 М. Струкова. Молитва чеченки (стихи)
 А. Лобанов. Лето (рассказ)
 А. Иевлев. Ты читала стихи Верлена... (стихи)
 Н. Щукин. Лебеди (поэма)
 (перевод с коми А. Карпова)
 Ю. Ионов. Когда вся жизнь сошла на край... (стихи)
 А. Ельцова. Ночь уйдёт... (стихи)
 (перевод с коми В. Цивунина)
 А. Елфимова. Если руки рады встрече... (стихи)
 (перевод с коми А. Иевлева)
 Т. Ломбина. И был мне сон... (рассказ)
 И. Вавилов. Этническая музыка играет... (стихи)
 В. Цивунин. Такая гроза громыхает... (стихи)
 А. Суворов. В лесах судьбы ненастье... (стихи)
 В. Тимин. Звезда моя, звезда земная... (стихи)
 А. Ульянов. Круг за кругом (рассказ)
 В. Вьюхин. Взгляды (стихи)
 В. Подлузский. Окольцована светом и мистикой... (стихи)
 Н. Обрезкова. За этим словом... (стихи)
 А. Канев. Три «трёхсотых» у «Скалы» (отрывок из романа «Смерть ночного волка»)
 Беженцы (рассказ)
 А. Илларионов. Рябиновый воздух... (стихи)
 А. Иевлев. Золото рыжих баронов (рецензия)
 С. Журавлёв. Я видел в зеркале... (стихи)
 Т. Барышева. Я прощаю тебя (рассказ)
 Анд. Попов. О чём поёт гиперборей (стихи)
 А. Вотяков. Билет почти счастливый... (стихи)
 М. Герцман. Счастье с оттенком отчаяния (рецензия)
 Е. Горчаков. Колыбельная для солнца (стихи)
 В. Демидов. Моя обветренная сказка (стихи)
 О. Рочев. Родина (рассказ)
 Д. Безгодков. Андрейка и Остап (стихи)
 Анд. Попов. Ещё одно предупреждение (рецензия)
 А. Канев. Чегемские водопады (стихи)
 М. Кузьмина. Однажды приходит осень (отрывок из повести)
 Е. Суворов. Страстная пятница... (стихи)
 А. Иевлев. Первый руководитель комбината «Воркутауголь» (очерк)

- Н. Зонова. Однажды – это была зима... (стихи)
 Л. Чебыкина. Маленький принц (рассказ)
 Л. Ханаева. От зимы до зимы (стихи)
 Т. Асафьева. Этюд (стихи)
 И. Белых. Вкусный ячменный каравай (рассказ)
 (перевод с коми А. Иевлева)
 М. Прилуцкая. Я с Севером повенчана на веки... (стихи)
 Л. Махлаев. Таймырская Арктика (отрывок из документальной повести)
 Н. Николаева. В зимние россыпи... (стихи)
 Н. Юшкин. Не выдуманные истории (рассказы)
 Е. Филипченко. Покалеченное время (стихи)
 И. Худoley. Если все мы... (стихи)
 Р. Куклина. О фрагментах пьесы П.Г. Доронина об А.И. Куратове (статья)
 Н. Герасимов. Моим северным друзьям (стихи)
 М. Курочкин. Месть Авдотьи (стихи)
 Т. Курочкина. Кто мы такие? (стихи)
 И. Величко. Катится лето... (повесть в диалогах)
 А. Карпов. Тайная грусть (стихи)
 А. Вурдов. Среда обитания (рассказы)
 А. Скульская. Я опять брожу устало... (стихи)
 Н. Терентьев. Охотничьи рассказы (рассказы)
 В. Лычковский. Рыцарская баллада на вечную тему (стихи)
 А. Парначёв. Выстрел экстра класса (рассказ)
 В. Охапкин. Созерцание юдоли... (стихи, проза)
 В. Демидов. Колочие звёзды Адака (повесть)
 В. Олофинский. Зачем опять ты веришь буре... (стихи)
 Н. Сурков. Герой на все времена (очерк)
 Н. Доронин. Без отца (рассказ)
 Анат. Попов. "Освобождению не подлежит..." Ии личного дела №... на заключенного Савина В.А.
Литературное объединение Сыктывкарского госуниверситета
 Е. Кешплин. Мы – сон предутренний и вещей... (стихи)
 В. Устюгов. Обжитый дом причудливы черты... (стихи)
 М. Самарин. Мне прожить один лишь миг... (стихи)
 А. Татарина. Музыка (стихи)
 О. Скрябина. Полёт души не бывает... (стихи)
 Т. Ривчак. Серыми стали листья... (стихи)
Литературное объединение СВПУ № 1 им. Куратова «ЛИСТ»
 Н. Пундикова. Не хочу, не могу, не желаю прощаться (стихи)
 Н. Старцева. Сбережь (рассказ)
 Д. Чистоусова. Прекрасна осень золотая та... (стихи)
 А. Суворова. И вновь декабрь - последний месяц года... (стихи)
 Ж. Кизим. О звёздах (стихи)
 Л. Канева. Вечная дорога в никуда... (стихи)
 Ю. Кочанова. Не идеал (стихи)
 Л. Шлычкова. Топлёное солнце теплится лучами... (стихи)
 А. Беляева. Метель (стихи)
 А. Канев. Полемические заметки о стихах и прозе русских поэтов и писателей земли коми, вышедших в свет в 2007 году (статья)

Литературно-художественное издание

СЫКТЫВКАР
Литературный альманах

Составитель
Андрей Валерьевич Канев

Редактор А.В. Иевлев
Художественный редактор
Технический редактор
Корректор

КР № 0034 от 03.03.97

Подписано в печать _____, Формат 60x84 1/16
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл.-печ. Л. _____
Уч.-изд. Л. _____ Тираж 500 экз. Заказ № _____

Коми книжное издательство
167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229

Отпечатано в ООО «Типография «Полиграф-Сервис»
Г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36